

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В. Н. Малов

ФРАНЦИЯ В РОССИИ:

СУДЬБЫ
СТАРЫХ ДОКУМЕНТОВ
XVI – XVIII ВЕКОВ

Москва
Издательство «Весь Мир»
2019

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)
М 19

Содержание

Утверждено к печати Ученым советом
Института всеобщей истории РАН

Ответственный редактор
Доктор исторических наук *С.Я. Карп*

Рецензенты:
Доктор исторических наук *Б.С. Каганович*
Кандидат исторических наук *Л.А. Пименова*

Фотография из семейного архива Маловых. 31 декабря 2015 г.

В.Н. Малов
М19 **Франция в России: Судьбы старых документов XVI–XVIII веков.**
Институт всеобщей истории РАН. – М.: Издательство «Весь Мир»,
2019. – 304 с.

ISBN 978-5-7777-0764-2

Сборник статей известного российского историка Владимира Николаевича Малова (1938–2019) подводит итог его полувековой деятельности по выявлению и изучению французских документов раннего Нового времени, хранящихся в отечественных архивах, прежде всего – знаменитой московской «коллекции Ламуаньона». В книгу включены как уже известные, так и новые или прежде не издававшиеся в России статьи. Они расположены в хронологическом порядке их тематики, охватывающей XVI – XVIII века. Книга предназначена для историков, архивистов, а также всех читателей, интересующихся историей Франции и ее культурой.

УДК 94(44)
ББК 63.3 (4Фра)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0764-2

© Институт всеобщей истории РАН, 2019
© Издательство «Весь Мир», 2019

Памяти Владимира Николаевича Малова (<i>С.Я. Карп</i>)	4
Предисловие	7
Коллекция Ламуаньона: общее знакомство	10
Происхождение коллекции Ламуаньона	20
Дютье – Рибье – Ламуаньон: новое о коллекции Ламуаньона	48
Бумаги Флоримона Роберте в коллекции Ламуаньона	58
Новые письма кардинала Франсуа де Турнона (июнь–декабрь 1552 г.)	82
Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона	140
Алжир и Франция в XVI веке: новое о янычарском мятеже 1557 г.	174
Орлеанские грамоты в Москве	190
Новый источник: регистры дарений Карла IX	207
Франция и Португалия перед португальской революцией 1640 г. (документы из архива Ришелье)	217
Песня о проверке дворянства (1664 г.)	250
Письма Кольбера к Сегье из коллекции Дубровского	257
Месье Кольбер сердится... (его новый автограф)	274
Казанский сборник	281
Встреча с заблудившейся книгой: «Трактат о порохе» Ж.-Б. Дешьена де Рессона. Авторская рукопись 1719–1720 гг.	285
Confession	293
Избранная библиография работ В.Н. Малова	298
Список сокращений	303

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА МАЛОВА

24 января 2019 г. на восемьдесят первом году жизни скончался Владимир Николаевич Малов. Для Института всеобщей истории, в котором он проработал более полувека, и для коллег его уход стал большой утратой. В наше время академическая среда становится всё менее плотной, и исчезновение настоящего профессионала наносит науке невосполнимый ущерб.

Владимир Николаевич прошёл большую школу, и имена его учителей говорят о многом. В Московском университете он написал дипломную работу о социальных утопиях Фенелона под руководством Б.Ф. Поршнева, одного из самых ярких и оригинальных советских историков, а в аспирантуре Института истории АН СССР его научным руководителем была А.Д. Люблинская, крупнейший знаток западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, архивист и палеограф, работавшая в Ленинградском отделении Института. Оба они отличались невероятной широтой кругозора, причём история Франции XVII столетия оказалась тем полем, на котором их научные интересы пересекались. По своему темпераменту, стилю, профессиональному почерку эти историки были полной противоположностью — «Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...», однако Владимиру Николаевичу довелось учиться у обоих. Борис Фёдорович был человеком увлечённым и увлекающимся. Он заражал аудиторию энергией своего ума и воображения, страстью научного поиска. Он умел видеть проблему и блестяще формулировать её, а ставя вопросы, не имеющие готовых ответов, смело выдвигал самые неожиданные гипотезы. Александра Дмитриевна, продолжательница традиций старой петербургской школы, не разделяла склонность Поршнева к всеохватным схемам и рискованным обобщениям. Она привила Владимиру Никола-

евичу вкус к работе с рукописями, уважение к источнику, требовательность к логике аргументации, строгости доказательств. Кроме того, именно она была носителем тех специальных знаний, которые Владимир Николаевич так ценил и которые сумел приобрести, работая над кандидатской диссертацией о палеографии на материале отечественных собраний, прежде всего, коллекции П.П. Дубровского в Государственной публичной (ныне — Российской национальной) библиотеке в Ленинграде (1965 г., монография 1975 г.).

Владимир Николаевич упоминал в нескольких интервью о своём стремлении быть самим собой, не зависеть от учителей, видеть не только сильные, но и слабые их стороны, однако, даже отталкиваясь от них, он несомненно шёл по их стопам, и основная область его научных интересов обрела очертания под их влиянием — главные его труды посвящены Кольберу (докторская диссертация 1989 г., монография 1991 г.) и парламентской Фронде (монография 2009 г.). Его подход к этим темам отличался значительным своеобразием, отчасти связанным, по его собственному признанию, с работами Р. Мунье, — Владимира Николаевича все более интересовала не столько социально-экономическая, сколько административная история, взаимоотношения между абсолютистской бюрократией и французским обществом. Неугасающий интерес к Великому веку побудил его взять на себя тяжкий труд по редактированию перевода много-томных «Мемуаров» герцога Сен-Симона, выходящих в серии «Литературные памятники» с 2007 г.

Особое внимание Владимир Николаевич уделял выявлению и публикации неизвестных архивных источников. Будучи палеографом-латинистом, подготовленным специально для Москвы, он воспринимал эту работу как моральный долг, отдавая в то же время дань своему научному честолюбию: до него московскими собраниями западных рукописей мало кто занимался, и, изучая их, он с полным основанием мог ощущать себя первопроходцем. Главной его заслугой в этой области стало описание и изучение так называемой «коллекции Ламуаньона» (Российский государственный архив древних актов, фонд 81), разрабатывать которую начинала ещё А.Д. Люблинская. Речь идет о нескольких тысячах документов из ведомственного архива Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг., купленных во второй половине XVII в. Гийомом де Ламуаньоном, первым президентом Парижского парламента

в 1658–1677 гг. Эта коллекция хранилась в его семье до 1789 г., а ещё через два года была продана с аукциона. По всей вероятности, её приобрел тот же П.П. Дубровский, секретарь российского посольства в Париже, благодаря которому она и попала в нашу страну. Владимир Николаевич составил её полный каталог, первый выпуск которого, подготовленный совместно с И.С. Шарковой, увидел свет в 1997 г., а остальные ещё ждут своего часа.

Разумеется, описывая и публикуя неизвестные документы, Владимир Николаевич не ограничивался коллекцией Ламуаньона. Так, он подробно описал и ввёл в научный оборот часть архива видного деятеля французской Церкви времён Старого порядка и Первой империи Ж.Р. Буажелена де Кюсе, оказавшуюся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Он много работал в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, прекрасно знал хранящуюся там уникальную коллекцию автографов графа Г.В. Орлова, а также знаменитое собрание П.И. Щукина, в составе которого он обнаружил и описал комплекс орлеанских нотариальных и судебных актов XVI–XVIII вв. До сих пор, обращаясь к папкам с документами из фондов ОПИ ГИМ, читатели могут видеть на вложенных листах оставленные Владимиром Николаевичем пояснения, касающиеся их атрибуции или датировки. С благодарностью вспоминают о нём хранители Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, по просьбе которых он описал латинские и немецкие грамоты XV–XVI вв. Наконец, его отдельной заслугой стало выявление западных рукописей в провинциальных хранилищах – в Рязани, Ростове Великом, Ярославле, Иваново, Казани...

Владимир Николаевич готовил к печати сборник своих статей, который должен был подвести итог его пятидесятилетней деятельности по разысканию и публикации французских документов в России. Он сам отобрал для него все материалы, написал предисловие, но не успел довести замысел до воплощения. Издание этой книги – наш долг его памяти.

С. Я. Карп

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник статей призван подвести итог моей полувековой работы по выявлению и исследованию старых французских документов, появившихся в нашей стране в результате их рассеяния, связанного прежде всего с событиями смутного времени Великой французской революции – и с тем, что среди российской элиты было достаточно лиц, проявлявших интерес к их коллекционированию. Наиболее известным и осведомлённым из таких коллекционеров был секретарь российского посольства в Париже П.П. Дубровский, подаривший свою огромную коллекцию Императорской библиотеке в Санкт-Петербурге (ныне РНБ), где он стал хранителем отдела западных рукописей¹. С середины XIX в. об этой петербургской коллекции стало широко известно и французским исследователям.

Тот же П. П. Дубровский, по моему мнению, приобрел на аукционе 1791 г. большую «коллекцию Ламуаньона», а фактически большой фрагмент ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье. Это свое приобретение он при возвращении на родину подарил директору Императорской библиотеки А.С. Строганову (о чём см. ниже); ныне документы находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве.

Покупки происходили и после восстановления прерванных революцией франко-русских дипломатических отношений. Так, в 1809 г. случайным покупателем уникальной рукописи XVI в. стал побочный сын русского посла во Франции, бывшего вице-канцлера А.Б. Куракина, пребывавший тогда при отце в Париже барон А.Н. Сердобин. Он приобрел регистры королевских дарений времени Карла IX за 1564–1567 гг.; пройдя через

¹ См.: Воронова Т.П. П.П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги, архивы, автографы. М., 1973. С. 101–114.

частный архив Куракиных, они уже после русской революции оказались, в составе фонда Куракиных, в Отделе письменных источников Исторического музея в Москве (ОПИ ГИМ).

Пребывание во Франции победившей Наполеона русской армии, видимо, способствовало пополнению рукописного собрания созданной в 1811 г. указом Александра I библиотеки Главного штаба (правда, об истории её пополнения практически ничего не известно). Большой фонд этой библиотеки входит ныне в состав отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Среди документов фонда выделяются посвящённые специально военно-историческим сюжетам — и среди них подлинный сборник поданных в 1630-х гг. кардиналу Ришелье записок о способах ведения войны в Испании и Португалии. Здесь же — пять томов административной переписки Ж.Р. Буажелена (1732–1804; кардинала с 1802 г.), в 1770–1791 гг. архиепископа Экса и в этом качестве главы местной администрации Прованса: пример одного из фрагментов частных архивов, утраченных владельцами-эмигрантами.

И, конечно, есть немало французских рукописей, чья судьба остается почти или совершенно неизвестной: кто, когда и у кого приобрел старые документы, как они оказались в нынешнем месте хранения.

Много отдельных французских документов входит в состав больших коллекций автографов, — таких как хранящиеся в ОПИ ГИМ коллекции Г.В. Орлова и П.И. Щукина; в последней особенно замечателен комплекс орлеанских нотариальных и судебных актов XVI–XVIII вв., распродававшихся самим нуждавшимся в деньгах департаментским архивом в Орлеане в начале XIX в.; их исследование приобрело особое значение после гибели департаментского архива во время Второй мировой войны.

Читатель, наверное, обратил внимание на то, что выше говорилось преимущественно о французских документах, хранящихся в Москве. В старой императорской столице Петербурге их, конечно, несравненно больше — но они и гораздо лучше известны, тогда как московские акты ранее почти не изучались, и ввод их в научный оборот стал главной задачей для меня как палеографа-латиниста, специально для Москвы подготовленного.

Акты петербургского хранения (в РНБ) здесь представлены статьей-публикацией писем Ж.-Б. Кольбера, героя моей моно-

графии «Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество» (М., 1991).

Поиски в провинциальных хранилищах привели к помещению в сборник статьи о документах, хранящихся в Казани (библиотека Университета).

Несомненно, ни одна из европейских стран не может сравниться с Францией по количеству своих хранящихся в России старых документов — и это налагает на наших историков особую ответственность за их изучение и публикацию.

В этот сборник включены как уже известные, так и новые или прежде не издававшиеся в России статьи. Они расположены в хронологическом порядке их тематики, охватывающей историю Франции XVI–XVIII вв. Соответственно, на первом месте печатаются материалы, связанные с работой автора над московской «коллекцией Ламуаньона»; после общего описания этого фонда идут две статьи, посвящённые изучению истории коллекции, и исследовательские статьи, основанные на её материалах.

Ранее печатавшиеся тексты издаются по первым русским публикациям с устраняющими повторы сокращениями, но с дополнениями, появившимися в ходе дальнейшей работы (в частности, при публикации переводов ряда статей во Франции). Реплики, вызванные знакомством с более поздними работами других авторов, выделены курсивом.

КОЛЛЕКЦИЯ ЛАМУАНЬОНА: общее знакомство

Хранящийся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве фонд «Коллекция Ламуаньона» (РГАДА, ф. 81; далее – СЛ), содержащий свыше 8200 документов, представляет из себя очень большую часть ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье (Duthier). Один из четырех государственных секретарей, распределение дел между которыми было построено по географическому принципу, Дютье во время своего секретарства ведал «юго-восточным направлением»: перепиской с Лионом, Дофине, всей Италией и Турцией. Когда он умер (март 1560 г.), скопившиеся у него бумаги государственного значения остались в его семейном архиве (в замке Борегар близ Блуа). Такова была обычная ситуация для того времени, когда на министерском уровне ещё не существовало государственных архивов.

Не имевший законных сыновей Дютье не смог основать секретарскую династию. Замок Борегар вначале унаследовали в равных долях его сестра и сын-бастард; доля последнего была вскоре приобретена неким Симоном Тетю, финансистом из окружения Дютье. В 1566 г. весь замок был куплен наследником Дютье по должности государственного секретаря Флоримоном Роберте д'Аллои, старшим внуком знаменитого Флоримона Роберте, влиятельнейшего советника Карла VIII, Людовика XII и Франсиска I. Рано скончавшийся (в 1569 г.) Флоримон II также не имел законных детей, и Борегар перешел во владение его вдовы Жанны д'Алюэн, статс-дамы Екатерины Медичи, впоследствии вступившей во второй брак с Филиппом д'Анженном съёром дю Фаржи и оставившей замок своему сыну от этого брака Шарлю. Именно у него в 1617 г. купил Борегар выходец из выс-

ших слоев дворянства мантии Поль Ардьё (ум. в 1638 г.), которому мы обязаны прославившей замок портретной галереей.

С его сыном, президентом парижской Счетной палаты Полем II Ардьё, был тесно связан известный эрудит Гийом Рибье, главный судья бальяжа Блуа и президент Блуасского президиального суда. Очевидно, это знакомство способствовало приобретению Рибье очень большой части архива Дютье, которая легла в основу его двухтомной публикации, появившейся в свет в 1666 г., уже после смерти скончавшегося в 1663 г. публикатора¹.

Как установлено мною в результате каталогизации фонда и сличения текстов (см. ниже статью «Дютье–Рибье–Ламуаньон...»), коллекция РГАДА была приобретена первым президентом Парижского парламента в 1658–1677 г. Гийомом де Ламуаньоном в два приема, как две «серии» (видимо, до и после смерти Рибье) из тех груд документов, которые блуасский эрудит счёл «бесполезными» для своей публикации. Именно поэтому в СЛ отсутствует основная масса опубликованных Рибье писем (их тексты, посланные в типографию, бесследно исчезли после использования). Однако в грудку отбракованных материалов, естественно, могли попадать и «лишние» разновидности документов, предназначенных для публикации: копии, дубликаты и даже оригиналы. Рибье мог, например, счесть ненужным оригинал письма без дешифровки, оставив для типографа только эту сделанную на отдельном листе дешифровку; мог пренебречь не очень разборчивым оригиналом, сделав его транскрипцию или предпочтя ему легче читаемую копию. И, наконец, он мог отбросить оригинал сильно отредактированного им письма, из которого он вычеркивал нежелательные пассажи, сняв с него копию, соответствующую его правке. Таким образом, сохранившиеся в СЛ экземпляры общих документов могут дать представление о стиле работы Рибье как публикатора.

Коллекция, приобретённая Гийомом де Ламуаньоном, хранилась в его семействе до смерти в 1789 г. его правнука по старшей линии Кретъена-Франсуа де Ламуаньона (хранителя печатей в 1787–1788 гг.), после чего она в 1791 г. была продана с аукциона.

До 1929 г., когда коллекция была перевезена в Москву и включена в состав фондов совр. РГАДА, она хранилась

¹ Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier. T. I–II. Paris; Blois, 1666.

в Ленинграде в бывшей частной коллекции графов Строгановых, во дворце Строгановых на Невском проспекте. Этот факт породил по привычке повторяющуюся до последних дней легенду о том, что она была приобретена Павлом Александровичем Строгановым, воспитанником Жильбера Ромма и одним из «молодых друзей» Александра I. Основанная на исследовании архивных материалов работа А.В. Чудинова² не оставляет места для этого предположения: в 1791 г. П.А. Строганова уже не было во Франции; ни он, ни Ромм не интересовались тогда коллекционированием, и вообще ко времени проведения аукциона из российских подданных в Париже оставались только сотрудники посольства, прочие россияне получили приказ покинуть страну, заражённую революционными идеями. Из этого можно уверенно заключить, что лицом, купившим на аукционе 66 из 70 томов коллекции Ламуаньона, был все тот же секретарь русского посольства П.П. Дубровский, ставший обладателем и множества других уникальных французских рукописей.

Легко понять, как эти тома оказались в обладании Строгановых. Вернувшись в Петербург, Дубровский в 1805 г. передал свои приобретения в Императорскую библиотеку, выговорив для себя место хранителя её западных рукописей. Для него было естественно сделать особый подарок новому патрону Александру Сергеевичу Строганову (отцу Павла), бывшему тогда директором Императорской библиотеки. Новым приобретением Строгановы, очевидно, не интересовались, и никаких следов пребывания в их обладании тома СЛ не содержат.

Заслуга открытия коллекции Ламуаньона для мировой исторической науки принадлежит крупнейшему российскому историку и палеографу А.Д. Люблинской, опубликовавшей в 1963 г. сборник её документов за 1547–1548 гг.³

Публикацию предполагалось продолжить, был подготовлен (при соредакторстве А. Д. Люблинской и автора этих строк) сборник документов за май 1552 – январь 1553 г. (основной его темой было начало Сиенской войны 1552–1555 гг.). Однако обилие материалов не позволяло сопроводить текст публикуемых документов их русскими переводами (как было в томе 1963 г.), так что публикация типографским способом оказалась

² Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.

³ Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963.

невозможной; в 1985 г. этот сборник был в машинописном виде депонирован в библиотеке Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва)⁴. Некоторые его материалы (письма кардинала Турнона) были опубликованы мною во Франции⁵.

В моей статье 1976 г. было доказано происхождение СЛ из ведомственного фонда государственного секретаря Жана Дютье⁶. Впоследствии эта версия была уточнена в части, касающейся связи (первоначально отрицавшейся) между коллекцией Ламуаньона и собранием Гийома Рибье⁷.

Свидетельством возросшего во Франции интереса к московскому фонду стали длительные командировки в Москву таких известных французских учёных как проф. Мишель Антуан и Мари-Ноэль Бодуэн-Матюзек, которые использовали документы СЛ в своих статьях⁸.

Другие французские авторы (Ш. Самаран, Д. Кюизья) стали включать письма из СЛ в состав своих публикаций⁹. В настоящее время материалы коллекции были активно использованы при подготовке возобновившегося и завершённого многотомного издания корреспонденции кардинала Жана Дюбеллэ, опубликованного под эгидой Общества истории Франции группой

⁴ Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской и В.Н. Малова. М., 1985 (депонировано в ИНИОН. № 20448). См. ниже статью «Новые письма кардинала Франсуа де Турнона».

⁵ *Lettres inédites du cardinal François de Tournon (juin – décembre 1552)* / Publ. par V.N. Malov / Bibliothèque de l'École des chartes (далее – ВЕС). 1987. Т. 145. Livraison 1. P. 129–161.

⁶ Малов В.Н. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 55–69. Франц. перевод: Malov V.N. Les archives d'un secrétaire d'État de Henri II retrouvées à Moscou // ВЕС. 1977. Т. 135. Livraison 2. P. 313–339. [См. с. 20–47 наст. изд. – Прим. ред.]

⁷ Малов В.Н. Дютье – Рибье – Ламуаньон: новое о коллекции Ламуаньона // Археографический ежегодник 2001. М., 2002. С. 329–335. Франц. перевод: Malov V.N. Du nouveau sur l'histoire de la collection Lamoignon // ВЕС. 2000. Т. 158. Livraison 2. P. 557–563. [См. с. 48–57 наст. изд. – Прим. ред.]

⁸ Antoine M. Institutions françaises en Italie sous le règne de Henri II: gouverneurs et intendants (1547–1559) // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age. Temps modernes*. 1982. Т. 94. N. 2. P. 759–818; Baudouin-Matuszek M.-N., Ouvarov P. Banque et pouvoir au XVIe siècle: la surintendance des finances d'Albisse del Bene // ВЕС. 1991. Т. 149. Livraison 2. P. 249–291.

⁹ *Lettres inédites du cardinal Georges d'Armagnac (1555)* / Publ. par Ch. Samaran // ВЕС. 1982. Т. 140. Livraison 1. P. 35–60; *Lettres du cardinal Charles de Lorraine (1524–1574)* / Éd. par D. Cuisiat. Genève, 1998.

ученых Невшательского университета (Швейцария)¹⁰: в СЛ имеется 217 писем кардинала и 9 писем ему адресованных.

Ощущалась необходимость публикации полного каталога документов СЛ, и архив РГАДА попытался своими силами осуществить этот проект. В 1997 г. вышел в свет первый выпуск каталога¹¹, где были описаны первые 16 из 66 томов СЛ.

Предполагалось, что все издание будет состоять из четырех выпусков. Однако финансовые затруднения архива не позволили и до сих пор не позволяют продолжить опубликование полностью подготовленной описи.

* * *

Хотя почти 99% документов СЛ имеют датировку между 1 апреля 1547 г. (днем, когда только что вступивший на престол Генрих II назначил государственным секретарём Жана Дютье, протеже своего фаворита коннетабля Монморанси) и январем 1560 г. (началом предсмертной болезни Дютье), – все же коллекция содержит 95 более ранних документов (группа «Anteriora») и 17 более поздних (группа «Posteriora»).

Группа «Posteriora», почти сплошь состоящая из копий документов как общеполитического, так и частного характера (которые могут быть важны для истории фонда Дютье), была мною подробно охарактеризована в первой статье по истории коллекции; самый поздний из её датированных документов (т. 6, л. 237–238об) относится к февралю 1623 г.¹²

Документы группы «Anteriora» заслуживают особого внимания. Исключив из рассмотрения 8 документов, представленных копиями XVII в., мы получим следующую картину четырёх подгрупп, на которые она подразделяется.

До 1538 г.	20 док.
1538–1541 гг.	32 док.
1541–1546 гг.	15 док.
Декабрь 1546 г. – март 1547 г.	20 док.
Итого	87 док.

Только первая подгруппа не имеет отношения к деятельности Дютье. Её самый старый документ (т. 8, л. 41) датируется мною февралем 1500 г., но в основном она содержит документы 1520-х гг., касающиеся итальянской политики Франции. Оригиналы двух писем 1519–1521 гг. от французских полководцев Лотрека и Бонниве (т. 2, л. 1–1об.; т. 5, л. 18–19) адресованы уже упомянутому министру Флоримону I Роберте; есть основания сделать вывод, что в составе СЛ хранится фрагмент части его архива, приобретённой Рибье у наследников министра¹³.

Вторая подгруппа связана с деятельностью Дютье в качестве личного секретаря коннетабля Монморанси, каким он стал около 1537 г.; как секретарь коннетабля, исполнявшего тогда функции первого министра, Дютье имел дело с поступающей на имя патрона корреспонденцией государственного значения. Итальянским делам посвящено около половины документов этой подгруппы, но есть и иные, по немецкой и английской тематике.

Третья подгруппа, видимо, отражает работу, которую вёл Дютье в королевской канцелярии (он имел должность королевского секретаря с 1536 г.) после опалы Монморанси в 1541 г. Почти все эти документы однотипны (договоры о найме немецких наемников). Один из документов 1546 г. (т. 3, л. 155–156) является записью Дютье с его собственноручной припиской и подписью о выдаче по распоряжению канцлера заинтересованным лицам некоего акта королевской канцелярии.

Наконец, четвертая подгруппа включает документы, которые Дютье, вступая на должность государственного секретаря, унаследовал от своего предшественника (им был Жильбер Байяр), в чью компетенцию входило, очевидно, ведение переписки как с Италией и Левантом, так и с Германией (около половины документов посвящено войне Карла V со Шмалькальденской лигой).

Как видим, явное большинство документов группы «Anteriora» также связано с биографией Дютье, который хранил

¹³ См. ниже статью «Бумаги Флоримона Роберте в коллекции Ламуаньона». – Прим. ред.

¹⁰ Correspondance du cardinal Jean du Bellay / Publ. par R. Scheurer e. a. T. IV: 1547–1548. Paris, 2011; T. V: 1549–1550. Paris, 2012; T. VI: 1550–1555. Paris, 2015; T. VII: 1555–1559. Paris, 2017.

¹¹ Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.). Опись документов. Вып. I. М., 1997.

¹² Малов В.Н. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона. С. 66–67. Самый поздний из документов – копия буллы Григория XV «Inscrutabili» от 5 февраля 1623 г. – здесь ошибочно датирован 1622 г., в соответствии с проставленной в нём датой; при этом не было учтено, что при Григории XV буллы датировались по стилю начала года с 25 марта.

в своем архиве и бумаги, предшествовавшие его назначению государственным секретарем.

Наша коллекция могла бы иметь гораздо больше таких документов (ведь основанная на фонде Дютье публикация Рибье состоит из двух томов, первый из которых целиком посвящен времени Франсиска I и в основном заполнен бумагами 1537–1540 гг.).

Однако ещё в XVIII в. исчезла принадлежавшая некогда Ламуаньону целая серия документов этого времени¹⁴, а Дубровскому на аукционе 1791 г. не достались ранние по времени тома продававшейся коллекции (в СЛ отсутствуют тома 1–3 по старой нумерации).

Что касается географических аномалий в основной части коллекции, когда мы сталкиваемся с документами, не относящимися к компетенции («департаменту») Дютье, то их появление, видимо, как правило, объясняется деталями биографии государственного секретаря. Например, известно, что в апреле 1552 г., во время лотарингско-эльзасской военной экспедиции Генриха II, Дютье был оставлен для ведения текущей административной переписки при королеве Екатерине Медичи, исполнявшей в отсутствие короля функции регентши, – и действительно, для мая – июня 1552 г. в СЛ имеется немало документов, прибывших из самых разных провинций и с театра военных действий во Франции. В июне 1552 г. Дютье присоединился ко двору короля, и эта аномалия исчезает.

Государственные секретари работали попарно, подменяя друг друга, когда один из них болел или находился в отпуске. Напарником Дютье был Ком Клосс де Маршомон, который ведал перепиской с Провансом (но переписка по делам стоявшего в портах Прованса военного флота всегда входила в компетенцию Дютье), Лангедоком, Гиенью, Бретанью, Испанией и Португалией. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется тот факт, что в СЛ встречаются документы из «зоны» Клосса, когда последний не работал (например, в июле – августе 1556 г., а также в августе – октябре 1558 г., во время его предсмертной болезни), и лакуны примерно месячной продолжительности, когда не работал Дютье (сентябрь 1552 г., ноябрь – декабрь 1558 г.).

Коллекция Ламуаньона состоит из двух серий, тома которых в современной нумерации перемешаны, хотя они имеют очень

четкие и многочисленные различия археографического характера. Отличающиеся своей спецификой тома 1–8 принадлежат к одной из серий (серия А), оформленной с большей старательностью (переплетчик не жалел чистых листов на прокладки между переплетом и документами, все документы поставлены на фальцы и все они пронумерованы, что позволяет выявить сделанные в XVIII в. изъятия).

Томы 9–66 составляют основную часть коллекции – размещённые в хронологическом порядке оригиналы входящей корреспонденции, перемешанные между двумя параллельными сериями.

Основными получателями входящих бумаг были: король, Монморанси как первый министр, руководивший работой всех государственных секретарей, наконец сам Жан Дютье. Когда Монморанси был взят в плен после разгрома его армии испанцами при Сен-Кантене 10 августа 1557 г., правительство возглавили братья Гизы: герцог Франсуа Гиз и кардинал Шарль Лотарингский. Вплоть до возвращения коннетабля из плена в декабре 1558 г. письма, адресованные Гизам, сменяют в СЛ бумаги, посылавшиеся ранее Монморанси. То же самое произошло в июле 1559 г. когда сразу после смерти Генриха II коннетабль получил отставку. Письма, адресованные иным лицам, представлены экземплярами, присланными ими в центр для ознакомления. Имеется также ряд писем иностранного происхождения, которыми обменивались между собой военные и администраторы имперско-испанской стороны и которые были перехвачены французами.

Свои сложности – и немалые – были связаны с проверкой даты даже тех писем, где она проставлена. Дело в том, что французы и итальянцы пользовались в то время разным стилем начала года: у французов год официально начинался с Пасхи, итальянцы же, как правило, начинали год с 1 января. Но было бы ошибкой применять это правило механически, ибо мы имеем дело со смешанной культурной средой. Если, например, служивший Франции итальянец кардинал Феррарский Ипполито д'Эсте в письмах к французскому двору пользовался стилем Пасхи, то, напротив, некоторые французские дипломаты подчас сбиваются и начинают новый год по-итальянски, с 1 января. Поэтому датировка всех документов СЛ, относящихся ко времени между 1 января и Пасхой, была проверена мною по содержанию. Эта первая, по необходимости беглая проверка

¹⁴ Малов В.Н. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона. С. 61.

не всегда была достаточна для решения вопроса, особенно если тексты трактовали о слишком частных сюжетах, и оставшиеся сомнения отмечены в описании.

Особая ситуация неуверенности возникала из-за того, что Пасха является переходящим праздником, а значит, годы были неравными, и в одном году одни и те же числа могли встречаться дважды, в его начале и в его конце. Например, поскольку в 1548 г. Пасха была 1 апреля, а в 1549 г. – 21 апреля, то все документы, датированные между этими числами 1548 годом, могут быть с равным основанием отнесены и к 1548 г., и к 1549 г. Такая же ситуация существует и для бумаг, датированных между 29 марта и 17 апреля «1551 г.», 25 марта и 14 апреля «1554 г.», 5 и 18 апреля «1556 г.». Иногда сами авторы чувствовали потребность в уточнении, и тогда в датировке появлялись указания «до Пасхи» или «после Пасхи», но чаще всего они забывали об интересах будущих историков.

Вторым после французского языком коллекции является итальянский, на котором, по приблизительной оценке, написано 15–20% документов. Кроме того, имеются отдельные документы, написанные на латинском и испанском языках.

Вопреки записи XVII в. (т. 8, л. 40), ни в этом томе, ни вообще в СЛ нет писем турецкого султана, написанных по-турецки. Правда, обращает на себя внимание то интригующее обстоятельство, что сразу после этой записи в т. 8 имеется лакуна в 10 документов. Действительно, подобные экзотические раритеты вполне могли быть изъяты из тома перед аукционом 1791 г. для продажи их в розницу. Сейчас в СЛ письма султана и турецких вельмож (собственную переписку с французским двором вели великий везир и замещавший его каймакам-паша) представлены только их переводами – в основном на итальянский язык, в то время первый международный язык Средиземноморья. Это могут быть как официальные переводы турецкой стороны, изготовлявшиеся первым драгоманом Порты и посылавшиеся вместе с оригиналами (французские послы нередко выражали недовольство их качеством), так и переводы, сделанные драгоманами французского посольства. Потребовались бы специальные изыскания, чтобы отличить одни от других.

По моим подсчетам, в СЛ есть около 150 писем, полностью или частично зашифрованных, дешифровка которых у нас отсутствует. К счастью, за исключением единичных случаев, шифры

сравнительно легко реконструируются благодаря их образцам в других письмах, для которых дешифровка сохранилась.

Коллекционеры XVII в. давали друг другу снимать копии со своих документов. Немало копий с ламуаньоновских документов было снято известным коллекционером Роже Геньером (Gaignières) (1642–1715); сейчас они находятся в составе его собрания в парижской Национальной библиотеке. Профессор М. Антуан любезно сообщил мне список 148 копий из фонда Геньера, имеющих отсылки на конкретные тома коллекции Ламуаньона. При проверке почти во всех случаях в данных томах обнаружены оригиналы этих документов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ЛАМУАНЬОНА*

Хранящиеся в ЦГАДА** 66 томов французских и итальянских документов, датированных в основном 1547–1559 гг. и принадлежавших в конце XVII в. к коллекции первого президента Парижского парламента Гийома де Ламуаньона, уже привлекли к себе большое внимание советского и зарубежного читателя. В 1963 г. был опубликован первый том документов из этой коллекции¹; во введении к нему, написанном А.Д. Люблинской, была впервые дана научная характеристика собрания и высказаны предварительные соображения о его происхождении. С тех пор в результате дальнейшей работы над фондом наши знания о коллекции сильно расширились (например, после точных подсчетов стало известно, что в ней более 8200 документов — почти в два раза больше предполагавшегося), а главные стали отчетливо видны её особенности, позволяющие по-новому осветить историю коллекции. Но изложим прежде первоначальную концепцию.

Уже при первом ознакомлении с коллекцией бросается в глаза, что подавляющее большинство её документов адресовано двум лицам — французскому королю Генриху II и его первому министру коннетаблю Анну де Монморанси. Отсюда, естественно, возникло мнение, связывавшее происхождение коллекции Ламуаньона с личным фондом коннетабля (куда, конечно, попадали и бумаги, адресованные его госуда-

рю), оставшимся во владении его наследников. История семьи Монморанси, казалось, подтверждала эту гипотезу. В 1632 г. внук коннетабля Анри де Монморанси был казнен за участие в восстании против кардинала Ришелье. На все имущество мятежника был наложен секвестр, и лишь в 1643 г. главная резиденция рода — замок Шантийи — была передана зятю казнённого принцу Конде. Разумеется, за это время старинные документы из родового архива могли разойтись по рукам, тем более что среди ведавших осуществлением секвестра судебных было много любителей-коллекционеров. Большая часть фонда волею судеб оказалась доступна известному публикатору XVII в. Гийому Рибье, опубликовавшему некоторые документы в своём двухтомном труде². Затем эта часть фонда была, очевидно, приобретена Ламуаньоном, хранилась у его потомков до 1789 г., а в 1791 г. была, как предполагалось, почти вся куплена с аукциона в Париже графом П.А. Строгановым и передана в 1929 г. в Государственный архив в составе фонда Строгановых.

То обстоятельство, что коллекция Ламуаньона открывается (в части её массовой документации) бумагами первых дней правления Генриха II, когда Монморанси был призван к власти, и обрывается на первых месяцах правления Франциска II, когда коннетабль получил отставку, тоже как будто подкрепляло гипотезу о происхождении коллекции из его архива.

Конечно, обращала на себя внимание необычайно четкая специализация коллекции — в неё входят практически только документы, посвящённые итальянской политике Франции и таким тесно связанным с ней вопросам, как франко-турецкие отношения и финансовые расчеты с обосновавшимися в Лионе флорентийскими банкирами. Практически отсутствуют документы, пришедшие из других стран, хотя Монморанси, безусловно, получал бумаги и из Германии, и из Англии, и из Шотландии. Но этот факт можно было объяснить тем, что личный архив коннетабля хранился в образцовом порядке и что в руки Ламуаньона попала как раз его «итальянская» часть.

Гораздо труднее ответить на вопрос, каким образом в коллекцию вошло значительное число документов, которые никак не могли находиться в личном фонде Монморанси.

² *Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier. T. I–II. Paris; Blois, 1666.*

* Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 55–69; *Les archives d'un secrétaire d'État de Henri II retrouvées à Moscou // ВЕС. 1977. Т. 135. Livraison 2. P. 313–339.*

** Ныне — РГАДА. В тексте статьи сохраняется прежнее название архива, использовавшееся в её первой публикации. — *Прим. ред.*

¹ *Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963.*

10 августа 1557 г. французская армия была разгромлена испанцами у Сен-Кантена. Коннетабль Монморанси был взят в плен и вернулся во Францию лишь после заключения перемирия в конце 1558 г. Казалось бы, в коллекции Ламуаньона должна была образоваться лакуна. Но её нет. Никакого сокращения корреспонденции после Сен-Кантена не отмечается, документов 1557–1558 гг. очень много, и сохраняется та же четкая «итальянская» специализация, но только письма, адресованные коннетаблю, сменились письмами, адресованными его соперникам Гизам (герцогу Франсуа и его брату кардиналу Лотарингскому), взявшим в это время в свои руки ведение текущей политики; сменились настолько полно, что если бы до нас дошла только часть коллекции Ламуаньона именно за эти годы, мы с той же уверенностью вывели бы её происхождение из личного фонда Гизов. А между тем письма, направленные к Гизам до Сен-Кантена, хотя и встречаются в нашем собрании, но в очень ограниченном количестве.

Обращает на себя внимание и тот факт, что коллекция обрывается не сразу после отставки Монморанси в июле 1559 г. — и снова то же явление: сохраняется специализация, но письма к коннетаблю сменяются письмами к Гизам.

Когда же бумаги из фонда Монморанси успели так органично переплестись с бумагами Гизов, если до 1632 г. брачные союзы между этими фамилиями не заключались?

Возникла гипотеза о том, что Ламуаньон или его потомки могли приобрести часть своих документов через посредство известного коллекционера Роже Геньера (1644–1715) или на аукционе, устроенном после его смерти³. Про Геньера известно, что он был своим человеком в доме Гизов. Таким образом, глубокое тематическое единство коллекции объяснялось целенаправленностью замысла коллекционера. Но тогда следовало признать, что формирование её состава в теперешнем виде было делом очень длительным, тем более что в момент смерти основателя коллекции Гийома де Ламуаньона (1677) Геньеру было всего 33 года и до аукциона оставалось ждать ещё 38 лет. Перейдем к проверке этой гипотезы.

Начнем с важнейшего факта, установленного А.Д. Люблинской. Тома коллекции Ламуаньона делятся на две серии. Они

³ Документы по истории гражданских войн во Франции 1561–1563 / Под ред. А.Д. Люблинской. М.: Л., 1962. С. 4–5.

аналогичны по характеру документов и хронологическому охвату⁴. А.Д. Люблинская первая отметила критерий различия между ними: тома одной серии имеют дополнительную нумерацию римскими цифрами, тома другой — нет.

Упомянутая нумерация стоит на наклейках поверх корешка переплета, и до тома XXIV (в томе: XXIII) ей соответствует такая же нумерация в надписи на титульном листе. Далее до тома XXXIV продолжается нумерация римскими цифрами на наклейках корешка, но на титуле нумератор переходит на арабские цифры. Наконец, далее нумерация на наклейках прекращается (ее сменяют тематические надписи), тогда как на титульном листе нумератор продолжает свою работу арабскими цифрами и доходит до тома 41. Во всех остальных томах коллекции Ламуаньона подобных надписей на титуле нет. Отсюда видно, что тома 35–41 по нумерации титула (ЦГАДА, т. 1–8), которые А.Д. Люблинская, следуя за нумерацией аукционного каталога Мериго 1791 г., выделила из обеих серий, также относятся к первой серии (назовем её серией А, а другую — серией В). Таким образом, коллекция Ламуаньона делится на две серии без остатка.

Перечислю все установленные различия между двумя сериями.

1. Как уже сказано, серия А имеет надписи на первом листе типа «Lettres originales. Depuis le 1 octobre 1548 jusques le 20 avril suivant avant Pasques. Vol. VI»; все они сделаны одним почерком. В серии В таких надписей нет.
2. В серии А на корешке переплета имеются наклейки с надписями «Lettres originales» и нумерацией римскими цифрами, а затем с тематическими надписями. В серии В наклеек с нумерацией нет, и в первых томах этой серии нумерация на корешке вообще отсутствует, а потом она появляется и дается тиснением прямо на коже корешка переплета, причём имеет совершенно особый характер: три тома 1553 г. пронумерованы римскими цифрами от I до III, далее, с переходом к томам 1554 г. нумерация возобновляется (также от I до III) и т. д., причём год нигде не указан. По соотношению этих цифр с узорами корешка видно, что нумерация была сделана уже после изготовления переплета.
3. Все тома серии А имеют внутреннюю нумерацию документов. Она дается на нижнем поле первой страницы докумен-

⁴ Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. С. 14.

та «капитальными» буквами и цифрами в таком порядке: АВ...YZ А2В2...Z2А3 и т.д.⁵ В серии В никакой нумерации по документам нет.

4. Важнейшее отличие состоит в способе брошюрования. В серии А документы поставлены на фальцы (прикреплены к переплету с помощью тонких бумажных листов). Способ брошюрования в серии В грубый, фальцев нет и к переплету пришиты непосредственно сами документы.
5. Во всех томах коллекции документы отделены от переплета пюрами (чистыми предохранительными листами). При этом в серии А таких листов очень много (зачастую 15–20 и более между документами и доской переплета). Напротив, переплетчик серии В расходовал бумагу крайне экономно, ограничиваясь, как правило, 3–4 листами в начале и в конце тома.
6. Судя по водяным знакам, чистые листы обеих серий были изготовлены в основном во Франции в XVII в. Необходимо отметить, что в каждой серии имеется свой особый набор филигранных. Водяных знаков, общих для обеих серий, нет, хотя внутри серий филигранные повторяются неоднократно (всего 5 видов бумажных форм в серии А и 9 в серии В).
7. Переплет обеих серий одинаков по формату, материалу, размерам и расположению герба Ламуаньона и его владельческих монограмм. Однако серии А и В отличаются друг от друга по рисунку виньеток и количеству валиков на корешке переплета (5 в серии А и 6 в серии В).

Эти различия наблюдаются во всех томах коллекции без исключений⁶.

Когда же появились эти различия и когда сложились сами серии? Ответ на этот вопрос может дать анализ старых библиотечных шифров, метод выделения в них разных хронологи-

⁵ Лакуны в нумерации соответствуют изъятым документам, о чём говорят и следы выдинок. Как правило, их немного, но, например, из т. 52 было изъято 15 документов, а из т. 66–47 (было 184, осталось 137). Можно предположить, что эти изъятия были сделаны при продаже коллекции в 1791 г. с аукциона с целью продажи некоторых документов в розницу.

⁶ Есть только одна деталь, объединяющая тома серии В с последними (начиная с т. 34 по старой нумерации) томами серии А: в них имеется помета на первом листе в виде буквы «W». Конечно, это не может перевесить все перечисленные различия и поставить под сомнение распределение томов по сериям. Возможное объяснение пометы см. ниже, прим. 12.

ческих слоев. Результаты моей работы резюмирую следующей таблицей:

Серия А	Серия В
I слой (самый старый)	
Узкие наклейки на форзаце: «Bibl. Lamonia»	Узкие наклейки на форзаце: «Bibl. Lamonia»
Серийный номер на форзаце: 2.93	Серийный номер на форзаце: 2.94
II слой	
Широкие наклейки на форзаце: «Bibliotheca Lamonia»	Широкие наклейки на форзаце: «Bibliotheca Lamonia»
Нумерация на них по томам от Q 188 до Q 230	Нумерация на них по томам от Q 231 до Q 259
Карандашные пометы на форзаце от 1 до 41	Карандашные пометы на форзаце от 42 до 73
Надписи на титуле с нумерацией от 1 до 41	На титуле нумерации нет
III слой	
Нумерация по томам на титуле от 146 до 188	Нумерация по томам на титуле от 189 до 217
IV слой	
Нумерация по томам на титуле от 167 до 209	Нумерация по томам на титуле от 210 до 238
Каталог Мериго 1791 г.⁷	
№ 231–238	№ 239–240

Современная нумерация ЦГАДА

Томы 9, 11–13, 15, 18–21, 17, 23–26, 22, 29, 31, 27, 35, 33; Томы 10, 14, 16, 30, 32, 28, 36, 37, 34, 39, 41–43, 46, 48, 40, 38, 44, 52, 50, 59, 61, 56, 66, 2, 5, 7, 4, 8, 3, 1, 6, 49, 45, 47, 51, 53 – 55, 58, 60, 62, 57, 64, 65, 63.

Мы видим, что традиция обособленности и в то же время непосредственного примыкания друг к другу двух серий была исконной и соблюдалась вплоть до каталога Мериго включительно⁸.

⁷ Каталог Мериго, по словам его издателя, был перепечатан без изменений с ламуаньоновского каталога 1770 г., изданного в очень небольшом количестве экземпляров.

⁸ Читатель легко заметит несоответствия в количестве томов между нумерациями разных слоев. Я не буду входить здесь в детали, исправляя механические и арифметические ошибки нумераторов.

Попытаемся примерно установить абсолютную хронологию старых слоев. Оставив в стороне более поздние III и IV слои из-за невозможности их датировать, обратимся сразу ко II слою. Объясню сначала, почему его элементы объединены мною в единую синхронную группу.

Синхронность надписей на первом листе серии А (тех самых, о которых я уже упоминал выше, когда описывал различия между сериями) и широких наклеек на форзаце с проставленной на них нумерацией доказывается сопоставлением двух фактов. Во-первых, в современном томе 38 (т. 26 серии А) чернильный отпечаток от надписи на титуле, оставшийся на форзаце, частично находится под широкой наклейкой. С другой стороны, в томе 33 (т. XXIV серии А) первый лист с надписью случайно оказался приклеенным к форзацу, так что и надпись, и библиотечная наклейка с нумерацией были заклеены. Увидев это, автор надписи повторил её на втором листе, превратившемся отныне в титульный. Итак, поскольку в т. 38 надпись была сделана раньше наклейки, а в т. 33 продублирована тем же почерком позже её, остается вывод, что работа над надписями и наклейками производилась в одно и то же время.

Карандашные пометы на форзаце, совпадающие с нумерацией серии А, естественно, сделаны в одно время с ними. Они постоянно закрываются наклейками и никогда не заходят на них. Эти пометы проставлены для человека, приклеивавшего наклейки и нумеровавшего тома путем прибавления номера пометы к определённому заданному числу (Q 187). То, что номера помет серии В являются непосредственным продолжением номеров помет серии А, доказывает, что работа над обеими сериями велась одновременно.

Следовательно, можно использовать палеографический анализ почерка надписей серии А для датировки II слоя. Эти надписи выполнены «итальянской бастардой», почерк относится ко второй половине XVII в., о чём свидетельствуют и постоянное употребление двухчастного «е», и полное отсутствие различия звуков «и» и «v», и в особенности частота употребления двухчастного «с», да ещё в очень архаичной форме, тогда как из обычного курсива, а тем более из почерков, ориентированных на нормы «бастарды», двухчастное «с» исчезает уже к началу XVIII в.⁹

⁹ Малов В.Н. Происхождение современного письма (Палеография французских документов конца XV–XVIII вв.). М., 1975. С. 127.

Итак, уже II слой датируется второй половиной XVII в. (Вероятнее всего, 1680–1682 гг., когда библиотекарь Адриан Байе составлял многотомный рукописный каталог всей библиотеки.) А между тем ему предшествует первый слой. Узкие наклейки «Bibl. Lamoniана» постоянно просматриваются под широкими. Места для нумерации на узких наклейках не оставалось, и роль такой нумерации I слоя играли проставленные чернилами на форзаце номера: 2.93 для всех томов серии А и 2.94 для всех томов серии В. Эти номера постоянно закрываются широкими наклейками II слоя и никогда не заходят на них. К отмеченным выше семи различиям между сериями следует прибавить ещё восьмое – разницу исходных серийных номеров.

Перейдем к вопросу о дате изготовления переплета. Элементы общности в переплете обеих серий (см. выше) имеют такой характер, что могут быть объяснены волей заказчика. Разница же в деталях оформления переплета, в способе брошюрования, отсутствие одинаковых филигранных на плюрах говорит за то, что серии А и В переплетались в разных мастерских. Есть некоторые данные для датировки переплета серии В. В её т. 16 под форзацем просматриваются фрагменты какого-то печатного документа, подложенные туда для того, чтобы форзац плотнее прилегал к основе. Текст его читается хорошо – это решение Парижского парламента по одному частному иску. Документ лежит непосредственно на основе переплета и в нем упоминаются даты, последняя из которых – 16 марта 1662 г.

Знаков, сходных с филигранями плюров, не удалось найти в еще очень неполных альбомах филиграней XVII в.¹⁰ Однако в одном из томов серии В (ЦГАДА, т. 36) на этих листах были обнаружены водяные знаки в виде герба Кольбера со знаком ордена Святого Духа. Кольбер стал членом ордена и его великим казначеем 26 августа 1665 г. Поэтому, вспомнив о дате проложенного между переплетом и форзацем фрагмента, можно высказать уверенное предположение, что время подбора плюров серии В совпадает со временем изготовления переплета, – иными словами, что серия В попала к Ламуаньону в виде непереpletённых картонов и была впервые переплетена только им. Временем,

¹⁰ Следуя терминологии В.Н. Щепкина (Русская палеография. М., 1967. С. 202, 205), я называю «сходными» такие водяные знаки, различия между которыми не носят преднамеренного характера.

ранее которого не мог быть изготовлен переплет этой серии, следует считать сентябрь 1665 г.

Вспомнив об упомянутых ранее различиях между сериями, отметим, что первые два относятся ко времени II слоя, дата появления третьего (внутренняя нумерация документов) остается под вопросом, восьмое (разница исходных серийных номеров) датируется временем I слоя. Возникновение всех остальных различий относится ещё ко времени изготовления переплета.

Из сказанного следует, что деление коллекции на две серии является исконным. Следовательно, исконным является и состав томов со всеми его особенностями, и их «итальянская» специализация. От гипотезы о постепенном формировании коллекции приходится отказаться.

* * *

В конце XVII или начале XVIII в. над документами коллекции Ламуаньона работал видный французский историк, автор многотомной «Истории Франции» (ее первое издание вышло в 1713 г.) иезуит Г. Даниэль. В своем труде (в т. V по амстердамскому изданию 1720 г.)¹¹ он постоянно ссылается на «документы из библиотеки господина президента Ламуаньона». Эти ссылки относятся как к периоду царствования Франциска I (10 ссылок за 1538–1543 гг., из них 8 за 1538–1540 гг.), так и ко времени Генриха II (21 ссылка, при этом все датированные ссылки относятся к 1547–1552 гг.), причём имеют существенно различный характер. Если все ссылки первой группы никогда не сопровождаются указаниями на нумерацию соответствующих томов коллекции Ламуаньона, то ссылки второй группы имеют указания на нумерацию томов в 16 случаях из 21. Проверим же, какому из наших слоев соответствует нумерация Даниэля.

Идентифицировать документы, упомянутые Даниэлем, с документами нашей коллекции довольно сложно уже потому, что этот историк никогда не указывает числа и месяцы, которыми они были датированы. Сноски даны на полях сбоку, без соответствующих цифр в тексте, и не всегда ясно, относятся ли они ко всей фразе или только к её части. Наконец, всегда приходится принимать во внимание допустимую степень неточности или путаницы.

¹¹ *Daniel G. Histoire de France...* Т. V. 2e éd. Amsterdam, 1720.

В сносках Даниэля упомянуты следующие тома коллекции Ламуаньона: 1, 3, 4, 8, 9, 12, 14–17. Уже из сопоставления этих цифр с нашей таблицей видно, что они могут соответствовать только нумерации надписей на первых листах серии А (II слой) и, соответственно, на корешках переплетов этих томов. Из проверки приходится исключить две ссылки на 1 и 3 тома, поскольку эти тома серии А не были приобретены для Строгановых и у нас отсутствуют; в одном случае проверка невозможна из-за неясного характера текста. Из оставшихся 13 сносок II идентифицируются с документами из соответствующих томов серии А: в 9 случаях уверенно, в 2 с известной степенью допустимой неточности. В одном из 9 случаев уверенной идентификации (р. 456) Даниэль принял письмо Пьеро Строщи к Монморанси от 23 октября 1547 г. («т. 4» по нумерации Даниэля; ЦГАДА, т. 9) за письмо к королю и отнес его к 1550 г. Отсюда видно, что сноски Даниэля действительно могут быть не всегда точны.

Итак, проверка дала вполне удовлетворительные результаты. Ко времени работы Даниэля нумерация II слоя уже существовала. Это подтверждает палеографическую датировку её второй половиной XVII в.

Любопытно, что Даниэлю были показаны только тома серии А (и, видимо, не все). Не потому ли, что серия В не имела внутренней нумерации документов, и хозяин коллекции опасался хищений? Если это очень естественное предположение правильно, то следует заключить, что ко времени Даниэля внутренняя нумерация серии А, во-первых, уже существовала, а во-вторых, не имела лакун, и что изъятия относятся к более позднему времени (см. выше прим. 5)¹².

Обратим теперь внимание на сноски, относящиеся ко времени Франциска I. Их всего лишь в 2 раза меньше, чем ссылок на документы времени Генриха II. Между тем в современной коллекции Ламуаньона, хранящейся в ЦГАДА, документов до 1547 г. сравнительно мало — около 1% от общего их числа. Остаётся предположить, что во времена Даниэля в коллекцию Ламуаньона входила ещё одна серия, тома которой не были пронумерованы (но, видимо, имели внутреннюю нумерацию

¹² Может быть, помета в виде «W», или, точнее, двух скрещивающихся «V» (см. выше, прим. 6) связана именно с работой Даниэля и является запретительной (сокращённое «veto videri» — «запрещаю показывать»)? Ни на одном из томов, использованных Даниэлем, такой пометы нет.

документов, поскольку их выдали Даниэлю) и которая затем бесследно исчезла.

Попробуем восстановить по сноскам Даниэля характер этой исчезнувшей серии. Прежде всего подавляющее большинство её документов относилось к 1538–1540 гг. Как и в сериях А и В, они были адресованы в основном королю и Монморанси. В отличие от сохранившихся серий, пропавшая не имела «итальянской» специализации (в трех сносках упоминаются письма от французского посла в Англии, в одной вообще «подлинные письма от французских послов при различных европейских дворах»; письмам из Италии посвящено пять сносок из десяти). Поскольку и эта серия была связана с именем Монморанси, её «обрыв» на документах 1540 г. можно объяснить опалой коннетабля в 1541 г., продолжавшейся до самой смерти Франциска I.

А теперь сопоставим все, что известно о характере этих серий. Поразительно то, что характер коллекции Ламуаньона в том виде, как она была известна Даниэлю, абсолютно совпадает с характером документов, опубликованных полувеком ранее Гийомом Рибье (см. выше прим. 2). В самом деле, том I публикации Рибье, посвящённый правлению Франциска I, наполнен в основном документами 1537–1540 гг. (к этому времени относятся 274 документа, к 1541–1546 гг. всего 26; документы ранее 1537 г. отсутствуют). Эти документы адресованы королю или Монморанси и не имеют исключительной «итальянской» специализации. Налицо все черты исчезнувшей ламуаньоновской серии. Том II публикации занят документами со строгой «итало-турецкой» специализацией. В основном они также адресованы королю и коннетаблю. И точно так же, как в коллекции Ламуаньона, публикация Рибье не имеет лакуны после Сен-Кантена: письма к Монморанси и здесь сменяются письмами к Гизам.

Обратимся к анализу вопроса о тождестве документов, опубликованных Рибье, и документов коллекции Ламуаньона.

* * *

Гийом Рибье прожил долгую и спокойную жизнь крупного провинциального судьи. Он почти не выезжал из своего родного Блуа, хотя его старший брат уже нашел дорогу в Париж и стал там советником парламента. В отличие от брата, Гийом считал, что лучше быть первым в провинции. Он унаследовал от

отца должность судьи по гражданским делам Блуасского бальяжа, женился на дочери главного судьи бальяжа и после смерти тестя получил повышение, заняв его должность и став президентом Блуасского президиального суда. Влиятельное знакомство в «высших сферах» пришло к нему как бы само собой, зато было уж самым влиятельным, какого он только мог пожелать. В мае 1617 г. в Блуа была выслана королева-мать Мария Медичи. Вместе с нею прибыл и её ближайший советник Арман-Жан Ришелье, тогда ещё не кардинал, а епископ Люсонский. С ним-то и познакомился Рибье. Вернувшись к власти, Ришелье не забыл о своем блуасском знакомом. Кардинал даже предлагал Рибье ввести его в Государственный совет, но блуасец отказался, не желая, по-видимому, отрывать от своих спокойных ученых занятий. Публикация документов XVI в., увековечившая память Рибье, была делом его жизни. Привилегию на её издание он получил в июле 1650 г., но так и не успел увидеть свой труд напечатанным. Он умер 21 января 1663 г., в возрасте 85 лет, а книга вышла в свет только в 1666 г.

Мнение о тождестве документов, опубликованных Рибье, с документами коллекции Ламуаньона было впервые высказано французским историком XIX в. Э. Шаррьером – автором известной публикации о французской левантской политике¹³. Местонахождение Строгановской коллекции было в то время неизвестно, так что Шаррьер мог сделать такой вывод только из сличения публикации Рибье со сносками в труде Даниэля.

Шаррьер был неряшливым публикатором, и все его утверждения нуждаются в тщательной проверке. Настораживает уже то, что его вывод оказался связан с грубейшей фактической ошибкой. Шаррьер почему-то решил, что ко времени работы Даниэля труд Рибье не был опубликован. Если Даниэль, ничего не зная о публикации Рибье, использовал те же документы, что и он, рассудил далее Шаррьер, значит, оба они имели дело с одной коллекцией, а именно с коллекцией Ламуаньона¹⁴. На самом деле Даниэлю, разумеется, была известна вышедшая полувеком ранее работа Рибье, на которую он один раз и ссылается (t. V, p. 653).

¹³ *Négociations de la France dans le Levant* / Publ. par E. Charrière. T. I–IV. Paris, 1848–1860.

¹⁴ *Ibid.* T. I. P. LXI.

Но действительно ли Даниэль и Рибье использовали те же самые документы? Начнем с тех ссылок Даниэля, которые относятся ко времени царствования Франциска I. Из десяти ссылок три сделаны в слишком общей форме и не допускают проверки. Из семи оставшихся пять, действительно, идентифицируются с документами, опубликованными Рибье, — уверенно или с допустимой степенью неточности. Складывается впечатление, что Шаррьер прав...

Придя к этому результату, Шаррьер, видимо, успокоился и не стал проверять ссылки Даниэля, относящиеся ко времени Генриха II. Продолжим, однако, эту работу. Итоги оказываются прямо противоположными. Из 13 поддающихся проверке сносок — ни одного случая идентификации! В книге Рибье просто нет ничего подобного.

Таким образом, говорить о тождестве коллекции Ламуаньона и фонда, находившегося в распоряжении Рибье, можно только применительно к исчезнувшей серии коллекции. Разное отношение первой и второй групп ссылок труда Даниэля к публикации Рибье доказывает, что эта исчезнувшая серия действительно существовала.

Перейдем к непосредственному сличению документов нашей коллекции с книгой Рибье. Но прежде всего необходимо пояснить следующее. Если среди наших документов встречаются такие, которые уже были опубликованы Рибье, то это ещё не доказывает, что ламуаньоновских бумаг касалась рука блуасского эрудита. Во-первых, письма, особенно из Турции, ввиду ненадежности дороги часто посылали в двух экземплярах. Во-вторых, если у нас имеется зашифрованный документ, но отсутствует сделанная на отдельном листе расшифровка, мы вправе предположить, что к Рибье попала именно эта расшифровка и только она. Письмо с зашифрованными фрагментами могло быть переписано в самой канцелярии получателя. Если, например, такое письмо после дешифровки следовало послать кому-либо на ознакомление, его переписывали открытым текстом, дабы не рисковать раскрытием тайны шифра. И, наконец, тождество единичных документов всегда может быть объяснено тем, что Рибье знакомился с ними по какой-либо копии. Таким образом, решающее слово должно принадлежать не иллюстративному, а статистическому методу.

За период с апреля 1547 г. по апрель 1548 г. Рибье опубликовал 44 письма, адресованные королю или Монморанси из

Италии и Турции. Из них в коллекции Ламуаньона обнаружено только 11. Из этих 11 писем 3 было послано из Турции, в 3 венецианских письмах отсутствует расшифровка, а все оставшиеся имеют обширные зашифрованные фрагменты. Но, понятно, ещё важнее тот факт, что у нас отсутствуют три четверти опубликованных Рибье документов. Конечно, публикатор отбирает далеко не все из виденных им документов, — но почему в нашем фонде нет львиной доли того, что он отобрал?

Возьмем ещё один период: с мая 1552 г. по апрель 1555 г. включительно. К этому периоду относится почти треть (около 2500) документов нашей коллекции и 93 документа, опубликованных Рибье. И вот оказывается, что из этих 93 писем у нас имеется *только* 5! При этом 4 тождественных документа (три из них были отправлены французскими представителями в Турции) не имеют расшифровки, а один является дубликатом письма, посланного из Венеции. Надо ещё учесть, что документы 1552–1555 гг. делятся между сериями А и В примерно поровну.

Итак, странное противоречие. С одной стороны, характер нашей коллекции абсолютно идентичен характеру документов Рибье. С другой же, состав обоих фондов (в том, что касается времени Генриха II) не имеет между собой практически ничего общего. Вывод может быть только один. И Рибье, и Ламуаньон располагали документами из одного старинного и очень богатого фонда, но сам этот фонд уже ко времени Рибье был раздроблен на несколько частей. Блуасскому публикатору оказалась доступной одна часть, Ламуаньон приобрел две другие. Что же это за фонд?

В предисловии к публикации Рибье писал о происхождении своих документов: «Это политическое сокровище, бывшее так долго запрятанным в различных старинных домах, особенно в графстве Блуа, в котором некогда жили наши короли, их главные министры и секретари»¹⁵. При гипотезе о том, что коллекция Ламуаньона происходит из личного фонда Монморанси, — его замок Шантийи находился далеко от Блуа, — эти слова оставалось трактовать как дезинформацию читателя. Но эта гипотеза сталкивается с непреодолимой трудностью — невозможностью объяснить отсутствие лакуны после битвы при Сен-Кантене. Рискнем поверить Рибье.

Его воспоминание о живших в графстве Блуа французских политических деятелях звучит как намек. Учитывая большую

¹⁵ Lettres et mémoires d'Etat... Т. I. P. 5.

однородность публикации Рибье, следует полагать, что он имел в виду какого-то одного политического деятеля, которого он не захотел назвать. Кто же был этот человек?

Это — «знакомый незнакомец» для всех соприкасавшихся с коллекцией Ламуаньона (потому что оригиналы писем, адресованных ему, встречаются, хоть и в небольшом количестве, практически во всех её томах); человек, действительно владевший замком совсем рядом с Блуа, — и сколько раз Рибье вспоминал о нем, проходя мимо его могилы в Блуасском соборе! Это — генеральный сборщик Сансского бальяжа, протеже и непосредственный подчинённый Монморанси, один из четырех государственных секретарей «поручений и финансов» Жан Дютье, съёр де Борегар.

* * *

Жан Дютье был сыном сборщика королевских домениальных доходов в Сансском бальяже, чью должность он унаследовал. Однако его возвышение было связано с секретарской деятельностью. С 1626 г. он работал клерком в бюро Вилландри, одного из государственных секретарей «поручений и финансов»; через десять лет, 18 мая 1636 г. стал членом корпорации королевских секретарей (должность, дававшая потомственное дворянство). В 1538 г. он уже исполняет некую миссию в Авиньоне в качестве личного секретаря самого коннетабля Монморанси¹⁶.

Итак, дата, которой открывается публикация Рибье (1537), объясняется малозначительным, не фиксированным ни в каких хронологиях французской истории событием — поступлением Дютье на службу к Монморанси. Резкий обрыв этой публикации на документах 1540 г. может быть объясним опалой коннетабля в 1541 г., когда его секретарь Дютье перестал получать письма государственного значения.

Около 1545 г. Дютье стал сеньором расположенного в нескольких милях к югу от Блуа поместья Борегар, где он — человек гуманистически образованный, поэт и меценат —

¹⁶ Эти биографические сведения даны по ныне издающемуся многотомному «Dictionnaire de biographie française». Ранее имела хождение другая дата вступления Дютье в корпорацию королевских секретарей — 1542 г., восходящая к писателю XVII в. А. Фовле дю Току, автору далеко не всегда точному (Fauvelet du Toc A. Histoire des secrétaires d'Etat... Paris, 1668. P. 93).

построил замок в прекрасном ренессансном стиле, сохранившийся и до нашего времени.

Первый день царствования Генриха II — 1 апреля 1547 г. — стал днем прихода к власти не только Монморанси, но и Дютье. В этот день последний был назначен одним из четырех государственных секретарей «поручений и финансов»¹⁷. В это время во Франции ещё не было сформировавшихся позднее министерств — иностранных дел, военного, морского и т.п. Распределение обязанностей между секретарями «поручений и финансов» строилось по чисто географическому принципу. Согласно регламенту от того же 1 апреля 1547 г. Дютье была доверена переписка с Италией (Рим, Венеция, Пьемонт), Левантом и расположенными в том же юго-восточном направлении Лионом и Дофине. Это распределение обязанностей не пересматривалось во все время пребывания Дютье у власти¹⁸.

Так естественно объясняется специализация коллекции Ламуаньона. У нас нет писем, поступавших к Монморанси из Германии, Англии и других стран просто потому, что они передавались им в канцелярии других секретарей, коллег Дютье по должности.

Все секретари «поручений и финансов» были непосредственно подчинены коннетаблю, занявшему положение первого министра. Когда Монморанси был взят в плен, Дютье остался на своем посту, перейдя, как и его коллеги, впредь до возвращения коннетабля в непосредственное подчинение к Гизам.

Наконец, посмотрим, когда именно обрывается массовая документация коллекции Ламуаньона.

30 июня 1559 г. Генрих II был смертельно ранен на рыцарском турнире. Проболев десять дней, король скончался. Новый король Франциск II находился всецело под влиянием Гизов — родных дядей молодой королевы Марии Стюарт. Уже 18 июля Монморанси получил почетную отставку. Конечно, французские дипло-

¹⁷ О французских государственных секретарях см.: Малов В.Н. Французские государственные секретари в XVI–XVII вв. (К вопросу о значении данных палеографии для административной истории) // Средние века. 1966. Вып. 29. С. 267–275, и указанную там литературу, а также: Sutherland N.M. The French secretaries of State under the age of Catherine de Medicis. London, 1962; Michaud H. La Grande chancellerie et les écritures royales au seizième siècle (1515–1589). Paris, 1967. P. 127–163.

¹⁸ В 1547–1554 гг. Дютье совмещал секретарские обязанности с исполнением функции генерального контролера финансов; в коллекции Ламуаньона нет документов, освещающих эту сторону его деятельности.

маты и военные на местах не стали ждать официального извещения об этом событии, чтобы засвидетельствовать свое почтение новым владыкам. Было ясно, в чью сторону дует ветер, и уже с середины июля 1559 г. письма, адресованные к Монморанси, сменяются в коллекции Ламуаньона письмами к Гизам.

В хронологическом отношении наши документы распределяются следующим образом (первые цифры обозначают реальное число сохранившихся документов коллекции, цифры в скобках – вероятное число документов, имевшихся в ней ранее, с учетом изъятий из тома 66 – см. выше, прим. 5).

Июль 1559 г.	56 (57)	Ноябрь 1559 г.	22 (23)
Август	82 (88)	Декабрь	16 (17)
Сентябрь	62 (69)	Январь 1560 г.	3
Октябрь	27		

Далее документация обрывается. Из этих цифр видно, что смена Монморанси Гизами не привела ни к какому сужению нашего фонда. Его резкое сокращение отмечается только с октября 1559 г., и после этого фонд медленно «угасает» в течение ещё четырех месяцев. В публикации Рибье также дано несколько документов за последние три месяца 1559 г. и один за январь 1560 г.

Сентябрем 1559 г., без указания числа, Фовле дю Ток датировал смерть Жана Дютье. Но эта традиционная, часто повторяемая дата является ошибочной. На самом деле, как видно из письма другого государственного секретаря Клода де Лобепина к Монморанси от 19 марта 1560 г., Дютье скончался около 10 марта 1560 г. в своем доме в Блуа¹⁹.

Смерть Дютье не была скоропостижной. Он тяжело заболел в январе 1560 г. Временно заменявший его де Лобепин в упомянутом письме жалуется, что ему приходится нести это бремя «вот уже два месяца». С другой стороны, известно несколько визированных Дютье грамот за январь 1560 г.²⁰ Именно в это время обрываются коллекция Ламуаньона и публикация Рибье.

¹⁹ Sutherland N. -M. Op. cit. P. 103.

²⁰ Bondois P.-M. Les secrétaires d'État sous François II // Revue Henri IV. Paris, 1909. Т. III. P. 50. Забавно, что Бондуа, отметивший эти акты в ином контексте, все-таки повторил версию о смерти Дютье в сентябре 1559 г. Так велика бывает сила традиции!

Резкое сокращение фонда после сентября 1559 г., видимо, следует объяснить тем, что более поздние документы хранились ещё не в Борегаре, а текущих делах государственного секретаря и были унаследованы его преемником, которому они были нужны для ориентировки²¹.

У Дютье не осталось законнорожденных детей. Его единственный признанный побочный сын получил, видимо, родовое имя с фамильным гербом и замок Борегар²². Основная часть имущества отошла к детям сестры покойного. Должность члена корпорации королевских секретарей унаследовал внучатый племянник. Но должность государственного секретаря ушла в чужие руки. На это место по рекомендации герцога Гиза 14 марта 1560 г. был назначен молодой человек из старой секретарской династии Флоримон Роберте, барон д'Аллюи. Богатый ведомственный фонд Дютье остался в замке Борегар, пребывая в неизвестности, а затем начал дробиться, расходясь по рукам коллекционеров. Сам Борегар во времена Рибье не принадлежал потомкам государственного секретаря, им владела семья Ардые (из высшей парижской робы), глава которой купил замок в 1617 г.

Кое-что для выяснения судьбы фонда Дютье дает анализ тех единичных документов, которые относятся ко времени более позднему, чем январь 1560 г. Таких документов всего 17, самые поздние датированы 1622 г., и все они входят в тома серии А. Из них выделим три документа частного характера, получателей которых можно было бы в принципе считать владельцами этой серии.

Том 6, л. 254–259. Контракт об условиях сбора денег между духовенством Лиможского диоцеза и Мишелем Барбом, уполномоченным сборщика десятин и нерегулярных доходов данного диоцеза Робера Мирона. Лимож, 14 февраля 1562 г. Документ представлен копией, снятой для Р. Мирона в Орлеанском превостве 1 марта 1562 г. Очевидно, Орлеан был тогда местом, где жил Мирон, в Лиможе он исполнял свою должность через уполномоченного.

Том 6, л. 245–246. Грамота герцога Анжуйского об утверждении акта отказа Симона Тетю от должности генерального сборщика королевских доходов в Турском генеральстве в поль-

²¹ Сам Дютье при вступлении на должность также унаследовал документы последних месяцев царствования Франциска I. В коллекции Ламуаньона имеется 20 документов за декабрь 1546 г. – март 1547 г., у Рибье опубликовано 39 аналогичных документов.

²² Fauvelet du Toc A. Op. cit. P. 95.

зу его сына Франсуа Тетю. Камбре, 2 октября 1583 г. Копия конца XVI в. Вероятнее всего, она хранилась в семействе Тетю; как мы могли уже видеть на примере предыдущего документа, они могли и не жить в Турском генеральстве.

Том 2, л. 220–221. Копии, снятые одним почерком с четырех документов, датированных 15 февраля 1620 г. Это письма короля Людовика XIII в Рим к папе Павлу V, кардиналу Орсини и французскому послу маркизу де Кёвру, а также регистрационная запись государственного секретаря Брюлара об отправке всех этих документов. Письма посвящены вопросу об утверждении акта отказа Жана Бедалу от должности приора монастыря св. Лазаря (орден августинцев), расположенного *близ Блуа*, в пользу Гийома Бурсье, регулярного каноника того же приората. Копии одним почерком со всех четырех документов могли быть сняты только для человека, непосредственно заинтересованного в их содержании – для Бедалу или Бурсье.

Осторожность требует отказаться от построения каких-либо гипотез на основании первых двух документов, поскольку они стоят совершенно особняком и в тематическом, и в хронологическом отношении. Иначе обстоит дело с третьим документом. Приор монастыря вполне мог заинтересоваться копией 1610–1620-х гг. с королевского регламента о правилах выдачи государственными секретарями грамот на получение церковных бенефициев (т. 6, л. 288–289) или копией с буллы Григория XV, датированной 7 февраля 1622 г., об отношениях между черным и белым духовенством (т. 6, л. 237–238). А кроме того, у нас есть ещё около десятка копий с документов 1590–1620-х гг., объединённых тематикой подборки. Их собиратель интересовался в особенности проблемой гугенотов. Имеются копии с увещевания Генриху IV перейти в католическую веру, с письма ему же от гугенотов в связи с его обращением в католичество в 1593 г.; с письма епископа Эвре Дюперрона Генриху IV от 28 марта 1600 г. о согласии епископа на знаменитый диспут с духовным вождем гугенотов Дюплесси-Морне; с двух писем самого Дюплесси-Морне – герцогу Монбазону от 23 октября 1620 г. и Людовику XIII от 26 февраля 1622 г. – и т.п.

Итак, самый надежный из выделенных трех документов как будто указывает, что серия А хранилась в Блуа или его окрестностях ещё в начале 1620-х гг. Это, конечно, лишний раз подтверждает её происхождение из фонда Дютье.

* * *

Нельзя ли установить, каким образом часть блуасского фонда попала в руки первого президента Парижского парламента? На помощь приходит счастливый случай.

Во входящем в серию В т. 37 (л. 54, 55) хранятся два письма от Монморанси и кардинала Лотарингского, датированные 23 и 24 сентября 1554 г. и адресованные одному лицу, некоему Мишелю Рибье, армейскому казначею на Корсике. Оба документа являются оригиналами, скреплены подписями коннетабля и кардинала. Как они вошли в коллекцию? Если бы письма были посланы из Италии или Корсики, можно было бы предположить, что получатель переслал их для ознакомления в канцелярию Дютье, – но документы отправлены из центра.

Этот Мишель Рибье был дедом знаменитого публикатора...

Племянник Гийома Рибье, выпустивший в свет его публикацию, приложил к ней биографию своего покойного дяди, где он упоминает, в частности, и о его деде Мишеле, отмечая, что и король, и Монморанси были весьма довольны его казначейской службой и писали ему «очень хорошие письма»²³. Как раз такой характер имеют наши документы! Коннетабль благодарит казначея за исключительную ясность и точность присылаемых им отчетов, просит и впредь служить так же аккуратно. Сходные похвалы содержит и письмо кардинала. Такие документы обычно превращаются в семейные реликвии.

Но если Гийом де Ламуаньон приобрел документы из семейного архива Рибье, тем самым доказано, что он производил какие-то поиски в графстве Блуа.

Конечно, трудно представить, чтобы сам Гийом Рибье неведомо для чего продал своему именованному парижскому тезке семейные реликвии, с которыми у него были, должно быть, связаны ещё детские воспоминания и которые имели для него гораздо большую ценность, чем для покупателя. Иное дело – после его смерти. Похоже на то, что после публикатора не осталось прямых наследников, продолжателей рода Рибье. Его племянник, опубликовавший труд дяди, носил другую фамилию. Ещё до выхода в свет книги главный душеприказчик покойного съёр Демулен уступил привилегию на её печатание блуасскому книготорговцу, а тот, в свою очередь, успел переуступить её двум парижским коллегам. Вполне допустимо предположить, что вышеназванный Демулен мало дорожил семейными реликвиями Рибье.

²³ Lettres et mémoires d'Etat... Т. I. P. 2.

Однако правдоподобно ли, что Ламуаньон обращался к наследникам Рибье специально для того, чтобы приобрести два малоинтересных письма к такому скромному персонажу, каким был армейский казначей на Корсике? Не надеялся ли он на нечто большее?

Гийом Рибье прекрасно понимал значение документа как исторического источника. Он сам писал о всеобщем интересе к публикациям документов: «Никогда ещё в мире так не интересовались подобными работами, как в наше время»²⁴. Было бы очень странно, если бы он, при своем влиянии в графстве Блуа, не смог сам собрать коллекцию из хранившихся в этом графстве бумаг бывшего фонда Дютье, которая и послужила основой для его работы.

Рискну предположить свою реконструкцию событий. Конечно, она будет гипотетической, не имеющей целью утверждать, что все было именно так. Известие о смерти Гийома Рибье 21 января 1663 г. вызвало понятное оживление среди коллекционеров, и Ламуаньон послал в Блуа своего агента. Тому, видимо, удалось приобрести лишь ту часть коллекции Рибье, которая относилась к правлению Франциска I; она вошла в состав ныне исчезнувшей ламуаньоновской серии. Но документы времени Генриха II ушли в другие руки. Агент Ламуаньона купил также два относившихся к этому периоду письма из семейного архива самого Рибье. Может быть, эта поездка дала толчок к поискам других частей фонда Дютье, в результате которых Ламуаньон оказался обладателем серии В, куда и были подложены в хронологическом порядке письма к Мишелю Рибье. В самом деле, поскольку ламуаньоновский переплет серии В не мог быть изготовлен ранее сентября 1665 г., вероятнее предположить, что эта серия была приобретена после смерти Рибье, чем до неё. Вопрос о времени приобретения серии А остается открытым.

Та часть фонда Дютье, которая хранилась у Рибье, бесследно исчезла. Правда, Озе считал, что большая часть опубликованных блуасцем документов находится в музее Конде в Шантийи²⁵, но хранитель музея Р. Казель в письме к автору этих строк от 12 июня 1974 г. отвергает это предположение. Отметим также, что публикатор писем кардинала Турнона М. Франсуа

²⁴ Lettres et mémoires d'Etat... T. I. P. 5.

²⁵ Hauser H. Les sources de l'histoire de France. XVIe siècle. T. II. Paris, 1909. P. 51.

все время сопровождает свои перепечатки из Рибье ремаркой: «Оригинал не найден»²⁶.

Видимо, ещё одна часть фонда Дютье, прошедшая мимо внимания как Рибье, так и Ламуаньона, спустя некоторое время была приобретена Роже Геньером и ныне хранится в составе фонда Геньера в Парижской национальной библиотеке. Судя по её каталогу и сноскам в научных трудах, идентичными с нашей коллекцией по характеру документации являются ms. Fg. 20441–20456 и ряд других томов геньеровского фонда.

* * *

Вывод о том, что в основе коллекции Ламуаньона лежит не личный фонд коннетабля Монморанси, а ведомственный фонд государственного секретаря «поручений и финансов» Жана Дютье, представляет определённый интерес для административной истории Франции. Этим подчеркивается все реальное значение должности государственных секретарей при Генрихе II.

Коннетабль передавал адресованные к нему письма государственного значения в канцелярии Дютье и его коллег. Так же поступали сменившие его в 1557–1558 гг. Гизы (которые, впрочем, и до Сен-Кантена передавали Дютье некоторые письма, получаемые ими из Италии)²⁷. Именно в канцеляриях государственных секретарей, а не в руках личных секретарей вельмож (пусть даже таких крупных как Монморанси) сосредоточивалась многотрудная работа по ведению текущей административной и внешнеполитической корреспонденции. Видимо, иначе обстояли дела при Франциске I, когда аналогичные по характеру письма могли скапливаться в руках того же Дютье, бывшего в то время всего лишь личным секретарем коннетабля.

²⁶ Correspondance du cardinal François de Tournon (1521–1562) / Publ. par M. François. Paris, 1946.

²⁷ Напомним слова Ронсара из его послания к Дютье, где он писал, что вельможи, конечно, распечатывают адресованные им депеши, но если они желают отправить ответ, то отдают эти письма в бюро государственного секретаря:

S'il arrive un paquet d'Itale ou plus avant,
Soit de Corse, ou de Grèce, ou du bout de Levant,
Ils le déplieront bien, mais il le faudra mettre
En ton étude après pour répondre à la lettre.

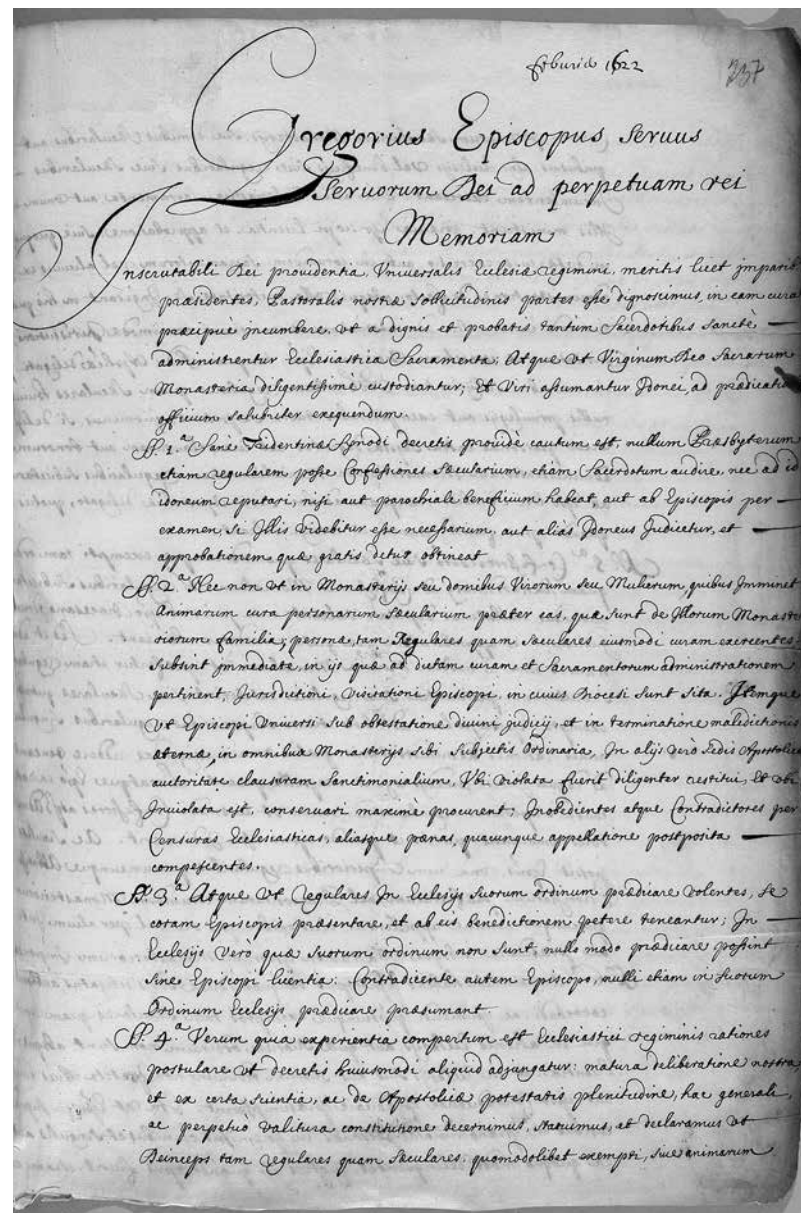
(Ronsard P. Poésies choisies. Paris, 1963. P. 382).

То обстоятельство, что Дютье в качестве государственного секретаря вел ещё небольшую личную переписку, что он писал в основном за других, объясняет, почему мысль о первоначальной принадлежности к его фонду документов нашей коллекции могла придти далеко не сразу. Недаром Ронсар, обращаясь к Дютье, писал: «Большие вельможи на войне или в мире, благодаря своему влиянию, кажутся несущими на своих широких плечах груз дел Франции, — но в действительности ты несешь это бремя»²⁸.

Ainsi les grands Seigneurs, soit en guerre ou en paix,
En crédit élevés, semblent porter le faix
Des affaires de France avec l'épaule large,
Et toutefois c'est toi qui en portes la charge.

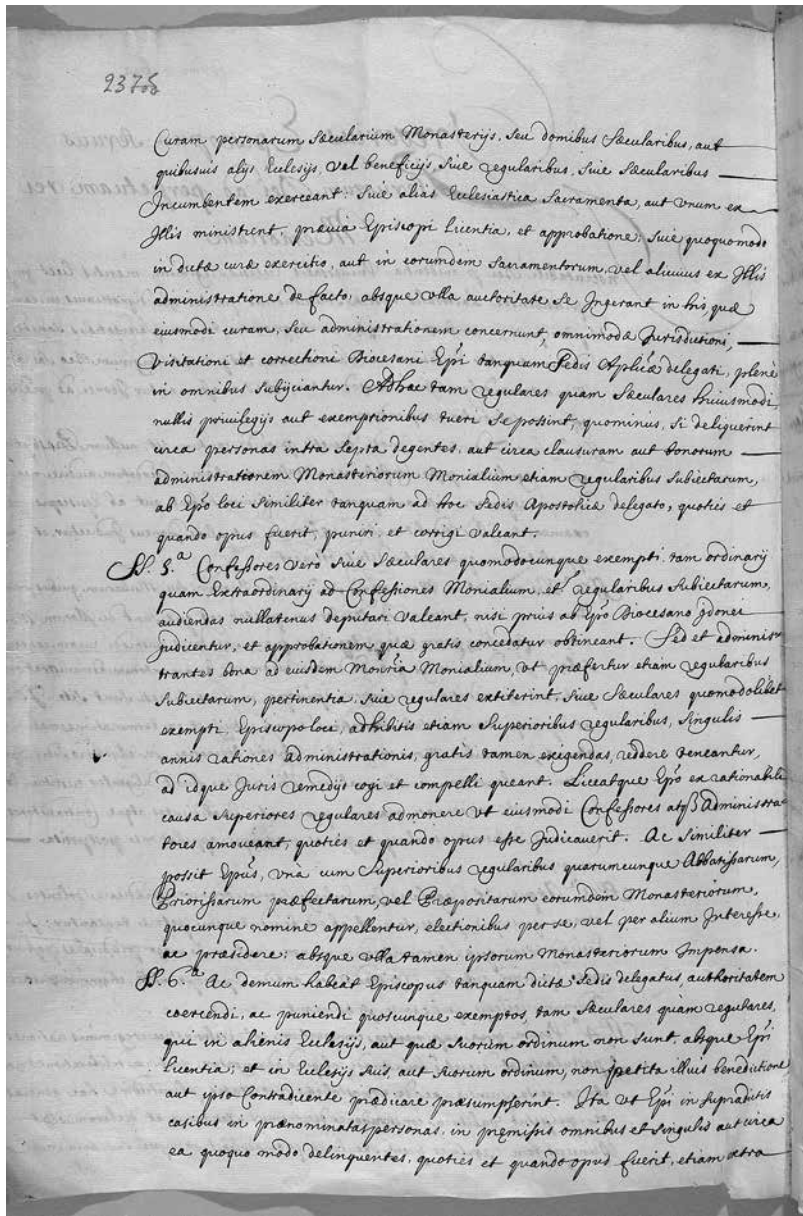
Этими строками великого французского поэта, словно режущими содержание моей статьи, я её и закончу.

Из следующей статьи читатель узнает, что дальнейшее изучение коллекции Ламуаньона привело автора к существенному пересмотру мнения о характере связей между ней и собранием Рыбье.

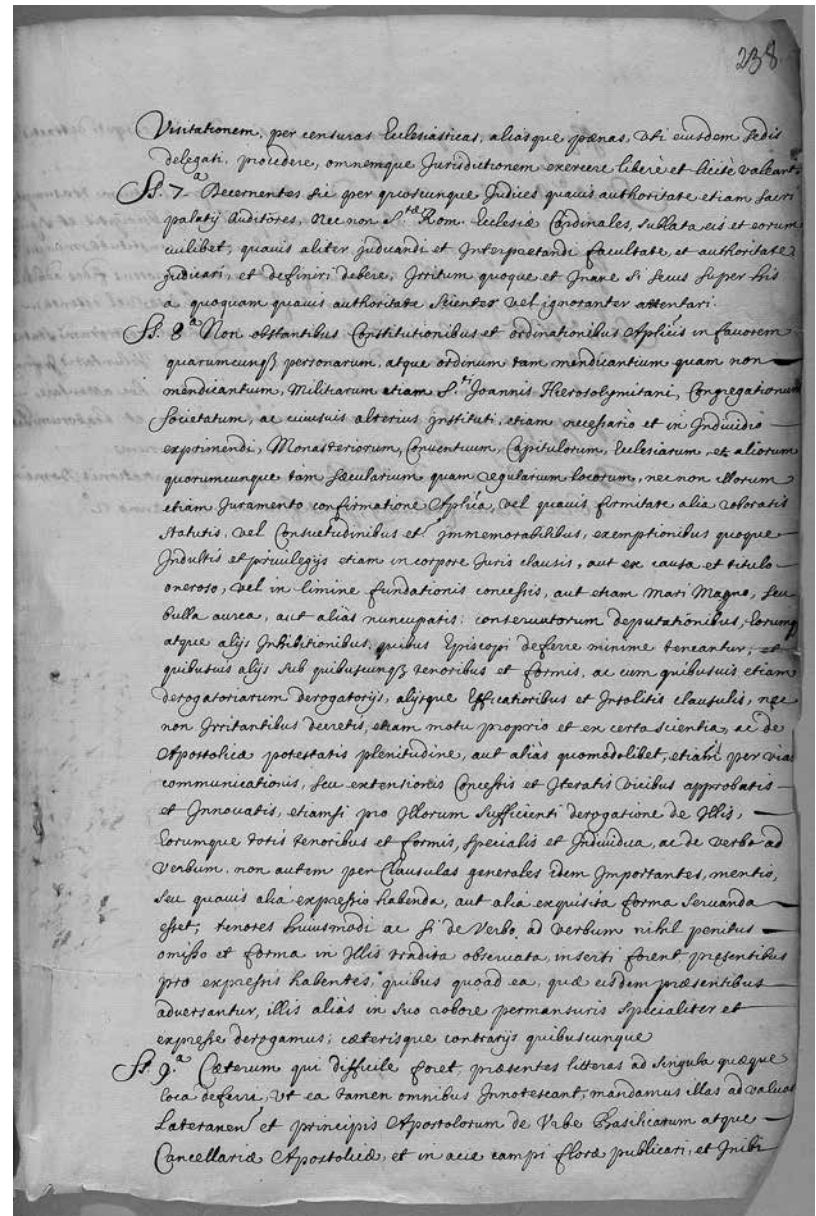

Булла папы Григория XV «Inscrutabili» об отношениях между черным и белым духовенством. 5 февраля 1623 г. Копия. РГАДА, ф. 81, т. 6, л. 237. См. с. 38.

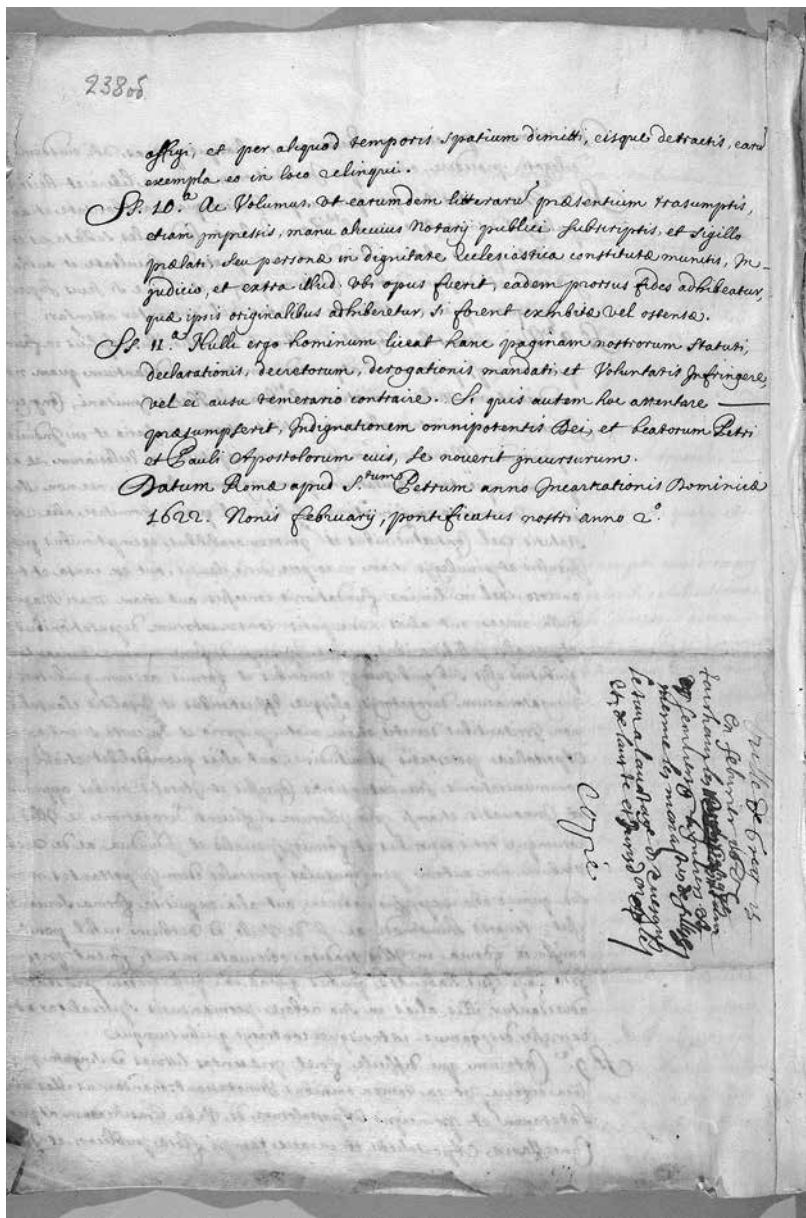
²⁸ Ronsard P. Op. cit. P. 382.

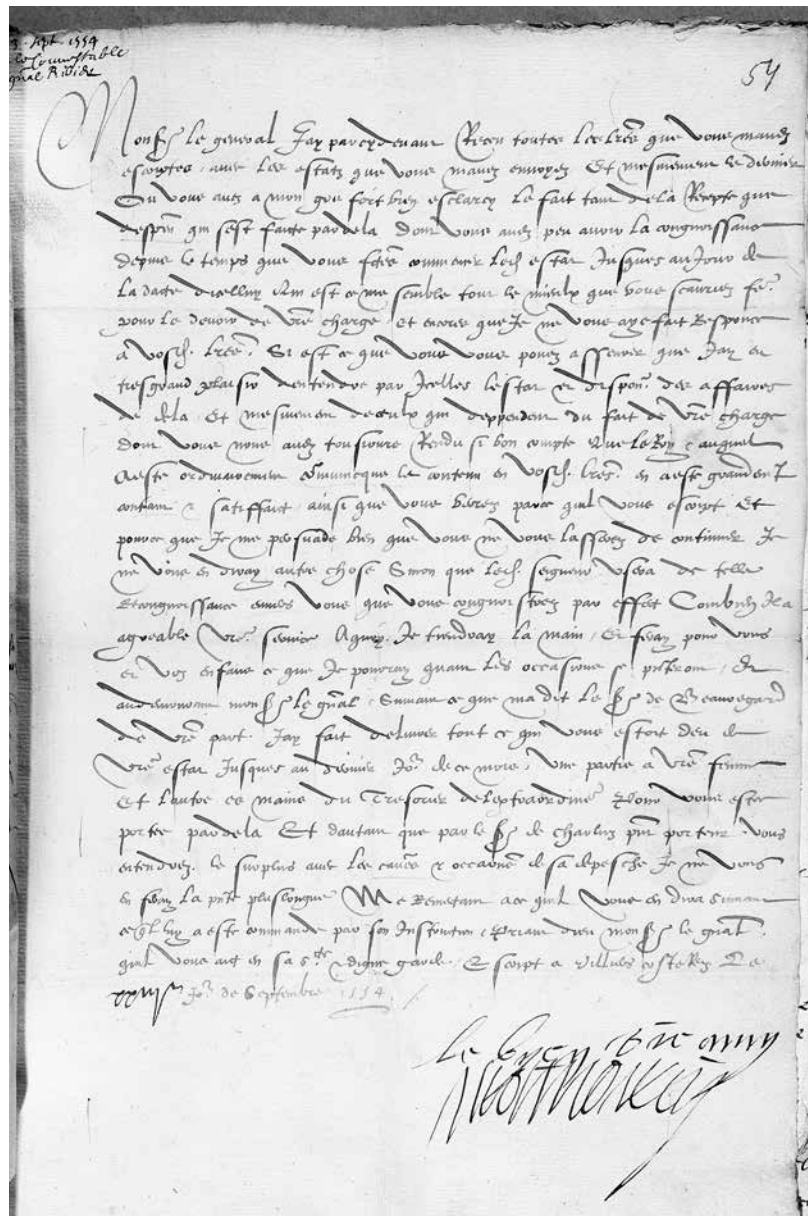
Булла папы Григория XV «Inscrutabili»... РГАДА, ф. 81, т. 6, л. 237об.

Булла папы Григория XV «Inscrutabili»... РГАДА, ф. 81, т. 6, л. 238.

Булла папы Григория XV «Inscrutabili»... РГАДА, ф. 81, т. 6, л. 2380б.

Письмо коннетабля Монморанси Мишелю Рибье, армейскому казначею на Корсике. 23 сентября 1554 г. Оригинал, скрепленный подписью коннетабля. РГАДА, ф. 81, т. 37, л. 54. См. с. 39.

ДЮТЬЕ – РИБЬЕ – ЛАМУАНЬОН: новое о коллекции Ламуаньона*

Значимость этого фонда, содержащего более 8200 документов, определяется тем, что он более чем на 99% представляет из себя очень большую часть ведомственного архива государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье. К сожалению для историков, архив Дютье не сохранился полностью: он раздробился на несколько фрагментов, частью пропавших, частью сохранившихся, и коллекция первого президента Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийома де Ламуаньона — лишь одна (пожалуй, самая крупная) из дошедших до нашего времени частей этого документального комплекса. Сложная история архива Дютье в XVII в. до сих пор не ясна во всех подробностях, однако работа по составлению его полного каталога позволила выявить новые факты и построить новую версию событий, отличную от высказывавшейся ранее. Об этом и пойдет речь ниже.

Уже А. Д. Люблинская отметила, что в коллекции Ламуаньона хранятся некоторые документы, входящие в известную двухтомную публикацию эрудита XVII в. Гийома Рибье, появившуюся в 1666 г.¹ и идентичную с нашей коллекцией по тематике и хронологии.

Возник вопрос о соотношении коллекции Ламуаньона и фонда, имевшегося в распоряжении Рибье, и на первых порах А. Д. Люблинская, видимо, считала возможным самое простое его решение. «Из богатейшей коллекции Ламуаньона, — писала она, — Рибье взял (для публикации. — В. М.) едва ли одну деся-

тую часть»². Иными словами, предполагалось, что все или почти все опубликованные Рибье документы хранились в составе того комплекса, который затем стал собственностью Ламуаньона. Сам этот комплекс, как известно, А. Д. Люблинская считала происходившим из личного архива коннетабля Монморанси; с его документами, по её мнению, Гийом Рибье мог ознакомиться после казни внука коннетабля, герцога Анри де Монморанси в 1632 г., когда на имущество казнённого был временно наложен секвестр.

Дальнейшее изучение фонда позволило проверить это представление. В моей статье 1976 г., где было доказано происхождение коллекции Ламуаньона из ведомственного архива Дютье (что сделало понятным, в частности, как велики были возможности блуасца Рибье приобрести документы из находившегося рядом с Блуа Борегара), приводились и подсчеты числа документов, общих для коллекции и публикации Рибье. Оказалось, что из 44 опубликованных Рибье документов за апрель 1547 г. — апрель 1548 г. в коллекции Ламуаньона имеется лишь 11, т. е. отсутствуют три четверти. Ещё более выразительными были результаты проверки по другому периоду, с мая 1552 г. по апрель 1555 г., к которому относятся 93 документа Рибье — из них в коллекции Ламуаньона было обнаружено только пять!

«Итак, странное противоречие, — констатировал я. — С одной стороны, характер нашей коллекции абсолютно идентичен характеру документов Рибье. С другой же, состав обоих фондов... не имеет между собой практически ничего общего»³. Как мне тогда представлялось, вывод мог быть только один. Наши документы были неизвестны блуасскому публикатору, его рука их не касалась. Он оказался обладателем другой части архива Дютье, к тому времени уже раздробленного. Допускалось, что к Ламуаньону перешла та часть коллекции Рибье, которая была посвящена времени Франциска I (в основном периоде 1537–1540 гг., когда Дютье был личным секретарем Монморанси) и которая не дошла до нас, исчезнув уже из ламуаньоновского собрания. Очевидно, уже после смерти Гийома Рибье (январь 1663 г.) Ламуаньон приобрел два документа из его семейного архива, оригиналы двух весьма лестных писем на имя деда

* Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 329–335; Du nouveau sur l'histoire de la Collection Lamoignon // BEC. 2000. Т. 158. Livraison 2. P. 557–563.

¹ Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier. Т. I–II. Paris; Blois, 1666.

² Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А. Д. Люблинской. М.; Л., 1963. С. 4.

³ Малов В. Н. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 63.

публикатора Мишеля Рибье, бывшие, надо полагать, фамильными реликвиями. Этот факт доказывал, что парижский парламентарий, действительно, производил какие-то поиски в Блуа, в результате которых он мог самостоятельно выйти на другие части разрозненного фонда Дютье и стать их обладателем.

А как быть с теми документами коллекции Ламуаньона, которые все же были опубликованы Рибье? Ответ на этот вопрос представлялся несложным. Каждый документ может существовать во многих «ипостасях». С оригинала могли быть сняты многие копии. Вслед оригиналу, с другим курьером, французские послы из-за опасностей дороги отправляли его дубликат. Дешифровка письма с большими шифрованными фрагментами могла производиться на отдельных листах. Понятно, что все эти виды одного и того же документа совсем не обязательно хранились вместе, они могли попасть в разные части фонда Дютье (где бумаги не были переплетены и лежали в отдельных картонах). Такое решение прямо подсказывалось, в частности, тем обстоятельством, что из пяти общих документов 1552–1555 гг. четыре хранящихся у нас письма не имеют дешифровки, а одно является дубликатом; аналогичные наблюдения были сделаны и относительно 11 общих писем 1547–1548 гг.

Все это построение выглядело очень логичным, и трудно было заметить, что здесь упущена одна возможность, позволяющая дать иную разгадку «странного противоречия», – возможность, связанная с тем, что Гийом Рибье был не простым коллекционером, дорожающим любым своим раритетом, но составителем публикации, оценивающим все скопившиеся у него материалы в зависимости от того, полезны или бесполезны они для его целей. («Бесполезны» – запомним это слово.)

Чтобы увидеть такую возможность, потребовалась работа по каталогизации фонда при достаточно обстоятельном сличении текстов. В результате её обнаружилось несколько документов, относительно которых можно уверенно сказать: да, Рибье держал в руках эти листы. Перечислим все эти случаи.

В т. 1 л. 36–41 мы имеем экземпляр инструкции Генриха II чрезвычайному послу в Турции д'Юизону от 17 августа 1547 г. Собственно, окончательный текст занимает л. 36–39, а на л. 40 воспроизведен второй вариант отрывка, написанного на л. 36об. Он непосредственно следует за последними строками документа (л. 39об.) и при невнимательном прочтении может быть принят за окончание инструкции. Именно такую ошиб-

ку совершил Рибье, опубликовавший эту инструкцию (т. II, р. 43–47), механически включив в её состав данный вариант, при полном совпадении стыковки со стыковкой между нашими листами 39об. и 40.

Блуасский публикатор очень вольно обращался с публикуемыми им документами, подчас сильно сокращая их, снимая нежелательные или излишние фрагменты⁴. Целых семь наших документов несут, как выяснилось, следы редакторской работы Рибье – обширную правку, сделанную коричневыми чернилами почерком XVII века. При сличении этих документов с публикацией Рибье обнаружилось, что вычеркнуты именно те фрагменты, которые были сокращены Рибье.

Так обстоит дело с черновиками писем Генриха II к кардиналу Феррарскому, кардиналу Турнону и Терму от 2 мая 1551 г. (т. 7, л. 82–88) и к Терму от 3 августа 1551 г. (т. 7, л. 104–105), с оригиналами писем принца Мельфийского Генриху II от 26 сентября 1547 г. (т. 10, л. 5–6), д'Юрфе Генриху II от 5 ноября 1549 г. (т. 13, л. 111–112) и кардинала Реоманюса кардиналу Лотарингскому от 14 августа 1559 г. (т. 65, л. 110–111), с дубликатом письма Джордано Орсини Генриху II от 7 июня 1559 г. (т. 64, л. 167–168), с дешифровкой письма д'Авансона Генриху II от 8 мая 1555 г. (т. 41, л. 68–69). Во II томе публикации Рибье эти документы помещены соответственно на с. 329–331, 341–342, 67–69, 251–252, 810–811 (под ошибочной датой 10 августа 1559 г.), 803, 609–611.

Следует отметить, что данное наблюдение относится к обеим сериям, на которые делится коллекция Ламуаньона: если т. 1, 7 и 13 принадлежат к серии А, то т. 10, 41, 64 и 65 – к серии В.

Связь отредактированных текстов именно с книгой Рибье ещё в XVII в. обратила на себя внимание какого-то человека, видевшего их уже в составе коллекции Ламуаньона: на полях четырех из них (т. 7, л. 104–105, т. 10, л. 5–6, т. 41, л. 68–69 и т. 65, л. 110–111) он оставил точные отсылки на соответствующие страницы появившегося в 1666 г. блуасского издания.

С каждым новым наблюдением возвращалась мысль: так может быть, все наши документы прошли все-таки через руки Рибье? Но как это могло быть?

Войдем в положение Гийома Рибье, ставшего обладателем огромного фонда, на основе которого он хотел подготовить

⁴ См.: Малов В.Н. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона // Средние века. 1997. Вып. 59. С. 172–176.

свою публикацию. Он должен был произвести сортировку, отбраковав массу писем, не представляющих для него интереса, и даже отдельные нежелательные, невыгодные для его концепции документы. Он либо просто откладывает их отдельно, либо ставит при этом ещё и «резолуцию», что данный документ для публикации — «бесполезен». «Inutil».

«Inutil!» Эти многочисленные пометы в томах обеих серий сильно интриговали знакомых с коллекцией Ламуаньона. После того как у меня сложилось представление, что обе наших серии были неизвестны Рибье, появление помет оставалось отнести ко времени Ламуаньона, — и тут можно было вспомнить, что вокруг него, человека высокой культуры, группировалась очень авторитетная частная «академия», куда входили известные эрудиты. Не задумал ли кто-нибудь из них публикацию документов из коллекции главы академии — дело, почему-то не доведённое до конца? Предположение вполне возможное, хотя и совершенно умозрительное. Приняв гораздо более простое решение, что автором пометок «inutil» был Рибье, мы избавляемся от поисков в этом направлении.

В груды отбракованных материалов, естественно, могли попадать и «лишние» разновидности документов, предназначенных для публикации: копии, дубликаты и даже оригиналы. Рибье мог, например, отправить в эту груды оригинал письма без дешифровки, оставив для типографа только эту сделанную на отдельном листе дешифровку; мог пренебречь не очень разборчивым оригиналом, сделав его транскрипцию или предпочтя ему легче читаемую копию. И, наконец, — как мы видели, — он мог счесть ненужным оригинал сильно отредактированного им письма, сняв с него копию, соответствующую его правке. Кстати, отметим, что в этих случаях уничижающая резолюция «inutil» отсутствует: она была бы психологически неестественной, ведь текст писем был использован.

Ну, а потом? Рибье получил королевскую привилегию на печатание своего труда ещё в 1650 г., но дело затянулось на целых 16 лет, так что сам публикатор, скончавшийся в 1663 г., не увидел вышедшие через три года после его смерти два тысяче-страничных фолианта. Самое естественное и такое понятное нам сейчас предположение: на работу просто не хватало денег. В этой ситуации, понятно, Рибье мог принять решение: продавать известным коллекционерам по частям отбракованные документы, получая тем самым средства на издание отобран-

ных им материалов. Он мог и дарить их разным влиятельным лицам, которые могли бы помочь ему субсидиями. Так он сам дробил на части имевшийся в его распоряжении архив Дютье. (Владел ли он им целиком или только частью его — другой вопрос, и к нему мы ещё вернёмся).

Сохранились следы стараний блуасского эрудита заинтересовать влиятельных людей своей публикацией. В парижской Национальной библиотеке (Bibliothèque nationale de France, далее — BN) среди бумаг канцлера Сегье хранится недатированная рукописная опись части коллекции Рибье, составленная им самим и озаглавленная «Inventaire de lettres et mémoires d'Etat depuis 1538 jusques en l'année 1560» (BN, ms. fr. 17358). Копия этого инвентаря имеется также в фонде графа Ипполита Бетюна (1603—1665), известного коллекционера и родственника зятя Сегье герцога Сюлли (BN, ms. fr. 5676). Как коллекционер Бетюн был связан с Ламуаньоном, о чём свидетельствует несколько интересных помет на документах нашей коллекции. Например, на полях копии XVII в. с письма Ланссака д'Авансону от 11 августа 1556 г. Ламуаньон написал: «Снята со старой копии того времени, которую я отдал графу Бетюну» (т. 47, л. 189—190). Или ещё помета также на копии XVII в. с другого документа: «Кардинал Дюбелле герцогу Альбе. Копия с его письма. Граф Бетюн имеет другую» (т. 48, л. 115—116). От Сегье же о существовании коллекции Рибье узнал ещё один завзятый коллекционер, Жан-Батист Кольбер, который 15 октября 1662 г. просил навести справки о ценности фонда⁵; правда, тогда оставалось всего три месяца до смерти старого публикатора. Впрочем, ни Сегье, ни Бетюн, ни Кольбер, судя по состоянию их фондов в Национальной библиотеке, не приобрели крупных фрагментов коллекции Рибье.

О каких именно документах сообщал Рибье в составленном им инвентаре? Мною был проделан зондаж по материалам описи Национальной библиотеки, полученной Сегье, и итоговая картина оказалась очень сложной. Для анализа были взяты письма от послов и поверенных в делах Франции в Стамбуле к французским королям. Таких документов в инвентаре Рибье упомянуто 83, из них только в коллекции Ламуаньона ныне имеется 24 (9 в томах серии А и 15 — в серии В), только по публикации Рибье известны 12, общими между коллекцией и публи-

⁵ Colbert J.-B. Lettres, instructions et mémoires / Publ. par P. Clément. T. V. Paris, 1868. P. 236.

кацией являются 9, но 38 документов (45,8%) не встречаются ни в коллекции, ни в публикации. Значит, можно заключить, что имевшийся в распоряжении Рибье фонд был примерно вдвое больше, чем материалы коллекции Ламуаньона и публикации 1666 г. вместе взятых. Однако в инвентаре не отмечены 48 аналогичных писем из коллекции Ламуаньона и 30 из книги Рибье. Как видим, набор документов инвентаря не соответствует ни одному из известных нам фрагментов фонда Дютье, прошедших через руки Рибье, – но видно также, что все они тогда уже принадлежали публикатору.

Благодаря недавно выявленным французским историком М. Антуаном письмам Рибье, хранящимся в парижской Национальной библиотеке и Британском музее, копии которых он мне любезно предоставил, выясняется хронология работы над публикацией, обстоятельства и цели составления инвентаря. Из письма Рибье к Сегье от 15 мая 1649 г. (BN, ms. fr. 17393, f. 179–180) следует, что к 1643–1644 гг. у Рибье уже скопилось достаточно документов, и он через посредство одного из друзей просил канцлера о разрешении на их публикацию. В то время, однако, «обстановка не оказалась благоприятной», и работа над книгой приостановилась. Несколько лет спустя Сегье сам заинтересовался коллекцией Рибье. Отвечая на его письмо, блуасский публикатор обещает в срочном порядке закончить уже начатый инвентарь отобранных для публикации документов и выслать его канцлеру. Этот инвентарь должен был содержать не только указания об авторах и адресатах писем, но и краткие сведения об их тематике, что облегчило бы, по мысли Рибье, канцлеру его цензорскую работу по выявлению нежелательных документов, не подлежащих обнародованию. Правда, выполнить это последнее обещание Рибье не смог (вероятно, работа оказалась для него слишком трудоёмкой): сохранившийся инвентарь сведений о тематике писем не содержит, ограничиваясь лишь данными об их авторах, адресатах и датах.

Итак, выясняется время составления инвентаря – 1649 г. и его характер реестра документов, отобранных для печати. А тот факт, что подбор этих документов никак не соответствует составу реально появившейся публикации, очевидно, свидетельствует, что первоначальные предположения Рибье о составе его сборника были им со временем радикально пересмотрены.

Большая лакуна в бумагах Сегье за 1650–1656 гг., связанная с его временным отстранением от дел, не позволяет судить, про-

должались ли в эти годы его контакты с Рибье. К этому времени относятся два письма Рибье к хранителю Королевской библиотеки и известному коллекционеру Жаку Дюпюи, датированные «14 мая» и «9 июля» без указания года – но относящиеся, очевидно, к одному году (BN, coll. Dupuy, ms. 803, f. 280 – 281, 282 – 283)⁶. Из них видно, что Рибье послал Дюпюи на рассмотрение свой инвентарь, с просьбой «вычеркнуть или отметить письма, которые Вы сочтете недостойными увидеть свет», а Дюпюи его получил и высказал о нем благожелательное мнение⁷.

Из писем Рибье к Сегье от 3 марта 1657 г. (British Library, ms. Harleian 4490, f. 186–187) и 2 ноября 1660 г. (BN, ms. fr. 17397, f. 367–368), и 29 октября 1662 г. (BN, ms. fr. 17401, f. 218–219) мы узнаем, что в последние годы жизни блуассец старался держать канцлера в курсе своих хлопот по завершению затянувшейся работы над книгой, просил его о денежной и иной помощи, принимал его критические замечания по тексту своих комментариев. Естественно, что при этом у Сегье имелась опись публикуемых материалов (в последнем письме Рибье прямо пишет об этом), но, конечно, это был не сохранившийся инвентарь, а какой-то иной, соответствовавший реальному составу близких к появлению в свет томов и до нас не дошедший.

Приведу пример, который можно было бы истолковать как наглядное свидетельство дробления публикатором доставшегося ему фонда. Коллекция Ламуаньона богата письмами французских послов в Венеции: Морвилье, Сельва, дю Габра. Но вот в конце 1557 г. дю Габр был сменен новым послом, де Ноайлем. Оставалось ещё более двух лет до смерти Дютье и «обрыва» его фонда. А между тем в коллекции Ламуаньона нет ни одного письма Ноайля, переписка с Венецией обрывается на 1557 г., – хотя у Рибье такие письма были, 10 писем Ноайля включены в его публикацию, и в рукописной описи Национальной библиотеки они упоминаются постоянно. Не значит ли это, что Рибье

⁶ Жак Дюпюи умер 17 ноября 1656 г. Поскольку письма адресованы ему, а не его старшему брату и предшественнику Пьеру Дюпюи (скончался 14 декабря 1651 г.), они, очевидно, были написаны между 1653 и 1656 гг. (для бурного 1652 года столь мирная переписка представляется маловероятной).

⁷ В письме от 9 июля содержится неожиданное известие: оказывается, у Рибье хранились письма «времени Карла VIII и Людовика XII» (1483–1515) в таком количестве, что он предложил прислать Дюпюи их специальный инвентарь, дабы тот мог отобрать из них кое-что для своей коллекции. В коллекции Ламуаньона имеются только 4 документа этого времени.

старательно выбрал из своей коллекции письма Ноайля, чтобы продать или подарить их какому-либо представителю этого знаменитого рода? В конечном счете эти письма оказались в Архиве Министерства иностранных дел Франции (в фонде «Сношения с Венецией»), где оригиналы писем французского посла за 1557–1559 гг. занимают целых 9 томов (AAE, Venise, vol. 7, 8, 10–16) вместе с 6 томами их копий (vol. 21–26).

* * *

Серии А и В, судя по различиям в переплете и брошюровке⁸, пришли к Ламуаньону в разное время, хотя обе они происходили из одного источника, коллекции Рибье. Последней, очевидно, Ламуаньон приобрел серию В, о которой известно, что она не могла быть переплетена ранее сентября 1665 г.; вероятно, она досталась ему уже после смерти Рибье. Тогда серию А парижанин должен был приобрести ещё при жизни блуасца.

Но как попали материалы обеих серий к Рибье – вместе или порознь? Иными словами, существовали ли они отдельно и до Рибье или разделились лишь под его рукой, в результате произвольной раскладки отбракованных документов по разным грудам? Для ответа на этот вопрос кое-что дает подсчет пометок «inutil» в той и другой серии. Выяснилось, что хотя эти пометы и встречаются как в серии А, так и в серии В, но в совершенно разных пропорциях. Приведу для сравнения результаты моих выборочных подсчетов по 9 томам серии А и 9 томам серии В (подсчитано процентное отношение числа документов с пометой «inutil» к общему числу документов данного тома).

Серия А		Серия В	
Т. 1	21,1%	Т. 10	0
Т. 7	28,4%	Т. 14	0
Т. 8	39,8%	Т. 34	0,8%
Т. 13	16%	Т. 36	0,7%
Т. 18	39%	Т. 39	3,4%
Т. 23	34,4%	Т. 41	2,1%
Т. 33	98,1%	Т. 42	0
Т. 38	97%	Т. 43	0
Т. 40	98,3%	Т. 46	8,6%

⁸ См.: Малов В.Н. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА). С. 57–58.

Итак, мы видим, что в серии А есть тома, где практически все письма имеют помету «inutil»; в других случаях количество документов с такой пометой варьирует в диапазоне 15–40% и никогда не бывает единичным. Наоборот, в серии В нередки тома, где совсем нет таких резолюций, а в других они имеются в единичном количестве. Поражает, например, контраст между взаимно синхронными т. 40 из серии А (апрель – август 1555 г.) и 41, 42 из серии В (апрель – июнь и июль – сентябрь 1555 г.), с практически повсеместным присутствием помет в первом случае и почти полным отсутствием их во втором. Этого не было бы, если бы документы обеих серий были первоначально смешаны, и Рибье разбирал их в естественном хронологическом порядке. Но тогда, значит, одна из серий досталась ему позже другой и, соответственно, позже была разобрана. Или, может быть, Рибье вообще просматривал документы по сериям и, пока не была закончена работа над одной, не переходил к другой, – а за этот срок постепенно изменилась его манера отбраковки: то ли он просто устал ставить «inutil» на многочисленных документах, то ли со временем решил, что раз уж отбракованные бумаги можно будет пустить на продажу, лучше не «компрометировать» их подобными надписями. Во всяком случае, видно, что Рибье собирал распавшийся фонд Дютье по частям.

Такое же представление создаётся из предисловия Рибье к его рукописному инвентарю, где он пишет: «Я собирал это небольшое политическое сокровище много лет и не без труда, ибо мне приходилось искать и отбирать письма из больших груд бумаг в семейных архивах, где они были погребены, и я мог бы гордиться тем, что извлёк их из могилы...»⁹

Из этого следует важный вывод. Раз Рибье пришлось собирать своё «сокровище» по частям, то нет гарантии, что ему удалось собрать все его части. Вполне возможно допустить, что какие-то фрагменты огромного архива Дютье остались недоступны блуасскому эрудиту, были приобретены другими коллекционерами или просто погибли. Но, – вопреки тому, что предполагалось ранее, – это не относится к двум сериям коллекции Ламуаньона, прошедшим через руки Рибье и представляющим собою собрание отбракованных им документов (пропали же после использования как раз материалы, отобранные для типографии). Таков основной вывод из новой версии сложной истории коллекции.

⁹ BN. Ms. fr. 17358 (страницы рукописи не пронумерованы).

БУМАГИ ФЛОРИМОНА РОБЕРТЕ В КОЛЛЕКЦИИ ЛАМУАНЬОНА*

Когда выяснилось, что в коллекции Ламуаньона (РГАДА) имеются целых двадцать самых старых документов, написанных ещё до 1538 г. (года начала активной секретарской деятельности её создателя как архивного фонда Жана Дютье) и как будто никак с Дютье не связанных, возникла загадка их происхождения.

Прежде всего следовало обратить внимание на имена адресатов частных писем, чьи личные архивы можно было бы считать вероятным источником пополнения коллекции. Обнаружилось три таких письма.

Одно из них — письмо адмирала Франции Гийома Гуффье де Бонниве из Пойрино в Пьемонте от 31 мая предположительно 1521 г. (в начале правления Франциска I даты года под простыми письмами, *lettres missives*, ещё не ставились)¹. Адрес не сохранился, но адресат устанавливается по подписи («Ваш покорный кузен и слуга») — это не кто иной, как молодой Монморанси, двоюродный брат Бонниве. Личных связей Дютье с Монморанси достаточно, чтобы объяснить случайное появление этого единичного старого письма в архиве бывшего секретаря коннетабля. Возможен и другой вариант объяснения: передача этого письма к Монморанси (оно содержит сведения, полученные военной разведкой) для ознакомления адресату двух других писем, о чём ниже.

Письмо маршала Франции Оде де Фуа де Лотрека, французского губернатора Милана. Лагерь под Робекко, 20 октября [1519 или 1520 г.]². Подпись: «Set vostre bon amy Odet de Foix» («Это Ваш добрый друг Оде де Фуа»). Адрес: «Месье казначею Роберте». Начальное обращение: «Месье казначей». Автор просит адресата воздействовать через короля на главу финансового

ведомства Самблансэ, дабы тот увеличил обещанную им сумму выплаты армии Лотрека; озаботиться присылкой официальных грамот, подтверждающих назначение Лотреком новых «военных сенаторов» в Милане и новых военачальников.

Письмо вышеназванного адмирала Бонниве, командовавшего армией на испанской границе. Лагерь под Фуэнтеррабией, 9 октября [1521 г.]³. Подпись: «Это Ваш добрый и истинный друг Бонниве». Адрес и начальное обращение — как в письме Лотрека: «Месье казначею Роберте» и «Месье казначей». Автор сообщает о трудностях при осаде им Фуэнтеррабии, высказывает свое мнение о ходе военных действий на итальянском и фландрском фронтах, просит информировать его о ходе переговоров канцлера Дюпра с англичанами.

Кем же был Флоримон Роберте, «добрый друг» маршала и адмирала (которого они все же не удостоили обращения «Ваш слуга»)?

Этот чрезвычайно влиятельный человек, фактически и негласно исполнявший роль первого министра (особенно после смерти в 1510 г. кардинала д'Амбуаза) мало обращал на себя внимание французских историков, во многом заслонённый «официальной» фигурой канцлера Антуана Дюпра. Лишь сравнительно недавно появилась первая посвящённая ему небольшая специальная работа⁴. Уже из её заглавия видно, что год рождения Флоримона Роберте до сих пор точно не известен (он предполагается в интервале 1459–1466 гг.); ныне точно установленная дата смерти (29 ноября 1527 г.) ранее часто указывалась неправильно.

Род Роберте происходил из Монбризона в области Форе. Своим возвышением Флоримон был во многом обязан отцу, Жану Роберте. Очень образованный человек и поэт, он успешно служил сначала герцогу Бурбону, потом королю Людовику XI, став в 1469 г. первым секретарем только что основанного высшего королевского ордена Св. Михаила (должность, которую он в 1495 г. смог передать сыну). Сам Флоримон уже к 1491 г. стал ординарным королевским секретарем, сопровождал Карла VIII в его итальянском походе, в 1495 г. получил «по

³ РГАДА. Ф. 81. Т. 5. Л. 18–19.

⁴ Mayer C.-A., Bentley-Cranch D. Florimont Robertet (? – 1527), homme d'État français. Paris, 1994. См. также более позднюю статью о роде Роберте: Mignot D.-A. Les Robertet: grands serviteurs de l'État, XVe et XVIe siècles // Bulletin de La Diana. 1996. Т. 55. N 2. P. 161–198.

* Средние века. 2012. Вып. 73. № 3–4. С. 341–364.

¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 5. Л. 127–128.

² Там же. Т. 2. Л. 1–10б.

комиссии» пост одного из королевских секретарей, подписывающих финансовые документы (должность, в середине XVI в. получившая именование «государственный секретарь»). Уже при Людовике XII в 1501 г. он стал «казначеем Франции»; как мы видели, это был его главный «титул», который он передал старшему сыну Клоду (второй сын, Франсуа унаследовал должность «секретаря по финансовым документам»).

Внешняя скромность положения Флоримона Роберте подчеркивалась тем, что ни один из занимаемых им административных постов не давал ему единоличной власти. Франция была тогда разделена на четыре больших финансовых округа, и для каждого округа был свой «казначей Франции» (Роберте курировал округ Нормандии). «Казначей Франции» ведали только домениальными доходами, но не сферой налоговых поступлений, значение которых все более возрастало: этим занимались «генералы финансов». Общими вопросами финансовой политики ведала коллегия из четырех «казначеев Франции» и четырех «генералов финансов», и в этой коллегии Роберте не был главным лицом: в январе 1518 г. первенство в ней получил один из «генералов финансов», личный казначей королевы-матери Луизы Савойской Жак де Самблансэ, ставший фактически исполнять функции будущих сюринтендантов финансов (возвышение, за которое он через девять лет заплатит жизнью).

«Секретарей по финансовым документам» было также четверо, и до регламента 1547 г. никакого четкого распределения обязанностей между ними не было. Такая неразграниченность компетенции позволяла обладателю этой должности, в зависимости от своих способностей и доверия монарха, заниматься любыми делами в сфере гражданской и военной администрации, и даже внешней политики. Роберте сделал престижной эту ранее малозаметную должность, став родоначальником династии государственных секретарей. Самого его неофициально именовал «государственным секретарем» уже в 1500 г. флорентийский посол во Франции Никколо Макиавелли, получивший от своего правительства предписание как можно чаще советоваться именно с Роберте⁵.

Какова была судьба архива Флоримона Роберте? Известно, что через несколько лет после его смерти, в 1534 г. вдова передала часть бумаг супруга в государственный архив («Сокровищница

⁵ Mayer C.-A., Bentley-Cranch D. Op. cit. P. 29–30.

Хартий»), в связи с чем был составлен инвентарь, опубликованный в посвященной Роберте монографии⁶. Инвентарь интересен тем, что в нем отмечены не только принятые, но и оставленные в обладании вдовы документы. Сокровищница Хартий приняла в основном то, что имело официальное, правовое значение: копии официальных договоров, полномочий, грамот и т.п.; по большей части это были акты 1495–1506 гг., — и ничего, относящегося ко времени Франциска I. Текущая переписка была оставлена вдове. Логично предположить, что архив Роберте со временем перешел к его старшему сыну Клоду, а затем к старшему внуку, также звавшемуся Флоримон Роберте, барон д'Аллюи.

Судьба Флоримона-внука оказалась тесно связанной с судьбой наследства Жана Дютье. Начать с того, что именно он после смерти Дютье в марте 1560 г. получил его должность государственного секретаря. Собственность на главную резиденцию Дютье, замок Борегар, была, согласно его завещанию, разделена между его побочным сыном (законных детей у него не было) и сестрой покойного. Очень скоро долю сына приобрел финансист Симон Тетю, но в 1566 г. обе половины Борегара — и Тетю, и Мари Дютье — были воссоединены в руках купившего их Флоримона Роберте д'Аллюи: преемник Дютье по должности овладел и его замком вместе с хранившимся там архивом. Было бы соблазнительно предположить, что по какой-то случайности Флоримон-внук перенес в Борегар небольшой фрагмент архива своего великого деда. Однако нет никаких сведений о том, что он вообще работал в Борегаре. Если для Дютье Борегар был главной резиденцией, то Флоримон д'Аллюи был обладателем доставшегося от деда великолепного замка в Бюри близ Блуа. После покупки Борегара он прожил менее трех лет: молодой министр скончался 8 июня 1569 г. в Париже. Борегар перешел во владение его супруги Жанны д'Алюэн (Haluyn), статс-дамы Екатерины Медичи; может быть, для нее он и был куплен на втором году их брака, оказавшегося бездетным. Затем Жанна вступила во второй брак с Филиппом д'Анженном, съемом дю Фаржи; в 1588 г. в качестве сеньора Борегара выступает их сын Шарль, у которого замок и был куплен в 1617 г. Полем Ардье, президентом Парижской Счетной палаты⁷.

⁶ Mayer C.-A., Bentley-Cranch D. Op. cit. P. 161–193.

⁷ Данные о судьбе Борегара сообщила мне Аньес Шабла-Бейло (A. Chablat-Beylot), специально занимавшаяся историей замка по его архивам (письмо от

Если отказаться от предположения, что фрагмент архива Роберте появился в Борегае благодаря его внуку, то можно вспомнить слова первого издателя бумаг Дютье Гийома Рибье о том, что он собирал материалы для своей публикации не в одном, а в нескольких частных архивах («в различных старинных домах, особенно в графстве Блуа, в котором некогда жили наши короли, их главные министры и секретари»)⁸.

Об истине этих слов свидетельствует письмо Рибье к хранителю Королевской библиотеки и известному коллекционеру Жаку Дюпюи (дата: «9 июля», год не проставлен; письмо написано между 1653 и 1656 г.)⁹. Рибье сообщает, что у него хранятся письма «времени Карла VIII и Людовика XII», и притом в таком количестве, что он предлагает прислать Дюпюи их специальный инвентарь, дабы тот мог отобрать из них кое-что для своей коллекции. Хронологические рамки данного комплекса подходят к частному архиву Флоримона Роберте, который был влиятельнейшим советником обоих монархов¹⁰. Во всяком случае, ясно, что предлагаемые документы никак не могли происходить из Борегара.

Правда, возникает вопрос: почему Рибье не хотел включать в посылаемый Дюпюи инвентарь сведения о документах начала правления Франциска I, когда Роберте действовал очень активно и его влияние достигло вершины? Может быть, Рибье первоначально хотел начать свою публикацию с первого года царствования Франциска (о чём как будто говорит заглавие его работы) и лишь впоследствии, подавленный обилием материала, отодвинул эту дату на 1537 г.? И тогда небольшая часть документов из архива Роберте (А где остальные? Их должно было быть гораздо больше!) случайно (опять случай – но как без него обойтись!) попала в груды бумаг, отброшенных за «бесполезность», и так оказалась у Ламуаньона?

23 декабря 1998 г.); эти данные сопоставлены с информацией из «Dictionnaire biographique de France» (статья «Angennes»).

⁸ Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier. T. I. Paris; Blois, 1666. P. 5.

⁹ Малов В.Н. Дютье – Рибье – Ламуаньон: новое о коллекции Ламуаньона // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 334. Копия этого письма, хранящегося в Национальной библиотеке Франции, была любезно предоставлена мне проф. М. Антуаном.

¹⁰ В описи фонда Дюпюи в Национальной библиотеке мне не удалось найти следы приобретения этого комплекса, и его судьба остается неясной.

Подводя итоги, нужно отметить, что из 20 самых старых документов коллекции Ламуаньона 16 (до 1527 г. включительно) можно считать происходящими из архива Флоримона Роберте (включая сюда, естественно, письма, адресованные королю, копии инструкций и т. п.). Оставшиеся 4 документа (за 1529–1534 гг.) можно связать с деятельностью Жильбера Баяра, «секретаря по финансовым документам» в 1528–1547 гг., непосредственного предшественника по должности Жана Дютье (Дютье унаследовал от него 20 документов за последние три месяца его секретарства, с декабря 1546 г. по март 1547 г.). Кстати, жена Баяра Мадлен происходила из рода Роберте...

* * *

Перейдем теперь к характеристике двух ниже публикуемых анонимных и не имеющих адреса писем из коллекции Ламуаньона, адресатом которых, полагаю, следует считать Флоримона Роберте. Это относящиеся к октябрю 1521 г. письма его агента (или, говоря современным языком, резидента) в Брюсселе, присланные из-за линии фронта.

1521 год был первым военным годом, открывшим серию войн между Франциском I и императором Священной Римской империи Карлом V. Инициатива принадлежала Франции, объявившей войну в мае; положение молодого императора в начале этого года выглядело весьма критическим: в Испании шло восстание «комунерос», в германских землях развернулось начатое Лютером движение Реформации, не хватало денег – ещё не прибыли галеоны с богатствами захваченной в этом же году Кортесом Мексики. Двадцатилетний Карл, ещё не отличившийся никакими успехами, выглядел слабым противником Франциска I с его репутацией непобедимого Цезаря, который в первый же год правления, одержав победу при Мариньяно, отвоевал потерянное его предшественником Миланское герцогство. Опасаясь усиления Франции, Генрих VIII Английский склонялся к союзу с императором. С августа по ноябрь в Кале, принадлежавшем тогда Англии, шли мирные переговоры при английском посредничестве; французскую делегацию возглавлял Дюпра, английскую – первый министр кардинал Уолси. После разрыва этих переговоров 24 ноября был заключен антифранцузский союз между императором, Англией и папой. Все это время военные действия с перемен-

ным успехом шли на испанском и фландрском фронтах (как мы увидим, агент из Брюсселя настаивал на большей французской активности), а в Италии год окончился печально для Франциска: 19 ноября был потерян Милан.

Хотя автор писем не забывает о своём сравнительно низком социальном статусе, к шефу он обращается просто «месье»; канцлер Франции Дюпра, конечно, именовался бы «монсеньор»¹¹. Но этот скромный «месье» выглядит человеком, от которого зависит вся политика Франции: движение армий, снабжение гарнизонов, сношения с флорентийскими банкирами и т.п. За то, что получателем писем был Роберте, говорит, конечно, и сам факт их нахождения рядом с адресованными ему оригиналами писем Лотрека и Бонниве.

Есть и ещё один очень веский довод косвенного характера. Оригиналы писем, присланных из-за линии фронта, безусловно, были зашифрованы. Мы имеем дело с дешифровкой, сделанной очень беглым, подчас трудно разбираемым почерком (в обоих текстах он идентичен). Такой текст нельзя было дать на чтение (например, королю), его следовало переписать. И тут мы встречаемся с очень любопытной правкой. Наговорив достаточно дерзостей своему шефу (стиль общения подчинённого с начальством, видимо, навсегда утраченный), брюссельский агент решил под конец написать нечто для него приятное: противники-де из всех французов, кроме короля, боятся только двух человек, коннетабля Бурбона и «месье де Роберте». Сопоставление странное и неожиданное: Бурбона могли бояться как крупного полководца, но причём здесь Роберте? Получателю оно совсем не понравилось, и слова «месье де Роберте» были зачеркнуты, остался коннетабль. Думается, что такую правку мог сделать только один человек – сам Роберте, всегда предпочитавший действовать в тени и не выставляться напоказ.

Автор писем остается неизвестным. Из того, что он о себе сообщает, видно, что он француз, не священник и не монах (его жена и дети проживали в городе Жизоре), не дворянин (поскольку просит освободить его от тальи); что он уже несколько лет состоит на своей агентурной службе (ему довелось давать критическую оценку ещё франко-имперскому договору в Кам-

¹¹ Он, впрочем, и не мог быть получателем писем, поскольку находился на конференции в Кале – городе, жестко изолированном в это время от внешнего мира.

бре в марте 1517 г.); что он знает себе цену, уверен в правоте своих рекомендаций и способен даже ругать в глаза своего шефа, который им не следует, а тот это терпит (что, конечно, хорошо характеризует шефа). Можно было бы узнать и его имя, если бы нам было больше известно о деятельности любопытной жизорской секты, пытавшейся воскрешать мертворожденных младенцев, за борьбу против которой семья автора была изгнана из Жизора.

Обращает внимание горячее одобрение им действий Лютера в году, когда уже прозвучали знаменитые слова великого реформатора: «На том я стою и не могу иначе». Он защищает Лютера не только из политических соображений (Лютер – лучший союзник против враждебного Франции папы), но и потому, что сам настроен на необходимость глубоких реформ в Церкви, о чём свидетельствуют и его резкие инвективы в адрес развратного духовенства, и проявившееся в «жизорской истории» стремление очистить религию от суеверий, пронизывающих народное восприятие христианства.

Остается ещё отметить одну характерную особенность стиля автора, может быть, не лишённую интереса для истории ментальности. При всем своем патриотизме он никогда не пишет «наша армия», «наше королевство» и т.п., для него это означало бы поставить себя некоторым образом вровень с шефом, а он все-таки сознает, что по своему социальному статусу этого недостойно. Он всюду пишет «ваша армия», «ваши города» и даже «ваше королевство» (как будто письмо адресовано самому монарху). В переводе я пишу местоимения «Вы», «Ваш» с прописной буквы, когда речь идет лично об адресате, и со строчной – когда имеются в виду французские войска, города, королевство; всегда ли точно это разделение, пусть судит читатель.

**Inconnu [à Florimont Robertet]
Bruxelles, 4 octobre [1521]**

Monsieur. Plaise vous scavoir que j'avoye envoye ce porteur vers vous comme j'avoye de coustume, maiz Monsieur de Noyelle l'a retenu, et veu le tout ce que je vous mandoye, et communicque a qui il luy a pleu, et luy a fait tout plain de desrisions, ainssy qu'il vous dira; ilz feissent beaucoup myeux de garder les passages des bletz et vituaillez que chacun jour ilz lessent passer et tirer hors des pays.

Je vous e escrit et rescrit passe a lonctemps, et ce vous avez bien veu et retenu tout ce que je vous e escrit, et bien rumyne le tout. Vous avez l'experience de la verite de tout ce que je vous e adverty, mais vous ne vous estes pas conduictz, ce me semble, comme il appartient. Il y a ung an que ne cessez d'assembler vos gens en mengeant vostre pays et destruyre le peupple, et est hyvoir venu. A donc que deubsiez besongner et suivre vostre fortune que ne recouvrez jamaiz ce faillez a ce coup; et ce vous poursuivez, vos ennemys mortelz sont deffaiz.

Je vous avoye bien mande qu'ilz ne feroient que une levee laquelle ne dureroit que bien peu, il est vray. Chacun ce depart a honte et confusion, synon ce Nansot et ce fol de Monsieur de Lygnez et leurs semblablez qui cuydent encore rompre les anguilles au genoil; mais c'est fait, je le voy bien, et sy ont bien perdu de leurs gens. Et pour ce chassez, il ne fault craindre ne pluye ne vent ne gellee; poussez oultre a ce coup, ou il vous en prendra mal. Car ilz ont intencion que cest yver, a force de angelotz que l'Engloys baillera, ilz gagneront des gens. Et pour ce, tant que vous avez vos gens prestz, employez les; il me semble que c'est mal exercer l'exercite millitaire ainssy que avez procede. Car la ou vous voyez ces gens ycy estre a Mouson et a Mesierez, vous debviez faire jecter partie des vostre en ceste ville d'Arras, et y mettre ces renye-Dieu mengeurs de peupple, et leur habandoner. Car de les perdre, il n'y a nul danger. Il est plus honneste de les ensupulturer aux fossez d'une ville que les veoir aux gibetz.

Il est venu ycy nouvelles que le Roy a intencion de pousser oultre quelque yvoir qu'il face; mais vous ne veistez jamaiz gens sy estonez, sy n'a ne Engloys ny aultre qui ne ce hebaysse, croyez moy de vray. Leurs Allemans s'en retirent mal contens et mutynez les ungs contre les autres, car ilz ont este mal traictez et mal payez. Les villes et les pays de par dessa qui ont baille argent, cela est despaiche; on est apres pour en tirer encore, maiz nul n'y veult plus entendre et ce mutynent les ungs contre les autres, et feront encore plus. On est apres les gens d'Eglise et gens marchans pour avoir argent, maiz chacun tire ariere. En effect, c'est pitie que de leur fait et estat. Et croyez que la pluspart de toute ceste cocquinaille ycy ne va contre vous synon pour piller, car on les a preschez et donne a entendre que on les mettra dedans France incontinent et qu'ilz seront riches a jamaiz.

Ilz ont este bien estonnez des nouvelles de dela les montz et du siege de Mesieres, la ou sont mortz plusieurs. L'Empereur receut ce cardinal Engloys a Bruges le plus humblement et le plus doucement du monde. Et combien que ledict cardinal faignist de aler pour moyenner etc., le traicte avoit commission de son maistre l'Engloys de besongner avec ledict Empereur pour l'affaire de la guerre, et bailla de l'argent audict Empereur. Et sy ont envoye des Engloys avec cesdictz Henuyers, dont est capitaine Monsieur Wingsil auquel vous avez fait tant de biens; et sont

cincq ou six mille archers engloys, et sy sont payez dudict Engloys, et les Henuyers avec.

Ces jours passez ledict Empereur a envoye le conte Cariat espagnol a Calais vers cedict cardinal, lequel cardinal fait le malade pour veoir qu'ilz feront en Espagne. Et mesmes sont venuz en la maison de l'Empereur le duc de Nege et le conte Villac avec un XX navirez (mais le duc de Nege est venu a part); et ont cesdictz Espagnolz receuilly a donner en Engleterre dix navires d'Engleterre bien esquippez et bien armez de toutes chozes pour la guerre. Ilz disent qu'ilz sont dix mil hommes, mais j'en rabatz la moytye.

Vous avez toujours este abusez de ces nombres de gens de par dessa; et font courir le bruit qu'ilz sont cent mil etc. Je vous promet que jamaiz ne furent XX mil hommes. Et me hebaiz comme estes sy abuser de vous lesser menger et destruyre a ces paysans ycy assemblez de toutes pars, lesquelz ne vallent rien que a yvrongner foulz comme bestez bruttez sans raison. Vous congnoissez comme plusieurs foys vous e escrit que ceste maison ycy de tous temps est cause de la destruction de la vostre, et la ou vous les tenez vous les lessez aler, qui est tres mal fait a vous. Vous scavez davantage que cest Engloys est toujours joint avec eulx et pousse par derriere tant qu'il peult, et sy ne cesseront jamaiz ce ne deffaictes cesdictz Hennyers et Artesiens. Et ne vous fiez a eulx en quelque fasson que ce soit non plus que au dyable d'enfer, car je scay de vray qu'ilz vous destruyront s'ilz peullent. Car jamais prince de France ne fut sy crainct que le Roy de present, et sy veoit bien ledict Engloys qu'il a failly et qu'il est en danger, et croyez de vray que jamaiz gens ne eurent sy belle peur qu'ilz ont, quelque bonne myne qu'ilz facent. Je vous prometz que dela les montz les a bien refroidiz, et les courcez et tueriez faictes par vous sus lesdictz Hennyers. Par quoy, comme dit est, vous devez suyvir, car jamaiz vous ne eustes ne averez sy beau que a ceste heure.

Vous scavez assez comme tous les passages sont prins entour Tournay affin qu'ilz ne ayent vituaillez et secours. Et je vous avoye tant mande et remande de y pourvoir. Je croy qu'il vous desplaist de ce que je vous advertis, car je voy que faictes tout a l'opposite. Je ayme myeux me deporter et ne vous mander plus rien; aussy bien je n'y e nul profit, et sy ne m'en doit challoir, car je puis vivre sans cela.

Vous avez ceste ville d'Arras, laquelle vous empaiche plus que nulle place. Ce le Roy Loys Unziesme, que Dieu absolve, l'eust fait raser et les autres, vous ne fussiez pas a ceste heure aux dangers et perditions de vos biens comme vous estes; maiz il y a tousjours es maisons des princes gens quy ayment trop leur singulier profit et son contens que la choze publicque ce perde et qu'ilz ayent quelque sac d'argent o maulditz gouverneurs donnez.

Avez vous pas bonne querelle sus ces gens, vous ne la scaveriez avoir meilleure. Car passez sont plus de deux ans, ces Engloys et eulx ont basty ceste guerre, combien, comme dict est, que jamaiz ne cesserent que cesseront. Ilz ont mis le Pape contre vous et ont cuyde gagner et Venicien et Suycez, et ont lonctemps entretenu lesdictz Suycez en leur promectant quatre cens mil florins. Donc l'Engloys est bien courouce qu'il ne les a euez et payez pour ledict Empereur. Et Dieu scait qu'ilz sont estonnez que les avez ainssy gaignez – mais gardes les, ou ilz les vous feront revolter s'ilz peullent; et les mectez en besongne tant que vous les tenez, car vous congnoissez qu'ilz sont muables. Et toutes ces nacions ycy, vous le voyez par experience, ilz ne ont point de propos ferme ne assure. Chacun en a pour son argent. Sy apres ces gens ycy d'Artoys quy sont vos subgetz vous ont jouez et rejouez inmeuez, et quy pis est oste vostre justice, et vous ont de tous temps et chacun jour fait la guerre a faulx tiltre et faulce querelle, et soustenu tousjours vostre ennemy l'Engloys.

Ilz abattent vos villez et chasteaux, ce que ne devez souffrir; et comme je vous e escrit, ce vous ne faitez raser ladicte ville, jamais vous ne garderez Tournay, et pareillement Hedinc et Bapaulmez et Bethune. Tout cela sera despache en quinze jours : ilz ne tiendront point, car il n'y a nullez vituaillez; ce les Liegeois ne eussentourny de vituaillez, ilz fussent mors de fain. Lesquelz Engloys ont belle peur, et non sans cause, car ilz ont bien deservy estre pugniz.

Ceux d'Arras ont joue le Roy [*corrigé*: Royaume] de France, et ont dit qu'il est devenu prieur et qu'il n'est plus Roy, et qu'il ne cesse de prier puis l'Empereur, puis l'Engloys, puis le Pape etc. Et Dieu scait les derisions qu'ilz ont fait et de la deffaite de Navarre et de Mouson etc.

Au regard de la ville d'Ardre quy a este gastee, l'Engloys la fait faire ausdictz Artysens. Je m'ebay pourquoy vous y faisiez bastir, ce ne vouliez passez plus outre a la fortifier. Vous ne savez que gaster vostre argent.

Il y a dedans ladicte ville d'Arras force de ces hanotins foulz, lesquelz ne tiendront guaires, maiz qu'ilz ce veoyent abatre leurs maisons sus leurs testez, eulx mesmez ce entreteront. Je les congnoys bien, chacun ce muteyne ja.

Au regart de vituaillez je vous assure qu'ilz n'en ont plus guairez; ung pain de deux solz est bien petit et toutes autres chozez a l'equipollent. Ce vous suivez ferme et passez outre, c'est fait, jamaiz ilz ne vous feront mal, car la pluspart meurent de fain. Car tous les pays sont petis, il n'y a pas telle espace que en France ne tellez commoditez de biens, mais c'est la plus folle chienaille quy soit sus la terre et quy moins ont de tenue et le plus fol peuple. Et ne devez differer a les deffaite, ou ilz vous feront tant de maulx et de ennuy que ne les scavez porter.

Au regard de l'Engloys, je vous promect qu'il a la plus grosse doubtte qu'il eust en sa vie. Je le scay de vray: il veoit qu'il est cause de ceste

guerre et a tout mis en train. N'en soyez en doubtte, je le scay de vray. Et y a mis son argent lequel est perdu, et veoit bien qu'il a affaire a gens foulz sans raison; et pensoit bien qu'ilz feissent myeux leurs besongnez sus vous. Et a ceste cause a fait acoustrer toute son exercitte tant par terre que par mer pour vous saillir sus le col s'il peilt et vous faire tout perdre et destruyre.

Quant il a este question d'aler a Ardre pour destruyre ladicte ville, les gens de l'Empereur sont alez a Calays vers le chancier d'Empereur scavoir ce on devoit prendre ladicte ville d'Ardre, mais le cardinal d'Engleterre a donne le conseil de ce faire. Ne vous fiez jamaiz a eulx en quelque fasson que ce soit, et me semble que c'est une grosse despence de y avoir envoye vos ambassadeurs, lesquelz on ne fait que entretenir en actendant leur bonne fortune, mais veu ce que je voy ilz ont bel actendre. Je vous promect, tous ensemble ilz sont bien empaichez et bien esbays, comme il est possible que puissez resister; et avez ainssy resiste en tout vostre affaire et la ou vous prenez tant d'argent. Les villains sont affollez ce vous voulez chasser outre, et pour ce poviez jectez vos mengeurs de peuple renyeurs de Dieu, comme dict est, sus ces villes d'Artoys et Haynault, et faitez destruyre et gaster les pays. Ce ne le faitez a ce coup, vostre cas yra mal a la fin.

Vous savez que l'annee passee je crye tant apres vous pour ces bletz que lessiez vuyder et tirer hors vostre Royaulme, dont n'avez rien fait et n'avez fait aucune pugnition de ceux qui les tiroient hors, dont vosdictz ennemis ont este envitaillez et renforces et vostre povre peuple destruit. Vous ne tenez conte, comme dict est, de ce que je vous escri, car je suis de trop petit estat pour estre creu. Je vous entens bien, maiz ung jour vous congnoistrez que le vouldriez avoir fait. Et ce ne vous donnez de garde, ilz averont encore de vos bletz et vins et toutes vituaillez. Car vous avez officies et marchans sy friantz a l'argent que pour en avoir ilz sont contens de la perdicion du Royaulme.

Faitez commandement pour tout le Royaulme, singulierement sus les rivieres et portz, que tous les marchans de bletz, tant de l'an passe que de cest an present, baillent par declaration a qui ilz ont vendus les bletz, et pareillement a tous les vendeurs de bletz, et que on les mecte en arest. Et au surplus que deffence soit faite a chacun de non vendre blez en leurs maisons, maiz les portent aux villez et marchez prochains d'eulx sur payne de confiscacion de corps et biens, s'ilz ne ont laictrez speciales du Roy pour en faire autrement. Car cesdictz marchans par tout vostre Royaulme ce retirent de village en village, de maison en maison, et achattent toutes les granchez de bletz, et puis les font lever et tirent par les rivieres et portz hors de vostre Royaulme, et les portent aux Engloys et ycy par dessa; je le scay de vray, faitez les bien pugnir. Et mesmez vos officiers pour de l'argent les lessent passer tant sus la riviere de Sayne que sus la riviere de

Somme. Et pour les desrober ilz ont ces grans basteaux pescheurs qui vont pescher, lesquelz ilz chargent de vituaille. Le viel maieu d'Abeville a eu puis ung moys XXXVI angelotz des Angloys, qui est pour les Flamans pour en vuyder deux basteaux. Il y en a sus la ryviere de Sayne qui font rage, maiz qu'on, je vous e beau dire, vous n'y mettez point de ordre.

Cest Empereur a envoye vers les Ellecteurs, il ne scait ou envoyer pour avoir medecine, car il n'y a point d'argent.

Le Roy de Dannemarc est venu ucy luy cincq ou sixiesme, lequel c'est offert a faire mirabilia, maiz qu'on luy baille de l'argent.

Je vous avoye mande que ne debvyez toucher aux faitcz de Luther, et que le Pape ne vous pressoit pour rejeter ces faitcz par vostre Universite de Paris synon pour et affin que ne luy sceussiez plus rien rejeter de sa dignite papalle. Vous debveriez avoir ledict Luthel, et ne fault que luy pour debeller le Pape. Maiz les administrateurs des eglise pour ce jour d'huy dont tous maulx procedent ont condamne et condamnent ledict Luther pour ce qu'il les blasme de leur vie damnable, hors celle qu'ilz doivent tenir. On le voit par experience, leur vie et gouvernement, chacun en a horreur. Et feriez bien de leur faire payer une bonne ennee vostre armee, et qu'ilz ne entretinssent point tant de femmes, d'enfans, de procez, chiens et reseaux. Je suis hebay que vous estes sy aveuglez de les souffrir en telle vie, et ce en la premiere eglise on vivoit ainssy.

Je scay bien que avez bien a besongner d'argent et avez encore. Tirez, tirez de ces gens la, et soulager le peupple. Et mesmez vos officiers rongeurs de peupple et advocatz, faitez les soucer. Ilz ont tout l'argent de vostre Royaulme, vendez toutes leurs officez, ilz en ont assez. Et mettez les deniers des villez en vos mains, car ilz les mengussent et en font les gros edificez et gros joyaulx a leurs femmes, et mengussent tout le Royaulme. Ces gens ucy disent que ce qu'ilz font n'est synon pour oster les abuz qui ce commectent en France, et corriger les larcins et pillerier qui s'y commectent, – et faignent que la guerre qu'ilz vous font est pour soustenir la querelle de Dieu.

De Brucellez ce vendredi IIIe d'octobre.

Ces princez ucy ne craignent apres le Roy que deux personnages, Monsieur de Bourbon [*biffé*: et Monsieur de Robertesse]. Et est choze vraie que sans fin ilz ce informent ou est ledict Seigneur de Bourbon.

Неизвестный [Флоримону Роберте] Брюссель, 4 октября [1521 г.]

Месье. Да будет Вам известно, что я отправил к Вам подателя обычным способом, но месье де Нуайель его задержал, видел все, что я Вам послал, разгласил это кому только хотел и высмеял его (курьер Вам об этом расскажет). Уж лучше бы они охраняли как следует те пути, по которым из страны каждодневно вывозят зерно и прочие припасы.

Я давно уже Вам писал, и не раз, и Вы все это видели, уяснили и обдумали, убедились в правоте всех моих сообщений, но, мне кажется, Вы не ведете себя как должно. Вот уже год как вы непрерывно собираете ваши войска, обедая вашу страну и разоряя народ, а уже наступает зима, так надо же действовать, и если опустите форту, она уже не вернется, а если ею воспользуетесь, то одолеете ваших смертельных врагов.

Я сообщал Вам, что они собирают ополчение, но это, по правде говоря, ненадолго. Каждый удаляется со стыдом и смущением, остаются только Нансо¹², этот безумец месье де Линь и им подобные, которые все ещё надеются переломить угря через колено. Но я хорошо вижу, что они потеряли уже много своих людей, – а потому начинайте охоту, не боясь ни дождя, ни ветра, ни заморозков, а иначе вам придется плохо. Они ведь намерены этой зимой набрать солдат, получив золото от Англичанина¹³. А потому, раз уж ваши войска готовы, используйте их; мне думается, что нельзя так держать в бездействии армию, как вы это делаете. Вы же видите, что противник напал на Музон и Мезьер¹⁴, – а вы ударьте частью ваших войск на город Аррас! Отправьте-ка туда этих обедающих народ богохульников, и будь что будет! Погибнут – не беда. Погибнуть в городских рвах гораздо почетнее, чем висеть на виселице.

Здесь стало известно, что Король намерен наступать зимой, невзирая на погоду. Вы не можете и представить себе, как все здесь ошеломлены – и англичане, и все прочие. Нанятые немцы уходят недовольные, злясь друг на друга: с ними плохо обращались, им мало платили. Деньги, собранные здесь с городов и крестьян, уже потрачены, хотят взять с них ещё, а никто не хочет давать, все в волнении, а будет ещё хуже. Просят денег у духовенства и купечества – все уклоняются. В общем, жаль смотреть на их положение. А те каналы, которые идут в армию воевать против вас, по большей части хотят только пограбить, – им внушили, что как только их введут во Францию, они тут же на всю жизнь обогатятся.

Здесь были поражены новостями из-за гор¹⁵, об осаде Мезьера¹⁶, где многие погибли. Император принял английского кардинала в Брюгге¹⁷ с величайшим смирением и почтением. Хотя названный кардинал и притворяется, что целью его поездки было посредниче-

¹² Генрих III Нассау (1483 – 1538), главный камергер Карла V, дядя Вильгельма Оранского; в 1521 г. осаждал Мезьер.

¹³ Король Англии Генрих VIII.

¹⁴ Музон был взят 29 августа, после чего имперские войска осадили Мезьер.

¹⁵ Имеются в виду Арденны.

¹⁶ Осада Мезьера была снята 26 сентября; обороной города руководили Пьер Баяр («рыцарь без страха и упрека») и Монморанси.

¹⁷ Кардинал Уолси выехал из Кале в Брюгге 12 августа; 25 августа здесь был заключен союз между императором и Англией.

ство, на самом деле этот предатель имел поручение своего государя говорить с Императором о военном союзе. Он передал Императору деньги, и уже послан английский отряд с участием жителей Эно под командой капитана месье Уингсила, которому Вы сделали так много добра; их пять или шесть тысяч английских лучников, и они оплачены английским монархом, как и жители Эно.

Недавно названный Император послал в Кале к названному кардиналу испанца графа Кариата¹⁸, а кардинал сказался больным, чтобы посмотреть, что они в Испании сделают. И вот ко двору Императора прибыли герцог де Неж (?) и граф Филлах с 20 кораблями (герцог де Неж прибыл отдельно); испанцы собрали средства на закупку в Англии десяти английских кораблей, хорошо снабжённых и вооружённых для ведения военных действий. Говорят, что на них 10 тысяч человек, но думаю, что эту цифру надо уменьшить вдвое.

Вас всегда вводили в заблуждение распространявшиеся здесь цифры численности их армий; распускают слух, что у них 100 тысяч солдат. Уверяю Вас, что никогда не было и 20 тысяч. Дивлюсь, как это вы позволяете объедать и разорять ваши земли здешним крестьянам, этому сброду, годному лишь на то, чтобы напиваться как скоты. Вы помните, сколько раз я писал Вам, что этот дом [Габсбургов] всегда был смертельным врагом вашего, и вот сейчас, когда вы их схватили, вы позволяете им выскользнуть, и это очень плохо для вас. Вам также известно, что Англичанин всегда с ними в союзе и по мере сил их подталкивает, и так всегда будет, если вы не разгромите Эно и Артуа. Ни в чём им [англичанам] не верьте, они подобны дьяволам и уничтожили бы вас, если бы могли. Ведь никогда ещё ни одного французского монарха не боялись так, как нынешнего Короля, и названный Англичанин хорошо видит, что ему грозит опасность, — поверьте мне, они страшно боятся, хотя и скрывают свой страх. Уверяю Вас, что новости из-за гор их сильно охладили, равно как и ваши истребительные набеги на Эно, которые надо продолжать. Никогда ещё вы не были и не будете в таком выгодном положении, как сейчас.

Как Вам известно, все проходы к Турне перекрыты, чтобы жители не могли получить ни продовольствия, ни помощи¹⁹. А ведь я столько раз советовал Вам об этом позаботиться, — но, видимо, Вам не нравились мои советы, раз Вы, как я вижу, поступаете прямо наоборот. Уж лучше бы мне ничего больше Вам не советовать — пользы никакой, нечего мне и заботиться, могу прожить и без того.

Вот перед вами город Аррас, который мешает вам больше, чем какой-либо другой. Если бы король Людовик XI, спаси его Господь,

¹⁸ Имеется в виду состоявший при дворе Карла V неаполитанец Джамбатиста Спинелли (ум. в 1522 г.). граф Кариати (графство в Калабрии).

¹⁹ Французский анклав во Фландрии Турне был осажден имперцами и 3 декабря, не получая помощи, капитулировал.

распорядился скрыть его вместе с другими городами²⁰, вы сейчас не подвергались бы таким опасностям и не терпели бы такие убытки, — но при дворах государей всегда имеются люди, которые слишком любят свою частную выгоду: что для них урон для общего дела, если эти презренные вельможи получают лишний мешок денег!

Если бы вы как следует прижали этих людей [аррасцев], это было бы лучше всего. Уже более двух лет, как они вместе с англичанами подстроили эту войну, хотя, по правде говоря, они её никогда и не прекращали, и не прекратят. Они настроили против вас Папу, хотели склонить на свою сторону венецианцев и швейцарцев, последних они долго упрашивали, обещая дать им 400 тысяч флоринов. Сейчас же Англичанин очень раздражен, что он не смог подкупить швейцарцев ради службы Императору. Богу известно, как они были ошеломлены, когда вы их [швейцарцев] заполучили²¹, — но не упустите их, иначе враги постараются возмутить их против вас. Пользуйтесь ими, пока они в вашем распоряжении, Вы же знаете, как они изменчивы. Да и все здешнее население, как Вы знаете по опыту, непостоянно в своих суждениях, для каждого важнее всего деньги. А вот артуасцы, ваши же подданные, над вами все время насмеются — и хуже того, не подчиняются вашей юстиции и всегда ведут с вами войну под надуманными предлогами, а их всегда поддерживает ваш враг Англичанин.

Они разрушают ваши города и замки, а это нельзя терпеть; как я Вам писал, если вы не сотрете с лица земли этот город, вам ни за что не удержать ни Турне, ни Эден, Бапом и Бетюн. На это дело понадобится всего две недели, аррасцы не выдержат, — там же совсем нет продовольствия, и, если бы льежцы его не поставили, они бы уже умерли от голода. А англичане сильно боятся, и не без причины, они заслуживают наказания.

Аррасцы смеются над королём Франции, говорят, что он уже не король, а приор, потому что все время просит²²: то Императора, то Папу и т.п.; а уж как они издевались над поражением в Наварре²³, под Музоном и т.п.

Что касается опустошения города Ардра, то Англичанин доверил это артуасцам. Удивляюсь, почему это вы начали там строить, но не догадались воздвигнуть укрепления. Вам бы только зря деньги тратить.

²⁰ В 1479 г. Тогда король ограничился массовым изгнанием жителей мятежного города.

²¹ Военный союз Франции с швейцарскими кантонами был заключен 5 мая 1521 г.

²² Игра слов: слово «приор» (монастыря) выглядит как существительное от глагола «просить» (*prier*).

²³ Вторгшиеся в Испанскую Наварру франко-наваррские войска были разбиты 30 июня при Ноайне.

В Аррасе много безумных смутьянов, но они долго не выдержат, а уж если им на головы будут крыши их домов рушиться, они сами заговорят о сдаче. Я их хорошо знаю, все уже ропшут.

Что касается пропитания, то уверяю Вас, что они уже довольствуются одним кусочком хлеба за два су и столь же малым количеством прочих продуктов. Если вы будете действовать твердо и решительно, успех обеспечен, они ведь сопротивляться не будут, большинство их умирает от голода. Здесь все сельские округа маленькие, нет таких просторов как во Франции, такой зажиточности, — а уж люди такие каналы, каких и на свете не сыщешь, никакой сдержанности, сплошь безумцы. Истребляйте их не колеблясь, иначе они вам причинят столько зла, что невоготу станет.

Что же до Англичанина, то я уверен, что ещё никогда в жизни он не был в таком затруднении. Он видит, что из-за него возникла эта война, что он все сделал для этого. Не сомневайтесь, мне это доподлинно известно. Он затратил деньги, а они пропали, и он видит, что имеет дело с глупыми, неразумными людьми, а ведь думал, что они лучше с вами справятся. Вот почему он подготовил все свое войско, — как армию, так и флот, — чтобы наброситься на вас когда сможет, сокрушить и уничтожить.

Когда решался вопрос, нужно ли взять и разрушить Ардр, люди Императора приехали в Кале к канцлеру названного Императора²⁴ узнать его мнение, а кардинал Английский посоветовал им так именно и поступить. Никогда и ни в чём им [англичанам] не верьте; и мне кажется, что было слишком дорого отправлять туда [в Кале] ваших послов — с ними просто тянут время, ожидая своих успехов, а их, думается мне, и не будет. Уверяю Вас, что все враги находятся в большом затруднении и крайнем смущении, они и не думали, что вы сможете сопротивляться, а вы сопротивляетесь на всех направлениях и смогли собрать столько денег. Эти ничтожества боятся, что вы будете наступать и напустите ваших объедающих народ богохульников на города в Артуа и Эно, разоряя и опустошая эти области. Если вы сейчас этого не сделаете, вам под конец придется плохо.

Вы же помните, как в прошлом году я умолял Вас позаботиться о том, чтобы зерно не вывозилось за пределы вашего королевства; Вы же ничего не сделали и не наказываете тех, кто его вывозит, и ваши враги подкрепляются и укрепляются, а ваш бедный народ разоряется. Вы совсем не считаетесь с тем, что я Вам пишу, для Вас я человек слишком низкого состояния, вот Вы мне и не верите. Я Вас понимаю, но когда-нибудь и Вы поймете, что хорошо было бы сделать по-моему. Если Вы не поставите охрану, враги так и будут получать ваше зерно, вина и все прочие припасы. Ведь ваши оффисье и купцы столь падки до денег, что ради них готовы погубить королевство.

²⁴ Меркурино Гаттинара (ум. в 1530 г.); возглавлял имперскую делегацию на мирной конференции в Кале.

Отдайте распоряжения по всему королевству, особенно по речным и морским портам, чтобы все зерноторговцы представили декларации, кому они продали зерно как в прошлом, так и в этом году, и кто им его продал; это надо взять под контроль. И пусть каждому будет запрещено продавать зерно у себя на дому, пусть везут его в города или на ближайшие рынки под страхом смерти и конфискации имущества нарушителей запрета, если только у них не будет специальных королевских разрешительных грамот. А то ведь купцы по всему вашему королевству разъезжают от деревни к деревне, от дома к дому, скупают зерно целыми амбарами, вывозят его по рекам и через порты за пределы королевства, к англичанам и сюда тоже, я это хорошо знаю; велите же их как следует наказывать. И даже ваши оффисье за деньги пропускают их как по Сене, так и по Сомме, а для укрытия груза используют большие рыболовецкие суда, те выходят в море для ловли, а на них всякие припасы погружены. Месяц назад старый мэр Абвиля получил от англичан 36 золотых за груз двух кораблей, предназначенный для фламандцев. То же творится на Сене, да ещё как активно, но сколько я Вам ни пишу, порядка Вы так и не наводите.

Император послал своих людей к курфюрстам, он не знает уж у кого искать помощи, денег-то нет.

Король Дании приехал сюда сам-пять или сам-шесть, обещает совершить чудеса, если только ему дадут денег²⁵.

Я Вам писал, что не надо вмешиваться в дело Лютера; Папа для того и требовал осуждения его вашим Парижским университетом, чтобы вы сами впредь не смели ни в чём умалять его папское достоинство²⁶. Вы должны были привлечь названного Лютера на свою сторону, для борьбы против Папы он необходим. Сейчас же церковные власти, от коих все зло проистекает, осудили и осуждают Лютера, потому что он клеймит их порочную жизнь, совсем им не подобающую. На опыте видно, как они живут и правят, внушая каждому омерзение. Вы хорошо сделали бы, если бы заставили их оплатить годичное содержание вашей армии, вместо того чтобы заводить столько женщин, незаконных детей, судебных процессов, собачьих свор и охотничьих тенет. Как Вы можете быть столь слепы, что терпите их позорную жизнь, а ведь такое творится в каждой церкви.

Я понимаю, что Вам нужно — и будет нужно — доставать деньги. Ну так возьмите их у этих людей и облегчите бремя народа. Выжидайте деньги из ваших грызущих народ оффисье и адвокатов, — в их руках все деньги вашего королевства. Продайте все их должности, у них их достаточно. Заберите себе деньги городов, городские власти

²⁵ Кристиан II (1513–1523), муж сестры Карла V, был вынужден бороться с национальным восстанием в Швеции против датского владычества. В августе 1521 г. правителем Швеции был избран руководитель восстания Густав Ваза, будущий король Густав I.

²⁶ Учение Лютера было осуждено Сорбонной 15 июня 1521 г.

их проедают, строят большие здания, покупают драгоценности своим женам — объедают все королевство. Здесь лицемерно говорят, что ведут войну с вами лишь для того, чтобы покончить с творящимися во Франции злоупотреблениями, грабежом и воровством, — а значит, стоят за Божье дело.

Из Брюсселя, пятница 4 октября.

Здесь принцы боятся, после Короля, только двух людей: месье де Бурбона (зачеркнуто: и месье де Роберте). Они без конца осведомляются, где же сейчас находится названный сеньор де Бурбон²⁷.

РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 226–229.

Inconnu [à Florimont Robertet] [Bruxelles, octobre 1521]

Ces princez ucy font courir le bruit que le Roy de France entretenoit le duc de Boucingam que l'Engloys a fait decapiter, et le subcitoit de faire la guerre audict Engloys avec les Escossoys.

Les Engloys disent que le Roy de France a grant tort de faire la guerre a ce pouvre jeune prince l'Empereur, et que de toutez pars il luy a fait subciter la guerre. Et que c'est ung lache prince que le Roy, et que ilz ne failliront point audict Empereur. Maiz ne les doubttez, car, comme dit est, ilz sont sy estonnez qu'ilz ne scavent que dire et ne scavent ou ilz en sont. Et pour ce chassez oultre et ne concluez rien avec eulx, ou il vous en prendra mal. Recordez-vous des apointemens de Cambrey, j'en fuz vray prenosticqueur. Ilz en feront encore pire ce ne pouvez tout oultre.

Je voys escriveroye de vos bancquiers florentins et autres, maiz je ne gagneroye rien non plus que des autres chozez, et puis il y en auroit de couroucez des vostre. Toutesfoys ce ne eussent ilz este, le Pape ne ce fust ja tant haste, ne ceux-cy avec... Je ne ose dire, maiz pour l'advenir jamaiz bancquier ne marchand du Royaulme ne audict Royaulme ne courroit poste, et pour cause: la marchandise ne requiert point courir la poste chacun jour. Je vouldroye avoir autant d'escuz qu'ilz ont envoye de laictres au Pape et par dessa, de tout vostre Estat et affaire, — et que le duc de Bourbon estoit hay du Roy, et les seigneurs et capitaines en division, et le Roy n'estoit que ung tirant, et assez de tellez follez chozez. Vous y pourvoeres comme l'entendez.

Vous scavez il y a ung an que je vous escryviz que on vous feroit quelque mauvaiz tour a Millane ce on pouvoit. Vous scavez que je vous escriviz de More. Son frere est ucy, prenez y garde. Ilz ont souvent nouvellez les ungz des aultres. Il y a ung archer de la garde qui est de Gysors nomme Pierre Le Lanternier. Il fust myeux a faire son mester de tainc-

²⁷ Коннетабль командовал армией в Шампани: король уже не доверял ему главный участок фронта.

ture que de estre a la maison du Roy. Il a eu puis Pasquez une robe de satin dudict More et le [la?] devoit retirer a Gisors, et ce vantoit la fame dudict archer que son mary seroit ung des plus grans de France en bref temps. Et ledict archer fait son service comme il luy plaist, car quant vient ung affaire il est tousjours mallade. Il est de la bende de Cressot.

Je vous avoye mande de ces gendarmez et archers piccars, et ceux a qui vous baillez la charge desdictz payeurs de Piccardie. Je vous prometct que chacun jour ilz sont ucy a dire tous vos affaires. Vous les deubsiez mettre en Guyenne ou dela les montz.

Vous m'avez tenu ce porteur en deux voyages demy an, qui est tres mal fait a vous (*puis trois lignes sont biffées*). Je scay bien que vous avez beaucoup a payer; et sy avez assez gens en tel affaire a qui vous fiez plus que a moy et qui ont gros gaigez; maiz le tout bien veu, ilz ne vous ont rien dit que je ne aye predict — maiz je n'en feroy plus pour le pris.

Je baille charge a ce porteur, ce c'est le plaisir du Roy et le vostre, me bailler une vielle maison qui est a Mante avec ung petit jardin qui est baille a quelque rente alongnez. Avez ainssy que le memoire contient au moins pour loger ma pouvre fame et enfans que les hereticquez de Gisors ont chassez pour les avoir repris de leurs saccrelegez, larcins et ydolatriez, lesquelz tenoyent nuytamment en leur eglise les macquerieriez et paillardises soubz couleur que leur ymage de la remembrance de la Mere de Dieu Eternel resucitoit les enfans mortz-nez. Et combien que ilz ont este repris et e fait cesser lesdictz abuz, toutefois ilz ne ont este pugniz que par leurs bourses. Et puis par vengeance ilz ont chasse ma fame et enfans. Je vous pry qu'il vous plaise, en actendant plus grant bien, qu'il plaise au Roy me bailler ledict lieu a quelque rente, et aux myens, avec affranchissement de toutes taillez et subsidez, et que on me envoie quelque argent. Il ce fault retirer vers cest yvoir, il est temps.

Vous deubsiez avoir donne ou fait donner a ce pouvre prebstre ucy quelque prebende ou benefice ou chapelle; maiz je voy bien que on nous fera comme le gentilhomme feist a son asnye, le quel luy saillist au col cuydant luy faire service, et puis le feist battre etc. Au moins que on eussions quelque petit de choze pour nos pouvrez viez.

Cest Empereur s'en va a Valenciennes pour donner ceur et presther ces subgestz et les mettre en ordre, car ilz en ont bon besoing.

Неизвестный [Флоримону Роберте] [Брюссель, октябрь 1521 г.]

Здесь принцы распускают слух, что король Франции поддержи-вал герцога Бекингэма (обезглавленного по приказу Англичанина)²⁸

²⁸ Эдвард Стаффорд, герцог Бекингэм (1478–1521), великий констебль Англии, казнён по обвинению в государственной измене 17 мая 1521 г.

и подстрекал его начать в союзе с шотландцами войну против названного Англичанина.

Англичане говорят, что вся вина лежит на короле Франции, который начал войну против такого бедного молодого государя, как Император, и отовсюду на него нападает. И ещё говорят, что Король поступает подло, а они Императора в беде не оставят. Но не очень-то этому верьте, — как я уже писал, они ошеломлены и не знают, что говорить и что делать. Итак, наступайте и не заключайте никаких соглашений, или вам придется плохо. Вспомните о соглашениях в Камбре²⁹ — я тогда оказался хорошим предсказателем. А если вы сейчас не будете наступать, они ещё хуже сделают.

Написал бы я Вам о ваших флорентийских и иных банкирах, да только ничего не добьюсь, как и во всем прочем, да ещё Ваших людей разгневаю. А только если бы не они, Папа так не спешил бы³⁰, да и здесь... Не смею продолжать, а вот на будущее пусть банкиры и купцы не пользуются почтой, посылая письма из королевства или в королевство: торговые дела совсем не требуют ежедневно посылать письма. Хотел бы я, чтобы у меня было столько же экю, сколько писем о состоянии вашего государства они послали Папе и сюда тоже, — а пишут, что Король-де ненавидит герцога де Бурбона³¹, что между сеньорами и капитанами раздоры, а король-де тиран, и ещё много подобных глупостей. Поступите с этим как сочтете нужным.

Вспомните, что ещё год назад я Вам написал: против вас что-то замышляют в Милане, и сообщил Вам о Моро³². Его брат³³ здесь, остерегитесь. Они часто друг с другом сносятся. Есть один гвардейский лучник, родом из Жизора, по имени Пьер Ле Лантернер, — так лучше бы он занимался своим ремеслом красильщика, чем служил при королевском дворе. После Пасхи он получил от названного Моро атласное платье, и он должен был отвезти его в Жизор. А жена этого лучника хватает, что скоро её муж будет одним из первейших людей во Франции.

²⁹ Имеется в виду Камбрейский договор 11 марта 1517 г. между Франциском I, императором Максимилианом и внуком последнего Карлом Испанским (будущий Карл V), содержащий взаимную гарантию владений.

³⁰ Союз папы Льва X с императором был заключён 29 мая 1521 г.

³¹ Отношения между королём и коннетаблем обострились после смерти 28 апреля 1521 г. супруги коннетабля Сюзанны де Бурбон, когда возник вопрос о её наследстве (браки были бездетными), на которое претендовала в качестве кузины покойной королева-мать Луиза Савойская; процесс начался в январе 1522 г. В 1523 г., после провала заговора с целью захватить в плен короля, коннетабль бежал из Франции и перешел на службу императора.

³² Массимилиано Сфорца Моро (1491–1530), герцог Милана в 1512–1515 гг. После завоевания Милана Франциском I был вывезен во Францию и жил там, получая пенсию от короля.

³³ Франческо II Сфорца, младший брат Массимилиано, был провозглашен герцогом Милана после изгнания французов в ноябре 1521 г. Последний герцог Милана из династии Сфорца (1521–1535).

Названный лучник несет службу спустя рукава: как есть до него какое дело, так он всегда болен. Он состоит в отряде Крессо.

Я писал Вам о пикардийских жандармах и лучниках, и о тех, кому Вы даёте должности плательщиков по Пикардии. Заверяю Вас, что они каждодневно появляются здесь и рассказывают о всех ваших делах. Лучше бы Вы послали их в Гиень или куда-нибудь за горы.

Вы задерживаете моего курьера, подателя сего (за полгода он совершил всего две поездки), и поступаете очень плохо. (*Далее три строки зачёркнуты.*) Я хорошо понимаю, что Вам нужно выплачивать много денег, и у Вас хватает людей, занятых такой же работой, которым Вы доверяете больше, чем мне и хорошо им платите, — но ведь, по правде говоря, они не сообщают Вам ничего такого, что я не предсказывал заранее, а больше не буду, даже и за плату.

Я поручаю подателю сего, если на то будет воля Короля и Ваша, исхлопотать для меня старый дом в Манте с садиком, нынче сданным в аренду с рассрочкой. Вспомните, что это нужно хотя бы для того, чтобы приютить мою бедную жену и детей, которых прогнали из Жизора еретики за то, что они обличали их в святотатственном обмане и идолопоклонстве; ведь эти еретики в их церкви занимались распутством и блудом, заявляя, что их изображенное подобие Матери Предвечного Господа воскрешает мертворождённых младенцев. Но хотя они были избалованы, и я сумел прекратить их святотатственные обряды, они отделались штрафом, а затем из мести прогнали из города мою жену и детей. Прошу Вас, в ожидании большей награды, исхлопотать у Короля для меня и моей семьи названный дом на условиях аренды, при освобождении от тали и всяких субсидий; и пусть мне пришлют немного денег. К зиме мне нужно будет уехать отсюда, пришло время.

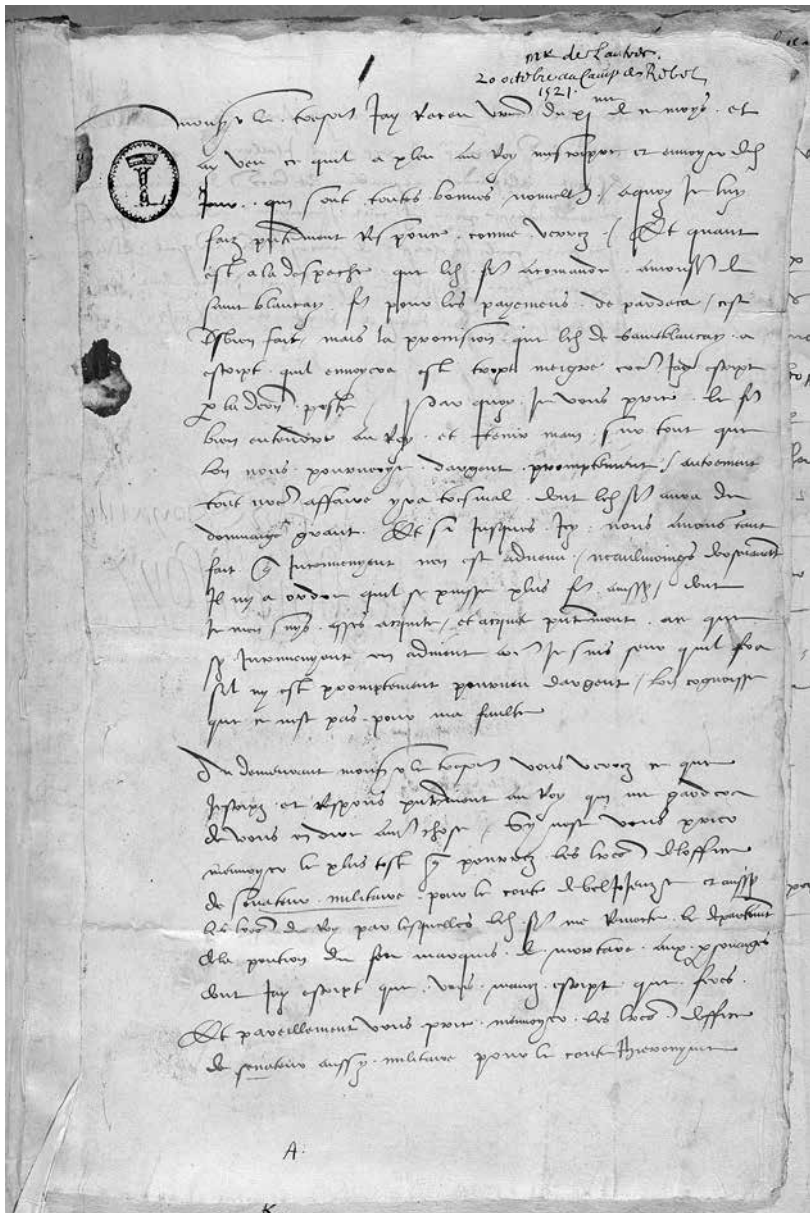
Вам надо бы дать или испросить для этого бедного здешнего священника³⁴ какую-нибудь пребенду, или бенефиций, или службу в капелле; но вижу, что с нами поступят подобно тому дворянину, который бросился на шею своему погонщику ослов, полагая, что в этом и состоит награда за услугу — а потом велел побить его. Но пусть нам дадут хоть малость на прозябание в нашей бедной жизни.

Император отправляется в Валансьенн³⁵, чтобы подбодрить своих подданных и помочь им, наведя там порядок, в чём они очень нуждаются.

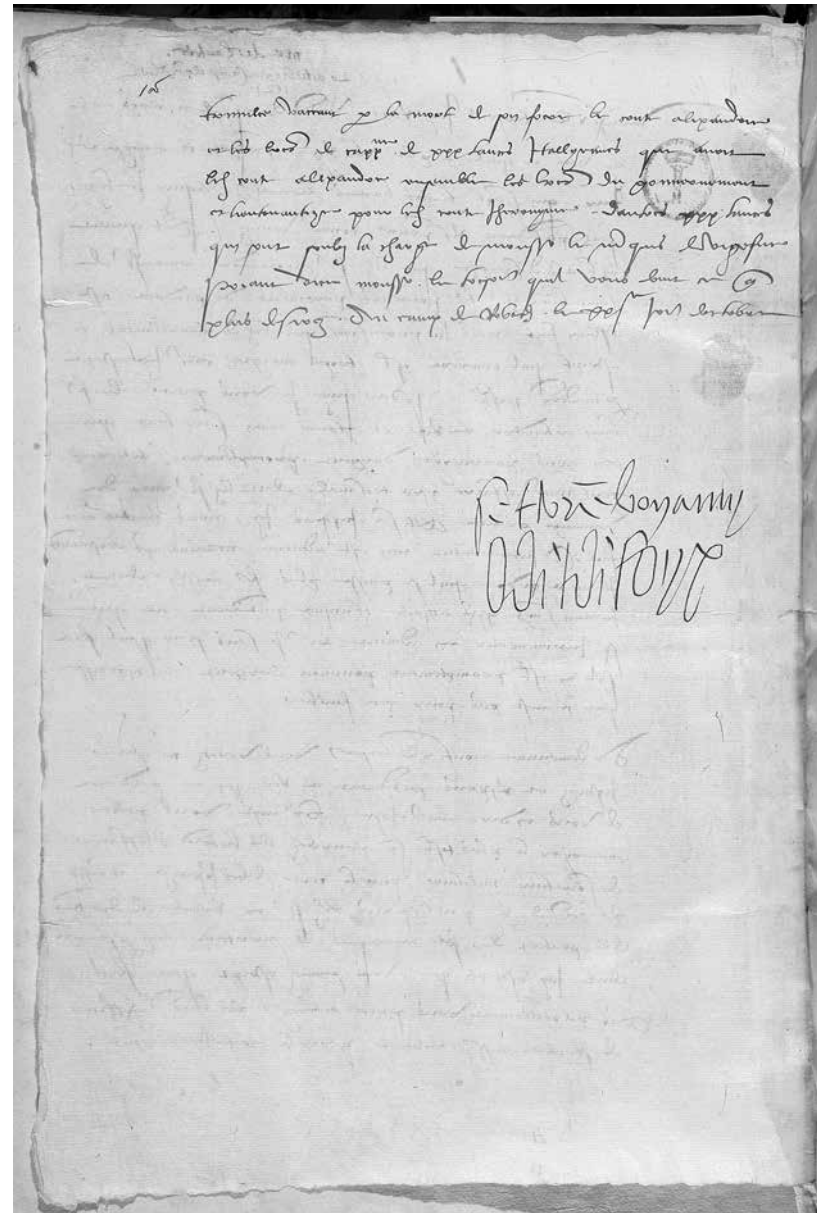
РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 236–237.

³⁴ Видимо, посланного автором курьера.

³⁵ Сражение при Валансьенне, состоявшееся 22 октября 1521 г., завершилось отступлением императорской армии. Видимо, письмо было написано за несколько дней до этого.

Письмо маршала Франции Оде де Фуа де Лотрека, французского губернатора Милана, Флоримону Роберте. Лагерь под Робекко. 20 октября [1519 или 1520 г.]. Автограф. РГАДА, ф. 81, т. 2, л. 1. См. с. 60–61.

Письмо маршала Франции Оде де Фуа де Лотрека... РГАДА, ф. 81, т. 2, л. 1об.

НОВЫЕ ПИСЬМА КАРДИНАЛА ФРАНСУА ДЕ ТУРНОНА (июнь – декабрь 1552 г.)*

Кардинал Франсуа де Турнон, игравший столь важную политическую роль при Франциске I и Генрихе II, привлек к себе особое внимание специалистов по истории XVI века с тех пор, как выдающийся историк Мишель Франсуа посвятил ему свою докторскую диссертацию¹, опубликовав до того, в 1946 г., его письма². Последняя публикация, где письма печатаются либо целиком (если это автографы), либо в пересказе, представляет собой плод тщательных поисков всех к тому времени известных писем кардинала, хранившихся во многих архивах и библиотеках как во Франции, так и за границей, особенно в Италии. Однако М. Франсуа не мог тогда ознакомиться с хранившейся в Москве коллекцией Ламуаньона.

Эта коллекция, богатство которой было недавно продемонстрировано³, стала объектом важной машинописной публика-

ции, составленной под редакцией покойной А.Д. Люблинской и автора этих строк⁴. Речь идет о критическом издании 157 документов, выбранных из числа 755 писем, содержащихся в коллекции за период между 1 мая 1552 г. и 9 января 1553 г. Несмотря на свою краткость, этот период исключительно интересен и богат важными событиями: «прогулка» Генриха II в Германию и завоевание Трех Епископств (Мец, Туль, Верден), восстание в Сиене, неудачи Карла V, которому пришлось в мае 1552 г. бежать из Инсбрука, спасаясь от войск Морица Саксонского, и не удалось вернуть Мец в декабре 1552 г. В тематику сборника входит французская политика в Италии, финансирование военных действий на Апеннинском полуострове, отношения между Францией и Османской империей.

К указанному периоду относится лишь 12 писем, отмеченных М. Франсуа в его публикации переписки Турнона. Из них только три письма были адресованы кардиналом к французскому двору (они были уже до того опубликованы в XVII в. Гийомом Рибье по оригиналам, затем утраченным)⁵. Между тем в коллекции Ламуаньона имеется 44 других письма кардинала, датированных между маем и декабрем 1552 г. и адресованных в основном ко двору. Эти документы, наиболее интересные из которых публикуются ниже, позволяют детально проследить деятельность кардинала в 1552 г., ознаменованном его блестящими дипломатическими успехами.

29 апреля 1552 г. в Риме Турнон подписал договор о перемирии между Францией и папой. Положив конец Пармской войне 1551–1552 гг. С 1545 г. Парма в качестве подвассального папе герцогства принадлежала семейству Фарнезе – сначала сыну,

Недавно некоторые документы из коллекции Ламуаньона были опубликованы Шарлем Самараном (*Samaran Ch. Lettres inédites du cardinal Georges d'Armagnac (1555) // ВЕС. 1982. Т. 140. Livraison 1. P. 35–60*). См. также заметку М. Антуана об источниках по истории Франции в СССР (*Antoine M. Sources de l'histoire de France en U.R.S.S. // ВЕС. 1986. Т. 144. Livraison 2. P. 384–387*).

⁴ Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской и В.Н. Малова. М. 1985, 675 маш. с. (далее: Документы...). Книга депонирована в Институте научной информации по общественным наукам в Москве (№ 20448).

⁵ *Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier. T. II. Paris; Blois, 1666*. См. речь Мишеля Антуана о Гийоме Рибье на общем заседании Общества истории Франции 6 июня 1985 г., публикуемую в ежегодном бюллетене Общества (1985–1986).

* Опубликованные здесь шестнадцать ранее неизвестных писем входят в состав машинописной публикации «Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг.» под ред. А.Д. Люблинской и В.Н. Малова (М., 1985. 675 л.). Из-за обилия материала документы в ней не сопровождалась русскими переводами, а потому печатание книги типографским способом было сочтено нецелесообразным, и в 1985 г. она была депонирована в библиотеке ИНИОН АН СССР, где стала жертвой пожара 2015 г.; микрофильм её хранился в библиотеке парижской Школы хартий, а последний машинописный экземпляр – в личной библиотеке автора этих строк. Мое введение к французскому изданию писем Турнона [*Lettres inédites du cardinal François de Tournon (juin – décembre 1552) / Publ. par V.N. Malov // ВЕС. 1987. Т. 145. Livraison 1. P. 129–161*] на русском языке не печаталось; его русскоязычная версия, как и мои переводы документов, публикуются здесь впервые.

¹ *François M. Le cardinal François de Tournon, homme d'État, diplomate, mécène et humaniste (1489–1562)*. Paris, 1951.

² *Correspondance du cardinal François de Tournon (1521–1562) / Recueillie, publiée et annotée par M. François*. Paris, 1946.

³ См.: *Malov V.N. Les archives d'un secrétaire d'État de Henri II retrouvées à Moscou // ВЕС. 1977. Т. 135. Livraison 2. P. 313–339; Idem. Documenti per la storia delle guerre italiane del XVI secolo in un Archivio di Mosca // Rassegna sovietica. 1979. N 5. P. 85–95.*

затем внуку папы Павла III (1534–1549). Фарнезе хотели стать независимыми и наследственными герцогами Пармы, рассчитывая добиться этого с помощью Франции. Союз с Генрихом II для них был тем более естественным, что они подвергались непосредственной угрозе со стороны принадлежавшего Карлу V Миланского герцогства: в 1547 г. испанские войска овладели Пьяченцей, до того принадлежавшей Парме. Итак, новый папа Юлий III (1550–1555) пожелал закрепить свои суверенные права на Парму и изгнать из города внука своего предшественника; так он стал союзником императора и врагом Франции. Герцог Оттавио Фарнезе, отказавшись покинуть Парму, получил французскую военную помощь. Его планы увенчались успехом. Соединённые армии императора и папы не смогли выбить французские войска ни из Пармы, ни из Мирандолы, столицы другого французского союзника графа Лодовико Пико. Военные расходы вскоре стали невыносимы для папских финансов, и кардиналу Турнону удалось довести до успешного конца свои переговоры с понтификом. В мае 1552 г. император, терпевший тогда неудачи в войне против немецких протестантов, присоединился к заключённому Турноном перемирию. Оттавио Фарнезе остался герцогом Пармы, и папа вернул семейству Фарнезе все секвестрованные у них земли. Со своей стороны Франция обязалась не использовать земли своих союзников как военные базы в своей борьбе с императором.

Переход папы к политике нейтралитета радикально изменил стратегическую ситуацию. В то время как Карл V выводил свои войска в Германию, Генрих II получил возможность нанести новый удар в Италии. Но куда его направить? С чисто военной точки зрения рациональнее всего было бы двинуть армию из Пармы на Миланское герцогство, в тыл испанским войскам, сражавшимся в Пьемонте с французской армией маршала Бриссака. Однако такой шаг открыто противоречил бы договору о перемирии.

Можно было бы напасть на Неаполитанское королевство, что соответствовало бы старым династическим претензиям Франции. За этот план выступали прежде всего неаполитанские эмигранты во главе с недавним беглецом из Неаполя Ферранте Сансеверино, принцем Салернским, имевшим большие владения и многочисленную клиентелу на своей родине. Но для успеха этого проекта требовалось благоприятное стечение обстоятельств. Нужно было господствовать на Тирренском море,

а значит, действовать в тесной координации с турецким флотом. Было бы также весьма желательно заручиться поддержкой Венеции – как флотом, так и деньгами. Однако к середине июля Светлейшая Республика отвергла французское предложение о союзе, не желая отступать от своей политики нейтралитета.

Тем временем в Сиенской республике, оккупированной испанскими войсками, созрел большой заговор, причём заговорщики поддерживали тесные сношения с кардиналом Турноном. Число замешанных в заговоре так увеличилось, что ждать долее стало невозможно. Вот почему французские агенты, и в их числе Турнон, собравшиеся в Кьодже с 15 по 18 июля, решили немедленно устроить государственный переворот в Сиене. Они рассчитывали, что успех этого предприятия привлечет на сторону Франции папу и Флоренцию, а это создаст условия для успеха экспедиции против Неаполя.

Некогда богатая, но обедневшая Сиена всё ещё владела портами на Тирренском море, имевшими важное стратегическое значение. Однако внутренняя борьба между четырьмя её олигархическими партиями (*monti*) делала нестабильной ситуацию в этой республике, традиционной союзнице императора. Независимость Сиены стала противоречить интересам Карла V, и он решил установить жесткий контроль над всей её жизнью. При императорском наместнике в Сиене доне Диего де Мендоса численность испанского гарнизона заметно увеличилась, коммунальное и частное оружие было изъято, а с 1550 г. началось строительство мощной цитадели, которая должна была обеспечить оккупантам господство над городом. Поставленная перед этой угрозой республика была охвачена сильным чувством коммунального патриотизма, и заговорщики на это рассчитывали.

Восстание началось 27 июля с похода на Сиену отряда сельской милиции сиенского *contado* во главе с Энеа Пикколомини. Ночью восставшие горожане открыли перед ним ворота города. Весь день 28 июля продолжались ожесточённые уличные бои, а к вечеру, после прибытия отрядов, нанятых французскими агентами, испанскому гарнизону пришлось укрыться в недостроенной цитадели. Через неделю, 5 августа испанцы капитулировали.

Столь быстрая победа стала возможной благодаря позиции, занятой герцогом Флоренции Козимо I Медичи, могучим соседом Сиены. Стремясь к господству над всей Тосканой, он охотно взялся бы присматривать за беспокойным городом в качестве

верного вассала императора. Но при дворе Карла V наиболее влиятельными советниками были тогда такие политики, как Мендоса и Ферранте Гонзага, считавшие возможным управлять Италией прямой силой и без посредников. В таких условиях превращение Сиены в большую испанскую казарму становилось опасным для Флоренции. Изгнание испанцев устранило эту опасность и к тому же означало политическое банкротство Мендосы. К тому же перспектива воевать одному против короля Франции, в условиях, когда императорская армия была выведена в Германию, отнюдь не привлекала герцога Козимо. Учтя все это, герцог хотя и отправил в Сиену флорентийский отряд на помощь испанцам, постарался как можно скорее выйти из игры, подписав 4 августа секретную франко-флорентийскую конвенцию, плод его конфиденциальных переговоров с кардиналом Турноном. Уезжая из Италии в конце августа, кардинал повезет с собой оригинал этого договора, обеспечивавшего нейтралитет Флоренции – свидетельство успеха его дипломатии.

Все время находясь в центре событий, Турнон не был простым исполнителем: у него была своя политическая линия и он старался её проводить. Он хотел, чтобы отношения между Францией и союзными с ней итальянскими государями были основаны на искреннем доверии, а не на угрозах применения силы. 26 мая он предложил королю отозвать из Пармы французского командующего Поль де Терма с его войсками, поскольку война кончилась: «ибо я опасуюсь, – пишет кардинал, – что если его там оставить, герцог Оттавио и вся Италия будут подозревать, что вы хотите быть господином и силой владеть городом Пармой и что вы имели в виду скорее ваши интересы, чем покровительство названному герцогу». Герцог Пармы так обязан королю, что на его благодарность можно рассчитывать, не оскорбляя его недоверием. «Императора ненавидят, – продолжает Турнон, – потому что он хочет владеть всем, а вас, сир, любят и почитают за то, что вы хотите только своего по праву, что вы государь чести и слова, от которого Италия надеется получить полную свободу»⁶. Только противопоставив эту гибкую политику диктаторскому поведению императора, Франция могла бы с помощью своих итальянских союзников получить свое по праву, то есть королевство Неаполитанское.

⁶ Lettres et mémoires... Т. II. P. 423–424.

Заклучив договор о перемирии, Турнон всегда настаивал на его скрупулезном исполнении. Благодаря одному из документов коллекции Ламуаньона, письму кардинала Феррарского коннетаблю Монморанси от 2 августа 1552 г., мы теперь знаем, что Турнон решительно возражал против отправки Терма с его солдатами в Сиену. Приведём этот фрагмент.

«...Sur le scrupule qu'il [de Termes] avoit desja eu ... de ne contrevenir aux cappitulations de la suspension et de ne faire chose contre son honneur, nous en avions l'autre jour escript a monsieur le cardinal de Tournon pour en avoir son oppinion, qu'il nous a ce matin faict entendre, disant tout franchement qu'il ne veoit pas que mond. sieur de Termes peust faire ce voiage sans contrevenir entierement a ce que par luy a esté promis et accordé par led. traicté et a son honneur, et qu'il ne voudroit conseiller ung sien amy de faire choze que selon sa conscience il ne voudroit faire luy mesmes, en sorte que toute nostre resolution avoit esté renversee. Toutesfoys il ne povoit tomber en mon entendement que, estant mond. sieur de Termes lieutenant general du roy, comme il est par les articles de lad. cappitulation, il deust estre aucunement obligé ny sa personne comprise souz ces parolles ou il est dict que du costé de Parme et de la Mirandolle les Estatz de l'empereur ne debveront estre inquietez ny mollestez. Et la dessus nous avons faict venir des docteurs qui se sont trouvez de ceste mesme oppinion, comme a aussi esté monsieur mon frere, tellement que mond. sieur de Termes a a la perfin pris ceste deliberation de partir ceste nuit»⁷.

(«...Что же касается сомнений, которые у него (де Терма) возникли, не будет ли это (отправка де Терма в Сиену. – *В.М.*) противоречить условиям перемирия и его чести, мы (кардинал Феррарский и его брат Эрколе II, герцог Феррары. – *В.М.*) написали о них меся кардиналу де Турнону, запросив его мнение, и сегодня утром он нам его сообщил, откровенно заявив, что он не видит возможности для названного сьера де Терма отправиться в эту поездку без грубого нарушения обещаний, данных им в договоре о перемирии и без урона для его чести, – он же, кардинал, не хотел бы дать своему другу совет совершить поступок, который он по совести не хотел бы совершить сам; итак, вся наша решимость поколебалась. Однако я не мог понять, каким образом сьер де Терм, генеральный наместник короля, каким он назван в статьях договора, может быть лично связан обязательством не наносить никакого ущерба владениям императора со стороны Пармы и Мирандолы. Мы обратились к докторам права, и те согласились с моим мнением, как и меся мой брат, так что названный сьер де Терм наконец решился выехать этой ночью»).

⁷ Документы... Л. 307.

Очевидно, кардинал Феррарский, менее щепетильный, чем его коллега, упрощает проблему, ибо речь шла не только о личности генерала: Терм уводил с собой в Сиену более двух тысяч солдат, ветеранов Пармской войны.

Понятно желание Турнона достичь соглашения с Флоренцией, полностью соответствовавшее его взглядам на характер французской политики в Италии. О его сношениях с герцогом Козимо I почти ничего не известно. Однако документы коллекции Ламуаньона позволяют решить некоторые спорные вопросы.

М. Франсуа утверждает, что накануне восстания в Сиене кардинал Турнон добросовестно предупредил о том герцога: дата его потерянного письма (25 июля) упомянута в ответе Козимо⁸. Однако Роберто Кантагалли отвергает это утверждение⁹, ссылаясь на письмо Турнона к королю, опубликованное Рибье¹⁰, из которого следует, что «предупреждение» герцогу Флоренции должно было быть отправлено лишь после начала восстания, через посредство Клода де Лагиша, епископа Мирпуа, французского посла в Риме. В какой бы вежливой форме ни было составлено это письмо, время и обстоятельства его отправки превращали его в ультиматум.

И тем не менее оказывается, что прав был М. Франсуа, ибо письмо Турнона, жившего тогда в Падуе, никогда не попадало во Флоренцию через Рим. В коллекции Ламуаньона есть копии писем Лагиша кардиналам Феррарскому и Турнону, написанные в дни восстания в Сиене. Ещё 29 июля Лагиш пишет двум кардиналам: «Думается, было бы кстати, если бы месье де Лансак или кто-нибудь ещё, кого вы изберёте, отправился во Флоренцию с вашими, сеньоры, письмами к герцогу, дабы он в это дело не вмешивался...» Не упоминая о существовании какого-либо письма Турнона, уже отправленного к герцогу, посол продолжает: «Названный съёр де Лансак и я как слуги короля уже отправили по почте съёра де Манна с письмами к герцогу от нас обоих, но боимся, что этого будет далеко не достаточно...»¹¹ И тем не менее через два дня, 31 июля, Лагиш сообщает: «Сеньоры, вы увидите ответ герцога Флоренции на то, что вы, монсеньор кардинал де Турнон, ему написали; он кажется мне изво-

⁸ François M. Op. cit. P. 285.

⁹ Cantagalli R. La guerra di Siena (1552–1559). Siena, 1962. P. 66.

¹⁰ Lettres et mémoires... Т. II. P. 424–426.

¹¹ Документы... Л. 271.

рогливим (*artificieuse*)»¹². Новая загадка: почему посол получил ответ на письмо, которое он не отправлял? Как объяснить все эти противоречия?

Решение отправить во Флоренцию предупреждающее письмо лишь *post factum* было принято на собрании французских агентов в Кьодже в середине июля. Хотелось проверить: как поведёт себя застигнутый врасплох герцог? Не окажется ли он к тому времени уже слишком скомпрометированным связями со своими испанскими союзниками? Да и вообще, дополнительная предосторожность – дело никогда не лишнее. Но таковым не могло быть мнение кардинала Турнона. Идея союза с Флоренцией была ему слишком дорога, и он не хотел ни проверок, ни ультиматумов. Вероятно, его письмо было отправлено с доверенным человеком Козимо, выехавшим из Падуи во Флоренцию 25 июля; тот вез уже согласованный между ним и кардиналом проект конвенции (см. ниже, док. 8). Заслуживает восхищения ловкость Турнона: в письме, опубликованном Рибье, он нигде не пишет, что им было исполнено решение, принятое в Кьодже, избегая прямой лжи, но ему удается создать такое впечатление сознательно обманчивым контекстом.

А ответ Козимо? Если герцог пожелал сообщить его Лагишу – значит, это секретное письмо для него не было таким уж секретным. Конечно, лучше бы имперцы о нем ничего не знали – но в крайнем случае им можно было бы и перед ними воспользоваться. Пусть они увидят, что герцог дал французам заверения в своем невмешательстве против своей воли и не без решительных протестов. Турнону же Козимо написал 29 июля другое письмо, черновик которого был найден Кантагалли в Архиве Флоренции, где герцог дезавуировал первое послание¹³.

Конечно, он вел двойную игру. Турнон это хорошо понимал. И все же кардинал верил в возможность, пользуясь всяческой предупредительностью, превратить герцога Козимо в друга Франции.

Заключая секретную конвенцию с Францией, Козимо попросил, чтобы ему сообщили имена друзей короля, дабы

¹² Документы... Л. 290. Ответ Козимо цитируется: Romier L. Les origines politiques des guerres de religion. Т. I. Paris, 1913. P. 337. В коллекции Ламуаньона есть копия этого документа: Т. 19. Л. 320–321.

¹³ Cantagalli R. Op. cit. P. 65–66 (... e perche forse saranno dette molte cose a V.S. Reverendissima, sappia pur che tutto sarà vano eccetto il concluso e quanto dal Lottino V.S. Reverendissima intenderà).

он не мог причинить им какого-либо вреда по незнанию. На этот раз герцог хотел проверить намерения короля. Заметив ловушку, Турнон сам составил проект этого списка. Этот проект не сохранился, но, судя по письму кардинала к коннетаблю от 19 августа (см. док. 14), Турнон предполагал назвать лишь таких союзников Франции, которые владели как суверены землями в Италии (герцоги Пармы и Феррары, графы Мирандолы и Питильяно). Мог ли он писать яснее? В этот список своих друзей король добавит имя фаворита, смертельного врага герцога Флоренции, главы флорентийских эмигрантов Пьетро Строцци. Козимо воспримет это как личное оскорбление, очень хороший предлог для того, чтобы денонсировать конвенцию (4 ноября).

Тяжелая болезнь помешала Турнону предстать перед королём. Возвращаясь во Францию, он слег в постель в своем замке Руссийон на Роне, где ему оставалось лишь следить за ходом событий, советуя вести гибкую и осторожную политику. В Неаполе уже была объявлена война Сиене, а Турнон все ещё верил в возможность демилитаризации республики при гарантиях её независимости со стороны нейтральных итальянских государств и Франции (см. док. 16). Но король не был сторонником такой политики. Как и Карл V до 1552 г., Генрих II хотел овладеть всей Италией прямой силой. Его будущие поражения уже предвидел старый кардинал, не любивший авантюры: «Если бы Италия относилась к вам так же, как к императору, она боялась бы вас ещё больше, чем его, ибо ваши силы более сплочены и надежны»¹⁴.

1. Генриху II. Феррара, 6 июня 1552. Оригинал

Прибытие Турнона в Феррару. Он должен дожидаться в Италии ратификации королём заключенного им с папой договора о перемирии. Рекомендация на Терма.

Sire, je vous ay escript avant mon partement de Romme et depuis sus le chemin si longuement dez affaires du lieu dont je viens que je ne vous en scaurois faire que redicte. Et quant a ceulx de deca monsieur de Termes vous en rend si bon compte et avec si amples memoires et instruction qu'il vous envoie par ce porteur que je ne scaurois rien adjouster a ce qu'il vous en escript et faict scavoir, vous faisant principalement la presente pour vous advertir de mon arrivee en ceste ville ou je feray

¹⁴ Lettres et mémoires... Т. II. P. 424.

le moindre sesjour qu'il me sera possible pour continuer tousjours mon chemin et me rendre le plus tost que je pourray au lieu ou vous m'avez ordonne, et faire ce qu'il vous plaira me commander. Il est vray, Sire, que je suis en grand peyne de ce que je n'ay cependant aucunes nouvelles de vous et de vostre ratification que je suis tenu de fournir au pape dedans le temps contenu aux articles, qui passera comme vous avez peu veoir dedans le XIIIe de ce moys, et si ay promys dadvantage a Sa Saintete de ne partir point d'Italie que lad. ratification ne soit venue, de sorte que si elle n'arrive bientost je seray contrainct de m'arrester en quelque lieu pour l'actendre. Mais je ne puis croire que Nicquet ou quelque aultre ne vienne au premier jour.

Sire, je pencerois faire tort a monsieur de Termes (encores qu'il n'ayt besoing d'aucune recommandation ou tesmoinage), si je ne vous disois que vous y avez ung aultant honneste et saige gentilhomme et affectionne serviteur qu'il est possible de veoir, et qui merite qu'il vous plaise luy donner moyen de se pouvoir entretenir en vostre service avec le bon besoing que luy et sa femme en ont, qui est tel que je vous puis assureur que vous ne scauriez faire cherite ny bienfaict qui sceust estre myeulx employer, comme un porteur vous pourra plus amplement faire entendre.

Sire, je supplie Nostre Seigneur vous donner en sante tres bonne et longue vye. De Ferrare, ce VIe de juing 1552.

Vostre tres humble et tres obeissent serviteur et subject

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Сир, я так подробно писал вам о римских делах перед моим отъездом из Рима и по дороге оттуда¹⁵, что здесь мог бы только повторяться. Что же касается до здешних дел, то месье де Терм дает вам о них столь полный отчет в обширных записках и инструкции, посылаемых вам с подателем сего¹⁶, что я не мог бы ничего добавить к его сообщениям. Итак, настоящее письмо предназначено, прежде всего, для того, чтобы сообщить вам о моем прибытии в этот город, где я

¹⁵ Кардинал выехал из Рима 18 мая. В коллекции Ламуаньона нет ни одного из трех писем, написанных им королю в мае 1552 г. Второе (16 мая) и третье (26 мая) опубликованы Рыбе (Lettres et memoires... Т. II. P. 421–423, 423–424). Первое (датированное 6 мая) не было найдено; оно было препроводительным к оригиналу договора о перемирии, заключенного Турноном с папой. (Впоследствии, при составлении полного каталога коллекции оно всё же было обнаружено, ошибочно заложенное между документами другого года. — РГАДА. Ф. 81. Т. 36. Л. 93–97).

¹⁶ Поль де Лабарт, барон де Терм (1482–1562), командующий французскими войсками в Парме. Его записка от 31 мая о прекращении военных действий была послана с Маркантиони Онгарезе (РГАДА. Ф. 81. Т. 1. Л. 248–253; Документы... Л. 104–111).

постараюсь пробывать как можно меньше дабы продолжить мой путь и поскорее прибыть в назначенное мне вами место и исполнять ваши дальнейшие распоряжения. По правде говоря, сир, меня очень беспокоит, что я ещё не получал никаких известий от вас, как и вашей ратификации договора¹⁷, тогда как я обязался представить её папе в срок, оговоренный в этом акте, а он истечет, как вы могли видеть, 13-го сего месяца, так что я даже обещал Его Святейшеству не покидать Италию до получения названной ратификации, и если она не прибудет в ближайшее время, мне придется задержаться где-нибудь в её ожидании. Но я надеюсь, что Нике¹⁸ или кто-либо другой сюда вскоре прибудет.

Сир, я опасался бы повредить месье де Терму (хотя он и не нуждается в каких-либо рекомендациях и свидетельствах), если бы не сказал вам, что в его лице вы имеете в высшей степени честного и разумного дворянина и преданного слугу, который заслуживает, чтобы вы благоволили предоставить ему средства, необходимые для несения вашей службы, а он и его жена в этом очень нуждаются, и я могу заверить вас, что никакое проявление вашей щедрости не могло бы быть для вас более полезным; податель сего объяснит вам это подробнее.

Сир, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучнейшую и долгую жизнь. Из Феррары, 6 июня 1552 г.

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга и подданный

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 23. Л. 252; Документы... Л. 124–125.

2. Генриху II. Виченца, 2 июля 1552 г. Оригинал

Организация встречи французских агентов в Италии. Договор, заключенный с графом Питильяно. Переговоры с Козимо Медичи.

Sire, deux ou troys jours après que je feus arrive a Ferrare, il me y print une fiebvre tierce que me y a faict sejourner plus de troys sepmaines, et ay este contrainct de partir par le conseil dez medecins pour changer d'air, lequel je suis venu trouver en ce Vicentin ou il est, se dict on meilleur que en aultre lieu de deca. Lad. fiebvre m'a laisse si foible et si degouste que je suis contrainct de laisser passer les grandz challeurs pour apres continuer mon veaige en France selon le conge qu'il vous en pleu me donner, car si je demerois encores quelque temps par deca, je cognois bien que je serois en grand dangier d'y laisser la vue.

Sire, puisque je suis contrainct de faire quelque sejour en ce pays, je m'essayeray avec l'ayde de Dieu de vous y faire tout le service que je pourray, mesmement sur la depesche que a porte Camby (lequel me vint hier trouver a quinze mille d'icy). Et apres l'avoir entierement veue je ne l'ay guieres voulu retenir, affin que monsieur le cardinal de Ferrare soit plus tost adverty de vostre intention ; si n'ay je laisse pour le peu de temps que j'ay eu de luy en mander mon oppinion, et croy bien qu'il seroit tres necessaire que luy, monsieur de Thermes, vostre ambassadeur de Venise et moy avecques le prince de Salerne, nous assemblissions en quelque lieu pour y prendre quelque bonne resolution/ Et vient assez mal a propoz l'indisposition de monsieur le cardinal de Ferrare qui est contrainct de garder la chambre pour quelques jours pour l'eaue dez baings qu'il prend et dont il avoit bon besoing. Et quant a moy, encores que je ne soye bien guery, je me trouveray au lieu ou ilz adviseront et y iray avecques ma lictiere, avecques l'ayde de Dieu.

Sire, ainsi que je feuz arrive a Ferrare je communicquay a monsieur le cardinal les propoz que j'avois euz avec le conte de Petillano, suivant ce que je vous en escript par cy devant. Lesquelz il trouva si bons que nous y envoyasmes le cappitaine Jeronimo de Pize, qui a si bien besoigne estant arrive a Romme qu'il a tout conclud avecques led. conte, comme vous verrez par le double du traicte que je vous en envoie et dont je garde l'original. Il m'a tousjours semble que vous ne trouverez pas cela mauvais, mais j'en ay este hors de doubte quand j'ay ouy parler monsieur de Lansac. Et de vray, sire, puisque Parme, la Myrandolle et Castres vous sont pour ceste heure inutiles pour offencer l'empereur, vous n'eussiez sceu retirer chose plus a propos pour luy faire desplaisir que led. Petillano et Sorano que tient led. conte, dont l'une qui est Petillano est aussi grande que la Myrandolle et l'autre n'est guieres moindre, et tellement assises et fortes que sans trahison elles sont imprenables et ne fault plus estre en peine de lieu ou l'on fera masse, car elle se pourra faire telle que vous vouldrez en l'un de de ces lieux, et sans en estre obligé ny a pape, ny a prince d'Italie. Vous assurant bien que si Sa Saintete ou ceulx qui tiendront son lieu après elle ne sont voz amys, ilz se trouveront bien empeschez d'avoir ung tel voisin que cestui la a vostre protection, et penseront plus d'une fois a vous offencer. Et si vous avez une fois faict une masse la, il ne fault point faire de doubte que Sa Saintete se trouvera si empeschee de la veoir si pres d'elle qu'elle sera tres aise non seulement de vous accorder le passage, mais vous prier de les hoster hors de la et de les envoyer ou bon vous semblera. Et a mon advis, sire, que vous ne feistes jamais despence que vous deussiez moyns plaindre que ceste la, tant pour l'entreprinse que vous voulez faire maintenant du prince de Salerne que pour toutes aultres occasions que le temps pourroit admener. Il y a un homme d'Eglise qui a manye tout cest affaire la avecques led. conte, a qui nous avons promys

¹⁷ См. прим. 15. Королевская ратификация договора о перемирии была доставлена Ланссаком, прибывшим в Рим 25 июня.

¹⁸ Жан Нике (Джованни Никетто), секретарь кардинала Феррарского, находился тогда во Франции.

ung benefice de mil escus. Je vous supplie, sire, ne nous en desadvouer point quand vous luy pourrez faire ce bien, car il me semble qu'il l'a tres bien merite. Je ne vous veulx pas aussi celer le bon office que y a fait le cappitaine Jeronyme de Pize qui est celui qui a gaigne led. homme d'Eglise, et ne veiz jamais homme plus soigneux, dilligent et fidelle ny qui execute plus saignement tout ce que luy est commande pour vostre service.

Sire, s'ilvous plaict d'envoyer ung pouvoir a monsieur le cardinal de Ferrare et a moy et a ung chacun de nous pour traicter tn vostre nom avecq led. conte, ce sera pour tousjours myeulx assurer l'affaire en ratifiant et approuvant ce que led. sieur cardinal et moy avons fait. Cependant led. conte ne laisse pas d'estre bien attache et oblige a vous, mesmes ayant prins desja sa pension entiere pour ung an dont il a envoye sa quittance de laquelle led. sieur cardinal est saysy.. Et croy que led. argent a bien servy a lui faire franchir le sault, voyant que l'empereur ne luy donnoit que parolles et que vous commencez par les effectz.

Sire, j'ay veu la despesche que vous m'avez envoye touchant le fait de duc de Florence, qui est telle que a mon advis led. duc s'en doibt contenter et assurer, de quoy je mectray peine de l'advertir le plus tost que je pourray, et espere de besoigner avec luy le plus clairement que je pourray et aultant a vostre advantaige qu'il me sera possible, dont vous serez incontinant adverty.

Sire, je supplie Nostre Seigneur vous donner en sante tres bonne et longue vye, De Vincence, ce IIIe de juillet 1552.

Vostre tres humble et tres obeissant serviteur et subject

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Сир, через два или три дня после моего прибытия в Феррару на меня напала перемежающаяся лихорадка, из-за чего я задержался там более чем на три недели и был принуждён, по совету врачей «переменить воздух», поселиться близ Виченцы, где, как говорят, воздух лучше, чем где-либо ещё в этой местности. После лихорадки я так ослабел и лишился аппетита, что мне придётся переждать здесь летнюю жару и уже потом, с вашего милостивого разрешения, продолжить поездку во Францию; чувствую, что, если я здесь ещё задержусь, то сильно рискую проститься с жизнью.

Сир, раз уж мне приходится провести ещё некоторое время в Италии, я попытаюсь оказать вам здесь, с Божьей помощью, все услуги, на которые буду способен, — в частности, в деле, изложенном в депеше, доставленной мне Камби (он заехал ко мне в местечко, расположенное в пятнадцати милях отсюда)¹⁹. Ознакомившись с этой

депешей, я не захотел задерживать курьера, дабы месье кардинал Феррарский²⁰ мог быть скорее осведомлен о вашем намерении; не стал я тратить с ним время и на то, чтобы изложить ему мое мнение. Полагаю совершенно необходимым, чтобы месье кардинал, месье де Терм, ваш посол в Венеции²¹ и я вместе с принцем Салернским²² собрались где-нибудь, чтобы принять наилучшее решение. Очень некстати заболел месье кардинал Феррарский: ему придется несколько дней сидеть дома, принимая целебные ванны, для него весьма полезные. Я же, хоть и не совсем выздоровел, прибуду в то место, которое они выберут, с Божьей помощью отправившись туда на носилках.

Сир, по моем прибытии в Феррару я сообщил месье кардиналу о моих беседах с графом Питильяно; я писал вам о них ранее²³. Эти беседы кардинал нашел столь многообещающими, что мы послали туда капитана Джеронимо да Пиза, который по прибытии в Рим так хорошо повел дело, что обо всем договорился с названным графом, как вы увидите из дубликата посылаемого вам договора²⁴, оригинал же я оставляю у себя. Мне всегда казалось, что вы не сочтете это дурным, в чём я окончательно удостоверился после беседы с месье де Ланссаком²⁵. И в самом деле, сир, раз уж Парма, Мирандола и Кастро сейчас вам бесполезны для нанесения оттуда удара императору²⁶, нельзя было бы найти более неприятные для него опорные пункты, чем принадлежащие названному графу Питильяно и Сорано: ведь одна из этих крепостей (Питильяно) столь же велика, как и Мирандола, да и другая не намного меньше, и обе так хорошо расположены и укреплены, что, не будь измены, их можно было бы считать неприступными. Теперь нам не нужно будет заботиться о выборе места, где можно было бы собрать войско — в любой из этих крепостей можно будет собрать армию какой пожелаете численности, не буду-

²⁰ Ипполито д'Эсте, кардинал Феррарский (1509 – 1572), протектор дел Франции при папской курии, находился тогда в Ферраре.

²¹ Оде де Сельв, французский посол в Венеции в 1550–1554 гг.

²² Ферранте Сансеверино, принц Салернский, глава неаполитанских эмигрантов. 2 апреля 1552 г. он покинул Неаполь и перешёл на службу к Генриху II, которому предложил организовать поход на Неаполитанское королевство. С 26 июня принц находился в Венеции, где должен был вести переговоры с Синьорией.

²³ Графство Питильяно (в южной Тоскане, близ границы с Лацио) принадлежало тогда графу Никколо Орсини. Турнон сообщил королю о своих переговорах с ним в опубликованном Рыбье письме от 26 мая (Lettres et mémoires... Т. II. P. 423). В коллекции Ламуаньона сохранилась только записка о Питильяно, посланная Турноном 22 мая (РГАДА. Ф. 81. Т. 3. Л. 52–53; Документы... Л. 88–89).

²⁴ На обороте последней страницы этого письма стоит запись XVI в.: «Дубликат обязательства графа Питильяно отсутствует».

²⁵ Луи де Сен-Желэ, сеньор де Ланссак, чрезвычайный посланник Франции в Риме; он выехал от двора 4 июня и по дороге проезжал через Феррару.

²⁶ Это противоречило бы договору о перемирии. Герцогство Кастро (в Лацио, близ озера Больсена) принадлежало Орацио Фарнезе.

¹⁹ Очевидно, имеется в виду Тьене (близ Виченцы), где кардинал отдыхал после болезни.

чи за то обязанным ни папе, ни какому-либо итальянскому государю. Уверяю вас, что если Его Святейшество или другие папы, его преемники не будут вашими друзьями, им будет весьма неудобно иметь такого соседа, находящегося под вашим покровительством, и они не раз подумают прежде чем начать враждовать с вами. А если вы сосредоточите там сильную армию, Его Святейшеству, несомненно, весьма не понравится её близость, и он с великой охотой не только позволит ей проход через его владения, но сам вас попросит убрать оттуда эти войска и послать их куда только захотите. Полагаю, сир, что вы ещё никогда не тратили денег столь выгодно, — как для пользы того дела, которое вы хотите совершить с принцем Салернским, так и для всех прочих возможностей, каковые могут представиться со временем. Тут есть один священник, который устроил все это дело с названным графом, за что мы обещали ему бенефиций в тысячу экю. Молю вас, сир, исполнить наше обещание, когда это будет для вас возможным — священник вполне заслужил эту награду. Не могу также умолчать перед вами о заслугах капитана Джеронимо да Пиза, он-то и уговорил этого священника; я никогда ещё не видел человека более старательного, проворного и надежного, разумнее всех исполняющего всё, что ему приказано по вашей службе.

Сир, если вы соблагovolите прислать полномочия месье кардиналу Феррарскому, мне и вообще всем из нас, кто будет вести переговоры с названным графом, то это сможет навсегда закрепить успех дела ратификацией и одобрением всего что совершили мы с кардиналом. Впрочем, названный граф и так чувствует себя обязанным и преданным вам, ведь он уже получил свой полный пенсioen за год, о чём прислал квитанцию, которая хранится у месье кардинала. Полагаю, что эти деньги и побудили его сделать свой выбор: ведь император отделивался от него обещаниями, а вы сразу заплатили наличными.

Сир, я прочел посланную вами мне депешу относительно герцога Флоренции; думаю, что названный герцог должен быть ею доволен как достаточной гарантией. Я постараюсь сообщить ему о ней как можно скорее²⁷, дабы завести с ним самые обязывающие и клонящиеся к вашей пользе переговоры, о чём вы будете немедленно осведомлены.

Сир, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучнейшую и долгую жизнь. Из Виченцы, сего III-го июля 1552 г.

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга и подданный

Франсуа кардинал де Турнон

РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 18–19; Документы... Л. 171–174.

3. **Коннетаблю Монморанси. Тьене, 3 июля 1552 г. Оригинал** Турнон задерживает письмо де Сельва, адресованное королю. Венецианцы отказываются возвращать французскую артиллерию, данную им на хранение после битвы при Бикокке.

Monsieur, bientost apres que le filz de Tassin a este party avecq la depesche que vous aurez receu avant la presente, il en est venu une de monsieur l'ambassadeur de Selve qu'il faict au roy, laquelle suyvant ce qu'il m'escripvoit j'ay ouverte. Et y ay trouve ung discours qu'il a faict touchant l'entreprinse de Naples, ou je vous promectz, monsieur, qu'il y a beaucoup de bonnes choses et bien consideres et avecq de si bons fondementz que je ne doubt point que vous ne preniez plaisir de le veoir. Mais parce qu'il n'avoit pas encores receu la depesche que Cambys a porte, par ou il entendra plus certainement et particuliere-ment l'intention du roy, et aussi que monsieur le cardinal de Ferrare luy pourra faire scavoir deaucoup de choses dont nous avions eu conference ensemble et que je luy ay depuis escript, lesquelles appartiennent grandement au faict de ceste entreprinse, dont led. ambassadeur ne peult encores estre adverty, j'ay advise de retenir pour quelques jours led. discours affin que apres avoir receu lad. depesche de Cambys et celle dud. sieur cardinal il y puisse adjouster ou diminuer ce qu'il advisera. Avecq ce que je veoy bien comme je vous ay escript qu'il sera requis que nous nous assemblions tous s'il est possible ou le pluspart dez serviteurs du roy de deca pour myeulx desbatre les affaires et prendre ensemble quelque bonne resolution. Et apres lad. assemblee et communication led. discours vous sera envoye avecq ce que led. sieur ambassadeur y voudra adjouster ou diminuer, comme dict est. Mais je n'ay laisse de faire courre le demeurant qui estoit en lad. depesche mesmes affin que vous entendiez les nouvelles qu'ilz avoient a Venise de Villac et de la diecte, dont nous attendons a grande devotion ce qui nous en viendra de vostre coste.

Monsieur, j'entendz que les Venitiens font difficulte de rendre l'artillerye qui leur feust baillee en garde apres la Bicoque, comme vous vous debvez souvenir, soubz ombre d'une recognoissance qu'ilz en feirent lors et laquelle ilz veulent qu'on leur rend. Par quoy, monsieur, il sera bon que vous le faciez chercher a la Chambre des Comptes ou ailleurs ou l'on en pourra avoir dez nouvelles, ou bien que vous nous mandiez ce que nous y aurons affaire. Qui sera la fin, apres m'estre humblement recommande a vostre bonne grace, en priant Dieu, monsieur, qu'il vous donne en sante bonne et longue vye. De Thienne, ce IIIe de juillet 1552.

Vostre meilleur serviteur

Francoys de Tournon

²⁷ Согласно Д'Аддарио, уже 2 июля Турнон просил Козимо Медичи прислать к нему секретаря Лоттини для конфиденциальных переговоров. (*D'Addario A. Il problema senese nella storia italiana della prima metà del '500: la guerra di Siena. Firenze, 1958. P. 108.*) О начале переговоров с герцогом Флоренции см. у Рыбьё (*Lettres et mémoires... T. II. P. 422*).

Перевод: Месье, после того как отъехал сын Тассена, везущий депешу, которую вы получите ранее настоящей депеши²⁸, я получил направленное королю письмо месье посла де Сельва²⁹, которое я по его разрешению вскрыл. Я нашел там рассуждение касательно неаполитанского предприятия, со многими правильными и хорошо обдуманнами замечаниями, построенными на прочных основаниях; не сомневаюсь, месье, что вам они понравятся. Однако поскольку посол не получал ещё депеши, доставленной Камби³⁰, которая даст ему более точные и детальные представления о намерениях короля, а тем временем месье кардинал Феррарский сможет сообщить ему о многих вещах, между нами обсужденных (о чём я писал послу) и имеющих непосредственное отношение к данному предприятию, о чём названный посол знать ещё не может, — я решил задержать на несколько дней его письмо с этим рассуждением, дабы он, получив депешу, доставленную Камби, и депешу названного съёра кардинала, смог добавить или сократить всё, что сочтёт нужным. Как я вам писал, я считаю необходимым чтобы мы, все находящиеся здесь слуги короля (или большая часть их), собрались вместе, детально обсудили положение дел и приняли совместно хорошо обдуманное решение. После этого совещания вместе с сообщением о нем названное рассуждение будет вам отправлено с учётом добавлений или сокращений названного съёра посла, как о том было сказано выше. Вместе с тем я не стал задерживать распространение прочей содержащейся в данной депеше посла информации, дабы вы узнали, какие известия получены в Венеции из Филлаха³¹ и с места заседаний сейма³², и мы сами будем смиреннейше ожидать, что вы нам об этом сообщите.

Месье, я слышал, что венецианцы затрудняются вернуть нам артиллерию, оставленную им на хранение после битвы при Бикокке³³ (о чём вы должны помнить), требуя вернуть расписку, которую они нам тогда выдали. Надо бы, месье, чтобы вы поручили поискать её в Счетной палате или в других местах, где она может находиться — или же сообщите нам, что мы должны делать. Кончаю, смиренно препоручая себя вашей милости и моля Бога, чтобы Он дал вам, месье, в добром здравии благополучную и долгую жизнь.

Ваш наилучший слуга

Франсуа де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 20; Документы... Л. 175–176.

4. **Коннетаблю Монморанси. Виченца, 8 июля 1552 г. Оригинал** Просьбы графа Питильяно. Планы действий в Сиене и Неаполе. Совещание французских агентов состоится в окрестностях Венеции.

Monsieur, la presente est principalement pour accompagner une depesche que je viens presentement de recevoir de monsieur de Myrepoix, avecq laquelle vous trouvez ung mmemoire que luy a fait bailler le conte Nicolo de Petillan de quelques choses qu'il demande, que je pence que vous ne ferez point de difficulte de les octroyer, veu la bonne volonte qu'il monstre avoir au service du roy. Et aussi que si dedans le temps qu'il demande a se declairer l'on n'exploite ce que l'on a a faire, soit de l'entreprinse de Naples, soit de Sienne, je ne croy pas qu'on puisse rien faire pour ceste annee. Vous voulant bien dire, quant a l'entreprinse dud. Sienne, que encores qu'elle ne soit de si grand profit pour le roy que pourroient estre d'aultres, si vous assure je, monsieur, qu'elle est aultant honorable et importante pour la reputation dud. sieur que nulle autre scauroit estre, pour le grand service et vitupere qu'en recevroit l'empereur si elle pouvoit reuscir, oultre que led. sieur auroit perpetuellement oblige une republique qui n'est pas de si petit consequence qu'elle ne puisse donner beaucoup d'ennuy a tous ses voisins. Au demeurant, monsieur, nous avons advise, pour myeux desbatre toutes choses qui concernent le fait de la commission de monsieur le prince de Salerne, de nous assembler en quelque lieu aux environs de Venise, messieurs le cardinal de Ferrare, de Thermes, led. sieur prince, et monsieur de Selve et moy, qui y suis le plus interesse, pour ne me sentir encores en estat de pouvoir entreprendre grand veage, n'ayant jusques icy peu retrouver ny le dormir, ny l'appetit, ne le goust du vin. Toutesfois je m'efforceray pour le service du roy de me rendre la ou il sera advise. Et cependant lesd. sieurs prince et ambassadeur feront toutes leurs harengues envers ceste Seigneurie et scauront, s'il est possible, resoluement s'ilz ont volonte d'estre de la partie ou non, ne me pouvant persuader, si je n'apprendz quelque chose de plus certain dud. sieur prince en lad. assemblee, que l'entreprinse de Naples ne soit sans les Venitiens bien fort malaise et quasi impossible. Toutesfois je n'en veulx escrire ny juger que nous n'ayons este ensemble, faisant mon compte de m'acheminer a Padoue dans ung ou deux jours pour estre plus prest de lieu ou nous nous pourrons assembler. Le duc d'Atrie m'est ce matin venu veoir en passant, et bien peu auparavant monsieur l'ambassadeur de Selve m'a envoye ung avis qui est venu de Villac de la reddition d'Ivoy, que Dieu vueille par Sa grace estre vraye. Monsieur, je pence au partir de nostred. assemblee m'en retourner icy ou m'avancer jusques a Veronne pour gagner aultant de chemyn, et aussi que je seray aussi pres de Fer-

²⁸ Этот курьер вез выше опубликованное письмо королю и другое письмо коннетаблю, датированное также 3 июля, но написанное в Виченце (РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 22).

²⁹ Письмо, датированное 1 июля (РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 1–2).

³⁰ См. предыдущий документ, прим. 19.

³¹ В Филлахе (Каринтия) находился тогда Карл V после своего бегства из Инсбрука.

³² Сейм немецких князей в Пассау, завершившийся 2 августа мирным соглашением с императором.

³³ Битва при Бикокке (1522 г.) была проиграна французами.

rare que je suis estant icy, et m'entretiendray en l'un ou l'autre lieu jusques a ce que le temps se soit ung peu refreschy, pour apres continuer mon chemin, Dieu aydant. Cependant je m'efforceray de faire par deca tout le service qu'il me sera possible.

Monsieur, apres m'estre humblement recommande a vostre bonne grace, je prie Nostre Seigneur vous donner en sante bonne et longue vye. De Vincence, ce VIIIe de juillet 1552.

F. cardinal de Tournon

Перевод: Месье, я пишу это письмо прежде всего как сопроводительное к депеше, которую я сегодня получил от месье де Мирпуа³⁴; во вложении к которой вы найдёте записку, переданную ему от графа Николо Питильяно³⁵, в ней он кое о чём просит, и я думаю, что с вашей стороны не будет препятствий к исполнению его просьбы, учитывая его добровольное желание служить королю. Ведь если за время той отсрочки, о которой он просит, мы не совершим ничего ни в Неаполе, ни в Сиене, то уже вряд ли сможем что-либо предпринять в этом году. А относительно нашего сиенского предприятия я хочу вам сказать, что хотя оно и не принесет королю такой большой выгоды, как некоторые другие, оно будет столь же важно и почетно для его репутации как, может быть, никакое другое: ведь в случае нашей удачи император будет окончательно посрамлен, а король навсегда привяжет к себе благодарную республику, которая не так уж слаба чтобы не могла причинить серьезные неприятности всем своим соседям. Впрочем, месье, мы решили (месье кардинал Феррарский, месье де Терм, месье принц Салернский, месье де Сельв и я) подробно обсудить все обстоятельства, связанные с исполнением комиссии названного принца Салернского и для того собраться всем вместе. Эта встреча произойдет где-нибудь в окрестностях Венеции, что меня особенно устраивает, ибо я ещё не чувствую себя в состоянии предпринять дальнюю поездку: меня до сих пор мучает бессонница, нет ни аппетита, ни вкуса к вину; тем не менее я постараюсь ради службы королю отправиться в то место, кото-

³⁴ Клод де Лагиш, епископ Мирпуа, французский посол в Риме (1552–1553). Его упомянутое здесь письмо коннетаблю от 2 июля находится в коллекции Ламуаньона (РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 12–13; Документы... Л. 167–170).

³⁵ См. выше, прим. 23. Записка графа Питильяно в коллекции Ламуаньона отсутствует. Граф просил разрешить ему не объявлять открыто о своем переходе на службу Франции пока не определится успех переворота в Сиене.

рое будет назначено. А до тех пор названные съёр принц и съёр посол произнесут все свои речи перед Синьорией и постараются точно определить, есть ли у венецианцев желание участвовать в деле или нет; я же останусь при убеждении, пока месье принц при названной встрече не сообщит мне нечто определенное, что без венецианцев неаполитанское предприятие будет очень трудным и почти невозможным. Конечно, до нашей встречи я не буду ни письменно, ни устно высказывать это моё мнение, встреча же состоится вскоре, а потому я думаю через день или два отправиться в Падую, чтобы быть ближе к месту, где мы сможем собраться. Этим утром меня навестил проездом герцог Атри, а незадолго до того месье посол де Сельв прислал мне пришедшее из Филлаха известие о сдаче Ивуа³⁶, — да будет угодно Богу, чтобы оно оказалось верным. Я рассчитываю, месье, после нашей общей встречи вернуться сюда или проехать далее до Вероны, тем сокращая дальнейший путь, да и расстояние оттуда до Феррары такое же, как из Виченцы; в одном из этих городов я и буду находиться, пока погода не станет немного прохладнее и тогда уж, с Божьей помощью, продолжу мое путешествие. Тем временем я буду стараться исполнять здесь всю для меня посильную королевскую службу.

Месье, смиренно препоручая себя вашей милости, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучную и долгую жизнь. Из Виченцы, сего 8-го июля 1552 г.

Франсуа кардинал де Турнон

РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 42–43; Документы... Л. 179–180.

5. **Коннетаблю Монморанси. Виченца, 10 июля 1552 г. Оригинал** Переговоры с Синьорией Венеции. Турнон считает, что атаковать императора лучше в Италии, чем в Германии.

Monsieur, j'ay receu troys lettres tout a ung coup de vous dont les deux sont pleines de tant de bonnes nouvelles que nous sommes bien tenus de rendre graces a Nostre Seigneur, vous assurant, monsieur, que la prise d'Ivoy qu'on trouvoit entreprinse bien fort difficile, et depuis la reddition de Montmedy et de Luines sont de grande reputation et consequence pour les affaires du roy, et de quoy il est grandement estime et honnore, et en quoy pareillement vous avez fort bonne part. Loue en soit Nostre Seigneur.

³⁶ Ивуа (совр. Кариньян), в Лотарингии, было взято французами (см. следующее письмо).

Monsieur, vous verrez la depesche que l'ambassadeur du roy a Venise m'a envoye toute ouverte affin que je la veisse, et comme le prince de Salerne et luy ont commence de parler a ceste Seigneurie. Et ne scay ce que dict led. prince, mais je scay bien que ne veisse jamais guieres plus belle chose que la proposition dud. ambassadeur, et ne croy pas que si lad. Seigneurie ne se meust pour les vives raisons et remonstrances qui sont la dedans qu'il faille s'actendre a avoir jamais rien d'eulx. J'ay grand envye de scavoir ce qu'ilz respondront, de quoy, comme j'escriz a l'ambassadeur, je suis d'opinion qu'on les presse pour les faire promptement resouldre. Je veoy qu'il escript au roy d'une ligue deffensive, a quoy je ne pence pas que vous faciez difficile, car puisqu'on les recherche d'offencer l'empereur il est raisonnable qu'on les defende contre luy. Monsieur, encores que je scache bien que vous pencez a toutes choses et que vous n'avez besoing de conseil ne de moy ny d'aultre, si ne lairray je pour l'amictie et fiance que j'ay en vous de vous dire tousjours franchement ce que j'ay sur le cueur. C'est qu'il me semble que le roy jusques icy a fait de si belles choses qu'il a grand occasion de s'en contenter, et selon mon advis, si vous n'avez plus de seurte dez Allemans que l'on ne presume par deca, veu les dietes et allarmes que nous fait le duc Maurice, il seroit doresnavant temps que la personne du roy se reposast, mesmement apres avoir chasse la royne d'Hongrye, que, comme j'espere, a l'ayde de Dieu, qu'on fera aiseement. Et s'il luy plaict convertir partie de ses forces et de la despence du coste de deca, il me semble qu'on ne scauroit travailler l'empereur en chose qui luy touche de plus pres, sans le faveur que cela porteroit aux affaires du roy, et a faire parler a l'adventure ung aultre langaige a cested. Seigneurie et aultres princes et potentatz d'Italie. Ce que j'en diz n'est que pour la grande prosperite que, Dieu mercy, je veoy au roy et que je ne puis non craindre qu'elle ne veint a quelque peu decliner, dont Nostre Seigneur nous vueille garder. Auquel je prie, apres m'estre humblement recommande a vostre bonne grace, vous donner, monsieur, en sante longue vye. De Vincence, ce Xe de juillet 1552.

Vostre meilleur serviteur

F. cardinal de Tournon.

Monsieur, a l'ayde de Dieu je fais mon compte de partir demain pour me rendre a Padoue, de quoy je me passerois bien pour les grandes challeurs qu'il fait et mon indisposition, mais je le fais pour estre plus pres dez affaires et pour me rendre plus promptement au lieu ou il sera advise que nous nous assemblions.

Перевод: Месье, я получил сразу три письма от вас; два из них были наполнены такими хорошими известиями, что нам остается только благодарить Господа. Я уверен, месье, что взятие Ивуа (которое счита-

лось исключительно трудным делом), а затем Монмеди и Люина возвеличит репутацию короля, даст ему великое уважение и почитание; эти подвиги будут иметь большое значение для успеха его дел, да и вы получите добрую долю в его славе. Восхвалим же Господа Нашего.

Месье, вы увидите депешу, присланную мне послом короля в Венеции; он её не запечатал, желая, чтобы я с ней ознакомился. Из нее вы узнаете, что принц Салернский и посол уже начали говорить о деле с Синьорией³⁷. Мне неизвестно, что говорил названный принц, но я вижу, что предложение, сделанное послом, было как никогда заманчивым. Думаю, что, если даже эти убедительные доводы и рассуждения не тронут Синьорию, нам придется проститься с надеждой когда-либо что-нибудь получить от венецианцев. Я очень хотел бы поскорее узнать, что они ответят, и думаю (о чём я написал послу), что нужно требовать от них скорейшего принятия решения. В письме посла королю говорится о плане оборонительного союза, против чего, полагаю, вы не будете возражать: ведь если мы уговариваем их участвовать в нападении на императора, естественно обещать им защиту от него. Хотя мне, месье, хорошо известно, что вы думаете обо всем и не нуждаетесь ни в моих, ни в чьих-либо иных советах, я все же во имя дружбы и доверия к вам не премину откровенно высказать все что у меня на душе. Мне кажется, что король уже совершил столь прекрасные подвиги, что давно уже пора этим удовлетвориться; и если вы, как представляется здесь, не можете более полагаться на немцев из-за их сейма и сомнений в намерениях герцога Морица³⁸, лично королю было бы к стати отдохнуть после того, как он отразит войска королевы Венгрии³⁹, что, надеюсь, с Божьей помощью, будет легко достигнуто. И если он пожелает направить часть своих войск и расходов в Италию, — думается, это будет самым чувствительным ударом для императора, поспособствует нашим успехам и, может быть, заставит говорить по-иному Синьорию Венеции и других итальянских принцев и властителей. Все это я говорю потому, что, как вижу, дела короля, с Божьей помощью, находятся в самом блестящем состоянии,

³⁷ Письмо Сельва королю датировано 9 июля (РГАДА. Ф. 81. Т. 16. Л. 290–294; Документы... Л. 183–189). Две фразы из него, сообщающие об аудиенции, данной послу и принцу Салернскому Синьорией Венеции, процитированы Э. Шаррьером в составе «письма», сфабрикованного им из различных фрагментов и датированного 11 и 28 июля 1552 г. (Négociations de la France dans le Levant / Publ. par E. Charrière. Т. II. Paris, 1850. P. 218). Действительная дата аудиенции — 8 июля 1552 г.

³⁸ Мориц Саксонский, курфюрст Саксонии (1547–1553), бывший тогда союзником Франции, уже готовился заключить мир с императором.

³⁹ Мария Габсбург (1505–1558; сестра Карла V) — вдовствующая королева Чехии и Венгрии, вдова Людовика (Лайоша) II Ягеллона (1516–1526), погибшего в 1526 г. в битве с турками при Мохаче. Была наместницей императора в Нидерландах в 1531–1555 гг.

и я не могу не опасаться, не начнут ли они вдруг клониться к упадку, от чего сохрани нас Господь. Смиренно препоручая себя вашей милости, я молю Господа дать вам, месье, в добром здравии долгую жизнь. Из Виченцы, сего 10-го июля 1552 г.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон

Месье, я рассчитываю, с Божьей помощью, выехать завтра в Падую, от чего охотно бы воздержался из-за страшной жары и моего нездоровья, если бы не хотел быть поближе к решению дел и к тому месту, где будет решено провести наше собрание.

РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 61–62; Документы... Л. 190–191.

6. Инструкция, врученная отправляемому в Рим Нике кардиналом Феррарским, кардиналом Турноном и бароном Термом. Кьоджа, 17 июля 1552 г. Копия

Организация переворота в Сиене. Передача денег заговорщикам. Оба кардинала и Терм просят кардинала Фарнезе участвовать в предприятии.

Memoire baille a Nicquet pour le fait de l'entreprise de Sienne

Après que Nicquet present porteur a fait entendre de la part de monsieur de Myrepois et du cappitaine Jeronyme de Pize a messieurs les cardinaux de Ferrare et de Tournon et au sieur de Termes l'estat ou se trouvoient les affaires de Sienne, mesmes la bonne disposition et volunte de ceux de dedans, et particulièrement le moyen qu'avoit l'ung dez principaulx gentilzhommes de la ville, homme de grandz biens, de grand suicte et credit, qui se fait fort d'assembler jusques au nombre de deux mille homme dez batailles du Senoys, ayant comme il dict les cappitaines desd. batailles a sa devotion et offrant de les employer pour l'exploict dud. Sienne, en luy fournissant la somme de cinq mil escus, aussi que en mesme instant l'on fasse une levee de troys mil homes tant pour donner plus grand reputation a l'entreprise que pour obvier aux inconvenientz qui pourroient advenir? l'asseurant moyennant les choses susdictes, et que le duc de Florence n'y donne aucun empeschement. Lad. entreprise ne peult avoir que bon effet, comme oultre la relation verballe dud. Nicquet lesd. sieurs ont veu par les lettres dud. gentilhomme et dud. cappitaine Geronimo, ensemble ung memoire qu'il en a dresse, lesd. sieurs (faisant aulcunement fondement sur l'offre et moyens dud. gentilhomme, et aussi sur l'advys desd. sieurs de Mirepois et cappitaine Jeronimo, et pareillement sur la commodite des places du conte Nicolo de Petillano desquelles l'on se pourra grandement servir, ayant d'avantaige esperance que de coste dud. duc de Florence lad. entreprise ne sera aulcunement empeschee, et pour la fiance qu'ilz ont ausd. sieurs

de Mirepois et cappitaine Jeronimo et au sieur de Lensac qui pour ceste effect a este par eulx retenu de dela, affin de s'en servir en la conduite desd. troys mil hommes pour tenir les cappitaines unys, lesquels se soubzmectroient plus mal volontiers a ung chief de leur nation) ont este d'opinion de faire delivrer lesd. troys mil escus aud. gentilhomme senoys et de faire lad. levee de troys mil hommes, ayant pour ceste cause promptement envoye par led. Nicquet la somme de douze mil escus lesquels ilz envoient comptant, affin que l'on ne soyt constraint de passer par mains de marchantz et pour tenir l'affaire plus secret. Et encores qu'ilz se soient, quant aux moyens de l'execution, remys ausd. sieur de Myrepois, de Lansac et cappitaine Jeronimo, pour estre sur les lieux et veoir a l'oeil toutes choses, toutesfois ilz ont instruit ced. porteur de ce dont ilz se sont peu souvenir, et notamment que le principal de lad. entreprise gist en la celerite et d'estre tenue secreete, affinque don Diego n'ayt moyen ny loisir de se preparer ny renforcer, et que la premiere nouvelle qu'il aura soit de l'execution. Et pour ceste cause lesd. sieurs cardinaux de Ferrare et de Tournon et sieur de Termes n'ont este d'advys d'y envoyer aulcun cappitaine francoys ny italien de leur coste, car cela eust peu decouvrir l'affaire, la ou ne se peult prendre aulcun soubpcon sur led. sieur de Lensac pour y estre desja tout porte, lequel se conduira entierement par l'advys desd. sieur de Myrepois et cappitaine Jeronimo.

Et pour ceste mesme occasion ont trouve bon d'employer le cardinal Farnese pour y employer plusieurs de ses serviteurs, amys et parens, qui ont moyen de faire gens au plus pres de l'affaire, et luy escripvent a ceste fin bien affectueusement.

Aussi ont donne charge a ced. porteur de faire entendre ausd. sieurs de Myrepois, de Lensac et cappitaine qu'ilz sont d'advys que led. gentilhomme procede a l'execution de lad. entreprise avec ses deux mil hommes des batailles sans actendre que la masse desd. troys mil hommes soit en estat, l'asseurant que apres lad. execution ilz auront incontenant led. secours a leur porte, estant malayse de faire lad. masse si secretement que l'ennemy ne s'en apercoyve, par quoy il leur semble necessaire que lad. execution procede, s'en remectant toutesfois en cela et toutes choses concernantz lad. entreprise ausd. sieurs de Myrepois, de Lensac et aud. cappitaine Jeronimo pour s'y conduire selon qu'ilz trouveront les choses disposees, et especiallement led. gentilhomme senoys. Faict a Chioggia, le XVIIe de juillet 1552.

Перевод: После того как Нике, податель сего, сообщил по поручению месье де Мирпуа и капитана Джеронимо да Пиза синьорам кардиналам Феррарскому и Турнону и съёру де Терму в каком состоянии находятся сиенские дела, и именно о добром расположении и воле жителей Сиены, а особенно о возможностях, какими обладает один

из главных дворян города, человек весьма богатый и влиятельный, имеющий многих сторонников⁴⁰, который обещает собрать до двух тысяч человек из сиенских «баталлий»⁴¹ и говорит, что капитаны этих баталлий ему преданы, так что он готов положиться на них при взятии Сиены, если ему предоставят пять тысяч скуди и в то же время выставят войско в три тысячи солдат, что необходимо для того, чтобы придать больший вес предприятию на случай возможных осложнений, – и тогда, если только герцог Флоренции не вмешается в дело, оно завершится несомненным успехом. Такое мнение было не только высказано устно названным Нике, но и содержалось в письмах названного дворянина⁴² и капитана Джеронимо, а также в составленной последним записке⁴³. А потому названные сеньоры кардиналы и съёр де Терм (рассудив, что можно положиться на предложение и возможности названного дворянина; что таково же мнение съёра де Мирпуа и капитана Джеронимо; что крепости графа Николо Петилляно удобно расположены и могут быть прекрасно использованы; а к тому же есть надежда, что герцог Флоренции ни в чём не будет препятствовать этому предприятию; что можно доверять как съёру де Мирпуа и капитану Джеронимо, так и съёру де Ланссаку, которому они поручили остаться там и руководить походом названных трех тысяч солдат, дабы между их капитанами не вышло раздоров, ибо те с трудом перенесли бы назначение им начальника из их нации) решили выплатить названные три тысячи скуди⁴⁴ названному сиенскому дворянину и собрать три тысячи солдат, а для того срочно переслать с названным Нике двенадцать тысяч скуди и непременно наличными, дабы не пришлось обращаться к купцам, рискуя раскрытием секрета. И хотя в том, что касается исполнения предприятия они всецело полагаются на названных сеньоров де Мирпуа, де Ланссака и капитана Джеронимо, находящихся на месте и все наблюдающих своими глазами, – все же они поручают названному подателю сего напомнить им, что главным условием успеха дела являются быстрота и секретность: нужно не дать дону Диего⁴⁵ ни возможности, ни времени приготовиться и укрепиться, он должен одновременно узнать и о начале

⁴⁰ Речь идет об Энеа Пикколомини, будущем военном руководителе сиенского восстания.

⁴¹ «Battaglie» – так назывались отряды сельского ополчения в Сиенской республике.

⁴² Анонимное письмо кардиналам Феррарскому и Турнону было послано 7 июля из Тривинано. Его копия есть в коллекции Ламуаньона (т. 29, л. 237; «Документы...». Л. 177–178). В этот день Энеа Пикколомини председательствовал на собрании сиенских заговорщиков в Тривинано См.: *Anonimo. La cacciata della guardia spagnola da Siena // Archivio storico italiano. 1842. Т. II. Р. 510.*

⁴³ Эти документы в коллекции Ламуаньона отсутствуют.

⁴⁴ Ошибка копииста? Выше написано, что сиенец просил пять тысяч скуди.

⁴⁵ Диего Уртадо де Мендоса, наместник Карла V в Сиене и его посол в Риме.

дела, и о его успехе. А потому названные сеньоры кардиналы Феррарский и Турнон и съёр де Терм решили не посылать туда никого из состоящих при них французских или итальянских капитанов, иначе дело могло бы быть раскрыто, тогда как участие в нем уже находящегося на месте съёра де Ланссака не может вызвать никаких подозрений, он же будет поступать во всем согласно с мнениями названных съёра де Мирпуа и капитана Джеронимо.

И по той же причине они сочли за благо использовать возможности кардинала Фарнезе⁴⁶, дабы в деле приняли участие его многочисленные слуги, друзья и родственники, которые могут срочно набрать солдат; о том они весьма любезно просят в письме к названному кардиналу.

А также они полагают (и поручают названному подателю сего сообщить их мнение названным сеньорам де Мирпуа, де Ланссаку и капитану), что названный дворянин должен приступить к исполнению предприятия со своими двумя тысячами ополченцев, не ожидая пока будут собраны названные три тысячи солдат, в твёрдой уверенности получить их помощь вскорости после его выступления. Собрать такое войско втайне трудно без того, чтобы неприятель этого не заметил, а потому нужно, чтобы этому сбору предшествовало выступление ополченцев. Впрочем, в этом, как и во всём касающемся исполнения предприятия, они полагаются на названных сеньоров де Мирпуа, де Ланссака и капитана Джеронимо, как и на названного сиенского дворянина, которые вольны поступать по обстановке. Совершенно в Кьодже 17 июля 1552 г.

РГАДА. Ф. 81. Т. 6. Л. 30–31; Документы... Л. 210–212.

7. Генриху II. Кьоджа, 18 июля 1552 г. Оригинал

Турнон мотивирует принятое в Кьодже решение об организации переворота в Сиене.

Sire, outre l'instruction que porte le sieur Cornelio Bantivoglio, il vous parlera d'un autre affaire que nous n'avons point voulu mesler avecq celui de Naples, encores que ce soit un preparatif de l'autre. C'est touchant l'entreprise de Siene de laquelle vous avez este, et tous voz serviteurs de deca, tant recherche. Et parce que nous avons tousjours fait difficulte de faire grand fondement sur les forussiz pour le peu de moien qu'ilz ont estant dehors, et qu'il nous sembloit que la passion et interest particulier les pouvoit mouvoir a faire les choses plus gaillardes qu'elles

⁴⁶ Кардинал Алессандро Фарнезе (1520–1589), брат герцога Пармского, тогда находился в своих имениях в Лацио. Он будет активно способствовать успеху восстания в Сиене, набрав солдат на свои деньги и дав в долг две тысячи скуди. См. письмо Лагиша кардиналам Феррарскому и Турнону от 29 июля: РГАДА. Ф. 81. Т. 30. Л. 163–165; Документы... Л. 268–272.

n'estoient, nous nous resolumes a la fin, monsieur le cardinal de Ferrare et moy, d'envoyer le capitaine Jerosnimo de Pize avec l'un desd. forus-siz pour entendre au vray en quelle disposition estoient ceulx de dedans. Comme il a faict, ayant parle a trois ou quatre des plus apparans de la ville lesquelz se rendirent a certaine jour et lieu entre eulx assignez hors de lad. ville. Et entre aultres l'un des premiers gentilzhommes d'icelle, qui est homme de biens et de grand suicte et credict, luy tint le propoz qu'il vous plaira veoir par le double de la lettre qu'il en a escript aud. sieur cardinal de Ferrare et a moy. Sur quoy monsieur de Myrepoix et led. cappitaine font tel fondement, avecq la commodite qu'on a maintenant des places du conte Nicolo de Petilligliano (*sic*), qu'il nous donnent une tres bonne esperance de lad. entreprinse. Laquelle semble a tous voz serviteurs de telle et si grande importance, tant pour vostre reputacion que pour faciliter celle de Naples, et pour infinies commoditez qui s'en pourront tirer, soit pour y faire tousjours telle et si grosse masse que l'on voudra, soit pour le passage d'une armee par terre ou par mer, que nous n'avons pas crainct d'y hazarder quatorze ou quinze mille escuz. Et en avons pour cest effect envoye comptant aud. sieur de Myrepoix la somme de douze mille escuz que luy et led. cappitaine scauront bien mesnager et employer si a propoz que j'espere que vous ne plaindrez point ceste despence. Vous assurant bien, sire, que si lad. entreprinse peult reuscir que outre les commoditez dessusd. ce sera le plus grant scorne et desplaisir que l'empereur scauroit avoir. Nous avons faict ung peu de memoire a l'homme que led. sieur de Myrepoix nous a depesche expressement, dont led. sieur Bantivoglio present porteur vous porte tout autant, par lequel vous verrez ce que je vous scaurois dire davantaige de cest affaire, avecq ce qu'il a veu et entendu tout ce qui y a este faict de deca.

Sire, s'il vous plaist, suyvant ce que je vous ay ces jours passez escript, envoyer aud. sieur cardinal de Ferrare ou a moy la ratificacion de ce que nous avons trette avec led. conte Nicolo avec vostre ordre, ce sera pour tousjours myeulx assurer l'affaire, et mesmes que l'on aura maintenant grandement besoing de luy et de sesd. Places au faict de lad. entreprinse.

Sire, je supplie a Nostre Seigneur vous donner en sante tres bonne vye et longue. De Chioze, ce XVIIIe de juillet mil VcLIII.

Vostre tres humble et tres obeissant serviteur et subject

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Сир, податель сего съёр Корнелио Бентивольо не только доставит нам нашу общую инструкцию⁴⁷, но и будет говорить с вами

⁴⁷ Оригинал этой общей инструкции, врученный Бентивольо 18 июля всеми французскими участниками собрания в Кьодже, хранится в парижской Национальной библиотеке (BN, ms. fr. 3126, f. 20–23). Принц Салернский

о другом деле, которое мы не стали смешивать с неаполитанским предприятием, по отношению к которому оно, правда, может считаться подготовительным. Речь идет о сиенском предприятии, о проведении которого так часто просили и вас, и всех ваших слуг в Италии. Мы всегда остерегались слишком полагаться на мнения «фуорушити»⁴⁸, понимая, сколь мало возможностей у них на чужбине, и что страсти и личный интерес могут побудить их видеть вещи в более розовом свете, чем на самом деле. Итак, мы, месье кардинал Феррарский и я, решили послать капитана Джеронимо да Пиза вместе с одним из названных фуорушити⁴⁹, дабы они узнали, каковы действительные настроения жителей города. Это и было сделано, разговоры велись с тремя или четырьмя из самых видных горожан, которые собрались в назначенные ими день и место за пределами названного города. И среди них был один из первых городских дворян, человек богатый и очень влиятельный, имеющий многих сторонников; он выдвинул предложения, с которыми вы можете ознакомиться по копии письма, посланного им съёру кардиналу Феррарскому и мне⁵⁰. Месье де Мирпуа и названный капитан так на него полагаются, учитывая к тому же удобство, которое нам сейчас даёт обладание крепостями графа Николо Питильяно, что они считают успех данного предприятия весьма вероятным. Этот замысел представляется всем вашим слугам исключительно важным и для вашей репутации, и для подготовки неаполитанского предприятия, и по многим полученным от его успеха удобствам (там всегда можно будет собрать войско любой численности, получить удобный проход для армии по суше и по морю); итак, мы решились рискнуть затратой на это дело четырнадцати или пятнадцати тысяч скуди. Из них двенадцать тысяч скуди посланы наличными названному съёру де Мирпуа, который вместе с названным капитаном сумеет с пользой ими распорядиться; надеюсь, что вы не будете жалеть об этом расходе. Заверяю вас, сир, что успех этого дела обернется не только вышеназванными выгодами для вас, но и величайшим позором для императора. Мы составили небольшую записку для человека, срочно присланного к нам съёром де Мирпуа; её копию передаст вам пода-

вручил Бентивольо отдельную инструкцию (РГАДА. Ф. 81. Т. 3. Л. 54; Документы... Л. 214–215).

⁴⁸ «Фуорушити» (*fuorusciti* – итал. яз.) – итальянские эмигранты, изгнанные из своих государств.

⁴⁹ Речь идет о Джулио Вьери, личном враче Турнона, одном из организаторов заговора. Согласно Социни (*Di Girolamo Sozzini A. Il successo delle rivoluzioni della città di Siena...* // Archivio storico italiano. 1842. Т. II. Р. 67), Джеронимо и Вьери выехали из Феррары 12 июня. О Вьери см. письмо Турнона в Военную комиссию Сиены от 18 марта 1552 г. (Correspondance du cardinal François de Tournon. Р. 274–275).

⁵⁰ См. выше, прим. 42.

тель сего съёр Бентивольо⁵¹. Таким образом вы узнаете все, что я ещё мог бы сказать вам об этом деле, да и сам съёр Бентивольо прекрасно осведомлен обо всём, что здесь происходило.

Сир, если вам будет угодно, как я уже писал вам, прислать названному съёру кардиналу Феррарскому или мне ратификацию того, о чём мы договорились с названным графом Никколо вместе со знаком вашего ордена, то это наилучшим образом навсегда скрепит договор, тем более что мы сейчас крайне нуждаемся в нём и его крепостях ради успеха названного предприятия.

Сир, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучнейшую и долгую жизнь. Из Кьоджи, сего 18-го июля 1552 г.

Ваш смиреннейший и покорнейший слуга и подданный

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 16. Л. 295–296; Документы... Л. 220–221.

- 8. Коннетаблю Монморанси. Падуа, 25 июля 1552 г. Оригинал**
Известия из Стамбула. Султан запрещает своему адмиралу нападать на земли папы. Если немецкие князья пожелают продолжать борьбу с императором, нужно будет срочно послать им военную помощь. Переговоры с герцогом Флоренции.

Monsieur, depuis mon retour de Chiose en ceste ville je n'ay eu ung seul jour d'entiere sante, ayant rapporte dud. Chiose ung flus de ventre qui m'a tenu huict ou dix jours et laisse aultant faible et degouste qu'il est possible, vous laissant pincer, monsieur, apres le fiebvre et une si ennuyeuse et dangereuse malladye que j'ay eu, comme cecy m'est venu bien a propos. Toutesfois je fais de myeulx que je puis pour en sortir et pour passer ces jours caniculliers, avec l'envye que vous pouvez croire, aussitost que le temps se sera refreschy de continuer tout bellement mon veaige pour changer d'ayr, voyant bien que celluy de ce pays ne me scauroit jamais remectre en mon premier estat/ Au demeurant, monsieur, j'ay presentement receu une despesche qui vient de Levant que monsieur l'ambassadeur envoye au roy, ou led. sieur et vous prendrez bien plaisir pour les bonnes nouvelles qui vous y trouverez, dont j'ay eu aussi a ma part tel aise et contentement que j'espere que cela me servira plus que le meilleur medecin que je scaurois prendre; dont je n'ay pas failly d'advertir messieurs de Myrecox et de Lansac pour faire entendre au pape quelle grace Dieu luy a fait d'estre en amictie reconciliation avec le roy. Et pour ne retarder point lad. despesche je ne vous feray pas longue la presente, mesmes que led. sieur ambassadeur vous rend bon compte de toutes nouvelles qu'on entend pour ceste heure de deca.

Bien vous veulx je dire une chose, monsieur, encores qu'il n'en soit pas grand besoing parce que je ne doubtte point que vous ne prevoyez a tout ce que l'on scauroit pincer pour le bien et service du roy. C'est que si les princes allemantz voz confederez se voyantz a ceste heure entierement deceuz par les longues menees et practiques de l'empereur se vouldront reunir et assembler leurs forces et poursuyvre vivvement leur premiere entreprinse, ilz seroient peult estre assez a temps pour travailler encores bien fort led. empereur, et pour le moyns il se trouveroit tant empesche et engage de ce coste la qu'il n'auroit pas loisir ny moyen de pincer ailleurs. Mais le principal seroit, a mon advis, qu'il pleust au roy, outre la contribution qu'il leur fait par chascun moys, de leur prester quelque homme de qualite et de conduite accompaigne de quelque moyenne force et nombre d'hommes d'armes, car cela favoriseroit grandement lad. ligue et peult estre la conservera, ou aultrement, si l'empereur se mect aux champs avec les forces qu'on dict qu'il pourra avoir, s'il les trouve en campagne soubz plusieurs chiefz, que je ne scay comme ilz s'accorderont entre eulx, il leur pourra donner beaucoup d'affaires, et si'il les avoit rompus, ce que Dieu ne vueille, voila led. empereur aussi grand qu'il fust jamais en Allemaigne. Et quand il sera travaille de coste de deca comme il sera, mais que vous y vueillez employer ung peu de despence, il sera aussi empesche que jamais. Monsieur, j'en parle comme malade et en prebstre, mais ce que j'ay veu pour le passe de la grand erreur qui vint a l'aulture guerre d'Allemaigne par faulte de l'union dez chiefz me donne plus d'occasion de craindre que de presumption de vous conseiller. Je ne veulx aussi, monsieur, laisser a vous dire que l'homme du duc de Florence m'est venu trouver icy de la part de son maistre, et avons dresse quelques articles qu'il luy est alle monstrier et doit rapporter ung pouvoir pour traicter selon cela ou bien la responce qu'il vouldra faire, de quoy vous serez incontinement adverty.

Monsieur, apres m'estre humblement recommande a vostre bonne grace je pryе Nostre Seigneur vous donner en sante bonne et longue vye. De Padoue, ce XXVe de juillet 1552.

Vostre meilleur serviteur

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Месяе, после моего возвращения из Кьоджи в этот город я ни одного дня не чувствовал себя вполне здоровым: из этой Кьоджи я вернулся с поносом, который мучил меня восемь или десять дней, доведя до полной слабости и потери всякого аппетита; можете представить себе, месяе, как все это пришлось мне некстати после вызванной лихорадкой долгой и опасной болезни. Все же я стараюсь, как могу, окреп-

⁵¹ См. предыдущий документ.

нать и пережить эти каникулярные дни⁵² с понятным вам желанием, как только погода посвежеет, возобновить мое путешествие, будучи убежден, что воздух здешних мест никогда не позволит мне полностью излечиться. Кстати, я недавно получил депешу из Леванта, которую месье посол пересылает королю⁵³; названному съёру⁵⁴ и вам будет очень приятно узнать о содержащихся там хороших известиях; я же крайне ими обрадован и надеюсь, что они послужат моему выздоровлению больше, чем самые лучшие лекарства. Я не преминул известить о них месье де Мирпуа и месье де Ланссака, дабы они дали понять папе, какую милость оказал ему Бог, вернув дружбу и согласие с королём⁵⁵. Не желая задерживать отправку названной депеши, я сокращаю мое письмо, тем более что названный съёр посол дает вам полный отчет о всех полученных им на сей день известиях.

Все же я хочу сказать вам, месье, об одном деле, хотя в этом и нет большой необходимости, ибо я не сомневаюсь, что вы все предвидите и способствуете всему, что может послужить благу и службе короля. А именно, я думаю, что если немецкие князья, ваши союзники, удивившись, что император дурачит их своими проволочками и интригами, захотят объединиться, собрать свои силы и энергично продолжить ими начатое, они могли бы очень кстати сильно потревожить названного императора – во всяком случае, так занять его в Германии, что у него не будет ни времени, ни возможностей думать о чём-либо ещё. И тогда, полагаю, важнее всего будет сделать так, чтобы король соблаговолил помочь им не только деньгами, которые он ежемесячно им посылает, но и направив туда какого-либо достойного и надежного человека с достаточной военной силой; это очень поможет названной лиге и, может быть, сохранит её от распада. А вот если император выступит против них с такими силами, которые, как говорят, он может собрать, а среди них не будет единого командования (ибо я не представляю, как они смогут между собой договориться), – тогда им будет очень трудно выстоять, и если он их разобьет (от чего Боже избави!),

⁵² Так в древнем Риме называли самую знойную пору года.

⁵³ Речь идет о письме французского поверенного в делах в Стамбуле Мишеля де Кодиньяка, датированном 25 июня и полученном Сельвом в Венеции 24 июля. Оно опубликовано Рибье (*Lettres et memoires...* Т. II. Р. 395–399); в коллекции Ламуаньона имеется его шифрованный оригинал, не имеющий дешифровки (РГАДА. Ф. 81. Т. 23. Л. 337–342). Кодиньяк сообщал о провале попытки Габсбургов начать мирные переговоры с султаном.

⁵⁴ То есть королю. Характерная особенность вольного стиля XVI века: короля ещё можно назвать попросту «названным съёром».

⁵⁵ К письму Кодиньяка был приложен приказ султана, запрещающий адмиралу турецкого флота нападать на земли папы. Этот приказ был немедленно переправлен Сельвом через Рим в турецкую эскадру, крейсировавшую тогда в Неаполитанском заливе. См. письмо Сельва королю от 24 июля: РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 175–177; Документы... Л. 243–247.

то названный император приобретет в Германии такую власть, какой ещё никогда не имел. Но если мы будем беспокоить его отсюда⁵⁶ (а так и будет, соблаговолите только потратить немного денег), его руки будут связаны как никогда. Месье, все это слова человека большого и к тому же священника, – но я помню о великой ошибке, совершённой во время прошлой войны в Германии из-за отсутствия единства между вождями⁵⁷, и эта память превозмогает мои опасения показаться вам навязчивым. Не могу также не сообщить вам, месье, что ко мне приехал сюда человек герцога Флоренции, посланный своим государем, и мы с ним составили некоторые статьи договора, каковые он повез показать герцогу; он должен вернуться с полномочиями на ведение переговоров на этой основе или же с иным ответом, о чём вы будете немедленно извещены⁵⁸.

Месье, смиренно вверяя себя вашей милости, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучную и долгую жизнь. Из Падуи, сего 25-го июля 1552 г.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 24. Л. 184–185; «Документы...» Л. 254–256.

9. Коннетабле Монморанси. Падуя, 6 августа 1552 г. Оригинал Договора, заключенный с Козимо Медичи. Денежный заем у банкира Нази.

Monsieur, ayant maintenant receu une depesche de monsieur de Selve, ambassadeur du roy, laquelle il m'a envoyee ouverte et que je n'ay gueres voulu garder, cela sera cause que vous n'aurez pas longue lettre de moy, sinon que nous avons tous les jours icy nouvelles et allarmes du duc de Florence, duquel vous aurez veu la seurte dont je vous envoye le double. Je veulx croyre qu'un homme de bien n'y voudra point contrevienir apres l'avoir baille telle; bien veult il tousjours faire bonne myne de l'autre coste, a ce qu'il me fait entendre. Je ne scay que s'en sera. Vous verrez ce que nous avons peu avoir de Francesco Nazy avec grant difficulte pour les raisons que je vous ay escriptes, et faute que vous y pourvoiez de vostre coste et que Albisse del Bene se delibere d'envoyer par deca l'argent comptant. Que est l'endroit ou je feray fin de me recom-

⁵⁶ То есть из Италии. Письмо написано за два дня до начала восстания в Сиене.

⁵⁷ Речь идет о войне между Карлом V и Шмалькальденской лигой (1546–1547), закончившейся решительной победой императора в битве при Мюльберге.

⁵⁸ В оригинале слова «герцога Флоренции» и «с полномочиями» даны шифром. Факт этих переговоров с герцогом Козимо между собранием в Кьодже и восстанием в Сиене совершенно неизвестен историкам.

mander bien humblement a vostre bonne grace, priant Dieu vous donner, monsieur, bonne vie et longue.

De Padoue, ce VIe de aoust 1552.

Vostre meilleur serviteur,

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Месье, я получил сейчас депешу от месье де Сельва, посла короля, которую он прислал мне в открытом виде и которую я не хочу задерживать⁵⁹, вот почему мое письмо вам будет недолгим. Скажу лишь, что мы постоянно получаем тревожные известия о действиях герцога Флоренции, дубликат обязательства которого я вам посылаю⁶⁰. Хочу верить, что он как добросовестный человек не захочет нарушить такое обязательство – но, конечно, он будет раскланиваться в противоположную сторону, о чём и сам меня предупреждает. Не знаю, что из этого выйдет. Как видите, деньги, полученные от Франческо Нази, достались нам с большим трудом⁶¹ по причинам, о которых я вам писал; итак, нужно, чтобы вы с вашей стороны позаботились об этом деле и чтобы Альбиццо дель Бене⁶² решился отправить партию наличных денег в Италию. На том кончаю, смиреннейше вверяя себя вашей милости и моля Бога дать вам, месье, благополучную и долгую жизнь.

Из Падуи, сего 6-го августа 1552 г.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 75; Документы... Л. 324.

10. Генриху II. Падуа, 10 августа 1552 г. Оригинал

Рекомендации на итальянских дворян, участвовавших в сиенском перевороте. Хорошо было бы назначить кардинала Феррарского наместником короля в Сиене. Нужны деньги для оплаты банкира Нази.

Sire, je suis bien fort ayse de la depesche de monsieur de Manne, present porteur, qui vous rendra si bon compte de toutes les choses de Sienne comme celui qui a veu le tout et y a este employe, que je ferois tort a sa

⁵⁹ Речь идет о письме Сельва королю, датированном 5 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 65–66; Документы... Л. 314–316).

⁶⁰ Секретный франко-флорентийский договор был заключен 4 августа. В коллекции Ламуаньона нет ни копии, ни оригинала этого документа.

⁶¹ Франческо Нази – банкир в Венеции. В письме Сельва от 5 августа сказано, что он взял в долг у Нази 15 тысяч скуди под обязательство, подписанное самим послом и кардиналами Феррарским и Турноном, на условиях возвращения долга из первой же партии наличных денег, присланной из Франции в Италию (Документы... Л. 314–315).

⁶² Альбиццо дель Бене – банкир в Лионе, сюринтендант французских финансов в Италии.

suffisance de vous en faire plus long discours. Mais je ne lairray point a vous dire que vous estes grandement oblige a Nostre Seigneur, car il y a cinq cens ans qu'il ne feust fait chose dont prince ayt eu tant de reputation et d'honneur que celle que vous avez acquise a ceste entreprinse de Sienne, et ne croy pas que si Dieu vous donne longue vye que toute l'Europe ne vous vienne rechercher pour seigneur et protecteur et pour seul remede de toutes leurs misereres ; a quoy n'espargnez ne personne ne bien dont vous n'esperez que amour et recognoissance, louant Nostre Seigneur de la gloire que je vous en veoy advenir pour l'»estime que chacun fait de vostre parolle, prudence et magnanimite acompaignee d'une saincte et catholique volunte.

Sire, il me semble que si cest affaire a este bien entrepris il n'a pas este mal execute, a quoy monsieur de Lansac s'est fort bien employe en ce qui feut premierement advise par nous a Chioze et depuis par monsieur de Mirepoix et voz autres bons serviteurs par dela. Et s'il vous plaist vous enquerir de ce porteur de la dilligence et fidelite et bonne conduite du cappitaine Jeronisme de Pize, vous verrez que je ne vous en ay riens faitz entendre qui ne soit plus que veritable, et me semble que vous le devez aymer et estimer et luy faire du bien, mesmement s'il vous plaist luy donner, suivant ce que je vous ay escript cy devant, quelque maison en France, ou il est totalement delibere de se retirer et n'avoir jamais seigneur ne maistre que vous, estant seur que quant il vous plaira l'employer en chose ou vous ayez honneur et proufict, vous cognoistrez qu'il aura bientost gaigne ce que vous luy aurez donne.

Sire, led. sieur de Manne vous dira aussi quelle comodite vous a porte en ceste entreprinse le conte Nicolo de Petilliano que j'ay par vostre commandement retire en vostre service. Par quoy, sire, je vous supplie qu'il vous plaise ne luy faillir point a ce qu'il luy a este promis de par vous. Et suivant cela et selon l'opinion de tous voz ministres de dela, il est temps de luy envoyer vostre ordre et le faire paier pour ung quartier des gens tant de cheval que pied pour la garde de ses places, ainsi qu'il a este traicte avec luy, qui sera toujours de plus en plus accroistre et conserver vostre reputation et la foy qu'on a en vous. Il y a aussi le sieur Flamynio Astabio qui vous est tres affectionne serviteur et qui a bien monstre avecq beaucoup d'autres gens de bien l'affection qu'ilz ont a vostre service, comme pourra dire led. sieur de Manne duquel je ne veulx aussi faillir de vous dire combien je l'ay toujours trouve dilligent a faire tout ce que voz ministres luy ont commande de vostre part, et me semble qu'il se rescent fort bien de l'obligation qu'il vous a. Il vous parlera aussi d'un maistre des courriers du feu pape Paule, lequel m'a autresfois presente a prester pour voz affaires trois ou quatre mille escuz. Le pauvre homme vous demande d'estre maistre de voz courriers quand vous serez roy de Napples dont il a grant envye et esperance de vous en

voir bientost seigneur, a quoy il semble a tous ceulx qui ont bon jugement que ce fait de Sienne vous sera grant moien et ouverture pour l'entreprendre quant il vous plaira.

Sire, puisque Dieu m'a fait ceste grace de veoir en toute ceste Italye voz affaires en si bon estat, je commenceray dans ung jour ou deux de user de la grace qu'il vous a pleu me faire de mon conge et de m'achemyner pour gagner l'air de France, ou j'espere a l'ayde de Dieu recouvrer mon entiere sante, me trouvant, ce me semble, assez de force pour commander mond. voiaige, esperant que monsieur le cardinal de Ferrare est trop plus suffisant que je ne scaurois estre pour satisfaire a tout le reste de voz affaires et, s'il fault aller a Sienne, comme il semble qu'on desire que luy ou moy allions, estant prince comme il est et de la mesme nation il y sera trop plus a propoz que moy.

Sire, je supplie a Nostre Seigneur qu'il vous doinct en sante tres bonne et tres longue vye. De Padoue, ce dixieme d'aoust 1552, de vostre tres humble et tres obeissant serviteur et subject,

F. cardinal de Tournon.

Sire, je faisois une grant erreur d'obliger le principal, qui est de faire par deca provision d'argent pour maintenir et conserver ce que vous y avez acquis et entreprendre ce qu'il vous plaira. Je vous supplie tres humblement, sire, y vouloir faire pourveoir, et vous ferez beaucoup pour vostre service. Je croy, sire, que vous aurez entendu que Francesco Nazy nous a preste quinze mille escuz, et cuydois bien estre exempt de m'en obliger estant sur mon partement, mais il a faillu que j'aye passe par la, et si le temps eust este meilleur led. Nazy eust beaucoup myeulx fait ce cela, car il vous est autant affectionne serviteur qu'il est possible

Перевод: Сир, я очень доволен депешей, доставленной подателем сего месье де Манном⁶³; она даст вам столь полный отчет о том, что произошло в Сиене (он ведь все сам видел и во всем участвовал), что я напрасно усомнился бы в его компетентности удлинняя рассказ об этом. Но я не премину сказать, что вы должны воздать великие хвалы Нашему Господу, ибо той чести и репутации, какие вы стяжали благодаря сиенскому предприятию, не удаивался ни один государь за последние пять столетий. Я верю, что если Бог даст вам долгую жизнь, вы увидите, что вся Европа будет чтить вас как своего сеньора и протектора, единственного целителя всех её бед, готового всем для того жертвовать

⁶³ Франсуа де Булье, аббат де Манн. Доставив 29 июля герцогу Флоренции письма от Лагиша и Ланссака, он был затем отправлен к королю Ланссаком, ставшим королевским эмиссаром в освобождённой Сиене. Он вёз письма Ланссака королю и коннетаблю, датированные 5 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 58–61; Документы... Л. 317–323), а также копию соглашения, заключенного между Флоренцией и Сиеной 3 августа.

и вознаграждаемого любовью и признательностью; и я хвалю Господа за дарованные вам славу и общее почтение к вашему слову, благородную и великодушную, скреплённую святой католической волей.

Сир, я полагаю, что это дело было не только хорошо задумано, но и неплохо исполнено, и что месье де Ланссак прекрасно выполнил сначала все решённое нами в Кьодже, а затем и решения месье де Мирпуа и других ваших добрых слуг в Риме. И если вы соблаговолите расспросить подателя о быстроте, верности и умелом поведении капитана Джеронимо да Пиза, вы убедитесь, что все мои похвалы ему были совершенно справедливыми; думаю, что вы должны любить, уважать и наградить его, даровав ему, как я писал вам о том ранее, какой-нибудь дом во Франции⁶⁴, куда он окончательно решил переселиться, чтобы кроме вас у него не было другого сеньора и государя; а когда интересы вашей чести и пользы побудят вас употребить его в каком-нибудь деле, вы убедитесь, что он вскоре оправдает ваше благодеяние.

Сир, названный съёр де Манн расскажет вам также, как удобно для вас было пользоваться при этом предприятии услугами графа Никколо Питильяно, которого я по вашему приказу привлёк на вашу службу. А потому молю вас соблаговолить исполнить данные ему от вашего имени обещания. Все ваши слуги здесь согласны, что пора прислать ему знак вашего ордена и квартальную плату на содержание конных и пеших воинов, охраняющих его крепости, о чём с ним было договорено, и тогда доверие к вам будет всемерно возрастать и укрепляться. И есть ещё здесь съёр Фламинио Астабио⁶⁵, человек очень вам преданный, показавший вместе со многими добрыми людьми верность вашей службе, о чём вам сможет рассказать названный съёр де Манн. А о нем самом, съёре де Манне я хочу сказать, что он всегда быстро и усердно исполнял все, что ваши слуги приказывали ему здесь от вашего имени; думаю, он очень хорошо сознает свой долг перед вами. Он будет говорить с вами также о некоем начальнике курьеров покойного папы Павла, когда-то ссудившем мне на ваши дела три или четыре тысячи скуди. Бедняга просит вас назначить его начальником ваших курьеров, когда вы станете королём Неаполя, и очень надеется, что это скоро свершится; впрочем, все здравомыслящие люди считают, что успех в Сиене даёт вам большие возможности для начала осуществления неаполитанского предприятия, когда вам это будет угодно.

Сир, раз уж Богу было угодно удостоить меня счастья видеть ваши дела во всей Италии находящимися в столь добром состоянии,

⁶⁴ В письме от 2 августа, отсутствующем в коллекции Ламуаньона и опубликованном Рибье без точной даты документа (Lettres et memoires... Т. II. Р. 424–426), Турнон действительно очень хвалит Джеронимо, но там ничего не сказано о дарении ему дома. Не исключено, что Рибье опубликовал это письмо в сокращённом виде.

⁶⁵ Фламинио Орсини да Стаббия, граф Ангвиллара, участник переворота в Сиене.

я начну через день или два пользоваться милостиво предоставленным мне отпуском и пушусь в путь искать воздух Франции, где я надеюсь, с Божьей помощью, полностью восстановить мое здоровье; я чувствую в себе достаточно сил, чтобы начать это странствие, полагая, что месье кардинал Феррарский гораздо более меня способен справиться со всеми вашими делами, и если понадобится ехать в Сиену (а мне кажется, сиенцы желают, чтобы либо он, либо я туда отправились), то он как один из итальянских принцев и человек одной с ними нации будет к тому гораздо пригоднее меня.

Сир, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучнейшую и очень долгую жизнь. Из Падуи, сего 10-го августа 1552 г., ваш смиреннейший и покорнейший слуга и подданный

Франсуа кардинал де Турнон.

Сир, я чуть было не забыл о главном: надо доставить сюда партию денег наличными, дабы закрепить и сохранить всё, вами приобретённое и предпринять всё, что вам будет угодно. Смиреннейше умоляю вас, сир, исполнить это, и вы многое сделаете для успеха вашей службы. Полагаю, сир, вы знаете, что Франческо Нази ссудил нам пятнадцать тысяч скуди. Я думал, что мой предстоящий отъезд избавит меня от необходимости давать ему долговое обязательство от моего имени, но пришлось через это пройти. Если бы обстановка была лучшей, Нази сделал бы для нас гораздо больше, он ведь такой преданный ваш слуга, как только это возможно.

РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 91–92; Документы... Л. 337–339.

11. Коннетаблю Монморанси. Падуя, 10 августа 1552 г.

Автограф

Турнон подчеркивает важность услуг, оказанных королю герцогом Флоренции во время восстания в Сиене.

Monsieur, depuis le partement de Manne qui est party ce jourd'hui de grand mactin n'est rien survenu que une depesche de monsieur l'ambassadeur pour le roy, laquelle il m'a envoye ouverte, ou je n'ay rien veu dont il faille, oultre ce que vous escript led. ambassadeur, que je vous face plus longue lettre. Bien me rejouys je de veoir l'honneur que le roy a de tous costes de nostre entreprinse de Sienne.

Monsieur, tant plus je considere ce que a fait le duc de Florence tant plus je trouve qu'il a fait ung grand service au roy, car soubz le masque de faire quelque chose pour l'empereur il a eu couleur de tirer ses gens de la citadelle de Sienne, et par consequent les Espaignolz en sont sorti, et sans cela il y eust de par adventure de l'empeschement et du temps qui leur eust peu admener secours. De sorte que je tiens que sans la confederation dud. duc nous n'en eussions pas este maistres. Je vous supplie, monsieur, envoyer bientost la ratification de ce que j'ay fait

avec led. duc, comme vous aurez veu tant par la depesche de Camby que de Manne. Monsieur, je pryе Nostre Seigneur vous donner en sante bonne vye et longue. De Padoue, ce Xe d'aoust.

Vostre meilleur serviteur,

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Месье, после отъезда Манна, произошедшего сегодня ранним утром, пришла только депеша королю от месье посла, которую он отправил мне в открытом виде⁶⁶, я же не нашел в ней ничего, что требовало бы добавлений к тому, что пишет посол и удлиняло бы мое послание. Я очень рад той чести, которую все оказывают королю после успеха нашего сиенского предприятия.

Месье, чем больше я размышляю о том, что сделал герцог Флоренции, тем сильнее убеждаюсь, что он оказал большую услугу королю, ибо под маской некоего служения императору он получил предлог вывести своих солдат из сиенской цитадели, после чего оттуда вышли и испанцы; а без этого могли бы возникнуть всякие помехи и к осаждённым могло бы успеть подойти подкрепление. Итак, я считаю, что без союза с названным герцогом мы не стали бы хозяевами в Сиене. Умоляю вас, месье, побыстрее прислать ратификацию того, что я совершил с названным герцогом, о чём вы прочтете в депешах, доставленных как Камби⁶⁷, так и Манном.

Месье, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучную и долгую жизнь. Из Падуи, сего 10-го августа.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 93; Документы... Л. 340.

12. Коннетаблю Монморанси. Падуя, 12 августа 1552 г.

Автограф

Попытка устроить примирение между Козимо Медичи и синьором Пьомбино.

Monsieur, tout a ceste heure est passé ce porteur que monsieur de Selve envoye au roy. J'ay veu toute sa depesche, de quoy je ne vous feray redicte, sinon que si vous aviez meilleures ou quelques nouvelles du duc Maurice des affaires d'Allemagne qui sont plus pres de vous que de nous, vous feriez grand cherite d'en advertir les ministres du roy par deca qui en sont en grand peine. Quant a la personne de l'empereur, pendant

⁶⁶ Письмо Сельва королю от 9 августа 1552 г. (РГАДА. Ф. 81. Т. 16. Л. 297–298). Это письмо содержало лишь поздравления от Синьории Венеции в связи с капитуляцией испанского гарнизона в Сиене.

⁶⁷ Камби доставил письмо от 6 августа (см. выше док. № 9) вместе с копией франко-флорентийского договора.

qu'il sera voisin de ceste Italie, led. monsieur de Selve ne faudra point de faire bonne dilligence pour vous en advertir. Monsieur, ayant entendu que le prince Doria menoit en ses galeres le sieur de Plombin, lequel il feist desambarquer a Hostie, et estoit desja arrive a Romme pour de la venir trouver le cardinal Salviati son oncle qui s'est retire en ung chasteau qu'il a aupres d'Urbain; a ceste cause, monsieur, j'ay prie monsieur de St. Papoul d'aller jusques la, pour essayer par le moyen dud. cardinal et sien d'appoincter le duc de Florence avec led. sieur de Plombin, pour oster toute occasion que l'empereur en puisse avoir argent. Car s'ilz sont d'appoinctement, led. empereur ne se scauroit excuser qu'il ne baille led. Plombin a l'un ou a l'autre, et s'il ne le fait tous deux cognoistront bien de quelle volonte est l'empereur en leur endroit, dont il s'en pourra suyvre ce que vous pourrez pincer.

Monsieur, j'ay veu par la lettre que vous escript monsieur de Selve ce qu'il vous fait entendre de conte Octavio da Thienne lequel m'a prie vous faire la mesme requeste. Il est homme de service et de suycte. Je le vous recommande suivant le memoire qu'il m'a baille pour vous envoyer que vous trouverez avec presente.

Monsieur, je prie Nostre Seigneur vous donner en sante bonne et longue vye. De Padoue, ce XIIe d'aoust 1552.

Vostre meilleur serviteur

F. cardinal de Tournon.

Monsieur, j'espere a l'ayde de Dieu de partir demain pour commencer mon veaige. Et fusse plus tost party, n'eust este que monsieur le cardinal de Ferrare m'a prie que nous nous trouvissions en chemyn, et pour ne luy donner l'incommodite je n'ay voulu partir plus tost.

Перевод: Месье, только что проехал податель сего, посланный к королю месье де Сельвом. Я видел всю его депешу⁶⁸ и не буду повторять им сказанное, разве что добавлю, что если у вас есть лучшие или хоть какие-либо новости от герцога Морица о делах в Германии (они ведь ближе к вам, чем к нам), вы окажете великую милость, сообщив их слугам короля в Италии, которые ими крайне обеспокоены. Что касается особы императора, то пока он будет находиться недалеко от границ Италии, названный месье де Сельв не преминёт вскорости сообщать вам о его действиях. Месье, я узнал, что принц Дория⁶⁹ вез

на своих галерах синьора Пьомбино⁷⁰, которого он высадил в Остии, а тот уже прибыл в Рим и хочет отправиться оттуда к своему дяде кардиналу Сальвиати, удалившемуся в свой замок недалеко от Урбино. Итак, я попросил месье де Сен-Папуля⁷¹ поехать туда и попытаться с помощью названного кардинала уладить спор между герцогом Флоренции и названным синьором Пьомбино, дабы лишить императора всякой возможности получить деньги за эту синьорию. Ведь если они согласятся между собой, у императора уже не будет оснований для отказа передать Пьомбино одному из них, а если он этого не сделает, они оба поймут, как плохо он к ним относится, последствия чего вы легко можете себе представить⁷².

Месье, я прочел в письме к вам месье де Сельва то, что он пишет о графе Оттавио да Тьене, который и меня просил обратиться к вам с той же просьбой. Это человек надежный и влиятельный, и я его рекомендую. Во вложении к этому письму вы найдете его врученную мне и предназначенную для вас записку⁷³.

Месье, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучную и долгую жизнь. Из Падуи, сего 12-го августа 1552 г.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

Месье, я надеюсь с Божьей помощью выехать завтра в мое путешествие. Я выехал бы и раньше, если бы месье кардинал Феррарский не попросил меня встретиться с ним по дороге, и я не стал торопиться дабы не причинить ему неудобства.

РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 105; Документы... Л. 341–342.

13. Кардиналы Феррарский и Турнон Генриху II. Эсте, 14 августа 1552 г. Оригинал

Настороженно воспринято намерение папы послать в Сиену кардинала Миньянелли.

Sire, estantz nous ensemble icy en ce lieu de Hest, vostre ambassadeur de Venise nous a envoye des lettres que monsieur de Myrefois luy avoit escript de Romme, et duquel moy de Ferrare en avois eu aultant, comme il vous plaira veoir par lesd. deux lettres que nous vous envoyons. A ceste cause nous avons advise de vous faire ceste depesche en dilligence pour

⁷⁰ Джакомо Аппиани, по титулу синьор тосканского города и порта Пьомбино, в то время оккупированного имперцами. Герцог Флоренции хотел купить эту синьорию у императора.

⁷¹ Бернардо Сальвиати, епископ Сен-Папуля (в Лангедоке).

⁷² Турнон ещё не знал, что 7 августа Пьомбино уже было передано герцогу Козимо по приказу императора.

⁷³ В коллекции Ламуаньона имеются два письма графа Оттавио да Тьене королю и коннетаблю от 11 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 99–100, 95–96).

⁶⁸ Письмо Сельва королю от 11 августа 1552 г. (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 101–102). Фрагмент этого письма был опубликован Шаррьером (Op. cit. Т. II. P. 223–225) под фиктивной датой «1, 13 августа 1552». Сельв послал также записку о положении дел в Германии, датированную 10 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 278–279).

⁶⁹ Андреа Дория (1466–1560), главнокомандующий флотом Карла V. В начале августа он вел свои галеры из Генуи в Неаполь.

ce qu'il nous semble que la nouvelle merite bien que en soyez adverty au plus tost. Nous vous envoyons aussi une aultre depesche que vostred. ambassadeur vous faict. Et par la vous verrez, sire, comme Nostre Seigneur vous ayde en toutes choses et comme Il favorise voz saintes et louables intentions.

Sire, vous verrez aussi par lesd. lettres que led. sieur de Myrepois escript a moy de Ferrare comme le pape faisoit compte d'envoyer le cardinal Mignanel, qui est Senois, son legat pout ayder a reformer ceste republicque, dont nous serions bien contens que nul aultre que vous ne s'en emeschast guieres et que le tout deppendist de vous; que a este occasion que j'en ay escript a monsieur de Termes affin d'y avoir l'oeil et prendre garde a toutes choses, en actendant ce qu'il vous plaira en ordonner et commander. Led. sieur de Termes y debvoit arriver le Xe ou le lendemain que nous faict esperer que le tout s'en portera myeulx.

Sire, hier soir bien tard l'homme de vostred. ambassadeur arriva ou moy de Tournon ay couche, que j'ay emmene jusques icy, et avons veu ce qu'il vous a pleu nous escrire du bon succes de voz affaires par dela. Et nous semble que quand avecq cela vous aurez assemble ce que vous aurez entendu de nous du coste de deca, vous aurez grande occasion d'en louer et mercier Nostre Seigneur. Et quand a ce qu'il vous plaict nous escrire de la resolution que vous avez prinse sur vozd. affaires, nous ne pouvons sinon louer et estimer grandement le tout et qu'il ne scauroit estre conduit avec plus prudentes et meilleures considerations.

Sire, nous supplions Nostre Seigneur vous donner en sante tres bonne et tres longue vye.

De Este, ce XIIIe d'aoust 1552.

Di Vostra Maiesta humilissimi et obedientissimi servitori

Hip. cardinal di Ferrara

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Сир, когда мы встретились в Эсте, ваш посол в Венеции прислал нам письма, написанные ему из Рима месье де Мирпуа; я же, кардинал Феррарский, также получил от него два письма, которые мы вам посылаем⁷⁴. Итак, мы решили срочно послать вам эту депешу, ибо новость заслуживает того, чтобы вы узнали о ней как можно скорее. Мы пересылаем вам также другую депешу от названного посла⁷⁵. Как видите, сир, Господь помогает вам во всём, благоприятствуя вашим святым и похвальным намерениям.

⁷⁴ Первое письмо отсутствует в коллекции Ламуаньона. Второе – письмо Лагиша кардиналу Феррарскому от 11 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 97–98), в котором Лагиш сообщает о победе турецкой эскадры над императорским флотом у острова Понца в Тирренском море (5 августа).

⁷⁵ Письмо Сельва королю от 13 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 115–116).

Сир, вы увидите также из названных писем, которые названный съёр де Мирпуа прислал мне, кардиналу Феррарскому, что папа возымел намерение послать кардинала Миньянелли, сиенца по происхождению, своим легатом в Сиену дабы помочь реформированию этой республики; а между тем мы были бы очень рады, если бы никто кроме вас не занимался этим делом, так, чтобы все от вас зависело. По этому случаю я написал месье де Терму, чтобы он хорошенько за всем следил в ожидании ваших будущих распоряжений. Названный съёр де Терм должен был прибыть в Сиену 10-го числа или на другой день, и мы надеемся, что все пойдет наилучшим образом⁷⁶.

Сир, вчера поздно вечером человек вашего названного посла прибыл в то место, где я, кардинал де Турнон, остановился на ночлег, я привёз его сюда, и мы прочитали то, что вам угодно было нам написать об успешном ходе дел на ваших границах. Думается, что если вы прибавите к этой радости то, что вы узнаете от нас о делах в Италии, ваше желание хвалить и благодарить Господа намного увеличится. Что же касается того, что вы соблаговолили сообщить нам о ваших решениях по названным делам, мы можем лишь горячо их одобрить и во всем им подчиняться как продиктованным в высшей степени благоразумными и уместными соображениями.

Сир, мы молим Господа дать вам в добром здравии благополучнейшую и очень долгую жизнь.

Из Эсте, сего 14-го августа 1552 г.

Вашего Величества смиреннейшие и покорнейшие слуги

Ипполито кардинал Феррарский

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 127–128; Документы... Л. 353–354.

14. Коннетаблю Монморанси. Верона, 19 августа 1552 г.

Оригинал

О важности союза с Флоренцией. Составление списка сторонников короля, по просьбе герцога Козимо Медичи. Нужно послать деньги графу Питильяно. Сиенцы приглашают Турнона прибыть в Сиену в качестве наместника короля. Он отказывается и рекомендует вместо себя кардинала Феррарского.

Monsieur, estant arrive en ce lieu j'ay receu une depesche que l'ambassadeur de Venise envoie au roy, laquelle j'ay toute veue et y ay trouve dez lectres que monsieur de Myrepois escript aud. sieur et a vous. Et pour

⁷⁶ Кардинал Фабио Миньянелли, назначенный 10 августа легатом папы в Сиене, прибыл туда 20 августа, но должен был вернуться в Рим 14 октября ввиду неудачи своей миссии.

parler premier de celle que led. ambassadeur vous faict dez nouvelles qu'il avoit eu de l'empereur tant par l'homme qu'il y avoit envoye que par ce que la Seigneurie en a, je ne scay que vous dire de ce duc Maurice qui est si loing de nous qui sommes en Italie que nous n'en scaurions rien scavoir que par les ennemys qui ne disent rien que a leur advantaige. Mais je pence bien que de vostre coste vous aurez envoye devers luy pour entendre clairement s'il a accorde avecq l'empereur et, s'ilz sont d'accord, a quelles conditions, lesquelles pourroient estre telles et si desadvantaigeuses pour led. empereur que le roy ne toute la Germanie n'y scauroient avoir grand interest, bien que beaucoup de gens ne peulvent rien croire dud. accord, mais s'il s'est oblie de le faire aultrement qu'il ne doit, je le tiens pour ung homme qui n'a en luy ny honneur ny entendement.

Monsieur, quant a ce que monsieur de Myrefois escript, je ne me veulx pour ceste heure arrester que au faict de Plombin. Et si les choses feussent demeures aux termes que le sieur dud. Plombin luy avoit faict entendre, l'entreprinse en eust este fort a propoz et sans contrevenir a chose que j'aye traicte avec le duc de Florence. Mais ayant veu par une lectre que escript monsieur de Termes a monsieur le cardinal de Ferrare que led. Plombin depuis peu de jours en ca est entre les mains dud. duc de Florence, il n'y fault toucher non plus que au feu sur peine de contrevenir a nostre traicte, dont je ne faudray d'avertir couvertement messieurs le cardinal de Ferrare et de Termes et led. sieur de Myrefois. Je croy bien que l'argent dont faict mention l'avertissement de monsieur de Selve pourroit estre dud. duc de Florence, lequel n'auroit en cela rien faict contre ce qu'il a promys. Et par le dernier homme qu'il m'envoya il m'a faict dire qu'il esperoit recouvrer bientost led. Plombin, et plus aisement qu'il n'eust faict quand l'empereur estoit en prosperite. Pour le moins, si ainsi est, led. Estat est entre les mains d'ung qui ne nous fera point de mal et qui tient fort honneste langaige a tous ceulx qui luy parlent de la part du roy mesmes, comme vous pourrez veoir par une responce qu'il faict a une lectre que monsieur de Termes luy avoit escript, dont je vous envoye la copie de l'une et de l'autre. Il me semble qu'on le doit entretenir, car je ne veoy homme d'entendement qui ne tienne a grand advantaige pour nous de l'avoir arrester a ne vous faire tout le mal qu'il pouvoit mesmement a ceste affaire de Syenne. Par quoy il est fort necessaire d'envoyer au plus tot la ratiffication de ce que j'ay faict avec luy, ou vous aurez veu qu'il veult que dedans trois mois on nomme les serviteurs et adherens de Sa Majeste affin que a faulte de les cognoistre et par inadvertance ilz ne receussent aucun dommage de luy ne luy d'eulx. Et pour cest effect je vous envoye ung petit roolle de ceulx dont il m'est peu souvenir, lesquels vous pourrez nommer en lad. ratifficatio et y adjoindre ceulx de qui il vous souviendra d'advantaige. Il vouloit bien mectre en ce reng la les amys et confederez du roy

qui sont tous si grandz princes et potestatz qu'on n'en scauroit disposer ny promectre riens pour eulx, par quoy il me semble de remectre cela au traicte qui se fera quant il viendra a se declarer contre l'empereur et entrer en confederation entiere avec le roy. Il sera bien aussi requis, monsieur, quant vous envoyerez lad. ratiffication, que le roy l'accompaigne d'une honneste et gracieuse lectre, et a toutes adventures je vous envoye encores un coup le double dud. traicte ainsi qu'il a este passe dernièrement, en actendant que je vous en porte moy mesmes l'original.

Monsieur, il est bien aussi necessaire de ratiffier ce que a este faict avec le conte Nicolo de Petillan. Et suis bien aise de ce que le roy m'en a escript dernièrement par l'homme de monsieur l'ambassadeur, de luy vouloir envoyer son ordre, mais aussi il est temps de luy faire tenir argent pour entretenir les gens de cheval et a pied que la cappitulation porte, car noz ennemys luy veulent tant de mal que s'ilz luy pouvoient surprendre une de ses places ou toutes deux, ilz n'y feroient pas faulte, outre que ce sera entretenir la grande reputation que le roy a de tenir et observer ce qu'il promect.

Monsieur, j'ay receu ung monde de lectres de ceulx de Sienne qui me font une grande instance pour aller jusques la. Et leur semble, pour la grand fiance qu'ilz ont en moy, que je leur ayderois grandement pour dresser et establir leur forme de vivre pour l'advenir, dont le desordre a este cause du mal qu'ilz ont eu pour le passe. Et veoy bien qu'ilz aymeroient myeulx que cela passe par les mains d'ung homme de mon estat que d'ung homme de guerre, non qu'ilz n'ayent receu monsieur de Termes de bien bon cueur avec grand honneur et bon recueil et qu'il ne leur soit venu fort a propos pour ce commencement ou ilz avoient plus de besoing de la force que de pincer a leur police, mais a la longue ilz auroient plus affaire de conseil que de grand force, voulantz bien toutesfois en avoir tousjours quelque peu soubz vostre protection et auctorite tant pour la garde de leur cite et Estat que pour tenir main forte a la justice et a leurd. police. Nous em avons devise longuement, monsieur de Ferrare et moy estant ensemble, et n'a pas tenu a luy qu'il ne m'ayt persuade d'y retourner, mais ayant eu les maulx que j'ay eu, j'ay plus eu besoing de gouverner mon corps et mon esprit en repoz que de pincer a gouverner les aultres. Il me semble, monsieur, que s'il plaisoit au roy d'y envoyer led. sieur cardinal, les Senoys le trouveroient aussi bon et meilleur que moy, car outre que vous n'y scauriez envoyer ung plus fidelle et affectionne serviteur pour le roy que cest homme la, il s'y gouvernera comme il a de coustume en toutes choses si saignement que sans les mescontenter il en tirera grand service pour le roy et si aura bien l'oeil que aultre que led. sieur n'en ayt l'honneur, sans rien oblir de ce qui sera requis pour la seurte de cest Estat. J'en ay parle a ung gentilhomme senois qui m'a

este envoye dez principaulx de la ville pour l'effect que dessus, lequel m'a dict que l'un de nous deux ne scauroit estre que tres a propos et selon le desir de ceulx de la ville qui suspendent le pluspart de leurs affaires en actendant ce qu'il plaira au roy en commander; par quoy il est necessaire qu'il vous plaise en faire faire responce au plus tost et advertir led. cardinal de l'intention dud. sieur.

Monsieur, je ne veoy pas que j'ay aultre chose a vous dire pour ceste heure que mon arrivee en ce lieu dez hier soir. Et y ay sesjourne tout aujourd'huy pour donner ordre a la scorte qu'il me fault d'icy a Bresse ou j'en prendray aussi une aultre pour me conduire jusques au pays dez Grisons, car quoy qu'il me couste, je veulx passer seurement a l'ayde de Dieu. La Seigneurie m'a donne lectres pour avoir tout ce que je demanderay par toutes leurs terres ou je recoy beaucoup d'honneur et de bonne chere. J'entendz bien que cela vient du roy et qu'il doit retourner a luy.

Monsieur, apres m'estre humblement recommande a vostre bonne grace, je prie Nostre Seigneur vous donner en sante bonne et longue vye. De Verrone, ce XIXe aoust 1552.

Il me semble, monsieur, que vous devez faire sceller la ratiffication du traicte dud. duc en la presence du roy sans que personne en puisse rien entendre, comme a faict led. duc, qui a faict expedier celluy qu'il m'a envoye sans que secretaire ny scelleur en ay riens entendu. J'eusse voutiers faict mectre en chiffre le double du traicte dud. duc, mais ce feust este chose malayse a dechiffrer, avec ce que j'ay voulu retenir la depesche de monsieur l'ambassadeur le moins qu'il m'a este possible, mais je n'ay laisse pour cela de faire chiffrer la lectre que je vous escriptz, car par ce moyen, s'il advenoit inconvenient que je ne pence a ceste depesche, l'on pourroyt tousjours desadvouer le double que je vous envoye, n'estant signe ny en forme qu'on s'en puisse aulcunement servir.

Vostre meilleur serviteur

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Месье, прибыв в это место, я получил депешу, посланную королю месье послом в Венеции⁷⁷; которую я всю прочитал и нашел во вложении письма от месье де Мирпуа названному съёру и вам⁷⁸. Прежде всего названный посол сообщает вам новости об императоре, полученные им как от посланного туда человека, так и от Синьории. Не знаю уж, что вам и сказать о герцоге Морице: он так далек от нас, находящийся в Италии, что мы узнаем о нем лишь через его врагов, а те сообщают

⁷⁷ Письмо Сельва королю от 16 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 141–142) и коннетаблю от 17 августа (там же, л. 143–144).

⁷⁸ Письмо Лагиша королю от 12 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 107–111; Документы... Л. 343–348) и коннетаблю под той же датой (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 112–114).

только то, что им выгодно. Полагаю, что вы с вашей стороны пошлете кого-нибудь к нему чтобы достоверно узнать, договорился ли он с императором⁷⁹. Если они договорились, важно знать на каких условиях: они ведь могут быть столь невыгодными для императора, что для короля и для всей Германии такое примирение будет совершенно неважным (правда, многие не могут поверить в возможность такой договорённости). Но если он, герцог Мориц, забыв о своем долге, пошел на иные условия, я буду считать его человеком без чести и разума.

Месье, что касается того, о чём пишет месье де Мирпуа, я могу сейчас остановиться лишь на вопросе о Пьомбино⁸⁰. Если бы дела оставались в том же положении, о котором ему пишет съёр названного Пьомбино, то предложенное им предприятие было бы весьма кстати⁸¹ и не противоречило бы моему договору с герцогом Флоренции. Однако из письма месье де Терма к месье кардиналу Феррарскому мне стало известно, что названное Пьомбино несколько дней назад перешло в руки названного герцога Флоренции, а мы должны бояться как огня всего, что противоречило бы нашему договору, и это мое мнение я не премину довести до сведения месье кардинала Феррарского, месье де Терма и названного съёра де Мирпуа. Я охотно верю, что деньги, о которых сообщает месье де Сельв, были получены от названного герцога Флоренции, но он не совершил при этом ничего противоречащего своим обещаниям. При последней присылке ко мне своего конфидента он сообщил через него, что надеется вскоре вернуть себе названное Пьомбино, и на более легких условиях, чем те, которые поставил бы император, будь он по-прежнему в силе. Во всяком случае, если так и случилось, названный город принадлежит теперь человеку, который не будет причинять нам зла и очень почтительно говорит с теми, кто обращается к нему от имени самого короля, в чём вы можете убедиться из его ответа на письмо, присланное ему месье де Термом (копии обеих писем я вам посылаю)⁸². Думаю, что с ним нужно поддерживать дружбу, да и все здравомыслящие люди здесь считают для нас большой удачей то, что мы убедили его не делать нам того зла, которое он мог бы причинить во время переворота в Сиене. Итак, совершенно необходимо как можно скорее прислать сюда ратификацию заключённого мною с ним соглашения. Как видите, он хочет, чтобы в течение трёх месяцев мы представили ему список служителей и приверженцев Его Величества, дабы он, герцог, по неос-

⁷⁹ Мир между немецкими протестантскими князьями и императором был заключен в Пассау 2 августа.

⁸⁰ Слова «на вопросе о Пьомбино» и ниже «съёр названного Пьомбино» даны шифром. О Пьомбино см. выше, прим. 70 и прим. 72. Находясь в Риме, Джакомо Аппиани обратился к французскому послу с просьбой о помощи Франции в возвращении ему Пьомбино вооружённой силой (Документы... Л. 347).

⁸¹ Далее текст почти полностью зашифрован до конца абзаца.

⁸² Эти копии отсутствуют в коллекции Ламуаньона.

ведомлённости не причинил им никакого вреда, как и они ему. Вот почему я посылаю вам небольшой список тех, о которых смог вспомнить, дабы вы упомянули о них в тексте акта ратификации, добавив имена лиц, о которых вспомните сами⁸³. Герцог хотел бы, чтобы в этот список были включены и те друзья и союзники короля (а все они могучие принцы и потентаты), за каковых ни в чём нельзя было бы заранее поручиться; полагаю, что их имена нужно будет включить в тот договор, который будет составлен, когда герцог объявит себя противником императора и вступит в открытый союз с королём. А ещё, месье, хорошо было бы, что к отправляемому вами акту о названной ратификации было приложено личное письмо короля, составленное в очень дружественном и любезном тоне. На всякий случай я посылаю вам ещё один дубликат названного договора, вслед за уже посланным ранее, а уж оригинал доставлю вам лично.

Столь же необходимо, месье, ратифицировать соглашение с графом Никколо Питильяно. Я был очень рад полученному с последним курьером месье посла письму от короля, в котором он сообщил мне о своем намерении послать графу знаки своего ордена; но, кроме того, пора снабдить его деньгами на содержание конницы и пехоты, как было оговорено в соглашении. Наши враги так злы на него, что если бы они могли внезапно захватить одну из его крепостей или даже обе, они бы непременно так и сделали. Да ведь и надо поддерживать высокую репутацию короля как монарха, строго соблюдающего свои обещания⁸⁴.

Месье, я получил множество писем от сиенцев, настоятельно просящих меня приехать к ним. Весьма доверяя мне, они надеются, что я активно помогу им создать и установить новый порядок, отсутствие которого было причиной их прошлых бед. Я ясно вижу, что они предпочли бы видеть в этой роли человека моего статуса, а не военного; правда, они встретили месье де Терма очень хорошо и с большим почётом, и прибыл он очень кстати при начале их новой жизни, когда они больше нуждались в силе, чем в думам о будущей форме правления, — а все же впоследствии им будут больше требоваться мудрые советы, чем большая армия⁸⁵, хотя, конечно, они хотят всегда иметь под рукой небольшой отряд под вашей властью для охраны их города и государства, равно как и для укрепления их юстиции и образа правления. Мы долго говорили об этом с месье кардиналом Феррарским, но не в его власти было убедить меня поехать в Сиену: из-за моих болезней я больше нуждаюсь в заботе о моем теле и спокойствии духа, чем в размышлениях о том, как управлять другими. Мне кажется, месье, что если бы королю

⁸³ Список, составленный Турноном, в коллекции Ламуаньона отсутствует.

⁸⁴ Акт о ратификации соглашения с графом Питильяно был отправлен королём вместе с письмами, датированными 14 августа, одновременно с пожалованной графу цепью высшего королевского ордена Св. Михаила.

⁸⁵ Напомним, что вначале Турнон был вообще против отправки Терма с его солдатами в Сиену (см. выше введение к публикации).

было угодно послать туда названного съёра кардинала, сиенцы сочли бы, что он подходит им так же и даже больше, чем я: ведь вы не смогли бы выбрать более верного и преданного слугу короля чем этот человек, и он будет править со свойственной ему во всем мудростью, так что сумеет, не вызывая недовольства сиенцев, эффективно использовать их для успеха службы короля, тщательно наблюдая за тем, чтобы вся честь этого успеха принадлежала названному съёру королю и никому другому; при этом он не будет пренебрегать ничем необходимым для охраны сиенского государства. Я говорил о всем этом с одним сиенским дворянином, присланном ко мне главными лицами города, и он ответил, что приезд одного из нас двоих был бы очень кстати и соответствовал бы желаниям городских властей, которые откладывают решение многих дел, ожидая распоряжений о том короля. Итак, нужно чтобы вы благоволили поскорее оформить решение этого дела и известили названного кардинала о намерении названного съёра короля.

Месье, мне осталось лишь сообщить вам, что я прибыл в этот город вчера вечером и провел здесь весь сегодняшний день, организуя эскорт, который должен сопровождать меня отсюда до Бреши; там я возьму другой эскорт до страны Гризонов⁸⁶. Как бы то ни было дорого, я хочу, с Божьей помощью, путешествовать в безопасности. Синьория выдала мне письма, по предъявлении которых я могу получать все что запрошу во всех венецианских владениях. Венецианцы повсюду встречают меня с большим почетом и щедростью; понимаю, что всем этим я обязан королю, которому и воздаю свою благодарность.

Месье, смиренно вверяя себя вашей милости, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучную и долгую жизнь. Из Вероны, сего 19-го августа 1552 г.

Мне думается, месье, что вам нужно устроить церемонию приложения печати к ратификации договора с названным герцогом в присутствии короля, но так чтобы никто не мог ничего понять. Так поступил и названный герцог: он распорядился экспедировать отправленный мне документ таким образом, что ни секретарь, ни печатник ничего не поняли. Я охотно велел бы зашифровать дубликат договора с герцогом, но его было бы трудно дешифровать, да и я хотел как можно меньше задерживать отправку депеши месье посла, но все же я распорядился зашифровать мое письмо к вам; таким образом, если случится какая-либо не ожидаемая мною неприятность с депешей, всегда можно будет дезавуировать посылаемый мной дубликат, поскольку он не подписан и не оформлен так, чтобы его можно было бы каким-то образом использовать⁸⁷.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 161–167; Документы... Л. 362–367.

⁸⁶ «Гризоны» («Серые Союзы») — швейцарская союзная земля Граубюнден.

⁸⁷ Весь *post scriptum* письма зашифрован.

15. Коннетаблю Монморанси. Кур, 4 сентября 1552 г. Оригинал

Турнон одобряет решение папы не позволить отправиться в Сиену кардиналу Фарнезе. Он по-прежнему советует послать туда кардинала Феррарского.

Monsieur, je ne pensois vous escrire que mon arrive en ceste ville aussi las et travaille que jamais homme feust des mauvaises montaignes et pays que j'ay trouve, encores que l'on m'ayt fait passer par la Valtoline ou il y a assez beau pays pour deux journees que je y ay este, mais aussi je me suis d'aautant plus esloigne de grand chemyn, qui a este cause que je n'ay peu trouver Cornelio Bentivoglio et ne scay s'il m'a apporte lettres du roy ou de vous. Or, Dieu mercy, je suis arrive icy hors de tout dangier, et ne scauriez croire le bon ordre qu'avoit donne monsieur l'ambassadeur de Castion pour ma seurte et passage, et Dieu scaict la bonne chiere qu'il m'a fait icy ou il a fort bon credit, et le trouve bien grandement affectionne au service du roy, comme j'espere vous dire quand je vous verray. La conclusion de cest article sera que je ne repasserois pas par la d'ou je viens qui me donneroit le papat.

Monsieur, ce que me fera vous faire la presente plus longue sera, suivant ce que je vous ay escript il n'y a que deux heures par le maistre dez courriers dez postes du feu pape Paule, la depesche que monsieur le cardinal Farnez fait par luy au roy, dont je suis seur que monsieur de Myrepolis vous fait entendre l'oppinion que Sa Saintete a de l'allee dud. cardinal Farnez a Sienne. Et quant a moy, je suis bien de l'advise de Sad. Saintete, et me semble qu'il ne seroit point a propos pour maintenant que led. cardinal allast la. Vous aurez entendu par monsieur de Lansac et par ce que j'ay escript au roy et a vous l'oppinion en quoy j'estois de monsieur le cardinal de Ferrare a laquelle je continue. Car pour les gens de Sienne a qui nous avons a faire et sur le commencement de l'ordre qu'ilz doibvent donner a leur ville, mond. sieur de Ferrare y sera beaucoup a propos, ce me semble, que nul aultre pour quelque temps, vous assurant que tant plus je y pence, tant plus je le trouve raisonnable pour le service du roy. Je ne diray pas ainsi du duc de Somme, lequel, encores qu'il soit homme de bien et bon serviteur du roy, si ne pence je point qu'il soit fort agreable a lad. ville. Et de vray, ce n'est pas ce qu'il fault en une telle republicque pour ce commencement, et a ce que j'ay desja entendu, lesd. Senois craignent bien fort qu'il n'y demeure longuement apres le partement de monsieur de Termes. Sur quoy, monsieur, vous jugerez ce que bon vous semblera. Bien vous prie je vous assureur que ce que j'en dye n'est pour passion ne affection que j'ay pour l'ung ne pour l'aultre, mais pour le desir que j'ay au bien, honneur et reputation du roy. Si le susd. Maistre dez postes continuoit a faire instance de veaige de Sienne pour led. cardinal Farnez, vous avez la plus belle excuse du

monde sur le propos qui a este tenu du cardinal de Ferrare. Je croy aussi qu'il vous pressera, s'il ne peult obtenir d'aller a Sienne, de vouloir aller devers le roy pour luy faire la reverence, sur quoy vous scaurez bien adviser ce que vous aurez a luy respondre. Bien croy je qu'il seroit plus a propos auprez du roy que aud. Sienne, outre la seurte que vous aurez tousjours de luy et dez siens quand vous aurez ung tel gaige que luy aupres de vous. Et pence qu'il n'aura guieres demeure a la court qu'il ne vueille aller a sa legation d'Avignon ou il sera aussi bien pour nous qu'en lieu d'Italie

Monsieur, au mauvais corps que j'ay je cognois bien que je ne scaurois estre a Lyon devant le XXIII ou XXVe de ce present mois, et fais mon compte, si vous ne me commandez le contraire, d'y faire mon entree pour m'en depescher et, sans y faire sesjour de plus de quatre ou cinq jours pour apres reprendre le chemyn, d'aller avec l'ayde de Dieu le plus droict que je pourray trouver le roy, ou j'espere vous veoir et embrasser d'aussi bon cueur que je me sens oblige a vous faire service.

Monsieur, apres m'estre humblement recommande a vostre bonne grace, je prie Nostre Seigneur vous donner en sante bonne et longue vye. De Coire, ce IIIe de septembre 1552.

Monsieur, j'ay veu par ce que monsieur de Termes a escript au roy et a vous la peine ou il est pour veoir le duc de Florence armer et assembler tous les jours gens de guerre, dont je ne puis entendre l'ocasion ny quel desseing il peult avoir. Si ne puis je croire qu'il vueille faillir a ce que vous avez veu qu'il a promys, dont je vous porteray, si Dieu plaict, l'original signe et bloque. Et s'il faisoit aultrement, outre qu'il feroit le plus malheureusement du monde, il se mettroit en ung bien grand dangier et pourroit donner occasion au roy de faire tout de mesmes de son Estat comme il a fait de celluy de Sienne, n'ayant sceu conserver le roy et ayant offence l'empereur, a ce qu'il luy mesmes confesse. Ainsi que je voulois clorre la presente, Le Boyteux est arrive qui m'a apporte vostre lettre du XXIXe du passe, a laquelle il ne fault point d'aultre response sinon que suivant ce que vous me mandez je m'achemineray jusques a Lyon en attendant ce que vous me ferez scavoir par Cambys.

Vostre meilleur serviteur

F. cardinal de Tournon.

Перевод: Месье, я и не думал, что придётся вам писать, каким усталым и измученным я чувствую себя по прибытии в этот город после переезда через крутые горы и суровую местность. Правда, в течение двух суток я ехал по Вальтелине, долине довольно приятной, но тем самым я свернул с прямого пути и не мог встретиться с Корнелио Бентиволью, так что я не знаю, вез ли он какое-нибудь письмо для меня от короля или вас. И вот, с Божьей помощью, я прибыл сюда, избежав

всякой опасности; вы вряд ли сможете представить себе, какие усилия предпринял месье посол де Кастигон⁸⁸ ради безопасности моего проезда и с какой щедростью он принимает меня здесь, где пользуется очень большим кредитом. Я нахожу, что он весьма предан службе короля, о чём надеюсь рассказать вам при личной встрече. В заключенные скажу лишь, что я никогда не решился бы повторить такое путешествие, даже если бы меня за это сделали папой.

На этом, месье, я бы и закончил, если бы не депеша, посланная королю месье кардиналом Фарнезе с бывшим начальником почтовых курьеров покойного папы Павла⁸⁹ (с этим курьером я сам отправил вам письмо два часа назад)⁹⁰. Уверен, что месье де Мирпуа сообщил вам мнение Его Святейшества относительно поездки названного кардинала Фарнезе в Сиену⁹¹. Что касается меня, то я совершенно согласен с Его Святейшеством, полагая, что сейчас поездка туда названного кардинала была бы нехотана. Вы узнаете от месье де Ланссака⁹² и из моих писем королю и вам, каково было моё мнение о месье кардинале Феррарском, таким же оно и остаётся⁹³. Мы будем иметь дело с сиенцами в начале их перехода к новому порядку, каковой им ещё предстоит установить в своем городе, и мне думается, что для них в это время названный месье кардинал Феррарский будет удобнее, чем кто-либо другой. Чем более я об этом размышляю, тем более нахожу его назначение полезным для службы короля. Я не могу сказать того же о герцоге Сомма⁹⁴, — хоть он и достойный человек, и добрый слуга короля, не думаю, чтобы он был очень приятен горожанам Сиены. И в самом деле, не такой человек нужен в республике при начале её реформирования, и я уже слышал, что сиенцы очень боятся, как бы он не остался у них надолго после отъезда месье де Терма, — но тут уж вы, месье, поступайте как сами сочтете за лучшее. Прошу вас верить, что мои суждения объясняются не личными привязанностями, но желанием служить благу, чести и репутации короля. Если названный начальник почт будет упорно просить о поездке в Сиену названного кардинала Фарнезе, прекрасным предлогом для отказа может служить проект

⁸⁸ Джанджакомо Кастильоне, посол Франции в Граубюндене.

⁸⁹ Письмо кардинала Фарнезе королю от 27 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 242–243).

⁹⁰ Это письмо в коллекции Ламуаньона отсутствует.

⁹¹ Папа отказал кардиналу Фарнезе в разрешении на поездку в Сиену. Лагиш известил об этом короля в письме от 25 августа, к которому было приложено написанное на итальянском языке резюме ответа папы людям кардинала Фарнезе (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 226–232; Документы... Л. 381–388).

⁹² Ланссак выехал из Сиены ко двору 16 августа.

⁹³ Кардинал Феррарский был назначен заместителем короля в Сиене 1 сентября.

⁹⁴ Джанбернардо ди Сансеверино, герцог Сомма, неаполитанский эмигрант на службе Франции, прибыл в Сиену вместе с Термом как его заместитель.

назначения в Сиену кардинала Феррарского. Видимо, кардинал Фарнезе, не получив разрешения на поездку в Сиену, будет настаивать перед вами на предоставлении ему возможности приехать к королю дабы выразить ему свое почтение, и вы, конечно, сможете наилучшим образом ему ответить. Полагаю, что предпочтительнее иметь его при короле, чем в Сиене, и что будет надежнее держать его и его людей при вас в качестве ценных заложников. Впрочем, видимо, он недолго пробудет при дворе и захочет поехать в свое легатство в Авиньоне, где будет столь же полезен для нас, как и в любом месте в Италии.

Месье, при моем нездоровье я точно знаю, что не смогу быть в Лионе до 24-го или 25-го сего месяца. Я рассчитываю, если вы не прикажете противного, поспешить с торжественным въездом туда⁹⁵, но не задержусь там дольше чем на четыре-пять дней, после чего продолжу поездку дабы кратчайшим путём, с Божьей помощью, прибыть туда, где будет находиться король, и где я надеюсь встретиться с ним и обнять от всего сердца, готовый служить вам.

Месье, смиренно вверяя себя вашей милости, я молю Господа дать вам в добром здравии благополучную и долгую жизнь. Из Кура, сего 4-го сентября 1552 г.

Месье, из писем месье де Терма королю и вам я вижу, как он обеспокоен тем, что герцог Флоренции постоянно вооружается и собирает войска⁹⁶, я же не могу понять ни причины сего вооружения, ни какие у него могут быть замыслы. Я не могу поверить, чтобы он пожелал нарушить свои известные вам обещания, содержащиеся в договоре, оригинал которого, с подписью и печатью, я с Божьей помощью вам доставлю. В противном случае он не только совершил бы самую ужасную ошибку, но и подверг бы себя величайшей опасности: уже оскорбив императора (в чём он сам мне признался), он не сохранил бы и дружбу короля, который мог бы при случае сделать с его государством то же, что и с Сиеной. Я уже собирался запечатывать это письмо, когда прибыл Ле Буатё, доставивший мне ваше письмо от 29-го прошлого месяца, на которое я могу ответить лишь то, что в соответствии с вашими предписаниями я доберусь до Лиона и буду там ждать известий от вас с курьером Камби.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

РГАДА. Ф. 81. Т. 26. Л. 31–32; Документы... Л. 413–416.

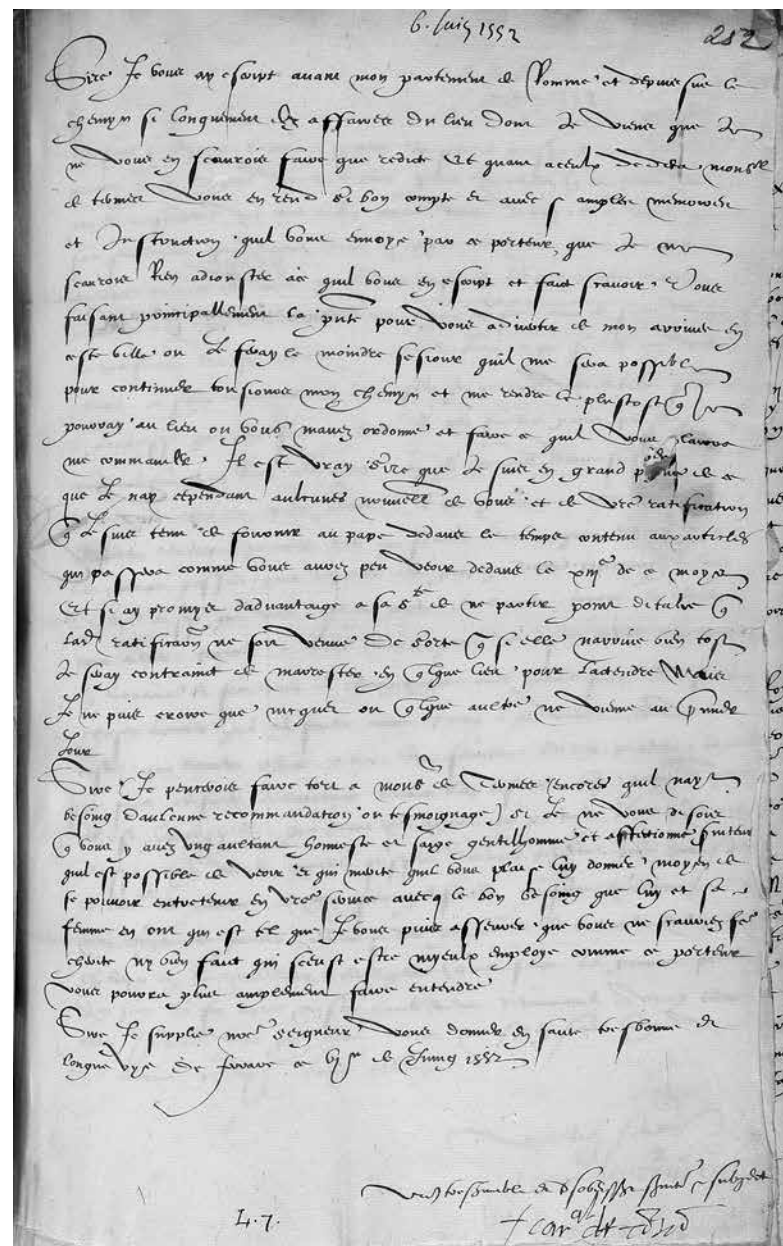
⁹⁵ Турнон с 1551 г. был архиепископом Лионским.

⁹⁶ Терм упоминает о вооружении герцога Козимо, между прочим и без комментариев, в письме коннетаблю от 28 августа (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 250–251; Документы... Л. 393–394). В письме королю от того же числа он ничего об этом не пишет (РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 248–249; Документы... Л. 391–392).

16. Коннетаблю Монморанси. Руссийон, 29 декабря 1552 г.**Оригинал**

Турнон одобряет идею нейтрализации Сиены. Он защищает Джеронимо да Пиза от нападок Терма.

Monsieur, je ne vous escripviz que ung mot par Niquet pour ne le retenir que le moyns qu'il me fust possible, me reservant de vous escrire un peu plus amplement a la premiere commodite. Monsieur, je ne puis pas avoir certaine cognoissance de l'estat des affaires du roy, ne s'ilz peulvent porter d'entrer en la despence qu'il sera necessaire de faire a ceste guerre de Sienne. Car si vous vous sentez assez fortz pour entrer en ceste despence et que l'on puisse (comme il est a esperer, si vous voulez prendre un peu cest affaire a cueur) renvoyer le vice-roy de Naples sans rien faire, ce sera une infinye gloire et reputation a Sa Mageste et ung si grand pied gaigne au cueur de l'Italye que toutes les entreprises qu'elle y voudra jamais faire luy reusiront beaucoup plus aiseement et sans grande despence. Mais aussi, monsieur, si ceste guerre estoit de trop grande charge et incommodite aud. sieur pour les grandz affaires qu'il a aujourd'huy, je ne trouverois point, quant a moy, mauvais le propoz que le pape a mys en avant, que l'empereur promist de laisser Sienne en liberte et en son entier, qui a tousjours aussi este l'intention du roy, et qu'on desarmast d'une part et d'aulture, laissant seulement dans la ville telle garde que ceulx dud. Sienne adviseroient d'y tenir pour leur seurte; et que par ce moyen les Espaignolz qui sont dedans Orbatello et aultres lieux du Senoys en vuydassent, pourveu aussi que le pape (comme il offre), la Seigneurie de Venise et le duc de Florence s'obligeassent, en cas que led. empereur voulust par cy apres y faire rocque ou aulture chose au prejudice de leur liberte, de prendre les armes avecq le roy contre luy, et qu'ilz entrassent en ligue dez a present pour cest effect. En quoy faisant on donneroit a cognoistre a toute l'Italye que l'intention de Sa Majeste n'a jamais este aulture que au bien et benefice de ceste republicque et pour les remectre en leur premiere et pleine liberte plus que pour s'en faire seigneur. Et neantmoins ilz seront bien les plus malheureux du monde s'ilz ne recognoissent et tiennent tousjours led. sieur pour leur libérateur et protecteur, et s'ilz ne font tous les bons offices qu'on peult esperer de si obligez serviteurs qu'ilz luy sont quand les occasions se presenteront pour faire preuve de leurs bonnes voluntez, avecq ce que voulantz pour leur seurte retenir quelque force, comme dict est, a grand peine trouveront ilz prince qui s'en vueille charger si ce n'est le roy, lequel par ce moyen avec peu de despence les tiendra tousjours obligez. Monsieur, si je voulois croire ce qu'on m'escript d'Italye, si je me fusse trouve dedans Sienne avecq une moyenne force que je y eusse voulu tenir et dont j'eusse voulu donner la charge au cappitaine Jeronyme de Pise, les princes et potentatz voisins dud. Estat de Sienne n'eussent point eu occasion de s'alterer ny

Письмо кардинала де Турнона Генриху II. 6 июня 1552 г. Автограф. РГАДА, ф. 81, т. 23, л. 252. См. с. 90–91.

de prendre aucun umbrage ne jalousie de nostre facon de vivre. Mais je veulx croire, monsieur, que si je y eusse este je me fusse trouve aultant ou plus empesche que les aultres, et que ceulx qui sont sur les lieux n'ont rien fait sans bonne occasion, et que peult estre moy mesmes n'eusse fait si j'eusse este en leur place. Tant y a, monsieur, que puisque les choses en sont venues si avant, il me sembleroit, si les affaires du roy ne peulvent, comme dict est, porter ceste despence, que l'appointement mys en avant par le pape (qui pourroit estre negocié par quelque saige gentilhomme que vous y pourriez envoyer) ne seroit ny deshonneste ny desadvantageux pour le roy. De quoy toutesfois, monsieur, je me remectz, comme je feray toujours en toutes choses, a vostre meilleur jugement, vous en ayant bien voulu dire franchement tout ce que j'en avois sur le cueur comme a celluy a qui je ne veulx jamais rien celler.

Et soubz ceste mesme seurte que j'ay prins de vous je vous veulx parler d'une plaincte que m'a faicte led. cappitaine Jeronyme de Pise de quelque malcontentement que a prins monsieur de Termes contre luy, comme vous verrez plus amplement par ce qu'il m'en escript. Dont la substance est que, par ce que j'escrivis aud. sieur de Termes pendant qu'il estoit a Parme que j'avois este adverty de plusieurs larracins que l'on faisoit aux monstres, et ceulx mesmes sur qui il avoit puissance, et que je le priois d'y prendre garde, il print oppinion que cest advertissement m'estoit venu dud. de Pise, dont je vous respondz sur mon honneur qu'il n'en est rien ; mais au contraire, la premiere fois que led. de Pise vint a moy, depesche du duc de Parme, je luy parlay et me plainis a luy desd. larracins comme si luy mesmes en eust este participant, dont il eust plus a faire a s'en excuser a moy que d'accuser les aultres. Et vous assure, monsieur, que cest advis me fust donne par les Francois mesmes. L'aultre occasion pourquoy led. sieur de Termes le prins ainsi contre luy, est qu'il pence que led. de Pise ayt fait a son dernier veaige de la court quelque mauvais office envers le roy ou envers vous contre luy, dont vous scavez la verite. En somme, monsieur, je veoy ce paouvre homme desesperé et aurois regret de veoir perdre ung si fidelle et si affectionné serviteur du roy comme je l'ay toujours trouve; dont je ne pencerois pas faire bien si je ne le vous faisois entendre, et aussi que delibérant de s'aller rendre a vous, je vous ay bien voulu devant advertir de l'occasion de son veaige et vous envoyer tout ce que ce paouvre homme m'en a escript que je vous prie avoir pour recommander.

Monsieur, ainsi que je voulois clorre la presente, l'on m'a dict la nouvelle, qui estoit bonne, de la reprise de Hesdin dont l'on m'a plus tost fait scavoir la conqueste que la perte. Et pence que si l'on m'eust plus tost adverty de la prise et dez aultres nouvelles qu'on m'a par mesme moyen fait entendre, que cela m'eust costé la vye, combien qu'il fault louer Dieu aussi bien de mal que de bien. Lequel je prie, apres

m'estre de bien bon cueur recommande a vostre bonne grace, vous donner, monsieur, en sante bonne et longue vye. De Rossillon, ce XXIXe de decembre 1552.

Vostre meilleur serviteur,

F. cardinal de Tournon.

Depuis la presente escripte est arrivee la depesche qu'il a pleu au roy et a vous me faire touchant le recouvrement dud. Hesdin, dont j'ay este d'autant plus assure. J'en mercye tres humblement led. sieur par ung mot de lettre que je luy escriptz, et vous promet, monsieur, qu'il me semble que je me suis beaucoup myeulx trouve apres ceste nouvelle.

Перевод: Месье, желая как можно меньше задерживать Нике⁹⁷, я послал вам тогда с ним лишь пару слов, решив при первом удобном случае отписать вам более подробно. Месье, я не могу иметь точных сведений о состоянии дел короля и о том, позволит ли оно выдержать расходы, необходимые для военной поддержки Сиены. Если вы чувствуете себя достаточно для этого сильными и если бы можно было отразить нападение вице-короля Неаполя⁹⁸ без всякого для него успеха (на что можно надеяться, если вы решитесь энергично взяться за дело), Его Величество обрёл бы величайшую славу и такую прочную опору в сердце Италии, что все его возможные в будущем замыслы осуществятся гораздо легче и без больших расходов. Но если, месье, эта война окажется слишком обременительной и неудобной для названного съёра короля из-за его нынешних великих дел, тогда я лично не счёл бы плохим предложение, выдвинутое папой⁹⁹, – а именно, чтобы император обещал оставить Сиене её полную и неурезанную свободу (а таково всегда было намерение короля), чтобы обе стороны разоружились и в городе остался лишь тот отряд, который сами сиенцы захотят там содержать ради их безопасности; чтобы испанцы, занявшие Орбетелло и другие места в Сиенском государстве, оттуда удалились и чтобы папа (как он сам предлагает), Синьория Венеции и герцог Флоренции обязались, в случае если названный император в будущем пожелает соорудить какую-либо крепость или предпримет ещё что-либо угрожающее свободе Сиены, начать против него войну в союзе с королём, в предвидении им уже сейчас следовало бы заключить между собой лигу. Приняв такой план, мы дали бы понять всей

⁹⁷ Нике был послан ко двору послом Лагишем, выехал из Рима 12 декабря, проезжал через Сиену и Феррару.

⁹⁸ Испанский вице-король Неаполя Педро де Толедо тогда готовил военную экспедицию против Сиены, о чём в Неаполе было официально объявлено 4 декабря.

⁹⁹ Турнон ознакомился с этим предложением из письма Лагиша королю от 12 декабря, отправленного с курьером Нике (РГАДА. Ф. 81. Т. 16. Л. 304–305; Документы... Л. 530–532).

Италии, что целью Его Величества всегда было только одно – благо и благоденствие Сиенской республики, возвращение ей исконной и полной свободы, а отнюдь не желание стать её синьором. И тем не менее сиенцы станут самыми несчастными людьми в мире если они не будут постоянно относиться к названному съёру королю как к своему освободителю и покровителю, оказывая ему, когда представится случай, все те добрые услуги, которые можно ожидать от столь благодарных служителей, желающих доказать свою добрую волю; к тому же если они захотят ради своей безопасности, как сказано выше, держать в городе некий отряд, вряд ли они найдут иного, чем король, государя, который пожелал бы об этом позаботиться, король же таким способом при небольших расходах будет всегда их постоянным благодетелем. Месье, мне много пишут из Италии (когда б я мог этому верить!), что если бы я находился в Сиене с выбранным мною небольшим отрядом, команду над которым я поручил бы капитану Джеронимо да Пиза, у соседних с Сиенским государством принцев и potentатов не было бы причин для беспокойства, зависти и вообще недовольства нашим поведением. Все же я хочу верить, месье, что если бы я там был, меня ожидали бы такие же или ещё большие трудности чем других, и что эти другие не совершили ничего без важной причины, и что сам я на их месте, вероятно, поступил бы так же. Однако месье, раз уж дело зашло так далеко, мне думается (если король не может допустить этих новых расходов), что предложение, выдвинутое папой, не является ни бесчестным, ни невыгодным для короля; к тому же оно ещё может стать предметом переговоров, для чего вы могли бы послать к нему какого-нибудь рассудительного дворянина. Впрочем, во всём этом, месье, как и во всех других вещах, я полагаюсь на ваше мудрое суждение и лишь хотел бы искренне высказать все, что лежит у меня на сердце, вам как человеку, от которого я никогда не хочу ничего скрывать.

С той же доверительностью к вам хочу сообщить о жалобе, принесённой мне названным капитаном Джеронимо да Пиза на недовольство им со стороны месье де Терма, о чём вы подробнее прочтете в его письме ко мне¹⁰⁰. Дело в том, что, когда ещё съёр де Терм был в Парме, я написал ему, что мне сообщили о многих хищениях, производившихся во время солдатских смотров, и притом даже в частях, состоящих под его командой, на что и просил его обратить особое внимание; он же решил, что я получил эти сведения от названного да Пиза. Клянусь вам честью, что это совершенная неправда: наоборот, когда я впервые встретился с названным да Пиза, присланным ко мне от герцога Пармского, я жаловался ему на названные хищения так, как будто бы он сам был к ним причастен, и ему пришлось скорее оправдываться самому, чем обвинять других. Уверяю вас, месье, что эти сведения я получил от самих французов. Другая причина, по которой названный

¹⁰⁰ Письмо Джеронимо да Пиза Турнону из Сиены от 17 декабря 1552 г. (РГАДА. Ф. 81. Т. 26. Л. 433–437; Документы... Л. 557–561).

съёр де Терм на него рассердился, состоит в том, что он думает, будто бы названный да Пиза при своей недавней поездке ко двору¹⁰¹ сказал королю или вам нечто ему во вред; тут уж истина вам известна. В общем, месье, я вижу, что бедняга пришел в отчаяние, и мне было бы жаль потерять такого верного и преданного слугу короля, каким я его всегда знал, почему я и съёл за благо вам обо всем сообщить. К тому же он хочет отправиться к вам, и я решил предупредить вас о причине этой поездки, послав вам все написанное мне в свою защиту этим беднягой, и да послужит ему это моей рекомендацией.

Месье, я уже собрался запечатывать это письмо, когда мне сообщили хорошую новость об отвоевании Эдена¹⁰² и получилось так, что я узнал об этом успехе раньше, чем о потере города. Думаю, что если бы было наоборот и я узнал бы вначале о поражении и прочих неприятностях, – тогда я лишился бы жизни, хотя и надо хвалить Бога за бедствия так же, как и за блага. Добросердечноверя себя вашей милости, я молю Его дать вам, месье, в добром здравии благополучную и долгую жизнь.

Ваш наилучший слуга

Франсуа кардинал де Турнон.

Когда я окончил это письмо, прибыла депеша с письмами, в которых король и вы благоволили сообщить мне об отвоевании названного Эдена, окончательно подтвердив это известие. Я смиреннейше благодарю названного съёра короля в небольшом письме¹⁰³ и уверяю вас, месье, что после хорошей новости чувствую себя гораздо лучше.

РГАДА. Ф. 81. Т. 16. Л. 315–317; Документы... Л. 597–600.

¹⁰¹ Разрешение на эту поездку, состоявшуюся в октябре 1552 г., было знаком благодарности за роль, сыгранную Джеронимо да Пиза во время переворота в Сиене.

¹⁰² Город в Артуа, совр. департамент Па-де-Кале.

¹⁰³ Письмо от 29 декабря (РГАДА. Ф. 81. Т. 26. Л. 482–483).

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ФРАНКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОЛЛЕКЦИИ ЛАМУАНЬОНА*

Значимость фонда, известного под названием «коллекция Ламуаньона» (РГАДА, ф. 81), состоит в том, что он представляет очень большую часть ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье. Один из четырех государственных секретарей, распределение дел между которыми было построено по географическому принципу, Дютье ведал «юго-восточным направлением»: перепиской с Лионом, Дофине, Италией и Турцией. Когда он умер, скопившиеся у него бумаги государственного значения остались в его семейном архиве, в руках его наследников. Такова была обычная ситуация для того времени, когда на министерском уровне ещё не существовало государственных архивов¹.

Семейный архив Дютье не сохранился в целости; он раздробился на несколько фрагментов, попавших к разным коллекционерам (одним из которых и был первый президент Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийом де Ламуаньон), и далеко не все документы дошли до нас. Коллекция Ламуаньона, где содержится более 8200 документов, – лишь одна и, пожалуй, самая крупная из этих частей. Другая часть фонда некогда находилась в обладании французского публикатора XVII в. Гийома Рибье и послужила основой для его известной двухтомной публикации². Местонахождение оригиналов этих документов

в настоящее время неизвестно³. Наконец, отдельные фрагменты архива Дютье, пройдя через руки других коллекционеров, оказались в составе парижской Национальной библиотеки, где ими в середине XIX в. воспользовался составитель посвящённой французской политике в Леванте публикации Э. Шаррьер⁴.

В составе коллекции Ламуаньона мною выделено 248 документов, непосредственно затрагивающих франко-турецкие отношения в 1547–1559 гг. они разнообразны по своему характеру: здесь письма французских послов и поверенных в делах королю, первому министру коннетаблю Монморанси, Гизам, самому Дютье (оригиналы и их дубликаты, а также дешифровки шифрованных писем, если они производились на отдельных листах, а не тут же между строк); переводы писем султана французскому королю; оригиналы и копии писем третьих лиц; различные записки; черновики исходящих от французского двора писем. Количество аналогичных документов, опубликованных Рибье, составляет 74, из них 19 идентичны нашим документам, и по ним можно судить, как Рибье работал над своей публикацией. Шаррьером приведено, полностью или частично, 35 относящихся к нашей теме документов (не считая перепечатанных им из Рибье), которые были им взяты из хранящихся в Национальной библиотеке фондов Деламара и Дюпюи, а также (тут уже Шаррьер имел дело не с документами из архива Дютье, но из частных архивов французских послов в Венеции Дю Габра и Ноайля) из одного рукописного сборника Гренобльской библиотеки и из архива Министерства иностранных дел Франции, в разделе «Сношения с Венецией». Правда, независимые от Рибье документы у Шаррьера главным образом относятся к двум последним годам Генриха II, к 1557–1559 гг.⁵

Оценивать соотношение известных и не дошедших до нас документов архива Дютье, равно как и распределение их по годам, можно по нижеследующей таблице 1, составленной

³ Здесь я ещё придерживаюсь первой версии истории коллекции Ламуаньона, исходившей из предположения о раздельном формировании коллекций Ламуаньона и Рибье. В результате работы над составлением полного каталога коллекции Ламуаньона эта версия была отвергнута (см. выше ст. «Дютье – Рибье – Ламуаньон»); было доказано, что документы нашей коллекции прошли через руки Рибье и представляют собой тексты, которые Рибье счёл «бесполезными» для подготовки к печати своей публикации.

⁴ *Négociations de la France dans le Levant* / Publ. par E. Charrière. T. II. Paris, 1850.

⁵ BN. Ms. de Lamare 151; Ms. Dupuy 44; Bibliothèque de Grenoble. Ms. 414; Paris, Archives des Affaires étrangères. «Venise», fonds de Noailles.

* Средние века. 1997. Вып. 59. С. 169–195.

¹ В архиве французского Министерства иностранных дел в разделе «Сношения с Турцией» первый том открывается документами 1570 г., и до 1660-х гг. документация имеет разрозненный характер.

² *Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier*. T. I–II. Paris; Blois, 1666.

для одного вида документов: переписки французских послов и поверенных в делах в Стамбуле с королём. Именно в письмах дипломатов королю содержится, как правило, наиболее полная и интересная информация общеполитического характера, тогда как сопровождающие их письма к министрам или Дютье коротки и посвящены более частным вопросам.

Таблица 1

Переписка французских представителей в Турции с королём Франции (число документов)

Годы	Ламуаньон	Рибье	Шаррьер	Отсутствуют	Всего
1547	7	6(3)	—	8	18
1548	9	5(1)	—	8	21
1549	7	—	—	7	14
1550	4	4(3)	—	3	8
1551	8	5	—	3	16
1552	14	6(4)	—	9	25
1553	8	7	—	11	26
1554	2	2	—	6	10
1555	10	4	1	11	26
1556	6	2	1	3	11
1557	3	2(1)	4	8	16
1558	1	5(1)	10	2	17
1559	2	3(2)	2	—	5
Итого	81	51(15)	18	79	213

Примечание: В столбце «Рибье» в скобках указано число документов, имеющих также в коллекции Ламуаньона. В столбце «Шаррьер» не учитываются перепечатки из Рибье; документ 1556 г. имеется в коллекции Ламуаньона (Шаррьер ошибочно датировал его 1557 г.). В столбце «Ламуаньон» за 1558 г. не учтены два небольших фрагмента с окончаниями писем, основной текст которых без этих окончаний есть у Рибье.

Итак, в подсчете в качестве авторов и адресатов участвуют послы Франции в Стамбуле: д'Арамон (1547–1553), Кодиныйяк (1553–1557), де Лавинь (1557–1559); поверенные в делах: де Камбрэ (1548–1549: оставался в Стамбуле во время выезда д'Арамона вместе с султанским двором на войну с Ираном), Грегуар (1551 г., во время отъезда д'Арамона ко двору за инструкциями), Кодиныйяк (1552 г., когда д'Арамон сопровождал турецкий флот), Мартинес (1555 г., при отсутствии Кодиныйяка по той же

причине), д'Обрэ (1557 г., при поездке во Францию де Лавиня); наконец, командующий зимовавшим в турецких водах в 1552–1553 гг. флотом де Лагард, исполнявший функции посла во время тяжелой болезни д'Арамона.

Как видим, доля не дошедших до нас писем велика и равняется, по крайней мере, 37% («по крайней мере» — поскольку о существовании некоторых писем вполне могло быть не упомянуто в сохранившихся). В ряде случаев такие лакуны вызывают особое сожаление. Так, и в коллекции Ламуаньона, и у Рибье полностью отсутствуют документы о франко-турецких отношениях во второй половине 1554 г., из-за чего трудно судить об обстоятельствах, при которых турецкий флот уклонился тогда от совместных действиях с французами, — в обстановке, когда на земле Тосканы решалась судьба союзной с Францией Сиенской республики.

Обычно документы из коллекции Ламуаньона и публикации Рибье взаимно дополняют, а не дублируют друг друга. Однако турецкая переписка находится в несколько особом положении: хотя и здесь большинство документов, опубликованных Рибье, у нас отсутствует, все же, как мы видим, имеется 15 общих писем, т.е. 29% от включённых в том французского публикатора. Чем это объяснить? Во-первых, было правилом отправлять письма из Турции в двух экземплярах, с разными курьерами: первый вез оригинал письма, второй, выезжавший вскоре после того — его дубликат. Предосторожность понятная: дорога для курьеров была опасной, французы помнили об убийстве в 1541 г. на итальянской земле двух своих направлявшихся в Турцию дипломатов, да и потом, в 1552 г. был случай захвата в плен габсбургскими агентами ехавшего к французскому двору с письмом султана курьера д'Арамона капитана Коста. Во-вторых, 14 из 15 общих документов были зашифрованы, причём в 11 случаях коллекция Ламуаньона имеет шифр без расшифровки; следовательно, можно предположить, что в руках Рибье оказались эти самые сделанные на отдельных листах дешифровки без оригинала, подобно тому, как такого рода дешифровки встречаются и в нашей коллекции⁶.

⁶ Это рассуждение исходит из первоначальной версии о раздельном формировании коллекций Рибье и Ламуаньона. Принятая новая версия даёт более простое решение: поскольку оба вида документа находились в распоряжении Рибье, он, естественно, посылал типографу дешифровку со своей правкой, а зашифрованный оригинал отправлял в груды «бесполезных» бумаг, впоследствии доставшихся Ламуаньону.

Благодаря этому обстоятельству у нас есть хорошая возможность сличить опубликованные Рибье тексты с оригиналами и уяснить методику работы этого авторитетного публикатора XVII в. При этом прежде всего нужно отметить, что к ученому того времени нельзя предъявлять требования, обязательные для нашего современника. Не говоря уже о соблюдении орфографии и стилистики оригинала – которые Рибье, как было принято, правил в соответствии с языковыми нормами своего времени – не было и принципа интегральной публикации документов при обязательной фиксации случаев сокращения каких-либо фрагментов. Для Рибье было обычным изъятие того, что можно назвать техническими деталями переписки: отсылок на даты получения и отправки писем, сведений о материалах, посылаемых в приложениях, о курьере и т.п. Для историка, заинтересованного в воссоздании максимально конкретной истории дипломатии, такие изъятия, понятно, очень досадны. В других случаях Рибье сокращает длинноты текста, затянутые повторения уже высказанных мыслей, что было действительно очень характерно для неорганизованной, не прошедшей школы классицизма стилистики XVI в.; психологически понятная, такая работа над публикуемым документом все же наносит ущерб его идентичности. Но и не только длинноты – к сожалению, опускаются и целые пассажи, подчас весьма обширные, где речь идет о сюжетах, не затрагивающихся в опубликованном тексте.

Очень часто жертвой таких сокращений становятся сведения о незавидном финансовом положении французского посольства в Стамбуле и вообще о его денежных делах. Это же относится и к некоторым посторонним для основной темы экскурсам с информацией политического характера. Например, в письме д'Арамона Генриху II от 24 апреля 1550 г. опущены резкие высказывания посла в адрес одного из его курьеров капитана Бартоломео да Пезаро, который якобы разгласил нечто касательно наследного принца Мустафы⁷. Из других писем коллекции Ламуаньона видно, что речь шла о некоей сверхсекретной инициативе французского двора по установлению контактов с Мустафой – поручении, которое было на словах передано этим курьером д'Арамону (д'Арамон Генриху II, 28 октября 1548 г.⁸) и исполнение которого д'Арамон, чтобы не вызывать

⁷ РГАДА. Ф. 81. Т. 16. Л. 38об.

⁸ Там же. Т. 11. Л. 86.

подозрений, отложил до возвращения турецкого двора в Стамбул (д'Арамон Генриху II, 20 декабря 1548 г.⁹). Можно только гадать, в чём был смысл таких контактов французов с не любимым отцом, но обожаемым войском талантливым старшим сыном Сулеймана Великолепного, которому через пять лет предстояло быть задушенным по приказу отца и в его присутствии. История Османской династии тогда уже знала не только случаи узаконенного Мехмедом II братоубийства, но и прецедент свержения одряхлевшего отца энергичным сыном: так поступил в 1512 г. отец Сулеймана Селим I с его дедом Баязидом II.

Из письма Кодиньяка Генриху II от 25 июня 1552 г.¹⁰ Рибье исключил упоминание о том, как подвассальная Турция республика Дубровник через великого везира Руستم-пашу просила об освобождении захваченных французами её торговых судов; опущен также отрывок об обеспокоенности Порты позицией польского короля: не выступит ли он против Турции в связи со вторжением османских войск в Венгрию, о чём Руستم даже специально расспрашивал Кодиньяка, опровергавшего его сомнения в лояльности Польши.

Отмеченные выше лакуны трудно связать с политической тенденциозностью публикатора. К сожалению, есть и иные случаи, ибо труд Рибье действительно был тенденциозен, чего он, в духе своего времени, вовсе и не скрывал. Его «патриотической» целью было оправдать политику своей страны в конфликте с габсбургскими державами, и в особенности – скандальный в глазах многих христиан факт союза «христианнейшего короля» с турецким султаном. Здесь апологетика Рибье, проявлявшаяся в его кратких комментариях на полях некоторых публикуемых документов, шла по двум линиям. Как известно, военная граница между владениями Османов и Габсбургов, на которой постоянно случались столкновения даже в мирные годы, проходила как в Европе (Венгрия и Трансильвания), так и в Северной Африке (Алжир, Тунис, Ливия). В первом случае речь шла об утверждении турок на христианских землях, о непосредственной угрозе Вене, что стимулировало солидарность с Габсбургами германских князей, как католиков, так и протестантов. Здесь Рибье настойчиво подчеркивает: турки воевали, руководствуясь своими собственными интересами, а отнюдь не подстрекатель-

⁹ Там же. Т. 10. Л. 138–157.

¹⁰ Там же. Т. 23. Л. 337–342.

ством французского короля; воздействие французской дипломатии скорее даже умеряло их натиск. В Северной Африке борьба шла за влияние на мусульманских землях, и она вызвала активность турецкого флота в Западном Средиземноморье, которую Франция стремилась утилизировать в своих интересах для захвата с помощью турок новых земель в Италии. Когда речь шла о таких совместных франко-турецких операциях, Рибье, напротив, отмечает, что турки действовали как простые наемники французского монарха, использовавшего их в своих политических целях, но отнюдь не в ущерб общему христианскому делу. Оба постулата французского публикатора имели некоторые реальные основания. Генрих II, например, был действительно не заинтересован в разжигавшем страсти личном участии Сулеймана в венгерском походе 1552 г., ибо это могло расстроить наладившийся военный союз Франции с немецкими протестантами; он был недоволен и тем, что в 1551 г. турецкий флот, вместо того чтобы напасть на владения испанцев, «отвлекся» от этой цели, захватив у боевых защитников христианства, мальтийских рыцарей, принадлежавший им в Ливии Триполи. Но в реальной дипломатической переписке возникали и мотивы, противоречащие этой упрощенной схеме, и Рибье не давал им места в своей публикации.

Обширный пассаж был изъят Рибье из письма д'Арамона Генриху II от 22 июля 1552 г. Публикатор не упускал возможности подчеркнуть, что сам папа, глава христианского мира, понимал и одобрял необходимость союза Франции с султаном для борьбы с засилием Габсбургов. Понятно, что, заключив в апреле 1552 г. перемирие с папой, Генрих II не преминул просить султана отдать турецкому флоту приказ не нападать на папские земли. Однако д'Арамон, сообщая о получении флотом, который он сам сопровождал, этого приказа, не счел нужным удержаться от циничной откровенности: «Могу уверить вас, что если бы я не получил известия о перемирии, недавно заключенном между вами и папой, я бы постарался, воспользовавшись случаем, причинить ему ущерб не меньший, чем он получил при осаде Мирандолы; мне и так-то было трудно удержать турецкий флот от нападения на земли Его Святейшества, чего турки очень хотели»¹¹. Рибье не стал смущать

¹¹ Там же. Т. 24. Л. 152–157; Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской и В.Н. Малова. М., 1985 (депонировано в ИНИОН. № 20448). Л. 224.

своих читателей мыслью о возможности натравливания французским послом мусульманского воинства на земли главы католической церкви и произвел соответствующее сокращение.

Была также тема, которую Рибье считал, видимо, особенно нежелательной: когда дело доходило до неё, он снимал текст целыми страницами. Речь идет о прямых контактах между Францией и Алжиром, владением Османской империи и гнездом мусульманского корсарства. В конце концов, союз Генриха II и Сулеймана был союзом государя с государем. Но мог ли Рибье рассчитывать, что его читатели с пониманием отнесутся к фактам покровительства Франции государству корсаров, от набегов которых и в его время страдали попадавшие в плен и рабство моряки, купцы и просто жители побережий Испании, Италии и самой Франции?

Итак, в письме д'Арамона Генриху II от 15 декабря 1550 г. был опущен обширный фрагмент¹², где речь идет о прибытии в Стамбул гонца от паши («короля») Алжира Хасана ибн-Хайреддина, просившего султана о помощи против соседнего Марокко. Д'Арамон поспешил сразу же предложить алжирцу свое покровительство перед султаном, заверяя в том, что неоднократно получал от своего короля указания помогать алжирцам как его собственным французским подданным. После этого переговоры алжирского представителя с Портой проходили при тесном доверительном контакте его с французским послом и благодаря помощи последнего увенчались успехом.

В ещё большей мере Рибье препарировал письмо де Лавиня Генриху II от 21 апреля 1557 г.¹³, которое оказалось сокращенным более чем наполовину. Де Лавинь прибыл к султанскому двору в момент возобновления войны между Францией и Испанией с обычной просьбой о соединении турецкого флота с французским для совместных действий против испанцев и их союзников в Западном Средиземноморье. Сулейман, рассерженный тем, что год назад Генрих II без его ведома заключил перемирие с императором и с тех пор ничего не писал своему турецкому «возлюбленнейшему брату и истинному другу», пока снова не понадобилась его помощь, в предоставлении флота на этот раз отказал. На этом и кончается в опубликованном Рибье тексте рассказ о судьбе этого демарша, и читатель не

¹² РГАДА. Ф. 81. Т. 15. Л. 294об. – 295об.

¹³ Там же. Т. 53. Л. 7–14.

узнает, что известных результатов де Лавинь все-таки добился: ему удалось выпросить у султана письма к паше Алжира Мехмеду Текелерли и бейлербею Триполи, знаменитому турецкому флотоводцу и корсару Тургуд-раису с приказом оказать Франции содействие их флотом. Посол придавал большое значение этому своему успеху и даже считал, что прямое, без оговорок о сроке использование корсаров для французов предпочтительнее, чем было бы предоставление им султанского флота всего на одно лето (оставлять свой флот на зимовку в Западном Средиземноморье Порты постоянно отказывалась). «И думается мне, – писал де Лавинь, – вас не должно смущать, что они грабят, забирая все что плохо лежит, потому что и флот султана грабит не меньше, все они корсары»¹⁴. Таким образом, Рибье не остановило и то, что после произведённых им сокращений меняется представление об исходе всего демарша де Лавиня. Правда, французам не удалось воспользоваться новой возможностью – помешал янычарский бунт в Алжире в апреле 1557 г., низвержение и убийство паши Мехмеда Текелерли, «смутное время» в корсарском государстве¹⁵.

Что же можно сказать о публикации Рибье в целом? К сожалению, то, что за любым опубликованным у него и отсутствующим у нас документом могут скрываться выпущенные фрагменты разнообразного содержания и любой степени пространственности, так что применять здесь к какому-либо вопросу *argumentum ex silentio* методически некорректно.

Сопоставление наших документов с работой Шаррьера свидетельствует о небрежности французского публикатора, зачастую связанной с его недопустимым принципом «монтирования» воедино нескольких документов. Трудно, например, понять, как вообще могло появиться в его публикации датированное 15 марта 1557 г. письмо Кодиеньяка французскому послу в Венеции дю Габру, где начало относится к 1556 г., середина – действительно к 1557 г., но конец – опять к 1556 г.¹⁶ Имеются и другие ошибки, ситуацию 1556 и 1557 гг. публикатор путает

¹⁴ РГАДА. Ф. 81. Т. 53. Л. 11.

¹⁵ В коллекции Ламуаньона имеется уникальный документ об алжирском восстании 1557 г.: письмо Генриху II от Яхья-бея, оказавшегося в результате восстания временным правителем Алжира. Документ представлен копией с перевода на французский язык и датирован 12 мая 1557 г. (Ф. 81. Т. 53. Л. 63–64). См. следующую статью.

¹⁶ *Négociations de la France dans le Levant*. Т. II. P. 378–381.

неоднократно: тот документ, который он определил как письмо де Лавиня Генриху II из Эдирне от 15 мая 1557 г.¹⁷, в действительности принадлежит Кодиеньяку и был отправлен из Стамбула 16 сентября 1556 г.¹⁸

Знакомство с документами коллекции Ламуаньона позволяет высказать некоторые полезные для исследователя историко-лингвистические замечания. Вопрос о соотношении между оригиналом письма и его посланным вдогонку дубликатом не так прост, как это может представиться. Хотя, по идее, дубликат и должен был дословно повторить текст оригинала, возможность авторской правки в нём и появления новых редакций все же не исключалась. Так, в письме д'Арамона Генриху II от 20 января 1552 г.¹⁹, опубликованном у Рибье (который, правда, неверно датировал его тем же числом и месяцем 1553 г.) встречается именно такое разночтение. В нашем тексте, являющемся оригиналом, лишь очень бегло, со ссылкой на устные разъяснения курьера, говорится о содержании письма, которое Генрих II должен послать султану; между тем в тексте Рибье посол дает в этом месте уже развернутый проект такого письма²⁰. То, что новая редакция принадлежит самому послу и что Рибье опубликовал именно дубликат документа, выясняется из письма д'Арамона королю от 7–10 апреля 1552 г., где имеется прямая отсылка: «как о том подробнее разъясняется в дубликате депеши, посланной мною с капитаном Коста»²¹.

Воспроизводя текст оригинала, переписчик дубликата мог заменить его дату на дату изготовления дубликата. Так, в коллекции Ламуаньона имеются как оригинал, так и дубликат письма де Лавиня Генриху II от 21 апреля 1557 г.²², но последний датирован 25 апреля. Возможно, той же разницей между оригиналом и дубликатом объясняется тот факт, что письмо де Лавиня королю от 6 февраля 1559 г.²³ в публикации Рибье датировано 11 февраля. Во всех случаях подобных расхождений истинной является более ранняя дата. Не учитывая возможности такой ошибки, мы могли бы ошибиться и в датировке тех упоминаемых в данном

¹⁷ Ibid. P. 389–394.

¹⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 48. Л. 73–76.

¹⁹ Там же. Т. 17. Л. 61–66.

²⁰ *Lettres et mémoires d'Etat...* Т. II. P. 434–435.

²¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 18. Л. 61об.

²² Там же. Т. 53. Л. 7–14, 30–36.

²³ Там же. Т. 57. Л. 147–156.

письме событий, которые датируются не абсолютно, но относительно к дате оригинала письма («на прошлой неделе», «три дня назад» и т.п.). Эта ошибка может быть очень существенной, если время между отправкой оригинала и дубликата почему-либо растягивалось. Так, большое письмо д'Арамона Генриху II, представленное у нас дубликатом (у Рибье оно отсутствует), имеет дату 24 февраля 1553 г.²⁴ Однако из письма д'Арамона к Дютье, датированного следующим днем 25 февраля²⁵ и бывшего препроводительным к этому дубликату, видно, что между отправлением оригинала и дубликата прошло порядочно времени; автор оправдывает эту задержку случившимся с ним после отъезда первого курьера приступом тяжелой болезни. Ясно, что дата письма королю есть дата не оригинала, но именно изготовления дубликата. Подлинная дата остается неизвестной, и лишь ориентировочно её можно определить как конец января 1553 г.

* * *

Когда 5 января 1547 г. Габриэль д'Арамон отъехал от двора Франциска I, возвращаясь на свой пост в Стамбуле, он имел инструкции сорвать начавшиеся мирные переговоры между Портой и Вельгвиком, послом императора Карла V и его брата, короля Венгрии Фердинанда I, предложив султану активный военный союз против обоих Габсбургов. Обстановка казалась благоприятной: Карл V был занят войной со Шмалькальденской лигой немецких протестантов, и Франции надо было спешить выручать своих союзников. Но вскоре после прибытия д'Арамона к султанскому двору ситуация решительно изменилась: 29 апреля император разгромил протестантов при Мюльберге, а в мае к д'Арамону пришло известие о смерти короля Франциска I, и он должен был ожидать новых инструкций от его преемника Генриха II. Между тем при дворе Сулеймана появился беглец, брат иранского шаха Тахмаспа I, бывший наместник Ширвана Алкас-мирза, и перед Портой появилась возможность вмешаться в династические распри Сефевидского государства и нанести мощный удар соседней державе-сопернице. Если Карл V нуждался в мире, чтобы навести порядок в своих германских владениях, то Сулейман – для того, что-

²⁴ Там же. Т. 2. Л. 72–78.

²⁵ Там же. Т. 22. Л. 154.

бы освободить себе руки для действий на восточном фронте. Заключение перемирия стало неизбежным, и французскому послу оставалось лишь попытаться включить в него такие условия, которые гарантировали бы Франции турецкий союз при её военном столкновении с Габсбургами и могли бы при случае привести к срыву турецко-габсбургского перемирия. Сулейман оговорил включение в договор о перемирии французского короля как своего союзника, так что нападение на него со стороны Габсбургов означало бы для Порты *casus belli*, но Генриху этого было мало, и с его стороны последовал ряд инициатив.

История этих переговоров в 1547–1548 гг. восстанавливается по документам коллекции Ламуаньона и публикации Рибье, причём в нашей коллекции находится ключевой документ: инструкция д'Арамона его курьеру Бартоломео да Пезаро от 29 февраля 1548 г., изданная в публикации А.Д. Люблинской²⁶. К сожалению, картина обедняется тем, что не сохранились подряд четыре письма Генриха II д'Арамону: от 9 октября, 10 и 28 ноября и 18 декабря 1547 г. и об их содержании остается судить по ответам посла. Суть французских демаршей состояла в том, что король хотел добиться включения в турецко-габсбургский договор также и своих союзников, особенно швейцарцев. Султан согласился лишь включить в свое письмо Генриху II сделанное в общей форме заверение о защите им друзей короля в случае нападения на них императора, – но не стал добиваться от Карла V упоминания французских союзников в тексте ратификации им договора. Пытаясь использовать эту уступку, д'Арамон в дальнейшем был намерен просить, чтобы турки, не дожидаясь нападения Карла, стали на всякий случай готовиться к оказанию такого рода помощи своим флотом. Остались без последствий прочие, слишком далеко идущие настояния д'Арамона, и Сулейман не стал ни побуждать Венецию вступить в союз с Францией, ни требовать от адриатической республики чтобы та не пропускала через свои земли императорские войска. Не увенчался успехом и хитроумный французский план косвенным образом заинтересовать султана в защите папы от возможного нападения императора: перед Сулейманом дело изображалось таким образом, будто Генрих сомневается, помогать ли ему в этом случае папе, и просит совета у своего турецкого союзника. Турки очень настороженно отно-

²⁶ РГАДА. Ф. 81. Т. 1. Л. 46–51; Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А. Д. Люблинской. М.; Л., 1963. С. 316–326.

сились к попыткам французов вновь втянуть их в европейскую войну пока они не закончили войну с шахом, и заинтересованные в поддержании своего нейтралитета венецианцы поддерживали их настороженность своими аргументами.

2 мая 1548 г. д'Арамон выехал сопровождать султана на войну с Ираном. А. Кло ошибочно считает эту поездку вынужденной, вызванной исключительно желанием султана, хотевшего таким способом подчеркнуть неизменность своей дружбы с Францией, тогда как д'Арамон, «видимо, охотно обошелся бы без этой чести, утомительной для уже немолодого человека»²⁷. Документы свидетельствуют, что д'Арамон сам был очень заинтересован в этой поездке и ехал отнюдь не в качестве почетного «туриста». Поскольку существовала перспектива скорого возобновления военных действий между Францией и Габсбургами, для посла было важно иметь возможность оперативного воздействия на султана, да и вести переговоры о вовлечении в антигабсбургскую коалицию Венеции было удобнее в отсутствие оставшегося в Стамбуле венецианского байля. Кроме того, д'Арамону пришлось активно противодействовать попыткам габсбургской дипломатии пересмотреть условия перемирия, вообще исключив из него обязательства императора о ненападении на Францию. Коллекция Ламуаньона позволяет гораздо лучше, чем раньше, судить о дипломатической деятельности д'Арамона во время этой поездки, добавляя к одному письму посла королю, опубликованному у Рибье, четыре новых.

Естественно, в этих письмах имеется немало сведений о событиях турецко-иранской войны в 1548–1549 гг.; они известны как по турецким, так и по иранским хроникам, но историки обеих стран ещё лишены возможности опереться на национальные архивы, и текущая посольская корреспонденция может оказаться очень полезной при уточнении деталей и особенно хронологии, у хронистов зачастую неточной. К сожалению, в нашей коллекции не обнаружено неизвестных и ранее писем д'Арамона, которые были бы им написаны во второй половине 1549 г. во время его поездки в Иерусалим и Египет, так что единственным источником сведений об этом путешествии по-прежнему остается дневник одного из секретарей посла Ж. Шено²⁸.

²⁷ Clot A. Soliman le Magnifique. Paris, 1983. P. 410.

²⁸ Chesneau J. Le voyage de Monsieur d'Aramon, ambassadeur pour le Roy au Levant / Publ. et annot. par Ch. Schefer. Paris, 1887.

Кроме писем д'Арамона, коллекция Ламуаньона содержит за 1548–1549 г. немало писем замещавшего его в Стамбуле при каймакам-паше Ибрагиме Ж.-Ж. де Камбрэ; его депеши полностью отсутствуют у Рибье. Помимо передачи поступавшей в Стамбул официальной турецкой корреспонденции о ходе турецко-иранской войны, они свидетельствуют и о собственной дипломатической активности де Камбрэ. Весьма интересно его обширное шифрованное письмо королю от 22 ноября 1548 г.²⁹: узнав о получении Ибрагимом доноса некоего транильванца на первого министра подвассальной султану Транильвании монаха Дьердя, где последний уличался в связях с Фердинандом I, де Камбрэ специально говорил об этом с каймакам-пашой и, увидев, что тот не склонен беспокоить падишаха полученным известием (Дьердь и без того уже был подозрителен Порте, но она невысоко оценивала его возможности), все же убедил его отправить информацию Сулейману. Это дало д'Арамону дополнительный довод, когда он склонял султана вернуться в столицу и вновь обратить внимание на европейские дела. В двух письмах де Камбрэ королю, от 17 июня и 21 сентября 1549 г.³⁰ имеются сведения о прибытии в Турцию двух гонцов от паши Алжира и их переговорах с Портой; де Камбрэ поддерживал контакты с одним из гонцов, который доверил ему для пересылки в Алжир свою почту.

Год, протекший между возвращением д'Арамона с Востока в Стамбул 28 января 1550 г. и его отъездом оттуда во Францию за новыми инструкциями 17 января 1551 г., в коллекции Ламуаньона отмечен всего 4 письмами посла королю, их них 3 опубликованы с лакунами Рибье, а одно небольшое письмо от 27 июня 1550 г.³¹ посвящено исключительно денежным делам, тогда как обширное послание политического характера под той же датой приходится считать утерянным. У Рибье опубликовано также письмо Генриха II д'Арамону от 27 июня 1550 г., ошибочно датированное публикатором 27 сентября. Явное падение интереса французского двора к левантийским делам и разжиганию турецко-габсбургских противоречий (между концом 1549 г. и 27 июня 1550 г. Генрих вообще не отправил своему послу в Стамбуле ни одного письма) объяснялось англо-фран-

²⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 11. С. 169–184.

³⁰ Там же. Т. 14. Л. 66–69; Т. 13. Л. 25–28.

³¹ Там же. Т. 16. Л. 144.

цузской войной 1549–1550 гг. После её завершения, во второй половине 1550 г. ситуация меняется. На венгерской границе постоянно происходили вооружённые инциденты, габсбургские войска захватывали спорные замки. В Трансильвании выступил со своими сторонниками монах Дьердь, не подчинившийся приказу султана о его смещении и тайно сносившийся с Фердинандом. Наконец, Карл V летом и осенью 1550 г. провёл широкую наступательную акцию в южном Тунисе, овладев 10 сентября главной опорной базой турок в этой области крепостью Махдия (европейское название: «Африка»), находившейся до того в обладании корсара Тургуд-раиса. Габсбургский посол в Стамбуле оправдывал эту операцию борьбой с корсарством, не запрещённой условиями перемирия, – но Порта требовала возвращения своих крепостей. Момент был сочтен подходящим для того, чтобы Генрих II, обещая свою помощь, обратился к Сулейману с настоятельным советом действовать энергично: его бездействие могло бы быть сочтено проявлением слабости Османской империи. Само письмо короля султану, как и одновременное письмо д'Арамону, не сохранилось, и точная дата его неизвестна, но к его составлению, очевидно, имел прямое отношение недатированный черновик анонимной записки, обнаруженный мною в коллекции Ламуаньона³². Надо объяснить султану, – говорится там, – что после захвата «Африки» император легко сможет овладеть и Алжиром, ослабленным дурным управлением паши и конфликтом с соседним Марокко, так что помощь французского короля, поставляющего Алжиру вооружение, может оказаться недостаточной. После этого Карл V захочет захватить всю Берберию и напасть на Александрию, «чтобы перерезать пути каирской торговли». Как видим, геополитические аспекты франко-турецкого союза рассматривались очень широко.

Выехав во Францию, д'Арамон оставил замещать себя при Порте своего секретаря Ф. Грегуара. Наша коллекция добавляет три письма Грегуара королю за март – май 1551 г. к одному письму от 3 августа 1551 г., опубликованному Рибье. Кроме того, имеется ещё составленная д'Арамоном сводка известий, сообщённых ему Грегуаром в письмах от 8 марта 1551 г.³³; судя по тому, что она не только повторяет, но и дополняет одновре-

³² РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 331–332.

³³ Там же. Т. 15. Л. 411–412.

менное письмо Грегуара королю³⁴, в нее вошли и сведения из не дошедшего до нас письма, адресованного самому д'Арамону. Все три шифрованных письма Грегуара очень информативны. Особенно это относится к большому письму от 8 марта, где подробно рассказывается о турецко-габсбургских столкновениях в Венгрии, о положении в Трансильвании и о турецко-польских отношениях – в частности, о попытках поляков завязать переговоры с Турцией по пограничным вопросам. Заинтересованность Польши в добрососедских отношениях с султаном иллюстрируется напоминанием о неудаче имперского посольства Герберштейна в Польшу в 1550 г. и доказывается тем, что, как слышал Грегуар, польский король, учинив дружбу с Портой, хочет сразу после этого «начать войну с князем Московии, своим соседом и старым врагом» – информация, впрочем, не соответствовавшая действительности и представляющая интерес лишь как пример упоминания о России в стереотипном контексте. В других письмах Грегуара, помимо сквозной для них венгерской и трансильванской тематики и рассказа о последних сношениях между султаном и братьями Габсбургами перед разрывом перемирия, имеются сведения о подготовке к плаванию и выходе в море турецкого флота. В последнем письме, от 23 мая 1551 г., говорится об отправке в Алжир шести галер вместе с возвращающейся туда алжирской галерой, ранее доставившей в Стамбул голову погибшего в бою с алжирцами сына марокканского шарифа³⁵.

Порта ожидала скорого возвращения д'Арамона, но посол не спешил. Генрих II не был заинтересован в том, чтобы его флот уже в 1551 г. принял участие в боевых действиях, и постарался затянуть достижение договорённости с султаном так, чтобы оно относилось уже к следующему году³⁶. Д'Арамон получил свои инструкции, опубликованные Рибье, 17 мая 1551 г., но поехал в Стамбул не кратчайшим путем, а через Алжир, куда он прибыл

³⁴ Там же. Л. 409–414.

³⁵ Сын марокканского шарифа Абд-эль-Кадер погиб при отвоевании алжирцами Тлемсена – событие, которое Э. Мерсье датирует январем 1552 г. (*Mercier E. Histoire de l'Afrique septentrionale (Berbérie)*. Paris, 1891. Т. 3. Р. 71), тогда как «Кембриджская история Африки» сдвигает его на год ранее, что и подтверждается нашим документом (*The Cambridge history of Africa*. Т. 3: 1050–1600. Cambridge, 1977. Р. 405).

³⁶ Об этом расчете прямо говорится в недатированной записке д'Арамона для короля о подготовке его поездки в Турцию (Ф. 81. Т. 3. Л. 24–25).

13 июля, находился там около десяти дней, затем присутствовал при взятии турецким флотом Триполи и вернулся к османскому двору 20 сентября 1551 г. С дороги он послал королю два письма, из них Рибье опубликовал второе, от 26 августа, важное для его цели очистить д'Арамона от обвинений в том, что именно он натравил турок на принадлежавший мальтийцам Триполи. В коллекции Ламуаньона имеется первое письмо, от 28 июля, также очень обширное и интересное, где рассказывается о пребывании д'Арамона в Алжире³⁷. Посол остался недоволен тем, как принял его алжирский паша Хасан ибн-Хайреддин, ничего не ставший отвечать на письмо Генриха II, хотя представитель французского короля и внушал ему, что он может больше полагаться на его государя, чем даже на султана. Хасан-паша мыслил узко практически. Поставленный перед необходимостью выплатить долг великому везиру Рустему, срочно доставив ему добычу от корсарского промысла, он даже отказался удовлетворить просьбу д'Арамона об освобождении около двухсот французских невольников, зато сам в своих просьбах перед французами о поставке вооружения и снаряжения для галер доходил до такой назойливости, что домогался передачи ему части вооружения с галер, сопровождавших французского посла в Турцию. Отказав в этом, д'Арамон стал подвергаться различным утеснениям; письмо наполнено колоритными подробностями жизни Алжира, с характерной тогда для этого города анархией корсарской вольницы. Тем не менее д'Арамон все же советует королю оказать помощь Хасану в вооружении его флота, хотя и высказывает мимоходом мысль, что сама Франция могла бы захватить Алжир, дабы обменять его на что-нибудь равноценное с Карлом V. Недовольство французского посла алжирским пашой было принято во внимание Сулейманом, вскоре заменившим на этом посту Хасан-пашу известным турецким флотоводцем Салах-раисом.

Ответ султана на предложения, которые вез ему д'Арамон, известны благодаря опубликованному Рибье письму посла королю от 20 января 1552 г. Сулейман не согласился предоставить часть своего флота в полное распоряжение французов, но изъявил согласие отправить в Западное Средиземноморье весь флот во главе с капудан-пашой Синаном, который и должен был соединиться там с французским флотом для совместных

³⁷ РГАДА. Ф. 81. Т. 19. Л. 322–329.

акций; вместе с турецким флотом, для лучшей координации действий союзников, предстояло выехать самому д'Арамону.

Кроме этого ключевого документа, коллекция Ламуаньона имеет для периода между прибытием д'Арамона в Стамбул и его отъезда с османской эскадрой 31 мая 1552 г. ещё пять отсутствующих у Рибье писем посла королю. В них содержатся известия о финансировании и подготовке флота к выходу в море, о приготовлениях турецкой армии к вторжению в Венгрию и т.п. Для экономической истории представляет интерес письмо от 14 февраля 1552 г. (Ф. 81. Т. 17. Л. 159–162)³⁸, где речь идет о том, как эффективнее наладить срочный вывоз через Венецию турецкого зерна для нужд французской армии в Италии.

Историю похода турецкого флота в 1552 г. освещают четыре письма д'Арамона королю из коллекции Ламуаньона: за 22 и 30 июля, 4 и 9 августа; два первых были с лакунами опубликованы Рибье. Хотя турки и одержали победу над императорскими галерами у острова Понца, о чём повествует д'Арамон в письме от 9 августа³⁹, соединение двух флотов не состоялось: французская эскадра сильно опоздала с выходом в море, и турки не стали её ждать. Но и д'Арамон имел основания жаловаться на османского адмирала: Синан, отнюдь не будучи моряком-профессионалом (он был назначен капудан-пашой в порядке фаворитизма, как брат великого везира Рустема), не воспользовался благоприятной обстановкой, возникшей после успеха антииспанского восстания в Сиене для того, чтобы нанести удар по последним испанским базам в Сиенской республике (д'Арамон Генриху II, 4 августа 1552 г.⁴⁰). Отсутствие подряд трех следующих писем д'Арамона за август–сентябрь 1552 г., как и письма королю от командующего французским флотом де Лагарда от 15 сентября, не позволяет судить, какими виделись тогда, после этой неудачи, французским представителям планы действий на следующий год.

Ключевым для понимания хода переговоров д'Арамона с Портой о предоставлении французам турецкого флота в 1553 г. является отсутствующее у Рибье письмо от января 1553 г., условно датируемое 24 февраля 1553 г.⁴¹ Переговоры эти

³⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 25. Л. 53–55.

³⁹ Там же. Л. 89–90.

⁴⁰ Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. С. 309–313.

⁴¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 72–78; см. выше.

были очень трудными. В 1552 г. вновь обострилась ситуация на иранской границе, и к тому же у султана возникли серьезные опасения насчет верности ему принца Мустафы. Турция вновь стала проявлять склонность к переговорам с Габсбургами; было уже изготовлено письмо Сулеймана Генриху II с полным отказом в ведении совместной морской войны по причине предстоящего похода на шаха. Д'Арамону пришлось прибегнуть к важнейшему в сношениях с Портой аргументу: он обещал крупную взятку великому везиру Рустему, известному своей алчностью, после чего в послании султана появилась дополнительная статья: Сулейман соглашался выделить союзнику примерно пятую часть своего флота, 30–40 галер под командой Тургуд-раиса.

Теперь нужно было решать, как лучше использовать эту помощь. В письме королю от 3 апреля 1553 г. свои предложения высказал де Лагард⁴². Его эскадра, пришедшая осенью 1552 г. в турецкие воды, провела зиму на Хиосе, чтобы выйти в море вместе с османским флотом, а сам де Лагард находился тогда в Стамбуле, где временно исполнял обязанности опасно болевшего д'Арамона; в публикации Рибье его письма 1553 г. из турецкой столицы отсутствуют. Итак, французский адмирал, поняв, что ограниченность средств не позволяет более, как в 1552 г., рассчитывать на успех такого широкомасштабного предприятия, как овладение Неаполитанским королевством, предлагает своему монарху выбрать между тремя возможными объектами нападения: Эльба, Специя, Корсика, причём сам он явно склоняется к корсиканскому варианту и пишет о нем подробнее, чем о других. Отсюда видно, что нападение франко-турецкого флота на принадлежавшую Генуе Корсику, осуществившееся в августе 1553 г., обдумывалось заранее и именно в качестве наиболее предпочтительного плана действий.

Д'Арамон, который по состоянию здоровья на этот раз не мог сопровождать флот, выехал из Стамбула на родину 14 сентября 1553 г., через две недели после отъезда Сулеймана к армии на войну с шахом. Сменивший его новый посол Мишель Кодиеньяк прибыл в Стамбул только 3 марта 1554 г. За это время в Турции произошли драматические события: был казнен принц Мустафа, и султан, уступая возмущённой армии, вынужден был отправить в отставку великого везира, своего зятя Рустем-пашу; его пост занял второй везир Ахмед-паша.

⁴² Там же. Т. 29. Л. 2–5.

Кодиеньяку предстояла необычная судьба: его карьера завершилась строгой опалой, причины которой остаются неясными, после чего он совершил акт государственной измены, перейдя на службу Испании. Биография его полна белых пятен: ныне издающемуся «Французскому биографическому словарю» неизвестны ни дата рождения, ни происхождение Кодиеньяка, неизвестна и дата смерти — об изменнике забыли после того, как заключившая в 1559 г. мир с Францией Испания перестала нуждаться в его услугах. Скорее всего, он был провансальцем; первое упоминание о нем, известное «Французскому биографическому словарю», относится к 1547 г.: тогда он был одним из курьеров д'Арамона и имел придворный чин комнатного слуги короля⁴³. Документы коллекции Ламуаньона кое-что добавляю к этому: когда д'Арамон в 1551 г. рекомендовал Генриху II оставить на время его отъезда с турецким флотом поверенным в делах в Стамбуле именно Кодиеньяка, он заметил, что рекомендуемого надо чем-либо наградить, ибо за 12 лет службы он ещё ничего не получал⁴⁴. Итак, служба Кодиеньяка началась примерно в 1539 г.⁴⁵, и карьера его долго не развивалась, назначение поверенным в делах в Стамбуле в 1552 г. стало взлетом, тем более неожиданным, что были и другие возможные кандидаты — тот же известный своими лингвистическими способностями де Камбрэ, уже дважды до того исполнявший эту функцию. И с самого начала — удача: именно Кодиеньяку довелось вместе со своим письмом от 25 июня 1552 г. переслать королю послание Сулеймана, где султан обещал впредь не вступать в сепаратные мирные переговоры с Габсбургами, чему французский двор придавал очень большое значение.

В отличие от своего предшественника, который и по биографии, и по характеру был человеком военным и умел понравиться туркам как военный специалист (в 1548 г., сопровождая османскую армию в войне с Ираном, д'Арамон отличился тем, что подал ценный совет о способе взятия крепости Ван), Кодиеньяк, видимо, больше располагал к себе Порту именно как дипломат: до случившейся с ним в 1557 г. катастрофы турки не имели к нему никаких претензий и очень хорошо характеризовали Кодиеньяка его преемнику. Но наследство ново-

⁴³ Dictionnaire de biographie française. Т. 9. Paris, 1961. Col. 95.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 81. Т. 3. Л. 25.

⁴⁵ Эту дату подтверждает и сам Кодиеньяк: в письмах 1554 г. он сообщает, что служит при посольстве в Турции 14 или 15 лет (Там же. Т. 27. Л. 202–203, 224).

му послу досталось незавидное: в последний год пребывания на посту д'Арамона финансовое положение посольства было очень тяжелым, так что д'Арамон даже объяснял султану свой отъезд желанием поторопить французский двор с уплатой его долгов, и когда обещанных выплат не последовало, был подорван не только престиж французов в финансовых кругах Стамбула, но и политический престиж Франции в глазах Порты⁴⁶.

Как мы уже упоминали, 1554 г., первый год посольской миссии Кодиньяка, является «темным» годом для истории франко-турецких отношений. Коллекция Ламуаньона содержит всего два письма Кодиньяка королю, от 18 и 21 марта 1554 г.⁴⁷, причём первое с большой лакуной; публикация Рибье — два других, от 3 и 16 апреля, и их следует признать более информативными, чем наши, написанные ещё до аудиенции нового посла у султана. Можно лишь отметить, что из них видно, насколько Кодиньяк полагался на активное содействие французским военным операциям со стороны нового капудан-паши Тургуда — ожидания, не оправдавшиеся по причинам, о которых трудно судить из-за отсутствия документов. Сам Кодиньяк не мог сопровождать эскадру Тургуда — как он объяснял впоследствии — из-за полного безденежья⁴⁸.

В 1555 г. французам, заявившим протест против бездействия флотилии Тургуда, удалось добиться отправки в Западное Средиземноморье новой османской эскадры во главе с новым капудан-пашой Пиали, и сам Кодиньяк, чтобы не повторилась прошлогодняя ситуация, мобилизовав все возможные источники кредита, отплыл вместе с нею. На время его отъезда поверенным в делах остался один из посольских дворян П.-Л. Мартинес. К его письму королю от 2 июля 1555 г., опубликованному Рибье, где подробно сообщалось о турецко-габсбургских мирных переговорах и о планах касательно Трансильвании, коллекция Ламуаньона добавляет ещё три письма, также очень интересных. Из них отметим письмо от 9 августа 1555 г.⁴⁹ с известиями о восстании в Румелии самозванца Лже-Мустафы, выдававшего себя за казнённого два года назад сына Сулеймана Великолепного, о том, как обеспокоил размах этого движения срочно вернувшегося в Стамбул султана, о походе

⁴⁶ Ср.: *Lettres et mémoires d'Etat...* Т. II. P. 491.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 81. Т. 34. Л. 272–278; Т. 28. Л. 189–193.

⁴⁸ Там же. Т. 39. Л. 142об.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 42. Л. 93–95.

де против мятежников Мехмед-паши Соколли и подавлении мятежа. Там же говорится, как Мартинес, узнав о предстоящем неурожае в Италии, добился у султана запрета на вывоз туда турецкого зерна, вопреки просьбам представителей Венеции и Генуи, дабы этой экономической блокадой одолеть наконец сопротивление итальянских государств проимперского лагеря. В письме Мартинеса от 1 октября 1555 г. (Ф. 81. Т. 43. Л. 9–10) содержится первое известие о падении и казни великого везира Ахмеда, обезглавленного прямо на заседании Дивана после того, как он был уличен в попытке оклеветать обвинением в коррупции своего коллегу, второго везира Али. На пост великого везира вернулся старый знакомый французских дипломатов Рустем-паша, ещё более могущественный, чем ранее.

Между тем морской поход 1555 г. окончился полной неудачей. Союзники не смогли взять Кальви — один из последних оплотов генуэзской власти на Корсике, почти полностью захваченной французами в 1553 г. теперь же французы остались без территориальных приобретений, а турки — без крупной военной добычи. Гражданская администрация кадиев уже высказывала султану недовольство небывало высокими расходами на ежегодное снаряжение больших флотилий, и Сулейман ещё весной 1555 г. должен был распорядиться, чтобы деньги на флот брали из его личной казны, и лишь остаток — с населения⁵⁰. Поняв, что уговорить турок и в следующем году послать на запад эскадру можно только нарисовав перед ними впечатляющую картину будущих военных успехов, Кодиньяк представил султану свои предложения, излагаемые в его интересном письме королю от 23 ноября 1555 г. (ф. 81, т. 43, л. 77–89).

Раздосадованный неудачей похода, посол вообще отказывается от идеи организации в будущем совместных плаваний французской и турецкой эскадр. Кодиньяк перестает рассматривать турок как наемников, и его план не предусматривает захвата турецким флотом каких-либо земель для французского короля. Турки и алжирцы будут действовать в своих собственных интересах, а Франция — помогать им. При этом Кодиньяк всячески преувеличивает значение наметившегося после избрания папой Павла IV в мае 1555 г. политического союза между Францией

⁵⁰ *Négociations de la France dans le Levant*. Т. II. P. 331–332. Здесь Шаррьер по своему источнику восстанавливает фрагмент, опущенный Рибье в письме Кодиньяка королю от 20 мая 1555 г.

и Ватиканом, стремясь убедить турок, что тем самым создается решающий перевес в силах над габсбургскими державами.

Для султана, — утверждает Кодиныйяк, — достаточно будет выделить алжирскому паше Салаху 25–30 галер, и тот с такой помощью не только расширит границы Алжира в Берберии, но и, возможно, осуществит высадку в испанской Гранаде, где большинство населения ещё мусульманское, и изгонит оттуда испанцев. Алжир сможет обогатиться, захватывая испанские корабли, курсирующие между Испанией и Италией. Понятно, император попытается нанести ответный удар — но тут-то и вступит в действие французская помощь. «Поскольку вы, государь, — пишет Кодиныйяк королю, — обычно имеете хороших шпионов при министрах вашего противника, они раскроют его замыслы, и вы не преминете воспользоваться удобным случаем заманить его флот в такое место, где ваши галеры совместно с галерами Салах-бея легко смогут его застигнуть, обложить и разгромить»⁵¹. Нужно лишь, чтобы султан послал Салаху приказ соединиться с французским флотом каждый раз, когда о том попросят французы. Вообще же Франции в отношениях с Алжиром нужно вести дело к тому, чтобы алжирский паша признал, что французский король является его покровителем «в той же или даже большей мере, чем султан»⁵², а упоминание о Гранаде показывает, что, по мысли Кодиныйяка, христианнейшего короля не должен смущать даже пересмотр исторических итогов испанской Реконквисты.

Если же султан решит выслать в море большую эскадру, она бы могла овладеть находящимся под контролем испанцев Тунисом: Франция и папа нападут на императора с такой силой, что он не сможет защищаться и в Африке. Могущественный франко-папский союз обеспечит победу турок и в большой войне на землях Венгрии и Трансильвании.

Мысли Кодиныйяка о различных вариантах действий Османской империи против общего врага понравились султану, и он их в принципе одобрил. Но не так думал Генрих II. 22 октября 1555 г. он послал Сулейману письмо с обычной просьбой предоставить и на следующий год турецкий флот в распоряжение Франции⁵³. Снова в Стамбуле началась активная подготовка

эскадры к плаванию, а Кодиныйяк уже готовился опять её сопровождать, когда в марте 1556 г. пришло неожиданное известие: 3 февраля французский король заключил в Воселле перемирие с Карлом V и его сыном, новым испанским королём Филиппом II. Об этом решении Генрих II не считал нужным заранее уведомить своего союзника в Стамбуле. Понятно, что Порты была крайне раздражена: Сулейман, правда, из вежливости послал письмо со словами удовлетворения, но в предоставлении французскому флоту даже пороха и селитры было тут же отказано (Кодиныйяк Генриху II, 20 апреля 1556 г.⁵⁴). Отход союзника был тем досаднее, что именно в 1556 г. султану предстояло разрешить, наконец, трансильванский вопрос.

Войска Фердинанда I оккупировали Трансильванию в 1551 г., призванные туда монахом Дьердем, который вскоре сам был убит, как заподозренный в измене, по приказу командующего габсбургской армией. Регентша Трансильвании королева Изабелла со своим сыном, малолетним Яношем-Жигмондом, князем Трансильвании и претендентом на венгерский престол (его отец Янош I Заполяи обладал этим королевским титулом по соглашению с Фердинандом) в 1552 г. выехала в Польшу, к своему брату королю Сигизмунду II. Там она заключила соглашение с Фердинандом, по которому дом Заполяи отказывался от всех своих династических прав за крупную сумму денег и земельные пожалования. Но соглашение осталось невыполненным: Фердинанд не торопился платить деньги, добываясь для большей гарантии переезда Яноша-Жигмонда в его владения. Однако для Габсбургов оказалось слишком сложным делом в условиях войны с турками удержать власть над Трансильванией, среди венгерского дворянства которой была популярной национальной династия Заполяи. С другой стороны, султан, поддерживаемый Францией, объявил о своем желании восстановить Яноша-Жигмонда на трансильванском троне под турецким протекторатом; для этого мать с сыном должны были вернуться в свою страну. Завязалась сложная дипломатическая игра, в которой французская дипломатия приняла самое активное участие. В Польшу зачастили габсбургские, турецкие, французские дипломатические агенты; Сигизмунд II упорно старался соблюдать нейтралитет, не ссорясь ни с Сулейманом, ни со своим тестем Фердинандом; Изабелла до последнего торговалась

⁵¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 43. Л. 83об.

⁵² Там же. Л. 88.

⁵³ Lettres et mémoires d'Etat... Т. II. P. 592–596.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 81. Т. 46. Л. 37.

с обеими сторонами. Но в 1556 г. должен был прийти конец её колебаниям: трансильванское дворянство подняло восстание в пользу Запольяи, и Порты была готова поддержать его армией. Последние габсбургские крепости пали, и в октябре 1556 г. Изабелла и Янош-Жигмонд возвратились в Трансильванию.

В принятии королевой такого решения сыграли свою роль посреднические миссии французских дипломатов. В конце 1554–1555 г. переговоры с двором Изабеллы вел де Камбрэ (де Камбрэ Монморанси, 19 февраля 1555 г.⁵⁵). Однако сильно не ладивший со своим соперником Кодиныйяк в начале 1556 г. послал с аналогичной миссией в Польшу своего заместителя Мартинеса. На этой почве взаимное недоброжелательство двух дипломатов переросло в ненависть. Оба они приписывали решающие успехи в ходе переговоров именно своим инициативам. При этом Кодиныйяк постарался опорочить врага перед Портой, убеждая турок, что из-за внушений де Камбрэ трансильванский двор начал добиваться от султана неприемлемых для того уступок, слишком полагаясь на заступничество французского короля⁵⁶. Сам Кодиныйяк предпочитал метод запугивания, предписывал Мартинесу говорить королеве и её сыну, что они должны поспешить с возвращением в Трансильванию, иначе султан займет её сам, ликвидировав всякую автономию (Кодиныйяк Генриху II, 6 марта 1556 г.⁵⁷). В итоге де Камбрэ выехал во Францию, сопровождаемый турецким приставом: по словам Кодиныйяка, султан опасался, как бы французский дипломат по пути не свернул в Венгрию⁵⁸. Со своей стороны, де Камбрэ обвинял Кодиныйяка в «тираническом обхождении»: посол якобы угрожал ему физической расправой, пытался отравить его, у Кодиныйяка были даже какие-то подозрительные контакты с послами Фердинанда. Факт скандальной ссоры двух дипломатов, видимо, сыграл свою роль в принятом Генрихом II решении сместить Кодиныйяка с его поста. Коллекция Ламуаньона, гораздо более богатая документами 1556 г., чем публикация Рибье, довольно подробно освещает обстоятельства столкновения Кодиныйяка и де Камбрэ, причём благодаря письмам де Камбрэ королю от 13 марта и 16 мая 1556 г.⁵⁹ мы можем ознакомиться с аргументацией обеих сторон.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 81. Т. 39. Л. 75.

⁵⁶ Там же. Т. 46. Л. 74.

⁵⁷ Там же. Т. 39. Л. 108–109об.

⁵⁸ Там же. Т. 46. Л. 107–108.

⁵⁹ Там же. Т. 45. Л. 258–259; Т. 46. Л. 74–77.

Между тем если в Трансильвании Порте удалось осуществить свои замыслы, то в Венгрии турки терпели неудачи, в июле 1556 г. габсбургские войска разбили армию паши Буды, турецкие владения в Эгейском море страдали от набегов христианских корсаров. 16 сентября 1556 г. Кодиныйяк сообщил своему монарху, что султан посылает королю личное письмо с просьбой возобновить войну и обещаниями всяческой помощи⁶⁰. Эта просьба оказалась как нельзя более кстати: Генриху и так приходилось снова вступать в бой, чтобы выручить своего союзника, не вовремя спровоцировавшего неудачную войну с испанцами папу Павла IV. Теперь же в глазах султана разрыв только что заключенного перемирия можно было представить как подтверждение верности французского короля дружбе с Турцией. С тем и отбыл ко двору Сулеймана новый посол де Лавинь, о первых итогах миссии которого было уже сказано выше.

К тому времени финансовое положение французского посольства в Стамбуле стало катастрофическим. Кредит его у местных денежных людей был полностью подорван. В 1556 г. главным кредитором Кодиныйяка стал Иосиф Наси, крупнейший еврейский финансист и вместе с тем ближайший советник наследного принца Селима, ранее известный в Европе под своим христианским именем Жуана Микаша⁶¹. Микаш-Наси происходил из португальских евреев (марранов); лишённые права исповедовать свою религию, они считались «новыми христианами», многие из которых, публично соблюдая католические обряды, втайне оставались верными иудаизму и сохраняли сокровенные еврейские имена. Благодаря своим родственным связям и удачному браку, Иосиф Наси стал управлять делами крупнейшего банкирского дома, чьи богатства, созданные на посреднической торговле пряностями, сравнивались с богатствами Фуггеров — дома, в начале века имевшего местопребывание в Лиссабоне и Антверпене и возглавлявшегося двумя марранами, братьями Мендиш. Унаследовавшие огромное состояние их вдовы, сестры Беатриса и Брианда де Луна отправились сначала в Венецию, где отношение к марранам было гораздо мягче, чем в Антверпене, а затем старшая, Беатриса переехала в Стамбул, вообще не знавший европейского антисемитизма. Начались долгие споры о наследстве между двумя сестрами,

⁶⁰ Там же. Т. 48. Л. 73–76.

⁶¹ О нём см.: *Grunebaum-Ballin P. Joseph Naci duc de Naxos. Paris; La Haye, 1968.*

в которые были вовлечены великие державы. Порта официально защищала перед Венецией интересы Беатрисы. Дело было нешуточное: решался вопрос о том, какому государству будут служить капиталы «еврейских Фуггеров», недаром сразу после приезда доньи Беатрисы в Стамбул Рустем-паша обязал её дать в долг султану 10 тыс. дукатов. Упоминания о, казалось бы, частных заботах вдов-сестер неоднократно встречаются в документах коллекции Ламуаньона. Так, из письма Грегуара Генриху II от 13 апреля 1551 г. видно, что о судьбе имущества дома Мендиш в Лионе (оно было конфисковано как еврейское) беспокоился личный врач Сулеймана Великолепного Моше Амон, бывший, как прямо свидетельствует этот документ, одним из информаторов французских послов⁶². Племянник Беатрисы Жуан Микаш в облике блестящего европейского кавалера прибыл в Стамбул в 1553 г. с рекомендательным письмом от французского посла в Риме Ланссака. Неудивительно, что он сблизился с Кодиньяком, который в 1554 г. присутствовал на его свадьбе, когда Микаш, открыто приняв иудаизм и став Иосифом Наси, женился на единственной дочери и наследнице Беатрисы де Луна. Вскоре его брат Бернардо Микаш, он же Самуил Наси, женился на единственной дочери Брианды, так что капиталы дома были вновь объединены в руках двух братьев.

Думал ли Кодиньяк, что любезный Жуан Микаш станет его беспощадным кредитором? В конце концов, даже стамбульский дом посла оказался заложенным за долги тому же Наси. А последний в возмещение за свои деньги требовал от французского двора право беспошлинного вывоза товаров из Франции (Кодиньяк Генриху II, 31 мая 1556 г.⁶³). Между тем финансист не желал связывать себя перед короной принятием официального звания королевского банкира в Стамбуле и мог оказывать давление на должника, подчас переставая давать ему в долг (Кодиньяк Генриху II, 30 июля 1556 г.⁶⁴).

Кодиньяк предпринимает отчаянные усилия, чтобы вырваться из кабалы. Казалось, судьба ему улыбнулась: состоялась договорённость о его женитьбе на наследнице рода Гримани, правивших в качестве вассалов Порты богатым островом Сифнос. Правда, ему предстояло оправдаться перед королём

в нарушении этикета: как обладатель придворного чина Кодиньяк не имел права заключать брак без предварительного согласия государя.

На своего преемника де Лавиня — человека напористого, но несколько прямолинейного и не обладавшего особой тонкостью — Кодиньяк произвёл поначалу благоприятное впечатление. Новый посол сочувствовал своему запутавшемуся в долгах предшественнику в тем большей мере, что сам быстро ощутил на себе железную хватку Иосифа Наси. 8 марта 1557 г. де Лавинь пишет Монморанси: «Микаш до такой степени еврей, что не дает мне денег на мои ординарные расходы до тех пор, пока я не обязуюсь обеспечить ему получение от короля желаемых им привилегий; он приставил мне нож к горлу, видя в какой нужде я нахожусь»⁶⁵. Положение Кодиньяка также было унижительным: по завершении своей миссии он должен был отправиться с отчетом ко двору, но Наси обладал достаточным влиянием на Порту, чтобы не выпускать своего должника до выплаты его долга — предосторожность, впрочем, понятная после отъезда оставшегося в неоплатных должниках д'Арамона.

Первоначально и французский двор, казалось, был склонен снисходительно отнестись к Кодиньяку. 24 июня 1557 г. Генрих II просит де Лавиня передать бывшему послу: хотя он и сильно провинился, заключив брак без согласия монарха, король находит хорошим, что он так богато женился, если его жена христианка⁶⁶. Но вот 13 августа 1557 г. в Стамбул прибыл курьер из Франции Дюро. Кодиньяк надеялся, что он привезет деньги для оплаты долгов, но услышал совсем другое: Дюро сказал, что ему было запрещено даже брать с собой чьи-либо письма на имя провинившегося дипломата (Кодиньяк Монморанси, 11 сентября 1557 г.⁶⁷). Явная, тяжелая опала. Неизвестно, когда Дюро выехал от двора — но поскольку путь до Стамбула занимал примерно полтора месяца, ясно, что это произошло самое позднее в начале июля. Какое-то крайне невыгодное для Кодиньяка известие было получено королём в считанные дни после отправки его письма де Лавиню.

Можно только предполагать, что это было. Сам Кодиньяк считал причиной своей опалы жалобы де Камбрэ; правда, они

⁶² РГАДА. Ф. 81. Т. 18. Л. 94об.–95об.

⁶³ Там же. Т. 46. Л. 99–100.

⁶⁴ Там же. Т. 47. Л. 42.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 81. Т. 50. Л. 189.

⁶⁶ *Négociations de la France dans le Levant*. Т. II. P. 404.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 81. Т. 54. Л. 114.

уже год как были известны королю, но, может быть, обнаружались их фактические подтверждения. Во всяком случае, источником новых компрометирующих сведений не мог быть де Лавинь: последний лишь с большим запозданием узнал, какие подкопы вел под него симпатичный Кодиныйяк.

23 января 1558 г. де Лавинь пишет Генриху II: Кодиныйяк тайно внушал пашам Порты, что цель нового посла — покончить с франко-турецкой дружбой и что он, Кодиныйяк, видел в депешах де Лавиня королю «множество дурных слов о них и о султани»⁶⁸. В письмах де Лавиня действительно было что видеть. Посол высказывал свое мнение, что близкая кончина опасно болевшего тогда Сулеймана пойдет на пользу французской политике, а о Рустем-паше писал: «Он так скуп и невежествен во всем, что не только я, но и сами турки удивляются, почему султан позволяет ему править столь самовластно» (де Лавинь Генриху II, 8 марта 1557 г.⁶⁹). Злоупотребив доверчивостью своего коллеги, Кодиныйяк, видимо, рассчитывал избавиться от него с помощью турок, подобно тому, как год назад он аналогичными методами добился выдворения из Стамбула своего соперника де Камбрэ. Надо полагать, что решение короля о своем смещении он воспринял болезненно и рассчитывал на его пересмотр.

Судя по документам коллекции Ламуаньона, де Лавинь ещё находился в Стамбуле 21 июля 1557 г.⁷⁰, но 2 августа уже был в пути, возвращаясь во Францию⁷¹; своим заместителем он оставил некоего д'Обрэ, и тот был на первых порах в хороших отношениях с Кодиныйяком. По дороге, в Венеции де Лавинь получил известие о разгроме 10 августа французской армии испанцами при Сен-Кантене и взятии в плен самого коннетабля Монморанси; он переслал это письмо в Стамбул и продолжал свой путь⁷². Отъезд посла всего через полгода после его приезда состоялся по инициативе турецкой стороны — и не было ли это дипломатической формой высылки? В уже цитированном письме от 23 янва-

⁶⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 51. Л. 134; *Négociations de la France dans le Levant*. Т. II. P. 431, note.

⁶⁹ Там же. Т. 51. Л. 223.

⁷⁰ Там же. Т. 52. Л. 83.

⁷¹ Там же. Л. 89.

⁷² Шаррьер ошибочно считал, что де Лавинь уже был при дворе в конце июля 1557 г. и письмо о Сен-Кантене получил в Венеции по дороге в Стамбул. Наши документы опровергают это мнение, которому противоречит и дата возвращения де Лавиня к османскому двору: 6 декабря 1557 г.

ря 1558 г. де Лавинь сообщает королю: Кодиныйяк распространял слухи, будто Рустем-паша послал Генриху II письмо с просьбой, чтобы он, де Лавинь, назад не возвращался. Слухи — или реальность? Ведь посол тут же счел нужным предупредить: если такого рода письмо получено, его следует считать фальшивкой⁷³.

После катастрофы Сен-Кантена положение должно было измениться. Порта была заинтересована в том, чтобы подбодрить получившего такой сильный удар союзника, и высылку посла, видимо, сочла в этих обстоятельствах неуместной. «Козлом отпущения» за все стал объявленный клеветником Кодиныйяк. Проект его брака, естественно, рухнул; сам он несколько месяцев скрывался в Стамбуле у своих турецких друзей, безуспешно просил даже о принятии его на службу Османской империи, с переходом в ислам. Наконец, Кодиныйяк получил разрешение Порты выехать во Францию, но до королевского двора не доехал: по пути, в Италии он счел более благоразумным перейти на испанскую службу.

О том, как развивались франко-турецкие отношения между Сен-Кантенской битвой и Като-Камбрэзийским миром 1559 г. уже хорошо известно по публикации Шаррьера, и поскольку коллекция Ламуаньона не может здесь добавить чего-либо существенно нового, мы на этом периоде останавливаться не будем.

* * *

Каждый посол сообщает своему правительству разнобразную информацию, не относящуюся впрямую к его дипломатическим демаршам. Иногда эта функция становится даже наиболее важной: целью французского посольства в Венеции при Генрихе II почти всегда было скорее наблюдать за тем, что происходило в Италии и других странах, чем вести конкретные переговоры с адриатической республикой, устойчиво придерживавшейся политики нейтралитета. Казалось бы, экзотический Стамбул, наиболее продвинутый на Восток пункт пребывания постоянной французской резидентуры, был тем более подходящим местом для удовлетворения любознательности французских политиков. А на деле посольская переписка про-

⁷³ РГАДА. Ф. 81. Т. 51. Л. 134–135. Эта подробность становится известной лишь благодаря коллекции Ламуаньона: Шаррьер цитирует данный документ не полностью.

никнута духом практицизма, и кругозор послов сильно ограничен, вопреки стереотипным представлениям о неумемной жажде знаний людей эпохи Возрождения.

Отчасти это объясняется тем, что отношения с Османской империей имели для Франции в высшей степени практический интерес, и деятельность французских дипломатов была слишком наполнена трудоемкими рутинными заботами, чтобы не побудить их пользоваться именно этим углом зрения при выделении из потока информации того, что они считали достойным внимания их двора. В мирное время французские послы должны были постоянно внушать Порте недоверие к мирным намерениям Габсбургов, срывать возможности долговременного урегулирования турецко-габсбургских противоречий, привлекать внимание султана к европейским делам, когда он был занят войной в Азии. Во время войны – нужно было ежегодно просить о выделении в помощь французскому флоту турецкой эскадры, поторапливать выход османской флотилии в море, торопить свой двор с присылкой инструкций, обдумывать планы возможных десантов, ходатайствовать – всегда безуспешно – о разрешении турецким кораблям зимовать в Западном Средиземноморье; по возможности сопровождать лично турецкий флот, удерживая его полукорсарский состав от бесполезных для военных целей Франции грабежей мирного населения, – и каждой осенью начинать все сначала. Интересует лишь та информация, которая может помочь или помешать в осуществлении этой обязательной программы.

Хорошо прослеживаются события в Венгрии и Трансильвании: здесь решалось, быть ли войне или миру между Портой и Габсбургами. Постоянно интересовал Алжир: из-за его географической близости к Франции можно было легче договориться о совместных действиях на море с алжирскими пашами, чем с далеким Стамбулом. Иран интересует не сам по себе, но исключительно в связи с положением дел на турецко-иранском фронте. Подчас в поле зрения попадает Польша: польский король мог вмешаться в трансильванские дела и на стороне Порты, и как её противник, в зависимости от отношения султана к его племяннику Яношу-Жигмонду и степени собственной заинтересованности в этом вопросе⁷⁴.

⁷⁴ В письме Кодиеньяка Генриху II от 3 января 1555 г. имеется колоритная подробность: каймакам-паша просит короля послать к польскому двору сво-

Прочие страны упоминаются лишь эпизодически. Несколько раз бегло сообщается о грузинах, в связи с событиями турецко-иранской войны и без различения отдельных грузинских царств. 16 мая 1549 г.⁷⁵ д'Арамон пишет королю о прибытии в ставку султана посла «Великого Татарина», предложившего союз против шаха; видимо, здесь имеется в виду не индийский Великий Могол, а правивший в бывшей столице Тимура Самарканде хан узбекского государства Шейбанидов, постоянный союзник Османской империи в борьбе с Ираном. При рассказе о делах Трансильвании появляются краткие упоминания о соседних господарях Молдовы и Валахии. Республика Дубровник иногда докучает своими жалобами на захват французскими военными кораблями товаров или торговых судов её граждан. Кратки и разрозненны сообщения о воевавшем против Алжира Марокко.

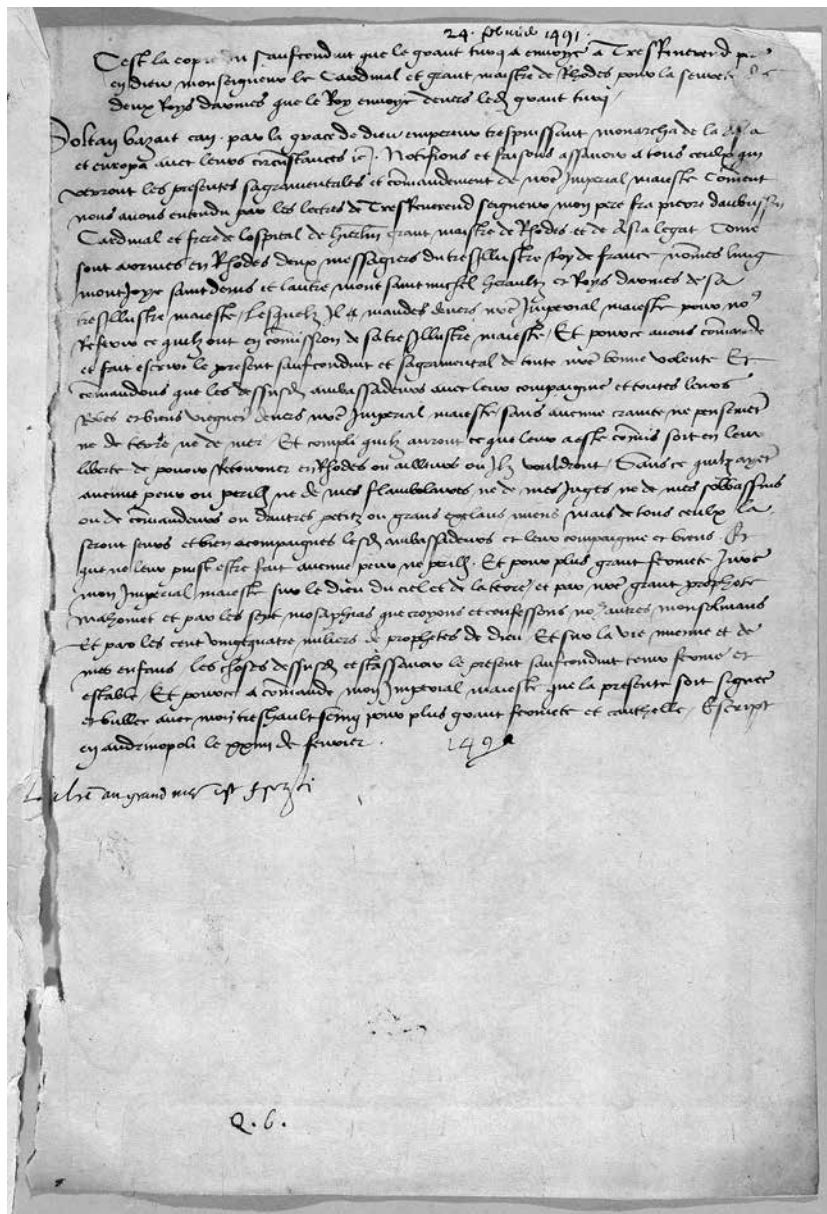
Приведенное выше относящееся к 1551 г. беглое упоминание о Русском государстве как о постоянном противнике Польши является единственным в турецкой переписке коллекции Ламуаньона. Казалось бы, можно было ожидать большего. Но ни взятие русскими Казани в 1552 г., ни присоединение Астрахани в 1556 г. не привлекли внимания французских дипломатов, хотя в обоих случаях имело место дипломатическое и военное противостояние Москвы и подвассального Турции Крыма, а в походах крымцев участвовали и турецкие янычары. Кстати, нет и упоминаний о самом Крыме. Лишь в 1558 г., в связи с успехами русских войск в войне с крымским ханом, де Лавинь всерьез обеспокоился силой северной державы, которая могла бы вступить в антитурецкий союз с Фердинандом I (де Лавинь Генриху II, 18 июня 1558 г.)⁷⁶, а его корреспондент, французский посол в Венеции Ноай не преминул объяснить успехи московитов тем, что их вооружает через Англию враг Порты Филипп II Испанский, он же муж английской королевы⁷⁷. Но

его тайного агента, который, ведя жизнь частного лица, сообщал бы туркам информацию о замыслах Сигизмунда II (РГАДА. Ф. 81. Т. 34. Л. 8). Кодиеньяк рекомендует для этой цели некоего Левирала, человека из королевской свиты.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 81. Т. 12. Л. 28–31.

⁷⁶ *Lettres et mémoires d'Etat...* Т. II. P. 752–755. Конечно, содержащиеся здесь сведения о численностидвигающихся на Крым московских войск (150 тыс.) гиперболически преувеличены. С.М. Соловьёв по русским источникам говорит о небольших отрядах в 5–8 тыс. чел. (*Соловьёв С.М. История России с древнейших времен.* Т. 3. М., 1960. С. 494–495).

⁷⁷ *Négociations de la France dans le Levant.* Т. II. P. 449, 464, notes.

Пропуск от имени султана Баязида II для двух прибывающих к Порте через Родос французских герольдов. 24 февраля [1500 г.] Эдирне. Пер. на франц. яз. Ошибочная помета XVII в.: «24 febvrier 1491». РГАДА, ф. 81, т. 8, л. 41. См. с. 15.

эти документы известны лишь по публикациям Рибье и Шаррьера, в нашей коллекции они отсутствуют.

Конечно, если бы к тому имелись какие-либо стимулы, тяга французских дипломатов к сбору информации о странах Востока была бы не в пример большей, достаточной хотя бы для смелого прожектерства. Но стимулов не было. Франция делала ставку на традиционную левантийскую торговлю и не искала для себя новых торговых путей к странам Индийского океана, до этого дело дойдет лишь сто лет спустя. Не было и расчетов на распространение своего культурного влияния — не пришла ещё эпоха Контрреформации с её героическим энтузиазмом миссионерства, с глобальным кругозором Конгрегации по распространению веры. Пока Восток представлялся единой массой, непроницаемой для политических и культурных влияний Запада, и можно сказать, что недостаток информированности в турецкой переписке коллекции Ламуаньона лишь верно отражает эту «недозрелость» культурно-исторической ситуации.

АЛЖИР И ФРАНЦИЯ В XVI ВЕКЕ: новое о янычарском мятеже 1557 года*

Наши знания об истории Алжира в XVI веке поневоле ограничиваются источниками неалжирского происхождения. Отдаленное владение Османской империи, Алжир не был настолько упорядоченным политическим образованием, чтобы обзавестись собственными летописцами, не говоря уже об архивохранилищах. До 1560-х гг. нельзя рассчитывать и на Стамбульский государственный архив, где регистры важнейших решений Дивана открываются лишь актами 1559 г. Основным источником и единственным связным повествованием по истории Алжира того времени является сочинение испанского священника Диего де Аэдо «История королей Алжира» («королями» европейцы называли алжирских пашей, поскольку их сюзерен, турецкий султан приравнивался к императору). Материал для своей книги Аэдо собирал по расспросам в алжирском плену, где он находился в конце 1570-х — начале 1580-х гг. (в ней, в частности, имеется свидетельство о мужественном поведении другого пленника-испанца, Мигеля Сервантеса). Вернувшись из плена, аббат Диего в 1612 г. издал в Вальядолиде на испанском языке две работы, посвященные Алжиру: вышеназванную «Историю королей» и «Топографию и общую историю Алжира»¹. В конце XIX в. полный перевод на французский язык с редкого издания первой книги Аэдо был опубликован в издававшемся в Алжире журнале «Ревю африкэн»². Основанный на устных свидетельствах, собранных через много лет после событий, труд Аэдо,

* Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 72–81.

¹ *Haedo D. de*. Epitome de los Reyes de Argel. Valladolid, 1612; *Idem*. Topographia e historia general de Argel. Valladolid, 1612. «Две книги Аэдо содержат почти все, что нам известно об Алжире XVI века», — пишет современный автор У. Спенсер (*Spencer W.* Algiers in the Age of the Corsars. Norman (Oklahoma), 1976. P. 173).

² *Haëdo D. de*. Histoire des rois d'Alger / Trad. et annotée par H.-D. de Grammont // Revue africaine. 1880–1881. N 139–146. Alger, 1880–1881.

описывающий историю Алжира с 1516 по 1581 г., естественно, нуждается в проверке, особенно в том, что касается хронологии.

Публикуемый ниже документ хранится в Российском государственном архиве древних актов в составе известной коллекции Ламуаньона (ф. 81, т. 53, л. 63–64). Эта коллекция представляет собой очень большой фрагмент ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье, ведавшего, в частности, перепиской с Турцией, а следовательно, и сношениями с Алжиром³. В середине XVII в. эти письма принадлежали французскому эрудиту Гийому Рибье, подготовившему на основе фонда Дютье обширную двухтомную публикацию документов⁴. Включённые в это издание документы в основном отсутствуют в коллекции Ламуаньона. Это объясняется тем, что сама эта коллекция составилась из писем, которые французский эрудит счел «бесполезными» (его излюбленная помета) для своей публикации. В большую груду отбракованных им документов попали и те экземпляры писем, отобранных для публикации, которые подверглись сильной редакционной правке, с изъятием нежелательных фрагментов; по этим экземплярам мы можем судить о методах работы Рибье как публикатора. Отбракованные документы коллекции Рибье были приобретены первым президентом Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийомом Ламуаньоном, давшим свое имя московской коллекции⁵.

Мы напрасно стали бы искать в двухтомнике Рибье материалы о франко-алжирских сношениях. Такой сюжет представлялся ему особенно нежелательным, он решительно вычеркивал из публикуемых писем все относящиеся к этой теме фразы и абзацы, а целиком посвященные Алжиру письма не имели никаких шансов пройти через его цензуру. Его легко можно

³ О коллекции Ламуаньона см.: *Малов В.Н.* Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 55–69; *он же*. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона // Средние века. 1997. Вып. 59. С. 169–195. [См. выше с. 20–47. — *Прим. ред.*]

⁴ *Lettres et mémoires d'Etat, des roys, princes et ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François premier, Henri II & François II / Ouvrage composé... par G. Ribier*. T. I–II. Paris; Blois, 1666.

⁵ Моя первоначальная гипотеза предполагала, что тома коллекции Ламуаньона вообще никогда не принадлежали Рибье, что Ламуаньон самостоятельно приобрел другие фрагменты сильно раздробившегося архива Жана Дютье. Работа по составлению полного каталога коллекции заставила отказаться от этого предположения.

понять. Конечно, и сам факт франко-турецкого союза, направленного против других христианских государств, нуждался в оправданиях, — но этот факт, попросту отрицавшийся французскими дипломатами в XVI веке, столетием спустя был уже слишком хорошо известен, и его можно было объяснить прагматическими соображениями: в конце концов, союз христианнейшего короля и падишаха был союзом государя с государем. Иначе обстояло дело с прямыми франко-алжирскими связями: слишком скандальным выглядело покровительство Франции алжирским корсарам, от которых и во времена Рибье страдали попадавшие в плен и рабство моряки, купцы и просто жители побережий Испании, Италии и самой Франции. Тем важнее для изучения франко-алжирских контактов отвергнутые Рибье документы коллекции Ламуаньона. Вот примеры информации, которой он не стал смущать читателей.

В письме французского посла в Стамбуле д'Арамона королю Генриху II от 15 декабря 1550 г. Рибье опустил обширный фрагмент, где речь шла о прибытии в Стамбул гонца от паши Алжира Хасана ибн-Хайреддина, просившего султана о помощи против соседнего Марокко. Д'Арамон поспешил сразу же предложить алжирцу свое покровительство перед султаном, заверяя в том, что неоднократно получал от своего короля указания помогать алжирцам, как его собственным французским подданным. После этого переговоры алжирского представителя с Портой благодаря помощи французского посла увенчались успехом⁶.

В следующем 1551 г. д'Арамон, ездивший к своему двору за инструкциями, возвращался в Стамбул морем с заездом в Алжир. С дороги он послал королю два больших письма. Одно из них, посланное с Мальты, было выгодно для целей Рибье (из него следовало, что французский посол не натравливал турецкий флот на принадлежавший мальтийским рыцарям Триполи) и он его опубликовал. Письмо из Алжира от 28 июля 1551 г.⁷ было забраковано несмотря на всю его колоритность. Посол остался недоволен тем, как принял его алжирский паша Хасан, ничего не ставший отвечать на письмо Генриха II, хотя представитель французского короля и внушал ему, что он может больше полагаться на его государя, чем даже на султана. Хасан-паша мыслил узко практически. Поставленный перед необходимо-

⁶ РГАДА. Ф. 81. Т. 15. Л. 294об.–295об.

⁷ Там же. Т. 19. Л. 322–329.

стью выплатить долг великому везиру Рустему, срочно доставив ему добычу от корсарского промысла, он даже отказался удовлетворить просьбу д'Арамона об освобождении около 200 французских невольников, зато сам в своих просьбах доходил до такой назойливости, что домогался передачи ему части вооружения с галер, сопровождавших посла в Турцию. Отказав в этом, д'Арамон стал подвергаться различным утеснениям; письмо наполнено колоритными подробностями жизни Алжира, с характерной тогда для этого города анархией корсарской вольницы. Тем не менее д'Арамон все же советует королю оказать помощь Хасану в вооружении его флота, хотя и высказывает мимоходом мысль, что Франция могла бы захватить Алжир, дабы обменять его на что-нибудь равноценное с императором Карлом V. Недовольство французского посла алжирским пашой было принято во внимание султаном Сулейманом, вскоре заменившим на этом посту Хасан-пашу известным турецким флотоводцем Салах-раисом. Шаг тем более знаменательный, что Хасан был сыном самого Хайреддина Барбароссы, передавшего завоеванный им Алжир под власть Османской империи; таким образом, Хасан имел власть над Алжиром как бы по наследству от своего славного отца.

Столь же «бесполезным» счел Рибье и письмо к губернатору Прованса графу Танду из Алжира от кавалера Карло Альбицци (14 июля 1552 г.)⁸, ездившего к новому паше со специальной миссией наладить взаимодействие между французским и алжирским флотами в начавшейся войне против Испании и Империи. Альбицци был очень доволен приемом у Салах-раиса, принявшего французские предложения и даже выразившего желание лично прибыть со своими галерами на стоянку в Марсель. Генрих II счел за лучшее уклониться от этого скандального визита, но ответил на посланное ему письмо «короля Алжира» (к сожалению, у нас отсутствующее) личным любезным письмом от 8 августа 1552 г.⁹

Дошло до того, что новый посол в Стамбуле Кодинок в письме к Генриху II от 25 ноября 1555 г. стал развивать идею: нужно, чтобы алжирский паша признал, что французский

⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 8. Л. 160–162.

⁹ Там же. Л. 225–226. Это и предыдущее письмо опубликованы: Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской и В.Н. Малова. М., 1985 (депонировано в ИНИОН. № 20448). Л. 204–206, 327–328.

король является его покровителем «в той же или даже большей мере, чем султан»¹⁰.

Особенно сильно препарировал Рибье письмо преемника Кодиньяка в Стамбуле де Лавиня к Генриху II от 21 апреля 1557 г.¹¹, которое в его публикации оказалось сокращённым более чем наполовину. Де Лавинь прибыл к султанскому двору с обычной просьбой о соединении турецкого флота с французским для совместных действий против испанцев и их союзников в Западном Средиземноморье. Сулейман, не желая оставлять без прикрытия воды Эгейского моря, в предоставлении флота в этот раз отказал. На этом и кончается в опубликованном Рибье тексте рассказ о судьбе демарша, и читатель не узнает, что известных результатов де Лавинь все-таки добился: ему удалось выпросить у султана письма к паше Алжира Мехмеду Текелерли и бейлербею Триполи Тургуд-раису с приказом оказать Франции содействие их флотом. Посол придавал большое значение своему успеху и даже считал, что прямое, без оговорок о сроке использование корсаров предпочтительнее, чем было бы предоставление французам султанского флота всего на одно лето (оставлять свой флот на зимовку в Западном Средиземноморье Порты постоянно отказывалась). «И думается мне, — писал де Лавинь, — Вас не должно смущать, что они грабят, забирая все что плохо лежит, потому что и флот султана грабит не меньше, все они корсары»¹². Правда, французам не удалось воспользоваться новой возможностью — помешал янычарский бунт в Алжире в апреле 1557 г., низвержение и убийство паши Мехмеда Текелерли. Именно об этом эпизоде истории Алжира повествует публикуемый ниже уникальный документ.

* * *

Но сначала необходимо сказать о внутреннем положении Алжира и событиях, непосредственно предшествовавших янычарскому мятежу.

Верховную власть султана в Алжире представлял паша, назначаемый из Стамбула и легко сменяемый. В его распоряжении находился янычарский корпус (состоявший как из турок,

так и из перешедших в ислам христиан-«ренегатов») под командой янычарского аги и галерный флот, капитаны которого («раисы») активно, часто на свой страх и риск, занимались прибыльным корсарским промыслом. Янычарский корпус делился на полки, чьи полковники («каиды») были комендантами наиболее крупных крепостей, где стояли на квартирах их части. Вассальные арабо-берберские владельцы поставляли вспомогательные отряды, особенно кавалерию. Если паша умирал на своем посту, янычары, во избежание безвластия, имели право избрать из числа каидов его временного заместителя («халифу»), который должен был беспрекословно передать власть новому прибывшему из Стамбула паше. Для Порты «халифы» были функционерами низшего ранга по сравнению с пашами и случаев назначения новым пашой избранного «халифы» не было. Европейцы же не придавали особого значения различию между пашами и «халифами», именуя «королями» и тех и других.

Ренегатами становились многие попавшие в плен христиане, которых переход в ислам спасал от тяжкой участи галерного раба. Некоторые ренегаты делали большую карьеру, если их принимали под свое покровительство влиятельные военачальники или раисы, для Аэдо само слово «ренегат» превращается в синоним понятия «клиент» («ренегат такого-то»). Многие каиды были ренегатами, о чём свидетельствуют их заменявшие фамилии прозвища («Корсо» — корсиканец, «Сардо» — сардинец и т. п.). Турецкий государственный строй открывал «рабам султана» возможности карьеры, не зависевшие от их сословного происхождения, и это делало путь ренегатства привлекательным для энергичных выходцев из низов в странах христианского Средиземноморья.

Алжирский паша должен был лавировать между двумя соперничающими группировками, действовавшими на разных направлениях внешней экспансии: янычарами и корсарами. Последние были богаче, и янычары постоянно добивались, чтобы раисы брали их в свои экспедиции, тогда как моряков тяготила необходимость делиться с сухопутным войском доходами от добычи и раздражали янычарские требования помогать им в сборе податей с покорённого местного населения. Помимо выполнения этой задачи, армия в 1550-х гг. вела постоянную войну против объединивших Марокко шарифов Марракеша (потомков пророка Мухаммеда и предков современной коро-

¹⁰ РГАДА. Ф. 81. Т. 43. Л. 88.

¹¹ Там же. Т. 53. Л. 7–14.

¹² Там же. Л. 11.

левской династии Марокко) и испанских крепостей на алжирском побережье, главной из которых был Оран.

В годы правления паши Салах-раиса (1552–1556) успешные действия на сухопутном фронте привели к росту престижа и претензий янычарского корпуса. Победоносный марокканский поход 1554 г. увенчался взятием богатого города Феса, огромной добычей и контрибуцией. В следующем 1555 г. алжирская армия принудила капитулировать испанский гарнизон Беджайи – порта, которым испанцы владели почти полвека. Воодушевлённый этими успехами, Салах-раис задумал полностью покончить с испанским присутствием в Алжире, взяв их последний оплот Оран. Он обратился к султану с просьбой прислать ему для этого в помощь дополнительный воинский контингент. Сулейман одобрил план паши, и в июне 1556 г. султанский флот из 40 галер прибыл к Алжиру. В это самое время неожиданно умер 70-летний Салах-раис.

Войско избрало «халифой» Хасана Корсо, очень популярного в армии героя марокканской кампании, ренегата-корсиканца 38 лет. План по взятию Орана решили осуществить, мусульманская армия обложила город, готовилась к штурму и была уверена в победе, когда гонец из Стамбула доставил приказ снять осаду: султан нуждался в галерах для борьбы с генуэзским флотом в Эгейском море. Каид Хасан подчинился, осада была снята, но раздражение в армии, лишившейся по непонятным ей причинам верной победы и добычи, оказалось слишком острым и вскоре привело к драматическим событиям.

Это произошло, когда в начале сентября 1556 г. стало известно о приближающейся султанской флотилии с новым пашой, турком Мехмедом Текелерли, алчность и свирепость которого были, видимо, слишком хорошо известны. Лично Хасан Корсо был не слишком честолюбив и мог бы подчиниться (Аэдо даёт ему очень хорошую характеристику как человеку «очень доброму, мягкому, приветливому и щедрому», к тому же лояльно относившемуся к христианам)¹³, но негодование охватило весь янычарский корпус. Его руководство приняло дерзкое и беспрецедентное решение не принимать назначенного султаном пашу и известить об этом Порту, требуя, чтобы новым пашой стал Хасан Корсо. Каидам Аннабы (ренегат-грек Мустафа) и Беджайи (отличившийся при взятии этого города Али Сар-

до), мимо которых должны были проплыть корабли Мехмед-паши, были посланы инструкции не допустить высадки паши на берег, при необходимости открыв огонь из береговых батарей. Оба каида подчинились приказу и обстреляли султанский флот. Смирив гордость, Мехмед-паша проплыл мимо и в конце сентября стал на якорь у близкого к Алжиру мыса Матифу, причём местный гарнизон не ответил на его пушечный салют. Он, очевидно, не мог бы ничего сделать против мятежников, если бы не вмешалась новая сила – алжирские корсары. Раисы были очень недовольны решением армии, не видя смысла в противостоянии со Стамбулом. Притворившись, что поддерживают янычар, они добились того, чтобы им была поручена оборона порта и Морских ворот, через которые и был впущен в город отряд Мехмед-паши. Застигнутые врасплох янычары не сопротивлялись. Хасан встретил пашу у дворца, заверяя его в том, что взял власть против своей воли. Но Мехмед-паша не знал жалости. Хасан Корсо был подвешен за ребро на крюк у городских ворот и три дня мучился перед смертью. Каиды Аннабы и Беджайи были посажены на кол. Террор против янычар новый правитель сочетал с особым интересом к поискам их сокровищ. Острое недовольство им в армии быстро подготовило почву для нового бунта.

Дальнейшие события Аэдо описывает таким образом. Каидом расположенного у марокканской границы Тлемсена был молодой Юсуф, калабриец, клиент («ренегат») Хасана Корсо. Преданный своему погибшему патрону, он решил отомстить за его смерть. Он вступил в тайные сношения со столичными янычарами, в том числе и с янычарским агой, и, удостоверившись в их поддержке, объявил своему полку о походе на Алжир. В это время в городе Алжире началась эпидемия чумы и Мехмед-паша, спасаясь от заражения, выехал в пустынное место в 5 милях к западу от своей столицы, как раз по дороге на Тлемсен, где устроил себе временную палаточную резиденцию. Это оказалось на руку отряду мятежников, который продвигался скрытно, причём для внезапности нападения Юсуф приказывал «привязывать к деревьям всех встречавшихся ему по дороге мавров»¹⁴. Впрочем, Аэдо приводит и более правдоподобную версию (Тлемсен все же находится почти в 500 километрах от Алжира) о том, что мятежники вышли вообще не из Тлемсена,

¹³ *Haëdo D. de. Histoire des rois d'Alger // Revue africaine. 1880. No. 142. P. 285.*

¹⁴ *Ibid. Revue africaine. 1880. N 143. P. 347.*

а из более близких мест, где они собирали налоги с арабских племен. Узнав о приближении враждебного отряда, паша бежал к Алжиру и нашел закрытыми перед собой городские ворота: янычары отказались укрыть от возмездия своего врага. Преследуемый по пятам, он бросился в горы, укрылся в бывшем жилище одного отшельника и в этом святом для мусульман месте был убит лично подоспевшим Юсуфом.

Вступивший в Алжир вождь мятежа был немедленно избран «халифой». По словам Аэдо, он был очень умным и проявил «такую великую щедрость, как только было возможно»¹⁵. В первый же день он раздал войскам 10 тыс. золотых эскудо и продолжал делать это и в пять следующих дней, так что за неделю его правления было роздано 60 тыс. золотых эскудо. Не нужно большой фантазии, чтобы представить себе эту ситуацию пирата во время чумы – в самом прямом и трагическом смысле слова. Надо полагать, что обстановка янычарского разгула не способствовала соблюдению санитарных норм: через шесть дней после своей победы каид Юсуф заразился чумой и умер; ему было всего 28 лет.

Может быть, это произвело отрезвляющее действие на войско, – во всяком случае, выбор нового «халифы» оказался вполне разумным, им стал каид Милианы Яхья-бей, турок 47 лет, человек решительный и вместе с тем осторожный; ему и суждено было дожидаться прибытия нового паша и спокойно передать ему власть. Все эти события Аэдо датировал декабрем 1556 – январем 1557 г.

Эта датировка была пересмотрена, когда в 1871 г. в «Ревю африкэн» были опубликованы в переводе на французский язык копии двух документов, обнаруженных в Библиотеке генерального секретариата Алжирского губернаторства¹⁶. Через несколько лет они были повторно напечатаны в том же журнале в составе другой публикации, с учетом их новых текстов, найденных в испанском архиве Симанкас¹⁷.

Первый из этих документов – анонимная записка на итальянском языке, датированная: «Табарка, 12 мая [1557 г.]».

¹⁵ Ibid. P. 349.

¹⁶ *Watbled E.* Documents inédits sur l'assassinat du pacha Tekelerli (1556–1557) // *Revue africaine.* 1871. N 89. P. 335–340.

¹⁷ *Elie de La Primaudaie F.* Documents inédits sur l'occupation espagnole en Afrique (1506–1574) // *Revue africaine.* 1877. N 124. P. 284–288. Второй документ приводится здесь также на испанском языке оригинала.

Табарка – островок у африканского берега (ныне в Тунисе), принадлежавший генуэзской купеческой семье Ломеллини, которой он был подарен за одну услугу ещё Хайреддином Барбароссой; Ломеллини занимались там доходным промыслом – ловлей кораллов. Записка содержит известия о только что произошедшем перевороте в Алжире, доставленные посетившим остров французским фрегатом, причём эта версия событий существенно отличается от изложенной у Аэдо. Согласно этой информации, центр заговора против Мехмед-паша находился не в Тлемсене или каком-либо янычарском лагере, а в самом Алжире. Когда паша «18 дней назад» выехал из города (он не бежал от чумы, а всего лишь поехал на воды полечить подагру), собрался Диван (совет каидов) янычарского корпуса, который, воспользовавшись отсутствием в Алжире отпльвших на свой промысел корсаров, решил не впускать в город жестокого правителя. Действительно, когда обеспокоенный паша попытался вернуться, заговорщики закрыли перед ним ворота и объявили ему, что отказываются считать его своим «королём»; из всей его свиты в Алжир было позволено войти только янычарскому аге каиду Мустафе. Мехмед укрылся в небольшой мечети за городскими воротами. Узнав об этом, некий «корсиканский ренегат», бывший раб Хасана Корсо, предложил Дивану свои услуги, сказав, что его долг – отомстить за хозяина. Он отправился к убежищу свергнутого правителя с небольшим отрядом, преклонил перед ним колени, облобызал ноги и неожиданно нанес удар спрятанной под одеждой кривой саблей. В документе ничего не говорится о том, кого избрали «халифой», даже не упоминается имя каида Юсуфа, а его роль убийцы играет некий человек, занимавший гораздо более низкое социальное положение, чем каид Тлемсена.

Эта записка очень заинтересовала испанцев, и уже 2 июля 1557 г. из далекого Лондона было отправлено письмо короля Филиппа II к каиду Мустафе Арнауту, второй из опубликованных документов. (Филипп находился тогда в английской столице в качестве мужа королевы Марии Тюдор.) Король пишет, что он узнал о смерти Мехмед-паша и об избрании адресата правителем Алжира, с чем его поздравляет; он уверен, что султан примет самые жесткие меры против участников переворота, а потому, пользуясь отъездом в Алжир для переговоров о выкупе пленных некоего «брата Николао», предлагает через него каиду Мустафе свою помощь и покровительство.

Имя адресата этого письма оказалось неожиданным для публикаторов: у Аэдо ничего не говорится о «халифе» Мустафе. Они высказали предположение (у второго публикатора даже весьма уверенное), что то был третий «халифа» (кроме Юсуфа и Яхьи), забытый информаторами Аэдо. Публикуемый нами документ не оставляет места для этой гипотезы. Ясно, что письмо было написано по инициативе испанского короля, а не в ответ на какое-либо послание новоизбранного «халифы». О том, кто им был избран, Филипп ничего не знал и должен был исходить из крох информации, содержащихся в записке с острова Табарки — а там было упомянуто о лояльном отношении мятежных янычар к их аге каиду Мустафе (хотя он и явно не был инициатором восстания). Видимо, его и надо отождествить с Мустафой Арнаутом («албанцем»). Выяснить истину не было времени, и письмо было написано «на случай»: если бы «брат Николао» по прибытии в Алжир обнаружил, что «халифой» избран не Мустафа, он не стал бы вручать это послание.

Информация, полученная Генрихом II, была гораздо более подробной. Когда Яхья-бей стал «халифой», его первой задачей было умиловить грозного султана, предотвратить новые кровавые репрессии, — а для этого стоило привлечь к делу союзника Османской державы, столько раз заявлявшего о своей готовности помогать Алжиру. Так появился публикуемый ниже уникальный текст, единственный документ официально-го алжирского происхождения — письмо Яхья-бея Генриху II.

ahya-bey a Henri II
Alger, 12 mai 1557. Copie.

Hault et puissant roy,

Je croy que Vostre Royale Haultesse aura este informee de l'emotion que feist Haly de [*lire: cayde*] Hazan en ceste ville, et aussi de la venue de Ma[homet] baxa envoye par le Grand Seigneur en ce pays pour le gouvernement d'icelluy. Lequel y entra avec scandale a cause de l'emeute susdicte et feist pour raison d'icelle justice de Halys de [*lire: cayde*] Hacan et de ses serviteurs comme bon luy sembla, gouvernant depuis cela ses royaumes avec charges et gravesses imposees sans raison, tellement que pour les destruyre l'on n'eust sceu faire davantage, faisant d'aulture part tel traictement aux genissaires et aultres qui y estoient pour le service dudict Grand Seigneur qu'il leur oustoyt non seulement ce qu'ilz avoient acquis et gaigne avec grand dangier, mais encores de leurs payes, et plusieurs aultres aggravations et impositions nouvelles et ausquelles il n'avoit jamais este pense audict pays. De facon que

tout le commun puple [*Sic!*], ne les pouvant porter et endurer, furent contrainctz a cause de ce scandale, que Vostre Royale Haultesse peult penser, de s'en aller [*biffe: devant m<ores?>*] tous les jours de ceste ville et habandonner leurs maisons et heritages.

En ce temps arriva l'ambassadeur de Vostre Royale Haultesse avec vos lettres et mandement du Grand Seigneur pour les vaisseaulx et aultres choses que Vostre Royale Haultesse demandoyt, a ce que vous fussies satisfait ainsi que requiert son service et le vostre, suyvant l'amytie qui est entre vous deux. Toutesfois le mesme baxa usa la dessus a sa volunte, ainsi qu'il avoyt faict en tout le demourant, et non pas comme il devoyt et estoyt oblige, sans pourveoir a aulcune chose, comme, je croy, Vostre Royale Haultesse aura entendu de son ambassadeur. Lequel a son partement d'icy laissa ledict Ma[homet] baxa hors de la ville, se recreant en aulcuns jardoins. Et peu de jours apres le partement de vostredict ambassadeur arriva ung des deux camps qu'il avoyt dehors, et bientost apres l'autre, avec deliberation de petitiz et de grandz de ne plus consentir, ne permectre aulcunement lesdictes aggravations, mais de le lyer et envoyer audict Grand Seigneur. Toutesfois sur ces entrefaictes il se saulva ches ung hermitte qui estoit hors la ville, ou l'on alla en deliberation de le prendre, lyer et envoyer audict Grand Seigneur pour y pourveoir. Cependant il y arriva une [*biffe: arabe*] alarbe qui entra dans ledict hermitage, qui donna audict Ma[homet] baxa force coups de lances tant qu'il en moureut. Et alors tout le peuple, genissaires et la ville eslirent pour le gouvernement ung Alide [*lire: caide*] Yocuf qui estoyt pour lors cappitaine du camp, jusques a ce qu'il y fust aultrement pourveu par ledict Grand Seigneur. Mais il arriva que le plaisir de Dieu fust de le prendre bientost apres. Au moyen de quoy, depuis le XXVIIe avril qu'il moureut et que ces choses succedarent, je fuz nomme pour calife jusques a ce que ledict Grand Seigneur sera adverty, par une gallere que nous luy depeschons, comme toutes choses sont passees, et qu'il y aura pourveu. Suppleant neaultmoings Vostre Royale Haultesse de luy donner avis de tout ce que dessus, parce qu'il en pourra recevoir plustost nouvelles par vous que de ma galliote d'icy. Et cependant je pourvoiray, ainsi qu'il convient pour son service et de Vostre Royale Haultesse, tant au faict des vaisseaulx que aultres choses qu'il vous fault de ses royaumes.

Et sur ce je pry Dieu qu'il veuille garder vostre royale personne en victoyre contre ses ennemys. De Argiers, le XIIe may 1557.

Serviteur de Vostre Serenissime Majeste
Yaya boy, califa di Alger.

Перевод: Высокий и могущественный король, полагаю, что Ваше Королевское Величие* уже знаете о волнении, произведённом в этом городе каидом Хасаном, и о прибытии Мехмед-

паши, посланного в эту страну нашим Великим Господином** для управления ею. Прибыл же он в город с большим шумом из-за выше-названного мятежа, и по этой причине произвел расправу с каидом Хасаном и его слугами, как он счел за лучшее. А затем он стал правителем, налагая без разума всякие тяготы, как будто хотел совсем погубить страну. Он так обращался с янычарами и другими слугами Великого Господина, что отнимал у них не только то, что они добыли с опасностью для жизни, но даже и их жалованье, и вводил всяческие отягощения и новые поборы, о которых здесь раньше никогда и не думали. И весь простой народ был не в силах того стерпеть, и люди, как легко может понять Ваше Королевское Величие, каждодневно бежали из этого города, бросая свои дома и имущество.

В это время прибыл посол Вашего Королевского Величия с вашим письмом и приказом Великого Господина относительно кораблей и прочих просьб Вашего Королевского Величия, дабы Вы были удовлетворены, как того требует его и ваша служба, в духе связующей вас дружбы. Однако названный паша поступил и тут, как и во всем прочем, по своей воле, а не как он был должен и обязан, и ни о чём не позаботился; полагаю, что Ваше Королевское Величие уже знаете об этом от вашего посла. Когда этот посол отъехал отсюда, названный Мехмед-паша был за городом, где он отдыхал в неких садах. И через несколько дней после отъезда вашего посла вернулся один из размещённых им за городом войсковых лагерей, а за ним и другой; все они, малые и великие, решили более не сносить никаких вышеуказанных утеснений, но связать его и отправить к нашему Великому Господину. Он же в это время укрылся у одного отшельника за городом. Туда отправился отряд, дабы взять его, связать и отправить на суд к нашему Великому Господину. Но случилось так, что к этому жилищу отшельника явились некие арабы, которые нанесли названному Мехмед-паше множество ударов копьями, и он умер. А тогда весь народ, янычары и город, избрали правителем некоего каида Юсуфа, который тогда командовал лагерем, в ожидании окончательного решения о том Великого Господина. Однако Аллаху было угодно вскорости взять его к себе. Вот почему, после 27 апреля, когда он умер и все свершилось, я был избран халифой в ожидании решения Великого Господина, которого мы извещаем с посылаемой к нему галерой о том, как все произошло. А тем временем я прошу Ваше Королевское Величие сообщить ему обо всем со своей стороны, ибо может случиться так, что он получит эти новости скорее через Вас, чем с моим галиотом. Я же пока позабочусь, как того требует служба нашего Великого Господина и Вашего Королевского Величия, как о кораблях, так и о прочем, что Вам в этой стране потребно.

Засим молю Аллаха, да сохранит он вашу королевскую особу и даст Вам победу над врагами. Из Алжира, 12 мая 1557.

Слуга Вашего Яснейшего Величества

Яхья-бей, халифа Алжира.

РГАДА. Ф. 81. Т. 53. Л. 63–64.

* Титул «Hautesse» (этимологически равнозначный с титулом принцев «Altesse», «высочество») применялся только к суверенным нехристианским монархам (турецкий султан, иранский шах и др.). Яхья-бей копирует здесь обращение французского короля к его государю. В нашем переводе делается попытка найти средний термин между «величеством» и «высочеством».

** «Grand Seigneur» – обычное французское обозначение турецкого султана.

Итак, перед нами не оригинал документа, но копия с его перевода (правда, перевод мог быть и авторским: Порта, например, посылала к французскому двору письма вместе с их официальными переводами). Незнакомый со словом «каид», копиист транскрибировал его самыми причудливыми способами. Но в целом содержание документа вполне естественно и не вызывает сомнений, хотя и нуждается в некоторых комментариях.

Какое французское посольство посетило Мехмеда Текелерли в последние дни его жизни и чего оно добивалось? К счастью, ответ на этот вопрос дает другой документ из коллекции Ламуаньона, письмо губернатора Прованса графа Танда Генриху II, посланное из Марселя 6 мая 1557 г.¹⁸ Танд сообщает, что он вместе с командующим флотом де Лагардом отправляли к «королю» Алжира галиот с посланием от короля, в котором содержалась просьба о возвращении захваченной алжирцами «галеры покойного барона Сен-Бланкара» и освобождении оказавшихся в алжирском рабстве французских подданных.

То был традиционный повод для жалоб: никакая дружба с алжирскими пашами не могла гарантировать французов от анархии вольного корсарского промысла. Этот галиот вернулся и посланный офицер (его имя не называется) сообщил: хотя паша и заявил, что готов служить королю и даже запретил раисам своего флота захватывать в плен французов, но что касается возвращения именно той галеры, о которой шла речь, то здесь он ничего сделать пока не может. Очевидно, Мехмед-паша не хотел ссориться с корсарами, на которых он опирался в своем противостоянии с янычарским войском, и предпочел оттянуть решение вопроса ссылкой на формальные соображения: соответствующее предписание султана было адресовано ещё не ему, а его предшественнику, требовалось подождать подтверждения. Контакты были очень короткими: в Алжире свирепствовала чума, так что французский галиот даже не входил в порт, оставаясь на внешнем рейде, и обратно, ради предосторожности,

¹⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 5. Л. 2–3.

плыл не напрямую, а вдоль испанского берега, заодно стараясь причинить противнику «столько зла, сколько возможно».

Информация Яхья-бея о фактической стороне событий согласуется с версией, приводимой Аэдо (движение, по его словам, началось не в городе, а в янычарских лагерях за его пределами), но содержит понятные искажения и умолчания, рассчитанные на то, чтобы разрядить ситуацию. Ответственность за убийство паши полностью снимается с мятежников и возлагается на неких кстати появившихся арабов (чего и ожидать от диких бедуинов?). Ничего не сказано об инициативной роли каида Юсуфа (как-никак, прямой предшественник автора!), хотя и упоминается, что он был начальником взбунтовавшегося лагеря. Нет мотива мести за казнь Хасана Корсо, и даже признается его вина в прошлогоднем мятеже. При всем том письмо выдержано в очень достойном тоне, недовольство янычар полностью оправдывается и даже их намерение отправить обратно в Стамбул, закованным в цепи, не полюбившегося им правителя считается вполне законным. Естественно, просьба о заступничестве выражена не прямо, а всем контекстом послания.

Письмо не имело практических последствий. Ещё до того, как Генрих II мог ознакомиться с его содержанием, султан принял своё решение, и оно было именно таким, как желал Яхья-бей. Уже в июне 1557 г. в Алжир с 20 галерами прибыл новый паша. Им был не кто иной, как хорошо знакомый алжирцам их бывший правитель Хасан, сын Хайреддина. Быстрота реакции Сулеймана Великолепного и самый его выбор ясно говорят о понимании им серьёзности положения. Против кандидатуры Хасан-паши были и его давние нелады с французами, и недоброжелательное отношение к нему великого везира Рустем-паши¹⁹. Всем этим Сулейман решил пренебречь, лишь бы поскорее дать Алжиру популярного правителя с определённой «династической легитимностью». Крах диктатуры Мехмеда Текелерли показал невозможность усмирять янычар опираясь на корсаров: первые были лучше организованы.

Не было ни следствия, ни казней. Хасан-паша возобновил угодную янычарам активную внешнюю политику, воевал с Марокко и испанцами, разгромив в 1558 г. войско губерна-

тора Орана у Мостаганема. Чтобы несколько ослабить янычарский диктат, он попытался сблизиться с местным берберским народом кабилы, так что кабилы даже начали входить в город Алжир с оружием. Это очень не понравилось янычарам, которые в 1561 г. сделали именно то, что считал законным за четыре года до того Яхья-бей: сын великого Хайреддина Барбароссы был арестован и в цепях отправлен в Стамбул на суд султана, а управлять Алжиром стали два избранных «халифы». Этого Сулейман уже не мог стерпеть: он объявил Хасан-пашу невиновным, оба «халифы» были вызваны в Стамбул и там обезглавлены. В 1562 г. Хасан в третий раз стал пашой Алжира, где его встречал все тот же Яхья-бей, во второй раз избранный «халифой»: как видно, янычарам снова понадобились его способности умиротворителя, благодаря которым возвращение Хасан-паши обернулось народным праздником. Сын Хайреддина пробыл в Алжире ещё четыре года, в начале 1567 г. был отозван в Стамбул и там через три года в почете умер. В том же 1570 г. Яхья-бей скончался от раны, полученной при осаде Туниса.

Так заявили о своей силе алжирские янычары, которые в следующем веке взяли всю власть в свои руки, оставив присылаемому из Стамбула паше одни лишь декоративные функции. Публикуемый здесь документ является хорошей иллюстрацией как этого процесса, так и давней устремленности французской политики к особому влиянию в Алжире, — фактора достаточно существенного и заметного уже в XVI веке.

¹⁹ Аэдо само назначение Хасан-паши объяснял тем, что Рустема тогда уже не было в живых (*Haëdo D. de. Histoire des rois d'Alger // Revue africaine. 1880. N 143. P. 350*). Это ошибка: великий везир дожил до 1561 г.

ОРЛЕАНСКИЕ ГРАМОТЫ В МОСКВЕ*

Археографическое введение

Настоящая работа представляет собой первый опыт научного исследования той части огромной коллекции П.И. Шукина, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), которая содержит документы по истории Франции XIV–XVIII вв. (ф. 418, «Собрание документов по истории западноевропейских и азиатских стран», 48 связок). Среди них мое внимание привлек большой комплекс нотариальных и судебных актов Орлеанского генеральства XVI–XVIII вв. Он содержит 92 грамоты (ф. 418, д. 7, 15–20, 27); хронологические рамки комплекса 1549–1732 гг. (последний по времени акт стоит особняком: предпоследний датирован 1703 г.); особенно богато представлены документы первой половины XVII в.

подавляющее большинство документов (66 актов) было составлено от имени прево Орлеанского превоства или заменивших их хранителей печатей. Они представляют собой в основном нотариальные акты, составлявшиеся королевскими нотариусами в Орлеане; в меньшей мере — записи судебных решений Превотального суда по частным искам. Основные

темы актов: земельные сделки, продажа жилища, учреждение и подтверждение ипотечных рент, расчеты по долговым обязательствам, раздел наследства и т.п. Особую группу составляет серия из 19 нотариально заверенных актов о сдаче Орлеанским госпиталем в аренду купцам-мясникам выделявшихся ему по жребию мясных лавок (1602–1676 гг.); такие акты также составлялись от имени прево.

Вышестоящие судебные инстанции Орлеанского бальяжа представлены 7 актами (1599–1659 гг.), исходящими от бальи Орлеана, которые утверждали своим авторитетом решения двух судебных трибуналов: старого Бальяжного суда и созданного в 1552 г. Президиального суда бальяжа, обладавшего более широкой компетенцией. Оба этих трибунала имели право принимать апелляции на решения суда превоства, и некоторые наши документы являются копиями приговоров, вынесенных по такого рода искам, ещё в одном акте (1678 г.) титулом бальи Орлеана воспользовался сельский нотариус.

Нижестоящие судебные трибуналы (мелкие превоства, шателении, сеньориальные суды) дают 15 актов за 1583–1699 гг. В этой группе преобладают документы королевской шателении в Роморантене (7 актов 1628–1699 гг.) и ещё трех близких к Роморантену частных сеньориальных судов в шателениях Лаферте-Эмбо, Бринон-сюр-Содр и Тейе — всего 11 актов. Все они входят в судебный округ не Орлеанского, но Блуасского президиала, который в фискальном отношении также был частью Орлеанского генеральства. Расположенные по реке Содр (приток р. Шер, левого притока Луары), они отделены от Орлеана лесистой и заболоченной областью Солонь. Акты «роморантенской» группы связаны между собой в тематическом отношении, повествуя о судьбе нескольких родственных крестьянских кланов; скорее всего, они изначально составляли единый комплекс. Близкие к Орлеану частные сеньориальные трибуналы представлены актами светского суда Орлеанского епископа (1641 г.), сеньориального суда аббатства Сен-Мемен-де-Миси (1662 г.) и сеньориального превоства Энгре (2 акта за 1659 г.).

Наконец, имеются три частных денежных документа; точнее, их, можно сказать, два с половиной, поскольку один из этих актов, датированный 1594 г. (это квитанция об уплате сеньориальных платежей), составлен в архаичной форме «хирографа» (документ разрезали на две части, и каждая сторона получала свою половинку; одна из таких половинок и сохранилась —

* *Небольшая монография, основанная целиком на выявленном мной комплексе орлеанских грамот в Отделе письменных источников Государственного исторического музея [Малов В.Н. Орлеан и его окрестности в XVI–XVIII вв. (по коллекции орлеанских грамот в ОПИ ГИМ). М., 2015. 128 с.] и напечатанная минимальным тиражом 150 экз. без поступления в открытую продажу, в настоящем сборнике представлена двумя фрагментами: а) первые две главки книги, объединённые под названием «Археографическое введение»; б) текст моего выступления на одной из научных конференций, целью которого было показать значимость данного комплекса для понимания крупных исторических проблем.*

Д. 18. Л. 53). Два долговых обязательства (1651 и 1656 гг.) были даны виноградарем Мишелем Арро. Все эти документы завизированы орлеанскими нотариусами.

Какова же была судьба наших актов до того, как они попали в коллекцию Шукина?

Все они являются так называемыми гроссами – копиями официальных актов, исполнявшимися достаточно разборчивым почерком и заверявшимися нотариусом. Гроссы изготавливались за плату и выдавались на руки заинтересованным лицам. Например, если некто брал деньги в долг и обязался за это платить ежегодную ренту (по официальной терминологии, он «продавал ренту») – гросса данного нотариального акта выдавалась кредитору. Как правило, за изготовление гроссы платил должник (но, в порядке снисхождения, мог заплатить и кредитор). Кредитор же получал и гроссы подтверждающих рентное обязательство грамот, когда такие подтверждения выдавались наследниками должника (что было особенно важно, если рента, как это часто бывало, выплачивалась неаккуратно). Если же рента погашалась (т.е. если кредитору или его наследникам, или тем лицам, которые купили право на получение данной ренты, выплачивалась наличными та сумма, которая была дана в долг первым кредитором первому должнику), вся связанная с этой рентой документация возвращалась выкупившим её наследникам обязательства первого должника, о чём делалась помета на выданной им же гроссе акта о погашении долга. При покупке недвижимости гроссу получал покупатель. Если речь шла о копии судебного решения, она могла быть выдана адвокату (по тогдашней терминологии, «прокурору») одной из сторон. Так образовывались небольшие группы тематически объединенных актов частного хранения.

Но таких групп в нашей «орлеанской коллекции» много. Как могли они собраться вместе? Очевидно, надо обратиться ко времени организации в Орлеане департаментского архива при префектуре после того, как во второй год Великой французской революции, в 1790 г., был создан департамент Луаре. Унаследовав архивы дореволюционных учреждений, орлеанские чиновники принялись и за поиски копий старых актов в частных хранилищах. Судя по сохранившимся записям, их интересовали документальные подтверждения прав собственности на недвижимость и ренты, прецеденты решения процедурных вопросов. Имеется запись с датой – о некоей ренте,

подтверждённой одним орлеанским нотариусом 21 жерминала VIII года Республики (11 апреля 1800 г.; д. 16, л. 11). При всем том эта работа велась, очевидно, достаточно бессистемно. Старые нотариальные регистры хранились у нотариусов и не подлежали обязательной передаче в департаментский архив.

Вплоть до 1830-х гг. состояние архива было плачевным. Он непосредственно подчинялся префектуре департамента, которая отвергала предложения тратить деньги на реорганизацию архивного дела. Более того, «додумались продавать множество старых бумаг, сочтённых бесполезными, а вырученные деньги шли на содержание одного служащего»¹. Понятно, что в первую очередь на продажу шли те самые разрозненные гроссы старых актов из частных домов, приобретающиеся по случаю. Их мог купить кто угодно и отвезти куда угодно. Видимо, не случайно среди наших документов имеется 9 дефектных экземпляров с характерным изъятием средних листов. Достаточно обширные гроссы изготавливались в форме тетради и их средние листы легко могли быть изъяты для продажи невзыскательным коллекционерам. Только в 1833 г. департаментский архив возглавил постоянный архивист, независимый от префектуры, и началась большая работа по упорядочению архивных фондов.

А в 1842 г. в санкт-петербургской «Литературной Газете» появилось сообщение о неких находящихся в русской частной коллекции орлеанских грамотах. Их владельцем был человек, от которого, казалось бы, трудно было этого ожидать – не путешествующий дворянин, не торгующий с границей купец, но сын православного священника с фамилией явно семинарского происхождения, ставший государственным служащим, надворным советником и столоначальником департамента уделов, никогда не бывавший за границей Платон Яковлевич Актов (1797–1842)².

Он был сыном священника из г. Нерехты о. Якова Нерехотского. После окончания в 1816 г. Костромской семинарии был восемь лет учителем и инспектором духовного уездного учили-

¹ *Cornède M. Historique des Archives du Loiret // Guide des Archives du Loiret. Fonds antérieurs à 1940 / Préparé et rédigé par H. Charnier, R. Cleyet-Michaud, M. Cornède, D. Farcis; préf. par J. Rochet, K. Malcot. Orléans, 1982. P. 10.*

² См.: *Берков П.Н. П.Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. XIV. М.: Л., 1958. С. 637–643.*

ща в Макарьеве-на Унге. Затем оставил духовное ведомство, некоторое время служил в Туле, в 1838 г. переведен в Петербург.

21 июня 1842 г. П. Я. Актов поместил в «Литературной Газете» «Известие для библиофилов», объявив о своем намерении продать при посредничестве газеты свою библиотеку, целиком или по частям. Чувствовал ли коллекционер приближение смерти? Не прошло и месяца, как та же «Литературная Газета» известила читателей (19 июля) о скоропостижной кончине надворного советника Актова и о том, что вся его библиотека продается наследниками. Там же был помещен составленный покойным краткий перечень рукописных и старопечатных материалов его коллекции, где и были упомянуты, среди немногочисленных западных рукописей, «на французском языке подлинные парижские и орлеанские акты 14: судебные процессы, контракты и другие записи нотариальные 1618–1701 гг.»³.

Разумеется, коллекционер мог быть неточен. В коллекции Щукина есть только одна аналогичная парижская грамота: акт королевского превотства Шатле от 18 августа 1667 г. (ф. 418, д. 10): гросса нотариального акта 1662 г., посвящённого решению суда по частным долговым обязательствам. К тому же нет доводов в пользу общей архивистской судьбы этого единичного акта и орлеанских грамот: его первоначальный «щукинский» шифр в ОПИ ГИМ – Щ-948, тогда как 88 из 92 орлеанских грамот (ф. 418, д. 15–20) объединены одним шифром Щ-465. Можно предположить ошибку коллекционера – может быть, объяснимую тем, что некоторые судьи сеньориальных судов не забывали в первую очередь упомянуть о своем статусе адвокатов при Парижском парламенте.

Поскольку орлеанские акты, попавшие в коллекцию Щукина, как сказано выше, не были пронумерованы поодиночке, естественно допустить, что так же обстояло дело и с грамотами коллекции Актова и что приводимая им цифра «14» относится не к отдельным грамотам, а к папкам, по которым они были разложены.

Наконец, указанные в «Литературной Газете» хронологические рамки орлеанской коллекции Актова (1618–1701 гг.) уже, чем в коллекции Щукина: за пределами этих рамок остаются 21 более ранний и 2 более поздних документа ОПИ ГИМ. В этой ошибке, конечно, нет ничего удивительного – существенней

³ Там же. С. 639.

то, что в составе нашей группы орлеанских грамот действительно имеются акты как 1618 г. (д. 17, л. 11–12, 13–14), так и 1701 г. (д. 27, л. 1–3). Что же касается общей характеристики документов, то она в каталоге Актова абсолютно точна.

После смерти Актова орлеанские грамоты его коллекции пропадают из нашего поля зрения. Не исключено (но не доказано), что они были куплены графом С.Г. Строгановым (1794–1882) для своей большой библиотеки (о составе которой сведений почти не сохранилось) и после кончины не оставившего прямых наследников старого графа попали к Щукину.

В 1905 г. П.И. Щукин передал свой «Музей российских древностей» на Малой Грузинской улице в дар Историческому музею; в 1912 г., после смерти коллекционера, на базе его музея был организован Отдел письменных источников ГИМ⁴.

* * *

Исследование сохранившихся за пределами Франции орлеанских грамот приобрело особое значение после катастрофы, постигшей Орлеан во время Второй мировой войны. В июне 1940 г., за неделю до падения Парижа, немецкая авиация интенсивно бомбила Орлеан, а затем несколько дней бушевал пожар, который некому было тушить. Выгорела вся юго-западная часть старого центра, где находилось здание департаментского архива; сгорели почти все документы по дореволюционной истории. В частности, погибли особо важные для нашей темы документы серии В (фонды дореволюционных судебных учреждений): из 3 415 единиц хранения основной серии сохранилась лишь одна папка; из 161 единицы хранения дополнительной серии (В supplément) осталось после пожара только 12.

В настоящее время в департаментском архиве Луаре (далее – ADL) эпоха Старого порядка представлена практически одними регистрами нотариальных «минут», поступившими туда после окончания войны; ранее они находились в частном владении у наследников и продолжателей дела старых нотариусов.

Только в 1928 г. во Франции был принят закон, обязавший передавать в департаментские архивы все регистры нотариаль-

⁴ См.: Горбушина Н.В. П.И. Щукин и его документальная коллекция // Письменные источники в собрании Государственного исторического музея: материалы по истории культуры и науки России. Ч. 2. М., 1993. С. 119–133.

ных «минут» 125-летней давности. Нотариальные регистры, переданные в орлеанский архив перед войной, погибли, разделив общую участь, но передача новых регистров происходила и после войны: в вышеупомянутом путеводителе по архиву, изданном в 1982 г., названы три больших послевоенных поступления, каждое из которых объединяет несколько фондов дореволюционных нотариальных контор, или отдельные фрагменты таких фондов. Таковы названные по имени последних обладателей: Millard 1572–1815 гг.: ADL 3E 3633–4179; Lestang–Bord 1572–1838 гг.: ADL 3E 6501–6889; Fauchon 1385–1841 гг.: ADL 3E 10124–11346. Кроме того, в поступлении Auvinet–Peutavin, в основном посвящённом документам XIX в., сохранилось вкрапление в три единицы хранения за 1605–1606 гг. (ADL 3E 19917–19919): регистры нотариуса Жака Сула (Soulas). Сведения о более поздних поступлениях старых нотариальных регистров в ADL у меня отсутствуют.

Орлеанские архивисты проделали огромную работу, восстановив «династическую» историю 33 крупнейших нотариальных контор (études), основание которых восходит нередко к концу XV – началу XVI в. (один раз даже к 1385 г.)⁵; зафиксировано также существование нескольких десятков эфемерных нотариальных контор, хозяева которых могли быть клиентами патронов из больших контор. В ADL имеется и алфавитный список орлеанских нотариусов.

К сожалению, в подавляющем большинстве случаев графа архивистского указателя о современном месте хранения регистров старых нотариусов заполнена пометами «погибли в 1940 г.». Применительно к нашей московской коллекции ситуация выглядит следующим образом. Наши гроссы содержат подписи 38 орлеанских нотариусов и упоминания ещё о 16 их коллегах. От этих 54 персонажей, согласно орлеанскому указателю, сохранились «минуты» лишь 11 нотариусов, регистры остальных 43 (80%) погибли в 1940 г.

Задача, стоявшая передо мною при работе в ADL, была ещё более конкретной. Московская коллекция содержит 11 дефектных гросс актов орлеанских нотариусов с большими лакунами (в основном с выпадением средних листов), и можно было надеяться заполнить эти лакуны с помощью «минут» нота-

⁵ См. фототипическое издание: Archives notariales d'Orléans. Guide de recherches. Juin 2003. Orléans, 2003.

риальных регистров, если бы такие сохранились. Однако из этих одиннадцати попыток удалось только две. Акт нотариуса Никола Гинана, первоначально датированный 4 ноября 1610 г. (д. 16, л. 29 – 30; ADL 3E 6614), был весьма удачно дополнен существенными сведениями при подправлении даты на 1610 – 1613 гг. (наша гросса оказалась сводкой из нескольких актов). Был также дополнен акт нотариуса Анри Жербо от 6 сентября 1629 г. (д. 16, л. 44 – 45; ADL 3E 6665); правда, сам по себе текст мало интересен. «Минуты» остальных девяти дефектных актов погибли в 1940 г. (те же 80% потерь), и их полные тексты приходится считать невозможными.

*Ипотечная рента и проблема устойчивости крестьянской собственности в области Орлеан (XVI–XVIII вв.)***

Из разнообразной тематики наших документов я остановлюсь лишь на одной теме, представленной большим количеством грамот, а именно на проблеме распространённости ипотечной ренты и значении этого феномена для судеб крестьянской собственности.

До сих пор у нас преобладало представление о том, что естественным следствием задолженности крестьянина по ипотечной ренте было его разорение, потеря им своей земли в пользу кредитора, который таким образом осуществлял собирание по кусочкам земельных участков и создавал рационально устроенный аграрный комплекс, крупное фермерское хозяйство. «Как правило, ипотеки заканчивались отчуждением крестьянской земли в пользу кредитора», — пишет А.Д. Люблинская в посвящённой землям Парижского бассейна главе своей книги о французском крестьянстве⁶. Такая оценка оправдывалась в тех случаях, когда создание крупных фермерских хозяйств действительно было рентабельным, но не всегда было так. Односторонность этой оценки состоит в том, что она упускает из виду активность самого крестьянина, его разумность не только как агронома, но и как цепкого и хитрого хозяйственника, для

** Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 86–96.

⁶ Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI – XVIII вв. Л., 1978. С. 38.

которого внешние займы были средством привлечения инвестиций в свое скромное хозяйство.

Прежде чем перейти к дальнейшим рассуждениям, напомним важнейший тезис А.Д. Люблинской о том, что пестрота аграрного строя Франции «обязывает точно локализовать все явления и соблюдать осторожность при обобщениях»⁷.

Итак, область Орлеанэ — плодородные земли по обоим берегам Луары, в непосредственной близости от Орлеана, издавна славившиеся своим виноделием. Картина густо заселённого сельского пейзажа — система «открытых длинных полей» с трехпольным севооборотом, принудительным выпасом по жнивью и пару и зарезервированными для виноградников многочисленными огороженными участками (*cloux*), каждый из которых был разделен между несколькими крестьянскими семьями. На полях озимого клина сеяли пшеницу. Нехватка общинных земель отчасти компенсировалась наличием лесов, большой Орлеанский лес был одним из самых известных во Франции. Непосредственно к северу от Орлеанэ находилась богатая земледельческая область Бос с центром в Шартре, житница всего региона, где скупали земли и создавали крупные фермы орлеанские буржуа⁸. Важнейшим полем капиталовложений для орлеанских купцов было участие в луарской речной торговле: издавна существовала очень влиятельная Корпорация луарской торговли, объединявшая 17 городов от низовья до верховья Луарского бассейна, и возглавляли её именно купцы из Орлеана⁹. Орлеан был городом богатых купцов, юристов и нотариусов (вспомним о знаменитом Орлеанском университете), и крестьянам из Орлеанэ было легко найти среди них кредиторов.

Распространение в крестьянской среде ипотечной ренты было связано с дроблением крестьянских хозяйств вследствие уравнительного раздела наследства.

Как и другие французские кутюмы, Орлеанская кутюма проводила четкое различие между принципами наследования дворянских и ротюрных имуществ; это различие гарантировало первые от чрезмерного дробления и отказывало вторым в таких гарантиях. При наследовании феодальных владений в Орлеанэ

⁷ Там же. С. 243.

⁸ Constant J.-M. La propriété et le problème de la constitution des fermes sur les censeives en Beauce aux XVIe et XVIIe siècles // Revue historique. 1973. N 506. P. 353–376.

⁹ Mantellier Ph. Histoire de la communauté des marchands fréquentant la rivière de Loire et fleuves descendant en icelle. T. I-II. Orléans, 1864–1867.

старший сын получал, помимо манориального дома с двором, такую же долю в разделе, как и все его младшие братья и сестры вместе взятые¹⁰.

Но при наследовании имуществ ротюрье — будь они крестьяне или буржуа — господствовал принцип равенства. «Принцип нашей кутюмы (ст. 273), — пишет её авторитетнейший комментатор Р.Ж. Потье, — состоит в том, что ни отец, ни мать, ни другие предки (*ascendants*) не могут, когда дело дойдет до наследования, оказать предпочтение одному из детей перед другими»¹¹. Другая статья кутюмы (ст. 287) прямо запрещала распределять наследство по завещанию. Если же дарение одному из детей или внуков было совершено отцом семейства независимо от завещания (например, сыну при его вступлении в брак), то получивший дарение имел право оставить его при себе только отказавшись от участия в разделе всего отцовского наследства. В противном случае он должен был вернуть полученное для равного раздела между всеми наследниками.

Дробление недвижимости усугублялось тем, что раздел осуществлялся на основе полного равенства между мужчинами и женщинами. В этом Орлеанская кутюма отличалась от Нормандской: в Нормандии недвижимость делилась поровну только между сыновьями покойного, дочери же довольствовались движимостью, а определенную недвижимость могли получить от братьев только после вступления в брак, в размере не более трети того, что досталось всем братьям¹².

Прекрасную иллюстрацию того, как осуществлялся раздел наследства в крестьянском мире дает наш акт 1549 г. (ОПИ ГИМ, ф. 418, д. 19, л. 1–15). Речь шла о судьбе наследства покойной четы Никола Шевийона и Катрин Шампенуа, живших в деревне Ла Гру (приход Шенжи, сеньория Сен-Мен-де-Миси).

Распределение наследства было очень сложным делом. Вначале требовалось разделить все недвижимые объекты наследования на восемь, по числу наследников (3 сына и 5 дочерей) примерно равных по ценности лотов. А поскольку абсолютного равенства все же не получалось, нужно было определить

¹⁰ Pothier R.J. Coutumes des duché, bailliage et prévôté d'Orléans. T. I. Paris, 1776. P. 518.

¹¹ Ibid. T. II. P. 181.

¹² Червоная Т.М. Феодальные отношения во Франции (из курса истории Средних веков). Методические указания к практическим занятиям по тексту Нормандской кутюмы XVI в. Горький, 1989. С. 24–25.

размер денежных компенсаций, каковы одни лоты должны были выплатить другим. Вся эта трудоемкая работа исполнялась особой комиссией с привлечением экспертов из Орлеана (присяжный землемер, два мастера каменщика, два мастера плотника) и в присутствии орлеанского нотариуса Жюльена Сегуэна; в комиссии участвовали и два односельчанина, виноградарь и пахарь. Затем оставалось произвести жеребьевку между наследниками.

Подлежащее разделу наследство было обширным и крайне раздробленным. Чета Шевийонов владела 19 пахотными и 46 винодельческими участками. Общая площадь первых составляла примерно 70 арпанов (около 25 гектаров), вторых — 20 арпанов. Условия раздела воспроизводят эту дробность: каждый из наследников стал обладателем от 13 до 22 объектов наследования. В их число входили также 6 жилых и несколько хозяйственных строений (погреб, гумно, конюшня, овчарня, крытый винодельческий пресс).

Ипотечные ренты считались недвижимостью и, безусловно, должны были учитываться при разделе наследства. Тем примечательнее тот факт, что только в один лот было включено право на получение небольшой ренты (1,5 турецких ливра в год) с участка в четверть арпана, принадлежащего одной вдове, соседке по деревне. Сами Шевийоны ренты никому не платили. Создается впечатление, что эти крепкие, самодостаточные хозяева испытывали недоверие к кредитным отношениям и старались в них не вовлекаться. Учреждение рент было возможным способом выплаты связанных с принципом равенства наследования компенсаций — но в нашем акте об этом ничего не сказано. Видимо, компенсации в кругу наследников Шевийона производились наличными при разделе общей родительской «кубышки».

Раздробление крестьянских хозяйств способствовало их специализации в XVII веке на виноградарстве. Для этого требовалось меньше земли, да и сбыт, благодаря близости постоянно растущего Парижа, был обеспечен. Для орлеанских крестьян виноделие стало средством выжить. Под виноградники шли пустоши, вырубался лес.

О насаждении виноградника на большом участке пустоши свидетельствует один из наших документов 1632 г. (д. 17, л. 1–6). Инициатором данной операции был Флоран Потье, съёр де Л'Эспер, выходец из высшего слоя орлеанского купечества, некогда возглавлявший постоянный комитет Корпорации луар-

ской торговли, а затем приобретший сеньорию. Итак, в 1629 г. он сдал в аренду группе из восьми виноградарей большой участок заброшенной земли, расположенный одним куском в 4 арпана в *cloux de Rau*, приход Шенжи. Размер арендной платы был определен тогда в 18 ливров 15 су в год, и от виноградарей требовалось засадить доставшуюся им пустошь виноградником. Таким образом, речь шла об аренде на праве эмпфитевзиса, когда собственник мог отобрать землю у нерадивых арендаторов. В данном случае нерадивости не было, через два года земля была покрыта побегами виноградной лозы, — но крестьяне не желали быть просто арендаторами, они хотели превратиться в настоящих цензитариев и подали о том иск в сеньориальный суд Сен-Меман-де-Миси, а арендной платы до исхода своего дела не вносили. 10 января 1632 г. бальи сеньориального суда вынес решение в пользу крестьян, и съёр де Л'Эспер пришлось подчиниться. Нотариальный акт от 24 января 1632 г. провозгласил восемь виноградарей «истинными сеньорами и обладателями земли (*vrais seigneurs, acteurs, procureurs et demandeurs*), как если бы то была их собственность по праву приобретённая». Это означало фактическую покупку ими земли в форме учреждения ренты, причём размер ренты в точности соответствовал установленной в 1629 г. арендной плате: те же 18 ливров 15 су в год, разделённых на 8 человек. Формально такая ипотечная рента рассматривалась как процент по займу, данному не деньгами, но натурой (стоимость участка была оценена в 300 ливров). За это приобретение крестьяне не платили никакого первоначального взноса (как было бы при способе покупки в рассрочку), зато и рента была в принципе вечной, она не засчитывалась в счет погашения основной суммы долга. Полную расплату по долгу можно было произвести только единовременно, и здесь французское обычное право давало преимущество должникам: кредитор не мог принудить должника к возврату всего долга, если тот аккуратно платил ренту, должник же мог погасить свой долг в любой момент, когда это было ему выгодно (например, при обесценении денег), невзирая на нежелание кредитора.

Что же выиграли крестьяне, превратившиеся из арендаторов в цензитариев? Возможность учреждать новые ипотечные ренты, свободно брать в долг под залог имущества — такое право имели только собственники-цензитарии, но не арендаторы-эмпфитевты. Это была свобода привлекать в свое хозяйство инвестиции со стороны ради расширения производства, усо-

вершенствования инвентаря и т.п. Правда, Орлеанская кутюма требовала при учреждении ипотечной ренты платить определённый побор цензуальному сеньору (что было логично: обременённая рентой цензива теряла в цене), и ещё в XVIII в. Р.Ж. Потье утверждал: «Контракты по учреждению рент рассматриваются <...> как сходные с продажей и дают основание для дохода [сеньора] от продажи»¹³. Но в реальности в Орлеанэ это требование не соблюдалось: ни в одном из наших актов об учреждении ипотечной ренты имя цензуального сеньора вообще не упоминается, каждый цензитарий считал себя достаточно «сеньором», чтобы брать в долг у кого угодно.

У крестьян были возможности затягивать выплату ренты, пользуясь тем, что вернуть ссуженные деньги у неплательщика было далеко не просто. Если рента была гарантирована всем имуществом крестьянина, то требование кредитора к неаккуратному плательщику ренты о возврате всей суммы долга, если должник признавал неспособность его удовлетворить, запускало в действие механизм общего банкротства должника через судебную процедуру. Нельзя было добиваться возврата денег только себе, поскольку у банкрота могли быть и другие заимодавцы, и в этом следовало разобраться. Решившийся на такой шаг кредитор должен был обратиться в суд по месту жительства должника и получал от суда «комиссию» на проведение за свой счет достаточно дорогостоящих акций (как видно, принцип «инициатива наказуема» действовал и в то время): организацию нескольких устных и письменных оповещений, проведение аукциона на имущество банкрота. Оплата претензий всех кредиторов, равно как и организационных расходов заимодавца-инициатора, производилась судом из суммы, полученной от аукциона — а будет ли она достаточной, никто не мог гарантировать. В общем, кредитору надо было подумать, «стоит ли овчинка выделки», и по большей части заимодавцы выбирали тактику медленного выжимания денег у неаккуратных плательщиков, иногда продавая свои ренты тем лицам, у кого было для этого больше возможностей.

Получившие землю восемь виноградарей разделили её поровну, каждому достался участок примерно в 0,5 арпана. По крайней мере, один из них, Жан Дюмон вскоре (год точно не известен) воспользовался своим правом учреждать новую

ипотечную ренту, взяв в долг 50 ливров из 5% годовых у одной вдовы, буржуазки Орлеана. С 1638 г. Дюмон не стал выплачивать эту ренту, и к концу 1651 г. недоимки за 14 лет достигли 35 ливров. Эту неаккуратность, скорее всего, можно связать с усилением налогового гнета на крестьянство после вступления Франции в 1635 г. в Тридцатилетнюю войну. Королевская талья, понятно, выплачивалась в первую очередь. Но свою долю в коллективной ренте за 4 арпана земли Дюмон продолжал вносить, эта выплата была обеспечена принципом круговой поруки и уклониться от нее было нелегко. В декабре 1651 г. он продал свой участок другому виноградарю из того же прихода, и тот погасил в рассрочку недоимки по частной ренте своего предшественника, добившись от её получателей скидки по долгу с 35 до 30 ливров.

Община виноградарей продолжала возделывать большой виноградник в 4 арпана в *cloux de Rau*, выплачивая коллективную ренту. Сменялись поколения, дробились и объединялись участки, появлялись новые собственники, купившие земли старых, — и новый собственник оформлял нотариальный акт о признании им коллективной ренты в 18 ливров 15 су и своем участии в её выплате. Традиции соседской общины долго сохранялись в коллективной памяти.

Чрезмерная специализация на виноградарстве вплоть до превращения винограда в монокультуру была связана с определённым риском. Виноградарям приходилось закупать для себя продовольствие, а между тем середина XVII века в Северной Франции ознаменовалась двумя острыми продовольственными кризисами. Пик дороговизны хлебных цен в 1649/50 — 1651/2 урожайных годах был связан с разорением деревни в годы Фронды, а затем, после десятилетней передышки, последовал страшный голод 1661/2 г., особенно сильный именно в прилуарских землях. Именно с этими кризисами был связан подробно описанный в одном из наших актов (д. 15, л. 1–67) процесс разорения виноградаря из прихода Шенжи Никола Понтонна.

Его благосостояние очень сильно подорвал уже продовольственный кризис времен Фронды: 29 ноября 1652 г. сеньориальный суд зафиксировал, что основная сумма его долга орлеанскому купцу Жану Жаррону за поставленные продовольственные товары составляла 400 ливров. Ежегодные выплаты по этому долгу превышали 22 ливра, но Никола все же некоторое время удавалось их исправно выплачивать, продолжая брать деньги в долг у Жаррона.

¹³ *Pothier R.J.* Op. cit. Т. I. P. 359.

У него был упорный характер, и он старался выйти из кризиса, расширяя свое производство. В 1654 г. он сам стал получателем ренты в 20 ливров в год от Этьена Понтонна (своего брата?), которому он уступил некоторые свои участки вместе с винодельческим прессом; капитал этого долга был оценен в 400 ливров. Отдавая свой старый пресс, Никола имел в виду приобретение нового, мощного пресса. Им в его деревне Ла Гру владел другой орлеанский купец Жан Оврэ, вместе с четвертью большого амбара, где этот пресс и помещался. 7 февраля 1654 г. Понтонн купил у Оврэ его часть амбара с прессом, учредив в его пользу ренту в 7,5 ливров (5% от цены в 150 ливров). Этот пресс описан в судебном акте как особо ценное достояние Никола: он был двухвальным, двухколесным, с пятью сливными отверстиями для сока разного качества. Аналогичный пресс XVII века сохранился до наших дней в замке Тальси (область Бос); двое работников приводили в движение винт пресса, перебираясь по спицам больших вертикально поставленных колёс на манер белок, и могли за один сеанс получить десять бочек виноградного сока.

30 ноября того же 1654 г., взяв в долг у Оврэ 150 ливров, Никола купил вторую половину своего дома (ранее ему, по разделу отцовского наследства, принадлежала только одна половина); Оврэ должен был стать получателем ещё одной ренты в 7,5 ливров. Должен был – но не стал: прибегнув к привычной крестьянской «экономии», Понтонн с самого начала «забывал» выплачивать орлеанцу обе его ренты, и к концу 1661 г. недоимки по ним за 8 лет достигли 120 ливров.

15 января 1656 г. Никола приобрел остальную часть амбара, где стоял его пресс, заплатив 180 ливров; его хозяйство явно расширялось. Правда, лично он внес в счет уплаты только 20 ливров, а остальные 160 ливров взял в долг у третьего кредитора, мэтра Франсуа Шевийяра, кюре прихода Сен-Жермен в Орлеане. Этот священнослужитель и стал получателем ежегодной ренты в 8 ливров 19 су; на этот раз Понтонн (из уважения к духовному лицу?) платил ренту аккуратно и претензий по недоимкам к нему не предъявлялось. Примечательно, что Никола не стал обращаться к кюре своего прихода Шенжи (им был сын орлеанского купца Жак Тексье) – вероятно, не желая, чтобы слухи о его задолженности стали слишком гласными. Заем у Шевийяра вначале был как раз негласным и только 27 ноября 1659 г. был официально оформлен.

Кризис хозяйства обозначился к концу 1658 г. С этого времени Понтонн перестал платить ренту своему основному кредитору Жаррону – ренту, гарантированную всем его имуществом. К концу 1661 г. основная сумма долга Жаррону превышала 1060 ливров, недоимки за четыре года составляли около 240 ливров.

В последние месяцы голодного 1661 года скончался Никола Понтонн. После него осталась с детьми вдова; старший сын ещё не достиг юридического совершеннолетия (25 лет) и, видимо, не вызывал доверия как хозяин, способный поправить отцовское дело. 16 ноября 1661 г. Жаррон подал иск в сеньориальный суд, требуя от вдовы полной оплаты ему всех долгов и недоимок, всего на 1300 ливров. После отказа вдовы на все имущество покойного был наложен секвестр, Жаррон получил «комиссию» на организацию оповещений о предстоящем аукционе, и была составлена опись недвижимости обанкротившегося семейства. Согласно этой описи, кроме упомянутых выше жилого дома и амбара с винодельческим прессом, а также ренты в 20 ливров от вдовы Этьена Понтонна, Никола владел 34 винодельческими и 17 пустующими участками, общей площадью около 7 арпанов. Пахотных участков не было вовсе, хозяйство было чисто винодельческим.

К сожалению, об итогах аукциона наш документ сообщает лишь вкратце. Известно только, что все имущество банкрота было куплено адвокатом («прокурором») Жаррона мэтром Гийомом Дюмустье. За дом он выплатил 500 ливров, но цена всего его приобретения остается неизвестной.

В целом надо сказать, что подробно описанный выше казус Никола Понтонна выглядит скорее исключением: его задолженность была слишком большой, когда он скончался, не оставив надежного наследника. Судя по записям на гроссах, ипотечные ренты существовали долго, постоянно подтверждались и продавались, меняя плательщиков и получателей. Представление об их роковом значении для разорения крестьянства в том, что касается Орлеанэ, надо считать неоправданным.

Сравнительный статистический анализ актов 1549 и 1662 гг. свидетельствует о проникновении в первой половине XVII в. орлеанских капиталов в винодельческое хозяйство прихода Шенжи – проникновении существенном, но не столь сильном, как можно было бы предположить, и не связанном с укрупнением земельных участков, которое в виноградарстве не имело бы особой перспективы. Между тем этот приход по своей бли-

зости к Орлеану принадлежал к числу наиболее привлекательных для такого рода капиталовложений. Однако надо учесть, что у буржуа Орлеана были другие возможности инвестиций: скупка земель в Босе или участие в луарской речной торговле.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК: регистры дарений Карла IX*

В декабре 1809 г. молодой статский советник Александр Сердобин, проживавший в Париже на рю де Прованс в отеле Телюссон (иными словами, в здании российского посольства) радовался удачной покупке. Ему удалось приобрести три рукописи в старинных пергаментных переплетах, которые он тут же определил как «указы Карола IX, короля французского». Имя продавца остается нам неизвестным, зато покупатель позаботился сохранить о себе память, расписавшись на каждом из манускриптов («Александр Большой Сердобин, рыцарь странноприимного и военного чина Святого Иоанна Иерусалимского, статский советник, бывший Малороссийской Полтавской губернии Казённой палаты советник») и продублировав эту же надпись на французском языке. Странная запись, соединившая гордый титул мальтийского кавалера с воспоминанием о былом прозябании в каком-то губернском присутственном месте. Можно было бы предположить, что молодой человек гордится достигнутой вершиной карьеры, если бы не знать, что он не мог относить свои успехи на счет собственных талантов.

Ибо было обстоятельство, обойдённое молчанием в записи: статский советник был незаконным сыном знаменитого «бриллиантового князя», большого любителя женщин и роскоши Александра Борисовича Куракина (1752–1818), бывшего вице-канцлера Российской империи, а тогдашнего посла России во Франции. У Александра Сердобина были братья и сестры (младшего брата тоже звали Александром, оттого старший и назывался Александром Большим), все они именовались Сердобинными (от Сердобского уезда Саратовской губернии, где находилось

* Французский ежегодник 2001. М., 2001. С. 89–96; Les registres moscovites des dons de Charles IX // Études sur l'ancienne France offertes en hommage à Michel Antoine / Textes réunis par B. Barbiche et Y.-M. Bercé. Paris, 2003. P. 235–242.

имение Куракина Надеждино), а по отчеству почему-то Николаевичами. Князь Александр Борисович говорил о них всего лишь как о «воспитанниках» («mes pupilles»), но озаботился раздобыть для сыновей мальтийские кресты и достоинство баронов Священной Римской империи¹. Так что молодого барона и кавалера скорее посетили мысли о превратности человеческих судеб.

Начал он службу в январе 1797 г., когда был определен юнкером в Коллегию иностранных дел (Александр Меньшой в 1806 г. получил этот чин в 15-летнем возрасте, так что можно полагать, что и Александру Большому в 1797 г. было примерно столько же лет), но в апреле 1798 г. был за что-то уволен из этого ведомства (что же – нелюбезный Павел I вполне мог за какую-нибудь юношескую шалость прогневаться даже на сына своего друга и вице-канцлера, который, впрочем, и сам вскоре попал в опалу). Тогда-то он, очевидно, и отсиживался в Полтаве почти три года, и лишь за месяц до гибели своенравного императора, в феврале 1801 г. вместе с отцом вернулся в милость, снова был причислен к Коллегии иностранных дел сразу в чине коллежского асессора, а затем уже чины шли своим чередом: надворный советник (1802 г.), коллежский советник (1806 г.), а к 1809 г. уже и статский советник. Но дойдя до коллежского советника, молодой дипломат почему-то не пожелал долее служить отечеству на поприще внешней политики и был переведен в тишайший Департамент герольдии. И так, он жил при отце в Париже без особых забот, вероятно, до самого 1812 года². Жизнь его оказалась недолгой, он умер летом 1816 г. в Пензе.

А французские рукописи, естественно, перешли в архив Куракиных (им одно время владел самый младший из братьев Сердобиных Михаил) и хранились в селе Надеждине, а после революции оказались в Государственном историческом музее, где и были случайно обнаружены автором этих строк при обследовании фонда А.Б. Куракина. О них и пойдёт речь ниже.

* * *

¹ Сведения об А.Н. Сердобине см.: Русский архив. 1868. Кн. I. С. 24; 1880. Кн. III. С. 267; 1882, Кн. III. Прил. 371; Русская старина. 1897. № 12. С. 540, а также в персональной картотеке служащих МИД в АВПРИ.

² В Пушкинском Доме (2840 / XII С. 3) сохранился автограф А.Н. Сердобина, датированный Парижем, 3(15) ноября 1810 г., через год после покупки. Это несколько коротких стихов любовного содержания на французском, русском, латинском, украинском (! – и тут память о полтавском сидении), итальянском и древнегреческом языках.

Все три рукописных сборника, числящиеся одной единицей хранения³, однородны по своему характеру. Каждый из них имеет заглавие: «Dons» («Дарения») или «Rolle des dons» («Список дарений») и указание на период (вторые полугодия 1564, 1566 и 1567 гг.). Каждый сборник состоит из отдельных листков с краткими записями решений о дарениях, которые были приняты Королевским советом. Каждый из этих листков озаглавлен: «Roole d'aucunes expeditions commandees par le Roy» («Список некоторых подлежащих экспедированию документов, согласно распоряжению короля»), имеет подпись Карла IX и практически всегда заверен подписью одного из государственных секретарей с его парафом, перед которой стоит дата соответствующего заседания Королевского совета («Leu» или «Leu au Conseil» такого-то числа, месяца и года).

Нередки случаи, когда после записи о том или ином дарении стоит иная дата (число и месяц), всегда более ранняя, чем дата заседания Совета. Очевидно, имеется в виду дата отданного государственному секретарю предварительного устного распоряжения.

Все три регистра дошли до нас полностью, первоначальная нумерация листов лакун не имеет. Регистр 1564 г. содержит 41 список с записью о 462 дарениях, 1566 г. – 48 списков и 598 дарений, 1567 г. – 60 списков и 574 дарения. Итого мы имеем 149 списков с фиксацией 1634 дарений – материал вполне достаточный для статистической обработки.

Каждый регистр содержит подписи нескольких государственных секретарей и только их – нижестоящие секретари финансов и, тем более, простые королевские секретари к визированию подобных списков не допускались. Протоколы 1564 г. скрепляли Клод де Лобепин-отец (даты его секретарства: 1542–1567) и два госсекретаря из старой династии Роберте: Флоримон Роберте де Френ (1558–1567) и Флоримон Роберте д'Аллюи (1560–1569). В 1566 г. к их работе присоединились свояк де Лобепина Жак Бурден (1549–1567) и Клод де Лобепин-сын (1560–1570). В 1567 г. работали оба де Лобепина, Роберте д'Аллюи и два новых госсекретаря: сменивший скончавшегося де Лобепина-отца его зять, знаменитый Никола де Вильруа (1567–1617 с пер.) и преемник покойного Роберте де Френа Симон Физ (1567–1579).

³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Д. 862.

Хотя уже действовали регламенты, разграничивавшие сферы компетенции государственных секретарей, в их работе заверителей актов Королевского совета никакой специализации не прослеживается. Нет и принципа дежурства по очередности: зачастую встречаются разные списки, датированные одним и тем же числом, но визированные разными секретарями.

После того как Королевский совет принимал решения о дарениях, нужно было изготовить в Большой канцелярии соответствующие грамоты и снабдить их печатями. На полях против почти всех записей имеется помета о приложении печати («seellee»). Однако иногда все же такая запись отсутствует, а самый текст решения перечёркнут — значит, дарение было опротестовано. Встречаются и пометы о необходимости наведения справок; например: «Об этом надо говорить с господами из Совета финансов» (28 августа 1564 г., л. 98), или «Лишь бы это было не за счет королевского домена» (7 июля 1567 г., л. 144).

К счастью, уцелели первоначальные переплеты трёх регистров, которые дают однозначный ответ на вопрос о том, где же они переплетались и хранились. Все они — экземпляры пергаментных королевских грамот, датируемые теми же годами, что и сами регистры. Так, регистр 1564 г. переплетен в грамоту от 23 февраля 1564 г., адресованную епископу Сеезскому и посвящённую вопросу о продаже церковных земель во исполнение эдикта 1563 г. Для переплётов двух других регистров были использованы соответственно: черновик грамоты от 29 мая 1566 г., адресованной Парижскому парламенту (об обеспечении доходами учреждаемого коллежа в Этампе); не подписанный и точно не датированный экземпляр грамоты 1567 г., адресованной властям Бурбоннэ (о прощении лиц, виновных в одном неумышленном убийстве). Итак, наши регистры переплетались и хранились там же, где изготавливали все подобные грамоты — в Большой канцелярии. Очевидно, дело обстояло таким образом: списки будущих дарений передавались в Большую канцелярию в текущем порядке, там на их основании составляли и скрепляли печатями грамоты, хранили эти списки как оправдательные документы, а когда данный семестр подходил к концу, накопившиеся списки переплетали вместе, используя для переплёта свои ненужные подручные материалы.

Тот факт, что подобное внимание к сохранности архивов отмечается в 1564—1567 гг., соответствует произошедшему в те

же годы некоторому упорядочению регистров Сокровищницы Хартий (этот главный государственный архив находился тогда в ведении Большой канцелярии, его хранителем был главный аудиенциарий). Тогда, в 1566—1568 гг., после девятилетнего перерыва, возобновилось составление регистров с копиями выданных на руки грамот (правда, регистров далеко не полных и оказавшихся последними в фондах Сокровищницы Хартий)⁴. Вероятно, регистры решений Королевского совета должны были отчасти восполнять неполноту сборников копий⁵.

Естественно, задаться вопросом, сохранились ли во Франции сборники, аналогичные нашим. Мы можем с уверенностью судить об этом на основании уже упомянутого классического труда Элен Мишо.

Напомним основные характеристики московских регистров: хронологические рамки в пределах полугодия (январь — июнь или июль — декабрь) и участие в визировании нескольких государственных секретарей. Этим условиям полностью отвечает регистр, сохранившийся в серии КК Национального архива, который содержит 50 списков за период с 5 января по 29 июня 1566 г.⁶ Э. Мишо оказалось трудно классифицировать этот единственный в своём роде сборник, в перечне источников она отнесла его к рубрике «Разное» и дала ему заглавие «Списки Роберте де Френа», хотя среди заверителей были и другие государственные секретари, Бурден и де Лобепин. (Поскольку, в отличие от московских регистров, парижский не сохранил первоначального переплёта, Э. Мишо предположила, что некоторые листы могли быть подложены в него впоследствии.) Все формальные характеристики парижского и московских реги-

⁴ Archives Nationales (далее — AN). JJ 264—266, соответственно за 1566, 1567 и 1568 гг.

⁵ Из сохранившихся для некоторых лет регистров контролёров Большой канцелярии видно, что в 1546 г. было выдано 932 грамоты, а скопировано только 328; для 1551 и 1552 гг. аналогичное соотношение — 1414 к 583 и 1291 к 502 (Michaud H. La Grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle. Paris, 1967. P. 366). Как видим, общее ежегодное количество выданных грамот и решений Королевского совета о дарениях — цифры одного порядка.

⁶ AN. КК 133 bis. Серия регистров КК (как и вся серия К, подразделом которой она является) — фонд искусственного происхождения («Исторические памятники»), он составил в результате работы комиссии Конвента 1794—1795 гг., отбиравшей из разных государственных и частных архивов документы, имеющие интерес для истории. См.: Michaud H. Op. cit. P. 275. У Мишо последняя дата этого регистра ошибочно обозначена как 8 июня.

стров совпадают: все тот же титул списков («Rouille d'aucunes expeditions commandees par le Roy»), подписи короля, пометы о дате рассмотрения в Королевском совете перед подписью госсекретаря, постоянные пометы на полях о приложении печати. Итак, из регистров королевских дарений 1564–1567 гг. пока обнаружены три регистра в Москве (вторые семестры 1564, 1566 и 1567 гг.) и только один в Париже (первый семестр 1566 г.). Ничего не известно о регистрах 1565 г., а о регистре первого семестра 1567 г. можно предположить, что он был раскуплен по отдельным листкам, поскольку один из таких листков был обнаружен мною в том же Отделе письменных источников Исторического музея, но в другом фонде – в составе коллекции Г.В. Орлова. Этот список дарений, утверждённых Королевским советом 16 марта 1567 г. и заверенный Бурденом, содержит упоминания о 5 актах; повсюду имеются пометы о приложении печати⁷.

Э. Мишо отмечает, что регистр из серии КК во многом идентичен с одним регистром из Национальной библиотеки, относящимся ещё к первому семестру 1551 г. (51 список за период с 10 января по 9 мая 1551 г.)⁸. Последний сборник она классифицировала как относящийся к группе регистров, составлявшихся для себя отдельными государственными секретарями и сочла его составителем госсекретаря Жана Дютье. Однако это предположение основано лишь на одной маргинальной записи и выглядит слишком смелым. Мы не можем судить о том, сколько секретарей работало тогда над списками дарений, поскольку в то время (в отличие от 1560-х гг.) они ещё не подписывали эти списки. Это обстоятельство, а также отсутствие записей о датах обсуждения в Королевском совете (их заменяли записи о датах подписания списка королём) – единственные формальные различия между регистром из Национальной библиотеки и регистрами 1560-х гг. Заметим ещё, что общее число списков за столь краткий период времени слишком велико для одного секретаря⁹.

* * *

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 166. Д. 4. Л. 43.

⁸ BN. Ms. fr. 3154. См.: *Michaud H.* Op. cit. P. 274.

⁹ Государственные секретари действительно составляли тогда для себя регистры составлявшихся ими королевских актов, но их регистры всегда охватывали большие промежутки времени (регистры Боштеля: 1546–1549 гг., Клосса де Маршмона: 1551–1554 гг., Роберте д'Аллию: 1560–1567 гг. – BN. Ms. fr. 5127, 5128, 3942).

Регистры дарений, естественно, не отражают всей деятельности Королевского совета. От них не следует ожидать сведений о текущей административной работе: отправке посланий, составлении инструкций, выдаче временных полномочий («комиссий») для исполнения конкретных задач и т.п. Все эти виды документов не проходили через Большую канцелярию и не нуждались в приложении государственных печатей. К тому же комиссии, хотя и давали их получателям большую власть (так оформлялись полномочия интендантов), были легко отменяемы и уже поэтому не могли, в отличие от должностей, рассматриваться как дарения. Обращает на себя внимание также отсутствие актов о дарениях церковных бенефициев. Видимо, эти акты удостоверялись не в Большой канцелярии, а в одной из верховных палат – в непосредственно подчинённом канцлеру Большом Совете, специализировавшемся именно на этой тематике¹⁰. При всём том содержание регистров очень разнообразно, в соответствии со сложностью понятия и сущности королевского дара.

Примерно треть актов посвящены различным операциям с должностями. Процесс передачи их по наследству ещё был лишён того автоматизма, который стал характеризовать его в следующем веке. Благодаря «оговорке о 40 днях» (обладатель должности не мог передать её позже чем за 40 дней до своей смерти) многие должности становились вакантными после кончины не успевших распорядиться ими оффисье, и король мог продавать их снова. Этот источник доходов, судя по количеству таких упоминаний в наших регистрах, был весьма существенным, позволявшим короне в спокойные годы (как 1564 и 1566 гг.) обходиться почти без создания новых должностей (но в конце 1567 г. в связи с началом новой гражданской войны пришлось прибегнуть и к этому средству). Хотя король в данном случае не тратил, а получал деньги, само разрешение на покупку должности уже считалось дарением и подлежало соответствующему оформлению (тем более что об уплате денег за должность в регистрах не говорится, она подразумевается сама собою). Бесплатно должности могли предоставляться в порядке компенсации и погашения долга (например, владельцам

¹⁰ Их было немало: в вышеупомянутых регистрах Клосса акты о бенефициях составляли одну из трёх основных тематических рубрик (наряду с актами о должностях и собственно дарениями).

упразднённых должностей). Особой милостью было предоставление должности с правом передать её (т.е. продать) кому угодно по своему усмотрению; иными словами, король уступал в этом случае свой доход от продажи, поскольку и не предполагалось, что получивший такое дарение будет реально исполнять эту должность. Например, некий Бенуа Лебрэн, исполнявший особые поручения (он «раскрыл предприятия и замыслы, клонившиеся к ущербу государства», а с тех пор посылал какие-то ценные сообщения из-за границы), получил в порядке поощрения должность конного стрелка при Парижском превостве – которую он не мог исполнять по роду своей основной деятельности – именно с оговоркой о праве передать её кому он захочет (21 августа 1566 г., л. 27). Чином высшей администрации право распорядиться в свою пользу вакантной должностью предоставлялось иногда и без этой фикции.

Столь же часты были акты о «резиньяциях» (продаже должности или её передаче владельцем его родственнику). Корона держала эти процессы под контролем, уже само разрешение на резиньяцию считалось королевским дарением и сопровождалось взиманием специального сбора. Правда, от него часто освобождали, и это освобождение обязательно оговаривалось в грамотах. Правительство могло ставить свои условия: так, 6 ноября 1567 г. одному советнику Парижского парламента бесплатная резиньяция была дана при условии покупки им одной из вновь созданных должностей королевских докладчиков (л. 185).

Вторая большая группа актов связана с распоряжениями о судьбе наложенных королевскими судьями штрафов и конфискованного имущества казнённых. Именно из этих фондов, а не выплатой наличных правительство предпочитало оказывать милости и даже расплачиваться по своим долгам перед людьми, потратившимися на королевской службе. Так обстояло дело даже с выплатой сравнительно мелких сумм. Например, 4 июля 1564 г. кормилице Карла IX было пожаловано 300 ливров из суммы штрафа, к которому были приговорены некоторые приходы в бальяже Труа; любопытнее всего дата приговора: 1554 г., за десять лет до дарения (л. 79). В данном случае речь вряд ли шла о штрафе, который было невозможно взыскать, но впечатляет время, для того потребовавшееся. А были и безнадежные штрафы, которые приходилось прощать, и записи о таких прощениях нередки в наших регистрах; в одном из актов, например, давалось прощение штрафа всего в 120 парижских лив-

ров, наложенного ещё четверть века назад, в 1541 г. (20 июля 1567 г., л. 150). Иногда дарились штрафы в натуре: 11 августа 1566 г. двум камердинерам герцога Анжуйского было дано право получить большое количество рыбы, которую должны были сдать несколько рыболовов-браконьеров, оштрафованных по решению хранителя вод и лесов в Осере ещё полтора года назад (л. 23, 28).

Могли быть и дарения со штрафов, которые ещё только предполагалось наложить. Крупная сумма в 15 тыс. ливров была обещана съеру де Ламолю за его прошлые военные заслуги, но получить её он мог лишь из штрафов, которые могли бы быть наложены в будущем парламентом и администрацией Прованса (21 октября 1564 г., л. 114). Герцогиня Неверская 3 октября 1567 г. получила даже не ограниченные никакой суммой доходы как от настоящих, так и от будущих штрафов с администрации откупа габели в Нормандии за возможные злоупотребления этих финансистов (л. 175).

Конфискованное имущество казнённых, естественно, было более надёжным источником доходов, чем с трудом собираемые штрафы, если здесь было что взять. К сожалению, практически никогда не указывается вина жертв. Редчайшее исключение: 1 ноября 1564 г. секретарь губернатора Прованса получил всё наследство казнённого ещё в 1557 г. марсельца Гаспара Феликса, виновного «в оскорблении Божественного Величества», ибо он до смерти упорствовал в своей магометанской вере (л. 120).

Третьим важным источником дарений были принадлежащие короне сеньориальные сборы. Особую ценность имели так называемые «lods et ventes» – сборы с покупки, наследования или иного рода смены владельцев земель или другого имущества, находившихся в вассальной зависимости от монарха. От уплаты этих сборов новые владельцы могли быть освобождены в порядке особой милости, или же сами сборы с них могли быть подарены третьим лицам. Иногда право получения такого рода доходов с той или иной сеньории могло предоставляться кому-либо на определённый срок.

За пределами этих трёх важнейших рубрик остаётся ещё немало актов самого разнообразного содержания: пожалования из фонда таможенных сборов и разовые освобождения от вывозных пошлин; дарения доходов с продажи упавших и срубленных деревьев из королевских лесов; прощение долгов по откупам и налогам; дарование обедневшим городам права

ввести для покрытия своих расходов новые городские сборы; натурализация живущих во Франции иностранцев, без чего они не могли передавать своё имущество по завещанию, и т.д. и т.п. Даже платёжные поручения (*acquits*) на выплату обычного жалованья военным, если те по уважительным причинам отсутствовали в день общей выплаты (мы бы сказали: «оплата по депонентам») рассматривались как королевские дарения и подлежали скреплению печатью в Большой канцелярии.

Всё богатство этого материала, пригодность его для статистической обработки, равно как и интерес для «микроистории» и просопографии, позволяют надеяться, что он станет предметом более обстоятельных исследований.

ФРАНЦИЯ И ПОРТУГАЛИЯ ПЕРЕД ПОРТУГАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ 1640 Г. (Документы из архива Ришелье)*

В составе фонда Генерального штаба Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина** хранится переплетённый сборник документов, на втором листе которого крупным почерком первой половины XVII в. написано: «*Mémoires pour faire la guerre en Espagne et Portugal avec succès tant par terre que par mer, envoyé par differents officiers à son eminentissime cardinal duc de Richelieu pair de France, grand maître, chef et surintendant du négoce et commerce du royaume*» («Записки о том, как успешно вести войну в Испании и Португалии, посланные разными оффисье его высокопреосвященству кардиналу герцогу де Ришелье, пэру Франции, главному начальнику и сюринтенданту негодии и торговли королевства»)¹. В сборнике 47 документов, 311 пронумерованных листов. Среди документов есть подлинники, но большинство — копии. Эти копии, снятые, очевидно, специально для сборника, исполнены несколькими секретарскими почерками первой половины XVII в.; одним из этих почерков написано и оглавление (л. 4–6). Есть и прямое доказательство того, что секретари, снимавшие копии, и авторы записок были современниками: публикуемая нами записка Маньяна выполнена одним из секретарских почерков, но заверена собственноручной подписью автора. В двух случаях на подлинных документах (сметы расходов на содержание военных кораблей) имеются надписи XVII в.: «*A sayer a faire*» («В подготавливаемую тетрадь» — л. 264, 272); очевидно, наш сборник и является этой «тетрадью».

* Средние века. 1971. Вып. 33. С. 324–339.

** Ныне — Российской государственной библиотеки. В тексте статьи и примечаниях используется прежнее название библиотеки, фигурирующее в её первой публикации. — *Прим. ред.*

¹ ГБЛ (совр. РГБ). Ф. 68. Д. 371.

В докладных записках, как правило, адресат не указан. Нами установлены адресаты 12 документов: 7 адресовано Ришелье, 2 – бордосскому архиепископу и командующему флотом Сурди, 2 – близкому советнику Ришелье Франсуа Фуке и 1 – королю. При этом подлинники имеются только среди документов, адресованных Ришелье, а две записки на имя Фуке (о них мы ещё будем говорить) представлены авторскими копиями, снятыми специально для кардинала. Все вышесказанное убеждает, что перед нами, действительно, часть архива кардинала Ришелье: сборник тематически подготовленных документов.

Время составления сборника можно определить довольно точно. Самые ранние из его датированных документов относятся к 1634 г., самые поздние – к 1639 г. Сборник не мог быть составлен позднее 1640 г., поскольку ни в одном из его документов не отразилось произошедшее в этом году коренное изменение стратегической обстановки на франко-испанском фронте, связанное с отпадением Каталонии и Португалии.

Включённые в сборник докладные записки имеют сравнительно однородный характер: они рассматривают планы возможных диверсий против Испании, преимущественно с военно-стратегической точки зрения. В то же время географический кругозор его составителей довольно широк: здесь имеются документы, посвящённые не только Испании и Португалии, но и Италии, Марокко, Алжиру, испанским колониям в Америке.

Среди материалов сборника выделяется комплекс документов, посвящённых тайным сношениям Франции с Португалией. Ниже мы публикуем полностью три таких документа; все они относятся к первой половине 1638 г.

Этот период в истории Португалии необычайно интересен. Хотя восстановление независимости страны, состоявшей с 1580 г. в династической унии с Испанией, состоялось, в конце концов, в результате дворцового переворота 1 декабря 1640 г., но на первом этапе национальное движение имело ярко выраженный демократический характер. Временем наивысшего размаха народных волнений были как раз 1637–1638 гг., когда в центре внимания всей страны находилось знаменитое восстание в Эворе. После вступления Испании в 1635 г. в войну с Францией правительство Оливареса усилило налоговый гнет в Португалии и готовилось покончить с местными привилегиями. Введение новых налогов и было непосредственным

поводом к восстанию в Эворе, вспыхнувшему 21 августа 1637 г. Восставшие прогнали коррежидора, разгромили тюрьму, сожгли налоговые списки. Очень скоро были выдвинуты лозунги борьбы за независимость страны. Однако португальская знать в целом не поддержала восстания. Дворянство Эворы во главе с архиепископом составило союз («жунту»), главной целью которого было успокоить восставших и тем самым реабилитировать себя в глазах мадридского двора. Такую же позицию занимал популярный претендент на престол и будущий король независимой Португалии герцог Жуан Браганский. Все же в течение нескольких месяцев Эвора находилась под контролем плебейских низов. Её примеру последовали и другие города; восстание охватило провинции Алентежу и Алгарви, его волны докатились до стен Лиссабона. Однако слабость военной организации восставших привела к поражению. Восстание в Эворе было подавлено после вступления в город отряда правительственных войск в марте 1638 г.

Французское правительство пристально следило за португальскими событиями. Однако известные нам документы о деятельности французских агентов в Португалии до восстановления её независимости можно буквально пересчитать по пальцам. При этом многие сведения восходят к работам историков XVII–XVIII вв., тогда как сами приводимые ими документы не дошли до нас ни в подлинниках, ни в копиях.

Перечислим вкратце известные факты. Французский историк Можен упоминает о сношениях Ришелье с герцогом Браганским через посредство ювелира Бруаля и приближённого к герцогу Жуана Пинту Рибейру, в дальнейшем одного из вождей заговора 1640 г.; правда, герцог до самого конца сохранял нерешительность².

20 ноября 1636 г. датировано адресованное Ришелье и сохранившееся во французских архивах письмо одного из его главных осведомителей доминиканца Карре. Со ссылкой на некоего прибывшего из Лиссабона французского монаха того же ордена там кратко сообщается о готовности португальцев к восстанию и их надеждах на помощь Франции; это якобы особенно ярко проявилось, когда следовавший из

² [Maugin de Richebourg J.] Abregé de l'histoire de Portugal. Paris, 1707. – См.: Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française / Publ. par le vicomte de Caix de Saint-Aymour. T. III (Portugal). Paris, 1886. P. XVII.

Бискайского залива в Средиземное море французский флот проходил в 1636 г. у берегов Португалии³.

Обследовавший французские архивы издатель писем Ришелье Д. Авенель, процитировав письмо Карре, заявляет: «Между этой датой (ноябрь 1636 г.) и 24 января 1641 г. мы не нашли в наших рукописях ничего касательно Португалии»⁴. Можно только отметить, что датированные 12 мая 1638 г. инструкции командующему атлантическим флотом Сурди содержали предписание оказать в случае необходимости помощь португальцам; однако указывалось, что десант может быть высажен только в том случае, если французы получают в залог один из португальских портов⁵.

Историк XVIII в. Г. Бужан приводит датированное 18 мая 1638 г. письмо находившегося в Гамбурге французского дипломата д'Аво к государственному секретарю иностранных дел Шавиньи. Там сообщается, что в Гамбург прибыл возвращающийся из Лиссабона кружным путем во Францию некий французский монах-кордельер. Этот монах «все видел и разузнал», проник даже в окружение вице-королевы Португалии Маргариты Савойской, вдовствующей герцогини Мантуанской, но, по его словам, «не встретил сколько-нибудь благоприятного отношения к своему замыслу». В чём именно состоял замысел, мы не знаем: кордельер должен был сообщить о нем Шавиньи лично⁶.

Единственным известным документом, в котором о сношениях французского правительства с португальцами говорится обстоятельно, была до сего времени инструкция, данная бывшему французскому консулу в Лиссабоне Сен-Пе 15 августа 1638 г. Можно прямо сказать — знаменитая инструкция, документ очень яркий, цитируемый, ввиду своей уникальности, буквально всеми историками, отмечающими интриги Ришелье

в Португалии. Однако во французских архивах не сохранилось ни подлинника, ни копии инструкции. В середине XVII в. её опубликовал Обри, ознакомившийся с текстом по экземпляру из коллекции португальского представителя во Франции Розариу⁷. Большие выдержки из нее приводятся также в труде Левассора⁸. К содержанию инструкции Сен-Пе мы ещё вернемся ниже, поскольку она оказалась тесно связанной с одним из публикуемых нами документов.

Всем перечисленным и ограничивались донныне знания историков о сношениях Франции с португальской оппозицией. Современные португальские историки не приводят каких-либо фактов сверх того, что уже было известно в XVIII веке⁹. Таким образом, нашу московскую находку — целых три документа — можно с полным основанием считать редкостной.

* * *

Первый из публикуемых документов — отчет кордельера Маньяна о поездке в Португалию в январе 1638 г. Эта поездка имела в основном разведывательный характер, причём большое внимание Маньян уделял осмотру побережья на предмет возможной высадки французского десанта. Документ содержит сведения о состоянии укреплений, численности и размещении гарнизонов и т.п.; упоминается о восстаниях в городах. Большой интерес представляет сообщение Маньяна о посещении Эворы, поскольку до сих пор не было известно ни одного документального свидетельства о пребывании французских эмиссаров в Эворе во время восстания.

Второй документ — не датированная инструкция неизвестному лицу, отправляющемуся в Португалию. Документ был написан в обстановке, когда восстание в Португалии ещё продолжалось. Указывается, что посланный сможет быстро выехать из Португалии во Францию, «потому, что в это время года дуют попутные ветры». Это соответствует климатическим условиям зимы — начала весны, когда на португальском побе-

³ Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du cardinal de Richelieu / Recueillis et publ. par D. Avenel. T. VII. Paris, 1874. P. 858, note.

⁴ Ibid. T. VI. Paris, 1867. P. 769, note. При этом он особо оговаривает, что во французском Архиве иностранных дел документы по сношениям с Португалией открываются только с 1641 г.

⁵ Correspondance de Henri d'Escoubleau de Sourdis, archevêque de Bordeaux... / Accompagnée d'un texte historique, de notes et d'une introduction... par E. Sue. T. II. Paris, 1839. P. 6–12.

⁶ Bougeant G. H. Histoire du traité de Westphalie ou des négociations qui se firent à Munster et à Osnabrug, pour établir la Paix entre toutes les Puissances de l'Europe. T. II. Paris, 1751. P. 184.

⁷ Aubery A. Mémoires pour l'histoire du cardinal duc de Richelieu. T. III. Cologne, 1667. P. 759–760.

⁸ Le Vassor M. Histoire du règne de Louis XIII, roi de France et de Navarre. T. IX. Amsterdam, 1713. P. 425–427.

⁹ Brazão E. Relance de história diplomática de Portugal. Porto, 1940. P. 21–22; Ameal J. História de Portugal: das origens até 1940. Porto, 1958. P. 373–374.

режье господствует юго-западный циклон. Итак, надо думать, что инструкция была составлена в начале 1638 г.

Неизвестный адресат инструкции должен был организовать антииспанский заговор в Португалии и подготовить условия для успешной высадки французского десанта; подробно излагаются те доводы в пользу отделения от Испании, которые он должен был развивать в беседах с португальцами.

Принципиальное отличие нашей инструкции от ранее известной аналогичной инструкции Сен-Пе состоит как раз в том, что публикуемый нами документ был написан в то время, когда восстание в Эворе ещё не было подавлено. Инициатива демарша явно исходит от Франции, без каких-либо предшествующих ему авансов со стороны португальских заговорщиков. Следовательно, данный демарш можно считать непосредственным «откликом» французского правительства на португальское восстание, и в этом смысле наш документ является уникальным.

Безусловно, самое интересное в документе — попытка опереться на могущественных банкиров и финансистов из числа крещеных португальских евреев (марранов), которые к тому времени сумели, оттеснив генуэзцев, превратиться в основных кредиторов испанского двора. Этого мотива уже не встречается в более поздней инструкции Сен-Пе и, вообще, ни в одном из ранее известных документов; таким образом, данный нюанс французской внешней политики оставался вне поля зрения историков. При всей трудности осуществления плана (известно, что даже правовое положение португальских евреев сильно улучшилось после аннексии страны Испанией и особенно при Оливаресе)¹⁰ кардинал, очевидно, верил в его реальность, и на марранов рассчитаны важные аргументы инструкции.

Третий документ — запись показаний Дюпона — интересен для нас тем, что его содержание тесно связано с широко известной инструкцией Сен-Пе от 15 августа 1638 г.: оба документа повествуют о судьбе одного и того же демарша. Остановимся поэтому предварительно на содержании инструкции Сен-Пе.

Съёру Сен-Пе (из других источников было известно, что он ранее занимал пост французского консула в Лиссабоне) предписывалось послать в Лиссабон на каком-либо английском

¹⁰ *Amador de los Rios J.* Historia social, política y religiosa de los judíos de España y Portugal. T. II. Buenos Aires, 1943. P. 353, 375–376.

корабле доверенного человека по своему выбору. Этот человек должен был вступить в переговоры с неким капитаном Жоржи Азеведу и с португальским канцлером и получить у них ответ на вопрос, восстанут ли португальцы, если французский флот появится у Лиссабона, смогут ли они собственными силами овладеть прикрывающими столицу с моря фортами. В случае если бы посланному было сказано, что португальцы нуждаются в более активной военной помощи Франции, он мог пообещать высадку десанта в 12 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов; но тогда уже надлежало добиться согласия на предоставление этим войскам в качестве залога одного из португальских портов. Франция обещала выплачивать независимой Португалии ежегодную субсидию и признать её королём того, кого выберут сами португальцы.

Итак, чем же наш документ помогает лучшему пониманию инструкции Сен-Пе? Прежде всего выясняется роль самого французского консула. До сих пор не были точно известны даже даты его пребывания в Лиссабоне; Сент-Эймур в своем списке французских представителей в Португалии дает 1617–1622 гг., потому что в его распоряжении не было более поздних документов, упоминающих о Сен-Пе как о консуле¹¹. Теперь мы знаем, что Сен-Пе оставался в Лиссабоне до самого 1638 г.; но поскольку 15 августа 1638 г. он был уже вне Португалии, то ясно, что ему удалось уехать оттуда вскоре после отъезда Дюпона — очевидно для того, чтобы лично сообщить о своих планах. К этому времени он провел в Лиссабоне уже более 20 лет, крепко прижился там, был женат на португалке, имел какие-то влиятельные знакомства — достаточно влиятельные, чтобы в условиях войны с Францией добиться освобождения пленного французского офицера. Далее из текста инструкции видно, что все переговоры в Лиссабоне должен был вести не сам Сен-Пе, а его доверенное лицо. В связи с этим неизбежно возникало недоумение: зачем вообще могло понадобиться привлекать к делу Сен-Пе, если все его участие в нем сводилось к выбору доверенного лица? После того как из нашего документа мы впервые узнаем, что инициатором дела был сам Сен-Пе, этот вопрос снимается.

Можно с большой долей вероятности предположить, что пасынок Сен-Пе, всеми уважаемый капитан роты в Лиссабоне,

¹¹ Recueil des instructions... T. III. P. LIII.

с одной стороны, и упоминаемый в инструкции капитан Жоржи Азеведу, с другой, — одно лицо. Про Азеведу известно, что он был каким-то образом связан с канцлером, — следовательно, с канцлером был связан и Сен-Пе. Перед нами возникает картина военного заговора: заговорщики, оказывается, имели в своем распоряжении кое-какие вооружённые силы в самой столице. Недаром составитель инструкции, прежде всего, задается практическим вопросом: нельзя ли использовать эти силы для захвата приморских фортов Лиссабона?

Нам ничего не известно ни об исходе миссии Сен-Пе, ни о судьбе капитана Азеведу; остается надеяться, что новые, неожиданные находки прольют свет и на этот вопрос. Во всяком случае, имя Жоржи Азеведу не встречается среди имен заговорщиков 1 декабря 1640 г. О самом Сен-Пе известно, что сразу же после восстановления независимости Португалии, в марте 1641 г., он вновь получил назначение на пост французского консула в Лиссабоне и прожил там, очевидно, до самой смерти: он ещё был консулом в 1661 г., когда ему было уже около 80 лет¹².

Сообщение Дюпона, переданное 22 апреля 1638 г. командующему атлантическим флотом Сурди, безусловно, было учтено при составлении инструкции этому последнему от 12 мая того же года (см. выше, прим. 5). Инструкция Сурди в той её части, которая касается Португалии, исходит как раз из предположения, что португальцы «захватят какой-либо порт на море или же пришлют просить о помощи для осуществления своих замыслов»¹³.

В остальном записка Дюпона очень напоминает донесение кордельера Маньяна — в ней также можно найти интересные сведения об испанских гарнизонах, укреплениях и восстаниях в городах. Правда, в самой Эворе Дюпон не был и о том, что там происходит, сообщает по слухам; однако он, несомненно, выступает в качестве очевидца, когда пишет о всеобщем сочувствии непокорному городу.

* * *

Тремя публикуемыми документами не ограничиваются содержащиеся в сборнике материалы о франко-португаль-

¹² Ibid. P. 88. Уточнённые даты консулата Сен-Пе: 1617–1664.

¹³ Correspondance de Henri d'Escoubleau de Sourdis... Т. II. P. 10.

ских отношениях. Необходимо ещё назвать четыре обширные докладные записки, принадлежащие одному автору — бретонскому купцу из Сен-Мало Пьеру Гуэну (Gouin)¹⁴. Они относятся к более раннему времени и датируются соответственно 13 апреля, 28 мая и 9 ноября 1634 г. и 29 марта 1636 г.¹⁵ Две первые записки адресованы ближайшему советнику Ришелье по вопросам морской торговли и флота Франсуа Фуке (отец сюринтенданта финансов), две последние — самому кардиналу. Соответственно, последние записки представлены в подлиннике, записки же на имя Фуке — в копиях, переписанных Гуэном для Ришелье перед подачей кардиналу своей третьей записки.

Три записки 1634 г. посвящены одному вопросу — отношению к португальским евреям. Мы уже отмечали, что французское правительство не исключало возможности привлечь на свою сторону в борьбе с Испанией богатых еврейских финансистов из Португалии. Однако вопрос был весьма сложным, и это отразилось на содержании записок Гуэна: две первые прямо противоречат последней. В записках на имя Фуке Гуэн выступает в качестве яркого ненавистника португальских евреев. Здесь и религиозная ненависть, и, прежде всего, чувство вражды к сильным конкурентам, мешающим развитию торговли Франции с Испанией, захватившим, по убеждению Гуэна, монопольные позиции в испанской экономике. Для бретонского купца не подлежит сомнению, что проживающие во Франции евреи являются контрагентами испанской монархии, действующими всецело в интересах Габсбургов. «Не знаю уж, что и сказать о тех, кто в прошлом году помешал тому великому благу, которое могла бы принести французскому государству конфискация всех имуществ. вышеназванных португальских евреев...» — говорит Гуэн в конце своей второй записки¹⁶.

Поданная Ришелье записка от 9 ноября 1634 г. составлена словно другим человеком. Правда, Гуэн и сам пишет, что со-

¹⁴ Автор сообщает о себе, что он ведет торговлю с Испанией уже с 1602 г. (ГБЛ. Ф. 68. Д. 372. Л. 295). В парижской Национальной библиотеке хранится изданная в виде отдельной брошюры ещё одна записка Гуэна на имя Ришелье по вопросу об улучшении монеты, датированная 1 ноября 1634 г. Его имя можно прочесть и как Говэн; мы выбрали форму Гуэн как распространённую в Бретани.

¹⁵ ГБЛ. Ф. 68. Д. 371. Л. 295–300, 301–304, 291–294, 288–290.

¹⁶ «Et ne sçay ce qui se peult dire de ceux qui dès l'an dernier ont empesché le grand bien et utilité que pouvoit apporter à l'estat de France la confiscation de tous les biens des-dits juifs portugais au detrimet et ruyne de nos ennemys». — ГБЛ. Ф. 68. Д. 371. Л. 303об.

времени подачи своих записок Фуке он нашел более целесообразное решение вопроса, чем общая конфискация имущества евреев, — но все же перемена позиции не может не вызвать удивления. Теперь Гуэн предлагает уже ни более ни менее как организацию на льготных условиях в Нижней Бретани торговой португальской колонии; тем самым можно было бы способствовать и отделению Португалии от Испании, и торговому процветанию Бретани. Неясно, чем объяснялась перемена во взглядах Гуэна и насколько она была искренней; интересно, однако, что он довел до сведения Ришелье и свои предыдущие записки.

Четвертая записка Гуэна, от 29 марта 1636 г., написана в то время, когда готовилась к отплытию в Средиземное море атлантическая эскадра под командованием Сурди: по мысли Ришелье, французский флот должен был отбить захваченные испанцами Леринские острова у побережья Прованса. Гуэн предлагает иной план действий: он доказывает, что французы легко могли бы овладеть с моря Гибралтаром и, укрепив его, превратить в неприступную крепость. Затем он переходит к вопросу о Португалии. Гуэн считает, что Португалия вполне готова к восстанию и что Франции достаточно будет послать со своею эскадрой португальского принца, находящегося в Голландии внука последнего короля независимой Португалии Антониу I, чтобы всё пришло в движение.

1. Маньян. Донесение о поездке в Португалию (*Январь 1638 г.*). Оригинал

Relation du voyage fait en Portugal au mois de janvier 1638 par le Pere Magnean cordelier

J'ay pris terre à Muros, village de la Gallice, scittué entre le cap de Finisterre et Bayonne, à 10 lieues de Saint-Jacques. Au pied du village passe une petite riviere qui sert à former le port lequel est comme un rond d'eau, dont l'entrée est estroicte. Ledict port est fort assureé contre les tempestes, on y entre de toutes marées et il y peut tenir trente à quarante navires jusques à 250 tonneaux. Le village est d'environ 80 feux, habité par de pauvres gens. Il y a un vieil chasteau fort ruiné au commencement du village, qui commande au port, scittué au pied d'une colline qui descouvre à la mer. Il est sans fortification et sans garnison, fors des habitans du lieu qui y font quelquefois la garde, ne croyant pas qu'il y aye du canon. Un vieil homme demeure dedans qui se qualifie sergento major. A l'entrée du port il y a un rocher qui ne descouvre jamais, scittué au nord, lequel est fort dangereux.

3 lieues de Muros j'ay esté à Noya, petit bourg d'environ 300 feux, scittué entre de petites collines, trois lieues avant dans la grande terre ou passe aussy une petite riviere. Il y a un petit port capable d'environ dix barques de 59 a 60 tonneaux. Il n'y a aulcune forteresse.

7 lieues de Noya à Puentevedra, ville fermée, scittuée à trois lieues de la mer en tirant le long de la coste vers Portugal, d'environ mille feux. Il y a une riviere passante le long des murailles qui sert de port, sur laquelle les navires de cent tonneaux vont aysement, n'y ayant aulcun autre port. Il n'y a aulcuns fossez ny rempart, sa scittuation est sur une petite colline, sans chasteau ny artillerie, ainsy que je croys, mais dont je ne me suis pas bien esclaircy.

De la à Bayonne, ville assez grande et forte d'environ mille feux scittuée sur une assez grande riviere portant navires de 400 a 500 tonneaux. Sa forteresse est un chasteau sur le bord de ladict riviere, dans lequel y a garnison d'environ cent hommes. Je ne sçay s'il y a du canon ou non. Le port est assez grand, capable de tenir cinquante ou soixante navires, mais estimé perilleux pour estre trop ouvert et y avoir force rochers de costé et d'autre à l'entrée d'icelluy.

8 lieues de la à Viana, entrée de Portugal, ville fermée sans fossé, sans rempart, d'environ mille feux, scittuée sur une petite riviere et au penchant d'une petite colline, sans aulcune forteresse que d'une grosse tour qui est sur le bord de l'eau, sans garnison. Le port est capable d'environ 40 a 50 vaisseaux de deux à trois cens tonneaux, on y entre de toutes marées. La ville est facile à assieger, tant à cause de la disposition du peuple qui est eslevé contre les impositions du roy d'Espagne, que pour ce qu'il n'y a aulcunes munitions de guerre.

12 lieues de Viana à Porto, ville belle et grande d'environ 3000 ou 4000 feux, scittuée sur le penchant d'une montagne, au pied de laquelle passe la riviere de Duero portant navires de 400 a 500 tonneaux. La ville n'a qu'une ceinture de murailles, sans fossé ny rempart. Au dela de la riviere il y a une petite montagne et sur le panchant d'icelle un chasteau assez fort, dans lequel il y a garnison de 200 Espagnolz avec du canon et munitions de guerre. Ledict chasteau commande à la ville. Entre la ville et ledict chasteau est la riviere qui fait le port ou l'on va de toutes mares.

De Porto je suis allé à Santarem et à Tomar, deux petites villes scittuées douze lieues avant dans la terre, fort animées contre le roy d'Espagne.

12 lieues des dictes lieux à Lisbonne. Il y a dans le coeur de la ville un chasteau scittué sur une colline qui commande à la ville et est gardé par une garnison de 300 à 400 Espagnolz. La place est forte d'assiette, il y a du canon et des munitions de guerre. A demie-lieue de la ville en baissant vers la mer et du mesme costé sur le bord de la mer il y a un chasteau nommé Betlem entouré d'eau mais facile à battre par des vaisseaux, dans lequel y a garnison de cent Espagnolz avec du canon.

18 lieues de Lisbonne je suis allé à Evora, scittuée dix-huict lieues par dela dans la terre, sur le panchant d'une montagne, ou est la principale force de la revolte. Ladictte ville paraist aussy grande que Lisbonne et est fort peuplée et marchande, forte de scittuation mais sans fortiffication reguliere et sans gens de guerre. Elle est entourée de plusieurs aultres montagnes et est fort animée contre le roy d'Espagne. Mais comme il n'y a aucun chef, toutes les esmotions se font soubz le nom du peuple qui s'assemble en foule et sans ordre des qu'il entend parler de quelque mandement du roy.

Quant à l'estat general de la revolte dudict pays de Portugal, qui estoit le principal but de mon voyage.

Tous les Portugais sont tellement irritez contre les Espagnolz que s'ilz eussent eu un chef ou appuy, depuis un an il n'y auroyt aucun Espagnol dans le pays.

Ils esperent tousjours le retour de l'heritier de dom Sebastien, sans le nommer

Il n'y a aucune armée dans tout le Portugal fors à Lisbonne où l'on en commence deux qu'on dit estre pour Fernambouc et le Brezil. L'une se fait au nom de l'Espagnol et l'autre au nom des Portugays, mais tout est fort chetif, ne se pouvant trouver de soldatz dans toute l'Espagne

Les vivres sont à mediocre prix en Portugal, mais les marchands sont ruinez.

A Coimbre j'ay appris d'une personne d'esprit et de grande connoissance, fidelle et amie de la couronne de France, que pour avoir bonne yssue du Portugal il fault à tout le moins dix-huict mille hommes: six mille à Viana, autant à Lisbonne et le reste au royaume de l'Algarve dependant du Portugal. Fault aussy avoir provision pour six mois et deffendre aux soldatz l'insolence, donnant à entendre en y arrivant qu'on ne desire que le bien du pays et remettre l'heritier de dom Sebastien en son royaume. Il seroyt à propos d'envoyer devant l'armée un navire feignant d'estre marchand estranger pour donner à entendre soubz main l'affaire.

Il y a une personne de tres grande connoissance dans tout le Portugal et Portugays de nation qui promet beaucoup pour la solicitation des espritz.

Il y a à Badajos une armée d'environ quatre mil hommes au plus qui est pour venir en Portugal et ayder le roy en son passage de Tomar pour se faire couronner roy de Portugal.

Les Portugais sont tellement disposez a se soubstraire de la tyrannie d'Espagne que quand l'armée navale de France passa ilz estoient resolos de la recevoir et se mettre soubz l'estendart de France.

On tient en toute l'Espagne nostre roy pour un saint et monseigneur le cardinal pour le meilleur esprit du monde. Un grand d'Espagne mesme voyant son portraict dict qu'il donneroyt de bon coeur troys mille escus pour le voir.

Il y a dans Badajos provision de troys mille septiers de bled pour l'armée du roy d'Espagne, mais tout le pays est fort miserable et necessiteux.

Tous les soldatz espagnolz qui estoient dans la Biscaye et la Navarre se sont retirez vers le Portugal, excepté quelques petites garnisons demeurées aux frontieres.

Signature autographe: *P. Magnien.*

Перевод:

Отчет о поездке в Португалию в январе 1638 г. отца Маньяна, кордельера

Я сошёл с корабля в Муресе, посёлке в Галисии¹⁷, расположенном между мысом Финистерре и Байоной, в 10 льё от Сантьяго¹⁸. Это селение стоит над речкой, которая при впадении в море образует порт, причём бухта круглая, а вход в неё узкий. Порт хорошо защищён от штормов, в него можно войти как при приливе, так и при отливе; он может вместить 30–40 судов водоизмещением до 250 тонн. В селении около 80 домов, и живут там бедняки. На краю деревни стоит старый и сильно разрушенный замок, который господствует над портом, расположенным у подножья спускающегося к морю холма. Замок не укреплён и не имеет гарнизона, только местные жители иногда несут там караульную службу; полагаю, что там нет и пушек. В замке живёт один старик, называющий себя *sergento major*. К северу от входа в порт есть очень опасный риф, всегда покрытый водою.

3 льё. Из Мурса я прибыл в Ною, небольшой город, имеющий около 300 домов; он расположен среди невысоких холмов в 3 льё от Мурса, если идти в глубь материка, и также на берегу речки. Небольшой порт способен вместить около 10 барок водоизмещением от 50 до 60 тонн. Никаких укреплений нет.

7 льё от Нои до Понтеведры, обнесённого стеной города, расположенного в 3 льё от моря и по направлению к португальской границе; в нём имеется около 1000 домов. Порт образован рекой, протекающей под стенами крепости, и по этой реке легко поднимаются суда водоизмещением в 100 тонн, а другой гавани нет. Город стоит на высоком холме и не имеет ни рвов, ни валов, ни замка; полагаю, что нет и артиллерии, но в этом я не вполне уверен.

Оттуда я прибыл в Байону, сравнительно большой и хорошо укреплённый город, имеющий примерно 1000 домов и расположенный на

¹⁷ Видимо, высадка в Галисии объяснялась интересами разведки: в отличие от слабо изрезанного португальского побережья, Галисия изобилует удобными для стоянки флота бухтами.

¹⁸ Сантьяго-де-Компостела – крупнейший центр религиозного паломничества. Высадку монаха-разведчика в Муресе было легко объяснить желанием посетить святыни Сантьяго.

довольно большой реке, по которой поднимаются суда в 400–500 тонн. В городе есть замок на берегу реки и в нем гарнизон примерно в 100 человек. Не знаю, есть ли там пушки. Порт довольно велик и может вместить 50 – 60 судов, но считается опасным, потому что он слишком открыт к морю и при входе в него имеется много рифов.

8 льё отсюда до Вианы, пограничного португальского города. В Виане около 1000 домов; город расположен над речкой на склоне небольшого холма, он ограждён, но не имеет ни рвов, ни валов и вообще никакой крепости, кроме большой башни на берегу реки, без гарнизона. Порт может вместить 40–50 судов в 200–300 тонн, и туда можно войти как при приливе, так и при отливе. Город легко осадить, как по причине благоприятного настроения жителей, восставших против налогов испанского короля, так и потому, что в Виане нет никакого военного снаряжения.

12 льё от Вианы до Порту, красивого и большого города, имеющего около 3 или 4 тысяч домов и расположенного по склону горы на берегу реки Дуэро, по которой поднимаются суда в 400–500 тонн. Город имеет лишь один пояс стен, без рвов и валов. За рекой есть невысокая гора, а на её склоне довольно сильный замок с гарнизоном в 200 испанцев, с пушками и военным снаряжением. Этот замок господствует над городом. Он отделен от города рекой, на которой находится порт, доступный как при приливе, так и при отливе.

Из Порту я направился в Сантарен и Томар, небольшие города, расположенные далее в 12 льё от моря; население их сильно возбуждено против испанского короля.

12 льё отсюда до Лиссабона. В центре его на холме стоит замок, господствующий над городом и охраняемый гарнизоном численностью в 300–400 испанских солдат. Положение замка выгодно для обороны, там есть пушки и военное снаряжение. В половине льё от города по направлению к морю и на том же берегу залива находится замок, именуемый Белен, он окружен водой, но его легко можно обстрелять с кораблей. Замок охраняется гарнизоном численностью в 100 испанских солдат, есть там и пушки.

18 льё. Из Лиссабона я направился в Эвору, расположенную в 18 льё далее в глубь материка, на склоне горы; это и есть главный оплот восстания. Эвора выглядит таким же большим городом, как и Лиссабон, очень многолюдным и торговым, положение города выгодно для обороны, но там нет ни оборонительных сооружений, ни солдат. Город окружён горами, а его население сильно возбуждено против испанского короля, но так как у горожан нет вождя, то и все волнения происходят именем народа, и чуть только пройдёт слух о каком-либо новом приказе короля, как уже собираются беспорядочные толпы¹⁹.

¹⁹ Незадолго до приезда Маньяна, в ночь на 1 января 1638 г., восставшие изгнали из Эворы графа Линьяриша, присланного мадридским двором с целью покончить дело миром.

Относительно общего положения португальских повстанцев, о чём разузнать и было главной целью моей поездки.

Все португальцы до такой степени раздражены против испанцев, что если бы у них был вождь или какая-либо поддержка, то уже год назад в стране не осталось бы ни одного испанца.

Они все время надеются на возвращение наследника дона Себастьяна²⁰, кто бы им ни был.

Во всей Португалии нет никакого военного флота, и только в Лиссабоне начинают создавать две флотилии – как говорят, для экспедиции в Пернамбуку²¹ и Бразилию. Одна из этих флотилий создается от имени Испании, другая – от имени Португалии, но они ещё очень малочисленны, потому что во всей Испании не могут найти солдат.

Цены на продовольствие в Португалии невысокие, но купцы разорены.

В Коимбре я слышал от одного очень умного и сведущего человека, преданного друга французской короны, что для достижения успеха в Португалии нужно по меньшей мере 18 тысяч солдат: 6 тысяч в Виане, столько же в Лиссабоне, а остальные в зависимом от Португалии королевстве Алгарви. Нужно также взять продовольствия на 6 месяцев и запретить солдатам чинить насилия, объявив по прибытии, что мы желаем только блага этой стране и восстановления наследника дона Себастьяна на его престоле. Было бы хорошо отправить впереди флотилии какой-нибудь корабль под видом иностранного торгового судна, чтобы он втайне дал знать о готовящемся деле.

Одно весьма влиятельное в Португалии лицо, португалец по происхождению, обещает очень много сделать для возбуждения умов.

В Бадахосе стоит армия численностью самое большее примерно в 4 тысячи солдат; она должна вступить в Португалию и помочь королю короноваться португальской короной.

Португальцы столь сильно желают освободиться от испанской тирании, что, когда французский флот проходил вдоль берегов Португалии, они были готовы принять его и стать под французское знамя²².

Во всей Испании нашего короля считают святым, а монсеньора кардинала умнейшим человеком в мире. Даже один испанский гранд, увидев его портрет, сказал, что охотно отдал бы три тысячи эскудо, лишь бы повидать его самого.

²⁰ Имеется в виду Себастьян I, король Португалии (1557–1578). Погиб в битве, не оставив прямых наследников; это вызвало политический кризис, завершившийся в 1580 г. захватом страны Испанией.

²¹ Пернамбуку – португальская колония в Южной Америке, ныне штат на севере Бразилии. В 1630 г. Голландия захватила Пернамбуку и почти всю северо-восточную Бразилию, в то время наиболее богатую часть страны.

²² Имеется в виду экспедиция французского флота из Бискайского залива в Средиземное море в 1636 г.

В Бадахосе имеются хлебные запасы в 3 тысячи сетье²³ для армии испанского короля, но вся страна находится в крайней нужде и разорении.

Все испанские солдаты, стоявшие в Бискайе и Наварре, отправились в Португалию, за исключением нескольких оставшихся на границе небольших гарнизонов²⁴.

Собственноручная подпись: *о. Маньян.*

ГБЛ. Ф. 68. Д. 371. Л. 194–196.

2. Инструкция неизвестному, отправляющемуся в Португалию (1638 г.). Копия

Memoire de ce qu'aura à faire celui qui part presentement pour aller en Portugal

Il partira en toute diligence pour Dieppe et se deguise pour cest effect en marchand. Il s'embarquera aussytost qu'il sera audit Dieppe quand bien il luy faudroit prendre une fregatte expre pour passer à Rié, Douvre, ou Plemur. Ou bien à faulte d'aller à Dieppe s'acheminera à Saint-Valery ou Calais pour passer. En arrivant en Angleterre, tachera de s'embarquer à l'instant par le premier navire qu'il trouvera qui porte des grains ou autres marchandises en Portugal, y en allant appresent beaucoup qui y vont à cause de la disette des bledz, faisant connoissance et amitié avec les marchandz ou maistre des navires, feignant comme il a fait en d'autres voyages qu'il est marchand portugais interessé à la charge du navire [et qu'il] va aussi pour ajuster beaucoup de comptes de marchandz portugais de Londres, Hollande et France.

S'informerá par les chemins et en arivant de l'estat en quoy sera la revolte de Portugal et les villes et ports qui se sont sousleveez où s'acheminera avec le mesme pretexte de marchand de grains et qu'il va d'Hollande et Londres pour cest effect et leur en delivrer en bref. Parlera soubz main avec quelques seigneurs ou personnes declarez mal contents et autres par l'entremise d' aucuns negotians des nations juifves qui sont engagez en la rebellion, fomentant par tous les moyens et persuasions la raison qu'ilz ont se croyantz tiran[nisez] par l'inquisition et rigueur espagnolle qui les traicte comme estrangers et esclaves, les meprisant tant qu'il leur donne une femme estrangere pour les gouverner et commander avec tant de severité, comme a de coutume la maison d'Autriche pour n'avoir trouvé jusques à presant qui se soit opposé à sa tyrannie.

²³ 1 парижский сетье зерна был равен примерно 156 литрам.

²⁴ Это обстоятельство было использовано французским правительством, направившим в 1638 г. главный удар на крепости пограничной Бискайи, прежде всего на Фуэнтарабию.

Continuera avec son stille et precaution de les persuader qu'apres leur declaration et revolte le roy d'Espagne ne leur pardonnera pas? quelque promesse et seureté qu'il leur donne. De quoy le Portugal a assez d'exemples du passé, puisque leurs roys et princes naturelz et autres grandz ont este tuez, emprisonnez et chassez et qu'à presens il y en a encorre de vivans refugiez sous la protection du roy de France qui leur donne entretien comme amis et alliez des roys ses predecesseurs. La couronne de Portugal ayant tousjours esté tenue en protection de ce royaume qui en l'occasion a monstré aux Portugals tant d'amour qu'ilz leur ont donné des secours considerables dans leurs plus grands affaires. Et les roys tres chrestiens les ont tenuz et estimez comme François et subjectz, jusques à leur donner des declarations veriffiées en ses parlementz et chambre des comptes les reputans pour naturelz regnicoles, sans qu'il leur soit besoing de prendre d'autres lettres de naturalité en particulier, et tousjours de roy en roy leur ont continué cette affection et protection. Et le roy Louis le Juste à present regnant et monseigneur le cardinal duc de Richelieu son fidelle et principal conseil des le mois de may passé 1637 a fait donner derechef une sorte de declaration et passeport en faveur de tous les marchandz portugais qui demeureront en Hollande, de pouvoir venir et negotier en son royaume et portz comme ses autres amis et alliez sans qu'il leur soit fait nul tort soubz le pretexte d'estre Juifz, qui est marque certaine que s'ils recherchoient sa protection, ilz l'auroient entiere envers et contre tous.

Leur representera que l'ambition du roy d'Espagne et de son favory le comte d'Olivarez est cause de la ruyne du royaume de Portugal à cause des impositions et des armemens qu'ilz leur ont fait faire sans nul fruit et soulagement pour le royaume. Au contraire, qu'ilz l'ont mis en estat qu'il ne se pourra jamais relever puisque pour les passions particulieres dudit favory de vouloir faire la guerre à la France, qui est voulloir escheller le ciel, a laissé prendre les flottes et caracques qui arivoient à Ulixbonne deux ou trois fois l'année; et le principal et sans nulle esperance de remede, a laissé perdre Fernamboug et le Bresil, sans lequei commerce Portugal est assiegé et affamé, puisque generalement petitz et grandz vivoyent par le commerce des denrées du Bresil de quoy ilz sustenoient leurs familles et payoyent les impostz au roy et se garrantissoient de la superiorité des Castillans.

Il continuera avec prudence à leur faire connaistre suivant l'occasion et disposition qu'ilz ne peuvent jamais estre restablis et que le Portugal dans deux ans sera le plus pauvre royaume du monde et en esclavaage, s'ilz ne profitent de la belle occasion qu'ilz ont de se liberer de la domination espagnolle, estant certain que le roy d'Espagne et les Castillans voyans qu'ilz ne pourront tirer service ny utilité d'eux les chasseront de toute l'Espagne soubz pretexte de religion ou rebellion, comme ilz ont

fait aux chrestiens nouveaux descendans des mores pour leur prendre et ravir leurs biens qui estoient grandz en argent et meubles, ou bien en feront des colonnies et les enverront en Castille, les faisant punir injustement par l'inquisition qui est leur dernier remede pour exercer leur cruauté et la deguiser.

Que se separant entierement de ladictе subjection et tyrannie ilz pourront estre reestablis en leurs correspondances et commerces non seulement au Brasil et Fernambouc, mais avec tous les roys d'Affricque et de l'Inde de Portugal, des Estatz de Hollande et d'Angleterre, moyennant que le roy de France les prenne en sa protection contre tous; et que par ce moyen ilz pourront estre reestablis et estre le royaume le plus florissant et libre de l' Europe, et que les Castellans n'auront pas de forces ny moyens pour leur pouvoir faire mal si saditte majesté les maintient.

Continuant le discours, en faisant tomber les choses à propos, il leur donnera à entendre qu'il a esté en France et qu'il sçait les grandes forces que sa majesté a sur pied et les armées navalles qu'elle a sur les deux mers de plus de cent navires, et que les Hollandois dependent aussy de la vollonté de sa majesté. Que pour le bien commun et leur interrest propre, s'ilz desirent qu'il retournera en France en diligence et que par l'intercession de ses amys et entremises d'autres personnes de qualité qu'il connoist il fera parler au roy et à son eminence, et à l'instant obtiendra un grand secours de quarente ou cinquante navires avec huit ou dix mil hommes ou davantage. Et continuellement leur sera envoyé secours de grains, vivres et munitions de guerre, de quoy il est tres assureé et en respondra sur sa vie. Et s'ilz desirent qu'une ou deux ou davantage de personnes de qualité et creance viennent avrc luy en diligence, — que le voyage est si aisé et court qu'il est prest de s'embarquer à l'instant avec eux ou tout seul, prenant un navire et se mettant à l'instant à la voile puisque la saison est propre pour avoir des ventz favorables. Et en ce cas il s'embarquera sans retardement ny espargne, leur donnant assurance de retour en bref, pour lequel effect il demeurera d'accord à quel port ou rade il faut que les navires et secours de France arivent, et en quel temps à peu pres prendre certainement la marque et signe qu'il faudra faire de terre, comme aussi celuy qu'il faudra que les navires fassent de la mer ou rade, affin qu'il n'y puisse avoir d'equivocques et qu'il soit executé avec la fidelité et assurance qui se doit à un si grand monarque que le roy et pour le secours d'un royaume opprimé par tyrannie.

Et ayant fait le tout comme dit est, partira en diligence, tachant de parler auparavant à tous les principaux et particuliers qui y pourront avoir imterrest, leur donnant toutes sortes d'assurance et courage de l'effect et execution de ce que dessus, sans rien obmettre, et le tout avec le secret requis.

Enfin il faudra qu'il sache quel secours ilz desireroient de France, quelle precaution ilz donneroient pour estre assurez qu'en mettant des gens à terre ilz ne se trouvassent pas perduz peu de temps apres par quelque accord subit qui se pourroit faire entre eux et le roy d'Espagne.

Il leur faudra faire connaistre que la France ne veut point prendre de piedен leur pays, qu'elle ne leur demande point de places, mais seulement assurance qu'ilz me se reconcilieront point avec le roy d'Espagne, au moins sans une paix generale dans laquelle ilz trouveroyent leur seureté.

Pour assurance de ce que dessus le roy se contenteroit qu'on luy donnast des ostages qui seroient menez en France, ou ilz seroient aussy bien traictez qu'en Portugal. Et mesme si ledit envoyé trouve les affaires fort avancées, il pourroit apporter lettres au roy de la part du pays, signées authentiquement, et amener personnes de creance pour les certiffier et instruire de l'estat des affaires, en suite de quoy le roy enverroyt peu apres son secours.

Faut sçavoir en ce cas, s'ilz desirent que le roy leur envoie avec ledit secours le prince de Portugal qui est à Paris, qui est petit-filz du roy dom Sebastien. Mais il ne fera ceste proposition qu'en cas qu'ilz ne soyent point engagez em l'eslection de quelque autre prince, comme la bruit a couru qu'ilz avoient proclamé roy le duc de Breganse. Car si cela estoit, il se faudroit bien garder de luy donner aucune jalousie. Au contraire, il seroit tres à propos de luy faire connoistre que le roy l'appuyeroit de tout son pouvoir pour le maintenir en son establissement.

Перевод:

Записка о том, что должен делать тот, кто сейчас отправляется в Португалию

Он как можно скорее отправится в Дьепп, выдавая себя с этой целью за торговца. По прибытии в Дьепп он сразу же, как только представится возможность, сядет на фрегат, отплывающий прямо в Рай²⁵, Дувр или Плимут. Или же, если он не приблудет в Дьепп, пусть направится в Сен-Валери или Кале, чтобы отплыть оттуда. По прибытии в Англию он немедленно сядет на первый же попавшийся корабль, который везёт в Португалию зерно или другие товары (сейчас там много таких судов по причине неурожая в Португалии). Он заведет знакомство и дружбу с купцами или арматором, выдавая себя, как это он уже делал в других своих поездках, за португальского купца, заинтересованного в грузе корабля, и заявляя, что он едет также выправить многочисленные счета португальских купцов из Лондона, Голландии и Франции.

²⁵ Рай — английский порт на берегу Па-де-Кале.

В дороге и по прибытии он осведомится о том, в каком положении находятся дела португальских повстанцев и какие именно города и порты восстали; туда он и направится по-прежнему под видом торговца зерном, приехавшего с этой целью из Голландии и Лондона, — и он должен вскорости раздать им это зерно. Он втайне переговорит с некоторыми дворянами, с лицами явно недовольными и прочими через посредство замешанных в восстании еврейских купцов и будет всеми способами и доводами поддерживать их недовольство притеснениями инквизиции и тиранией испанцев, считающих их иностранцами и рабами и презирающих их до такой степени, что они дали им в правители женщину-иностранку, дабы она правила с присущей Австрийскому дому суровостью²⁶, ибо до сих пор не находилось никого, кто противостоял бы тирании этой династии.

Далее, со всей необходимой осторожностью и ловкостью он постарается убедить их, что испанский король никогда не простит им их деклараций и мятежа, какие бы обещания и гарантии он им ни давал. Португалия в прошлом знала достаточно подобных примеров, ведь её прирождённые государи короли и многие гранды были убиты, брошены в темницу и изгнаны, да и сейчас ещё оставшиеся в живых беглецы живут под покровительством французского короля, который дает им содержание как друзьям и союзникам королей, его предшественников²⁷. Ведь французское королевство всегда покровительствовало португальской короне и имело случай выразить португальцам всю свою любовь, оказывая им большую помощь в самых важных делах. Христианнейшие короли до такой степени относились к ним как к французам и своим подданным, что издавали декларации, зарегистрированные в парламентах и Счетной палате, согласно которым декларациям португальцы считались уроженцами королевства и не нуждались более ни в каких бумагах, удостоверяющих их подданство; и все французские короли оказывали им это благосклонное покровительство. Также и ныне царствующий король Людовик Справедливый по совету монсеньора кардинала герцога де Ришелье, его верного и главного советника, в прошлом мае 1637 года снова издал декларацию в пользу всех находящихся в Голландии португальских купцов, предоставив им право беспрепятственно приезжать и торговать во французском королевстве и его портах, подобно всем его друзьям и союзникам, так чтобы никто не мог причинить им никакого

²⁶ Имеется в виду вице-королева Португалии (1636–1640) Маргарита Савойская, вдовствующая герцогиня Мантуанская, по матери внучка испанского короля Филиппа II. Под Австрийским домом подразумевается вообще династия Габсбургов.

²⁷ Франция помогала против Испании последнему королю независимой Португалии Антониу I (1580). В Париже жили в эмиграции сам Антониу (умер в 1595 г.) и его младший сын Криштован (скончался там же 3 июня 1638 г.), получавшие пенсию от французских королей.

вреда под предлогом того, что они евреи; и отсюда видно, что если они обратятся к королю за защитой, то он будет оказывать им покровительство против всех на свете.

Он будет внушать им, что шеславие испанского короля и его фаворита графа де Оливареса есть причина разорения португальского королевства, так как введенные ими в Португалии налоги и расходы по содержанию армии весьма отягощают страну и не приносят ей никакой пользы. Напротив, Португалию поставили в такое положение, что она не сможет уже никогда восстановить свои силы, потому что из-за личного желания вышеназванного фаворита воевать с Францией, — а это то же самое, что штурмовать небо, — у португальцев захватывают корабли и караки²⁸, приходившие ранее в Лиссабон по 2–3 раза в год; главное же и непоправимое несчастье — потеря Пернамбуку и Бразилии, ибо без этой торговли Португалия отрезана от мира и обречена на голод; ведь и бедняки и богачи жили за счет торговли бразильскими товарами, благодаря ей они содержали свои семьи, платили налоги королю, и эта же торговля предохраняла их от преобладания кастильцев.

При удобном случае, смотря по обстоятельствам и настроению собеседников, он со всеми предосторожностями даст им понять, что если только они не воспользуются прекрасной возможностью освободиться от испанского господства, то Португалия никогда не сможет поправить свои дела, через два года она станет самым нищим королевством в мире и попадет в рабство; ибо он уверен, что когда испанский король и кастильцы увидят, что они уже больше не могут извлечь из них²⁹ никакой пользы, то и вообще прогонят их из Испании под предлогом религии или мятежа, подобно тому, как они поступили с новыми христианами, потомками мавров, дабы отнять у тех их большие богатства в деньгах и движимости³⁰, — или же выведет их на поселение в Кастилию, а инквизиция будет их несправедливо наказывать, потому что так всегда поступают испанцы, когда желают прикрыть свою жестокость благовидным предлогом.

Если же они полностью освободятся от вышеназванного господства и тирании, то смогут восстановить свои связи и торговлю не только с Бразилией и Пернамбуку, но и со всеми правителями Африки и португальской Индии, с Голландией и Англией³¹, — потому что король Франции примет их под своё покровительство и будет защищать против всех на свете; так что они смогут поправить свои дела, и Португалия превратится в самое процветающее и свободное коро-

²⁸ Карак — большое португальское судно.

²⁹ Здесь речь идет только о португальских евреях.

³⁰ Имеется в виду изгнание морисков в 1609 г.

³¹ Составитель инструкции воздерживается от ясного обещания добиться возвращения Португалии её колоний, захваченных союзницей Франции Голландией.

левство в Европе, а у кастильцев не будет ни сил, ни возможностей причинить им зло, если вышеназванный король будет поддерживать Португалию.

Далее, когда к тому представится случай, он даст им понять, что был во Франции и знает, сколь велика армия его величества, и что королевский флот на обоих морях насчитывает более сотни кораблей, а голландцы также зависят от воли его величества. И скажет, что если они ради общего блага и в своих собственных интересах желают, чтобы он спешно вернулся во Францию и через посредство своих друзей и прочих известных ему влиятельных особ обратился к королю и к его высокопреосвященству, то им тут же пришлют большую подмогу в 40–50 кораблей с войском числом в 8–10 тысяч солдат или даже больше, и тогда же вышлют запасы зерна, продовольствия и военного снаряжения, в чём он вполне уверен и отвечает за это головой. И если они пожелают, чтобы 1–2 или даже больше влиятельных и доверенных лиц с их стороны немедленно отправились вместе с ним, то он ответит, что путь очень удобен и короток, и что он поэтому готов тотчас же сесть на корабль и отплыть вместе с ними или один, потому что в это время года дуют попутные ветры. В этом случае он без всякого промедления сядет на корабль, заверив их в своем скором возвращении и договорившись с ними, к какому порту или рейду должны прибыть французские корабли с войском, в какое примерно время и какой сигнал должны им дать с суши, а также какой сигнал будет дан с самих кораблей, дабы уже не могло быть никаких недоразумений и все было исполнено совершенно точно, как то и подобает по отношению к такому великому монарху, как король Франции, и в таком деле, как помощь королевству, угнетённому тиранией.

Сделав все как сказано выше, он немедленно отправится в путь, но перед отъездом постарается переговорить со всеми из должностных и частных лиц, кто только может быть заинтересован в деле, и подбодрить их, дав им всевозможные заверения в успехе всего вышесказанного, ничего не упустив из виду, — все это с соблюдением должной тайны.

Наконец, ему надлежит узнать, какой помощи они желают от Франции и какой залог дадут для того, чтобы нам быть уверенными, что наши солдаты не погибнут вскоре после высадки вследствие какого-либо неожиданного соглашения, могущего состояться между португальцами и испанским королём.

Он должен заверить их, что Франция отнюдь не хочет утвердиться в Португалии, что она не требует для себя никаких крепостей, но лишь хочет получить уверенность в том, что они не примирятся с испанским королём до заключения всеобщего мира, который обеспечит их безопасность.

Чтобы получить такую уверенность, король удовлетворился бы предоставлением заложников, которых отправят во Францию и будут

обращаться там с ними так же хорошо, как и в Португалии³². Если вышеназванный посланец найдет, что дела зашли уже очень далеко, он даже может привезти королю письма от представителей страны, должным образом подписанные, и взять с собою доверенных лиц от португальцев, дабы они подтвердили сказанное в письмах и сообщили о положении дел, после чего король вскорости отправит им свою подмогу.

В этом случае следует узнать, не желают ли они, чтобы король послал им вместе с вышеназванной подмогой находящегося в Париже португальского принца, внука их короля дона Себастьяна³³. Однако он предложит это только в том случае, если они ещё не избрали себе другого государя, ибо был слух, что они провозгласили королём герцога Браганского³⁴. Если это действительно так³⁵, то нужно всячески остерегаться всего, что могло бы возбудить у герцога ревнивое недоверие. Напротив, было бы очень кстати заверить его, что король будет всеми силами поддерживать его права.

ГБЛ. Ф. 68. Д. 371. Л. 280–282.

3. Запись устного сообщения Дюпона. Апрель 1638 г. Копия

Relation du sieur Dupont à son retour de Lisbonne Baillée à M. l'archevêque de Bourdeaux à Paris le 22 d'avril 1638

Ledit Dupont avoyt passé des l'année 1626 aux isles de l'Amerique pour le service de son eminence. Et estant à Saint-Cristophle, le sieur de Nambuc luy commanda d'aller à la Martinique pour y commander deux cens hommes, et pour ce faict s'embarqua avec quinze hommes dans une barque. Et par une grande tourmante furent jettez dans l'isle Espagnolle, ou en abordant la terre ceulx de ladite isle luy tuerent deux hommes et blesserent six. Fut pris prisonnier et mené en la ville de Saint-Domingue ou ilz l'ont tenu six mois, au bout desquelz on l'embarqua dans une fregatte pour le mener à Siville. Ou, rencontrant sur leur route

³² В дальнейшем эта позиция была пересмотрена — вероятно, под влиянием известий о подавлении восстания в Эворе. В инструкциях Сурди (май 1638 г.) и Сен-Пе (август 1638 г.) получение в залог одного из португальских портов ставится непременным условием активной французской помощи.

³³ Явная описка в копии: у Себастьяна не было детей. Очевидно, имеется в виду сын Антониу I Криштован.

³⁴ Герцог Жуан Браганский (1604–1656) — потомок португальских королей по bastardной линии, впоследствии король Португалии Жуан IV (1640–1656), основатель Браганской династии.

³⁵ В действительности восставшие не провозглашали Жуана Браганского королём, имели место лишь стихийные манифестации (*Menezes L. Historia de Portugal restaurado. T. I. Lisboa, 1679. P. 65*).

un navire qui leur donna la chasse, furent contrainctz d'entrer à Lisbonne ou il fut mis prisonnier pendant seize mois, durant lequel temps le sieur de Saint-Per, consul des François, le visita et sollicita son eslargissement. Mais sur les nouvelles arrivées à Lisbonne que le sieur de Saint-Georges de Normandie avoyt pris ung navire portugais, il y eut esmotion populaire et fut contrainct ledit sieur de Saint-Per et autres marchandz françois mariez audit lieu de se retirer à l'église de Saint Louis (que l'on nomme l'église des François), auquel lieu ledit Dupont le visita apres son eslargissement. Et comme il vid ledit Dupont prest à s'en revenir, le pria d'affection par plusieurs et diverses fois de donner advis de sa part à son eminence que tout le peuple de Portugal ouvroyt les bras au roy de France, et que si le roy veult que ses armes fleurissent, qu'il envoie dom Cristophle que la noblesse desire passionnement, — ilz le recevront comme prince du royaume. Et qu'il est necessaire pour donner toutes sortes d'instructions et advis de l'execution de ceste affaire qu'il vienne au plustost en France, ce qu'il fera luy envoyant un homme asseuré. Ce que ledit sieur de Saint-Per luy repeta par plusieurs fois, et que s'il manquoit de sa part de donner ledit advis à son eminence qu'il luy feroyt courir risque de sa vie. Et luy dist qu'il luy eust escript sans qu'il apprehendoyt que l'on le pouillast, d'autant qu'estant trouvé chargé desdites lettres cela luy causeroyt et audit Saint-Per la perte de leurs personnes et romproyt le dessein qu'il a de servir le roy.

Ledit Dupont dit aussy avoir ouy dire generalmente à tout le monde du pays que si le roy de France envoioyt des forces audit pays qu'ilz se donneroient à luy ou que s'il envoioyt ledit dom Cristofle qu'ilz prendroient tous les armes et le reconnoistroient pour leur prince.

À l'entrée de la riviere de Lisbonne il y a une ville et chasteau nommez Cascaye, lequel il n'a pas veu, mais bien la forteresse de Saint-Anthoine dans laquelle il y a quarente hommes en garnison. Ledit chasteau n'est pas guiere fort et y a du canon dedans.

Il y a encores un autre fort nommé Saint-Jean à la portée du canon dudit chasteau, lequel du costé de terre n'est pas fort, il n'y a pas d'eau dans le fossé, mais du costé de la mer il est bien fort.

Plus à une lieue dudit Saint-Jean il y a une tour nommée la tour de Belin dans laquelle y a cinquante hommes entretenus et dix à douze pieces de canon; la mer passe tout autour, estant bastie sur un rocher.

Vis-à-vis de ladite tour il y a le chasteau de Voix dans lequel y a dix à douze hommes entretenus et sept pieces de canon. Il n'y a aucunes provisions de vivres, l'on leur porte tous les jours leur nourriture. Ledit Dupont dit avoir sçeu ceste particularité d'un soldat castillan qui estoit dans le mesme prison que ledit Dupont.

Dit ledit Dupont que la nouvelle estant arrivée à Lisbonne que Saint-Uval se revoltoyt, on tira du chasteau dudit Lisbonne quatre-vintz

soldatz qu'ilz envoyèrent au chasteau dudit Saint-Uval dans lequel y avoyt lors en tout cent cinquante hommes.

Dit que pour se venir embarquer à Porto en Portugal il passa à une ville nommée Saint-Arein qui est sur la riviere dudit Lisbonne à quatorze lieues. Il n'y a aucune fortification ny armes en ceste ville là.

Tonmare est une petite ville entre deux montagnes sans fortification ny canon.

De la ledit Dupont a passé à Couimre, fort belle ville ou il y a une riviere et un pont de pierre contenant cent cinquante pas de long. Ladite ville est simplement cloze de muraille, point de fosse ny pont-levis. Le pays [est] fort bon, s'y cuillant quantité de vins et de bledz.

De là a passé à une ville nommée Aveir, port de mer ou il se fait du negoce. Elle est aussy simplement fermée de murailles, sans canon ny pont-levis.

De là est allé à Porto distant dix lieues dudit Aveir. Il s'y fait force negoce. Est à trois lieues de la mer, le havre est à barre. À l'entrée y a un chasteau où il y a cinquante hommes en garnison, et pres dudit chasteau un bourg auquel il peut avoir cent cinquante à deux cens maisons. Peuvent entrer les vaisseaux à la barre sans que ledit chasteau leur puisse faire aucun dommage.

Dit ledit Dupont que à dix-huict ou vingt lieues dudit Lisbonne il y a une ville nommée Eversité dans la province d'Alentego, que les habitans d'icelle ont fortifiée et fait fondre du canon, comme aussy mis des vivres dans ladite ville pour deux ans. Le peuple est sur les armes, ayant commencé la revolte, et quantité d'hommes des autres villes se retirent dans ladite ville, mesmes aucuns de Lisbonne.

Dit que ledit sieur de Saint-Per est en for grande reputation et intelligence, ayant un filz de sa femme capitaine d'une compagnie dans la ville de Lisbonne, que l'on tient en for bonne estime.

Dans le cu-de-sac de Saint-Uval il y a deux villes nommées comme il croid Ebre et Badajaux, lesquelles villes ce sont souslevées, le peuple ayant chassé les gens de justice, estably d'autres en leur place, bruslé les livres du roy et donné liberté aux prisonniers.

Перевод:

**Рассказ съёра Дюпона после его возвращения из Лиссабона.
Вручено монсьёру архиепископу Бордосскому³⁶
в Париже, 22 апреля 1638 г.**

Вышеназванный Дюпон с 1626 г. исполнял службу его высокопреосвященства³⁷ на американских островах, и когда он находился на острове Сен-Кристоф³⁸, съёр Намбюк³⁹ приказал ему отправиться на Мартику⁴⁰ и принять там под свою команду 200 человек, во исполнение чего он сел на корабль, имея с собой 15 человек, но во время большой бури они были выброшены на берег острова Эспаньола⁴¹, где на них напали жители острова, которые убили двух человек и ранили шестерых. Он был взят в плен и отведен в город Сан-Доминго, где его держали шесть месяцев, после чего посадили на корабль, чтобы отвезти в Севилью. В пути за ними погнался один корабль, и они были принуждены бросить якорь в Лиссабоне, где его держали в плену целых 16 месяцев, и в это время его посещал съёр Сен-Пе, французский консул, который и хлопотал о его освобождении. Однако когда в Лиссабон пришло известие, что съёр Сен-Жорж из Нормандии⁴² захватил один португальский корабль, в городе произошли народные волнения, и вышеназванный съёр Сен-Пе вместе с другими французскими купцами, у которых есть семьи в этом городе, должен был укрыться в церкви Святого Людовика, именуемой также церковью французов, где вышеназванный Дюпон и посетил его после своего освобождения. И когда съёр Сен-Пе узнал, что вышеназванный Дюпон готов вернуться во Францию, он многократно и горячо просил его передать его высокопреосвященству, что весь португальский народ готов с распростертыми объятиями встретить войско короля Франции и что если король желает славы своего оружия, пусть он пошлёт дону Криштована, за которого горячо стоит дворянство, и они примут его как своего государя. Он сказал также, что ему необходимо в самом скором времени вернуться во Францию, чтобы дать всякие советы и наставления, как бы исполнить это дело, а сейчас он посылает для этого к его высокопреосвященству надежного человека, — и все это вышеназванный

³⁶ Анри д'Эскубло де Сурди (1593–1645) — архиепископ Бордосский и командующий французским атлантическим флотом.

³⁷ То есть кардинала Ришелье, занимавшего пост сюринтенданта навигации и торговли.

³⁸ Ныне о. Сент-Кристофер — первоначально был центром французских владений в Вест-Индии.

³⁹ Намбюк, правильно Белэн д'Эснамбюк, Пьер (1585–1637) — французский корсар, первый губернатор французских владений в Вест-Индии (1627–1637).

⁴⁰ Остров Мартиника был захвачен Эснамбюком в сентябре 1635 г.

⁴¹ Эспаньола — принадлежавший Испании остров Гаити.

⁴² Французский корсар.

Сен-Пе повторил не один раз, и ещё сказал, что если вышеназванному Дюпону не удастся передать этот совет его высокопреосвященству, то он, Сен-Пе, рискует головой. Он добавил, что написал бы письмо, если бы не боялся, что Дюпона обыщут в дороге, потому что если бы тогда при нем нашли письмо, то они оба погибли бы, а его замысел послужить королю был бы раскрыт.

Вышеназванный Дюпон сказал также, что повсюду в народе он слышал, что если бы французский король послал бы свои войска в Португалию, то все перешли бы на его сторону, а если бы он послал вышеназванного дона Криштована, то все португальцы взяли бы за оружие и признали его своим государем.

В устье реки, на которой стоит Лиссабон, есть город и замок, именуемый Кашкайш, которого он не видал, зато он видел крепость Сант-Антониу, где есть гарнизон числом в 40 солдат. Вышеназванный замок слабо укреплен, но в нем есть пушки⁴³.

Есть ещё и другой форт, именуемый Сан-Жуан, на расстоянии пушечного выстрела от вышеназванного замка, он слабо укреплен со стороны суши и во рву нет воды, но со стороны моря он очень мощный.

Далее на расстоянии 1 льё от вышеназванного Сан-Жуана есть башня, именуемая башней Белен, в которой содержат 50 солдат и 10–12 пушек; башня окружена морем и стоит на скале.

Напротив вышеназванной башни есть замок Вуа (?), в котором содержат 10–12 солдат и 7 пушек. Там нет никаких запасов продовольствия, и каждый день туда носят пищу. Вышеназванный Дюпон сказал, что он знает об этом от одного кастильского солдата, сидевшего в той же тюрьме, что и он.

Вышеназванный Дюпон сказал, что когда в Лиссабоне узнали о восстании в Сетубале, то из цитадели Лиссабона перевели в цитадель вышеназванного Сетубала 80 солдат, а до того в замке Сетубала было всего 150 солдат.

Он сказал также, что по дороге в Порту, где он должен был сесть на корабль, он проезжал через город, именуемый Сантарен, который стоит на той же реке, что и Лиссабон, в 14 льё от него. В этом городе нет ни укреплений, ни вооружения.

Томар — небольшой город между двумя горами, без укреплений и артиллерии.

Оттуда вышеназванный Дюпон проехал в Коимбру, очень красивый город, где есть река и каменный мост в полтора шага длиной. Этот город обнесен простой стеной, без рвов и подъемных мостов. Область вокруг Коимбры очень хороша, там собирают много винограда и хлеба.

Оттуда он проехал в Авейру, торговый порт на море. Этот город также обнесен простой стеной, без пушек и подъемных мостов.

⁴³ Судя по контексту, можно предположить пропуск в копии отрицания: «et n'y a du canon» - «и в нем нет пушек».

Оттуда он проехал в Порту, в 10 льё от вышеназванного Авейру. Там ведётся большая торговля. Город стоит в 3 льё от моря, порт находится у отмели. При входе есть замок с гарнизоном в 50 солдат и вокруг этого замка бург, в котором примерно 150–200 домов. Корабли могут войти в порт таким образом, что замок не причинит им никакого вреда.

Вышеназванный Дюпон сказал, что в 18 или 20 льё от Лиссабона есть город «Эверсите» (Эвора) в провинции Алентежу, горожане укрепили его, льют пушки и навезли туда продовольствия на два года. Народ взялся за оружие и начал восстание, и многие жители других городов стекаются в вышеназванный город, некоторые даже из Лиссабона.

Он сказал, что вышеназванный съёр Сен-Пе имеет очень хорошую репутацию и большие связи, ибо сын его жены командует в качестве капитана ротой в городе Лиссабоне и все его очень уважают.

На берегу бухты Сетубал есть два города, именуемые, по его словам, «Эбре» (Эвора) и Бадахос⁴⁴. Эти города восстали, народ прогнал судейских, назначил на их место новых, сжег королевские налоговые списки и освободил заключённых.

ГБЛ. Ф. 68. Д. 371. Л. 198–200.

Послесловие 2018 года

Эта работа была моим первым опытом поисков неопубликованных французских документов, и его успех вдохновил молодого исследователя. Теперь, спустя полвека, пришло ощущение, что в трактовку обстоятельств так называемого «заговора Сен-Пе» стоит внести известную дозу скептицизма. Это ощущение появилось после знакомства с опубликованной в 2005 г. статьёй очень авторитетного специалиста по истории международных отношений XVII века Жана Беранже «Разведывательные службы Ришелье и португальская революция 1640 года»⁴⁵.

⁴⁴ Очевидно, Дюпон, будучи случайным человеком в Португалии, обозначил один и тот же город двумя разными названиями. К тому же Эвора, как и Бадахос, не находится на берегу бухты Сетубал. Бадахос — испанский город у границы с Португалией, сообщение о восстании в нем ошибочно; все описанные ниже действия восставших относятся к событиям в Эворе.

⁴⁵ Bérenger J. Les services de renseignements de Richelieu et la révolution portugaise de 1640 // Itinéraires spirituels, enjeux matériels en Europe. Mélanges offerts à Philippe Loupès / Sous la dir. d'A.-M. Cocula et J. Pontet. T. I. Bordeaux, 2005. P. 321–336. К сожалению, автор не обратил внимания на мою публикацию, хотя она была отмечена в «Bibliographie annuelle de l'histoire de France 1976», под № 2153 (Paris, 1977), причём с пометой о наличии новых публикуемых документов.

Ж. Беранже ввел в оборот затерянное в многотомном издании итальянского историка XVII в. Витторио Сири письмо Сен-Пе на имя Людовика XIV, написанное в Лиссабоне в 1646 г.⁴⁶ К тому времени Португалия уже пять лет как была независимой, но её независимость не признавалась Испанией, между обеими странами велись военные действия, при этом прямой военной помощи Франция португальцам не оказывала (войска были нужны на других фронтах), и Сен-Пе как раз просит прислать в Португалию французскую кавалерию. Подкрепляя эту просьбу, консул пускается в воспоминания: как он, исполняя августовскую инструкцию 1638 г., отправил свое доверенное лицо в Португалию, как через два года (?!), в ноябре 1640 г., находясь во Франции, получил от своих португальских друзей-заговорщиков письмо о том, что все готово к перевороту и ждать осталось не более месяца; как он сразу же, «в 10 часов вечера», отнес это письмо военному министру Сюбле де Нуайе, а тот немедленно показал письмо Ришелье, а кардинал наутро отвез важный документ Людовику XIII в Сен-Жермен, и восхищённый король велел поскорее оказать португальцам всю необходимую военную помощь. (Вот уже три свидетеля, которые могли бы подтвердить существование письма, если бы только все они не ушли из жизни — последним в 1645 г. скончался Сюбле де Нуайе.) Этот взволнованный призыв к королю-сыну исполнить волю отца не произвел впечатления на первого министра Мазарини, и кавалеристов в Португалию он не послал.

Действительно, неправдоподобность рассказа бросается в глаза. Революция 1 декабря 1640 г. произошла в форме дворцового переворота, успех которого зависел от внезапности, и совершенно непонятно, зачем заговорщикам понадобилось заранее извещать о своей готовности в письме, отправленном в Париж. Зато вполне понятна заинтересованность Сен-Пе в создании такой легенды. Ему очень хочется представить дело так, будто бы те, кто совершил революцию 1640 г. — те же самые лица, которых он вовлек в заговор в 1638 г. (хотя это были совсем другие люди), а значит, сам он является одним из «отцов-реставраторов» португальской независимости. Так выявляются те личные качества Сен-Пе — тщеславие, способность сознательно преувеличивать свои возможности и заслуги — которые делают его ненадежным свидетелем. В частности, в беседах с Дюпоном он вполне мог силь-

⁴⁶ Siri V. Del Mercurio, overo historia de' correnti tempi. T. XII. Paris, 1672. P. 932–935.

но преувеличить популярность своего пасынка, капитана роты в Лиссабоне (утверждение, которое французский моряк никак не мог бы проверить).

Тем не менее Беранже принял всерьез рассказ Сен-Пе и на этом основании считал его одним из главных и постоянных информаторов Ришелье по португальским делам. Между тем сам Сен-Пе изображает якобы полученное им письмо от ноября 1640 г. как прямой ответ на французский демарш августа 1638 г., тогда как французская инструкция требовала от португальских заговорщиков быстрого и четкого ответа, твердого обещания совершить переворот в основном своими силами, при очень ограниченной военной помощи французов на первом этапе акции. Межкпать с ответом два года? Серьезные заговорщики так не делают. Чем серьезнее заговор, тем больше людей в него вовлечено и тем больше опасность провала. Но в данном случае нет никаких оснований полагать, что весь «заговор Сен-Пе» шел дальше дружеских застольных бесед на тему «а вот хорошо бы, если...».

Жуаким Серран в «Истории Португалии» бегло говорит о Сен-Пе, что тот в 1638 г. «был в курсе (*estava ao corrente*) движения, стремившегося возвести на трон герцога Браганцского»⁴⁷. Это ошибка — как видно из нашей записки о показаниях Дюпона, заговорщики имели в виду совсем другого кандидата, а именно жившего в Париже дона Криштована, сына последнего короля Антониу I, носившего по отцовскому завещанию титул «короля Португалии». Стоит только ему с французской помощью высадиться на берегах Португалии, как за него стихийно встанет все португальское дворянство, тут даже и готовить ничего не надо...

Увы — не прошло и двух месяцев после опроса Дюпона, как 66-летний дон Криштован скончался (3 июня 1638 г.), не оставив прямых наследников, а других потомков короля Антониу под рукой у Ришелье не было. Соблазнительный проект сорвался сам собою, и представшему перед кардиналом Сен-Пе пришлось срочно что-то придумывать, чтобы усилить привлекательность плана французской интервенции в Португалии; вполне вероятно, что пошло в дело и восхваление влияния и возможностей пасынка, капитана роты в Лиссабоне.

Эмиссар Сен-Пе, посланный в Португалию в августе 1638 г., прежде всего, должен был встретиться с «капитаном Жоржи Азеведу» и через него уже войти в контакт с «канцлером». В статье Беранже приводятся (без отсылки на источники) сведения о том,

кем был Жоржи Азеведу ди Мишкита (*Mesquita*), и эти сведения были для меня совершенно неожиданными⁴⁸. Оказывается, Жоржи Азеведу был одним из «эшевенов» ратуши Лиссабона, причём занимался главным образом финансовыми вопросами; в декабре 1638 г. он был включен в список кандидатов на королевскую должность инспектора мер и весов. Почему же Беранже не смущает, что этот человек именуется капитаном? Просто почетный титул? Но весь контекст «инструкции Сен-Пе» говорит, что к нему относятся как к военному руководителю будущего восстания. Подумаем: в каком случае один из сугубо штатских «отцов города» может быть назван капитаном? Как будто только в одном: если речь идет о нем как о капитане одной из рот городской милиции, подчинённой ратуше. О капитане горожан-ополченцев, а не регулярных войск. Да и зачем бы испанцам держать в Лиссабоне части регулярной португальской армии, если ненадежная столица контролируется засевавшим в неприступной цитадели испанским гарнизоном? Но похоже, что именно кадровым военным хотел бы представить пасынка его отчим Сен-Пе.

Поверил ли Ришелье в серьезность предложения Сен-Пе? Основания для отрицательного ответа очевидны. «Капитан Азеведу» был малоизвестен, а главное — не было уверенности в том, что народ Лиссабона с пониманием отнесется к французской интервенции. Сен-Пе, которому с другими французскими купцами пришлось укрываться от этого народа в церкви, явно не мог ни за что ручаться. Если уж захват французским корсаром одного португальского корабля вызвал столь сильные волнения — как поведут себя лиссабонцы, увидев в устье Тежу целую французскую эскадру?

И ещё вопрос — почему все-таки выбор эмиссара для отправки в Португалию был доверен самому Сен-Пе? Для проверки надежности его информации было бы, естественно, послать туда стороннего, беспристрастного человека. А может быть, проницательный кардинал уже понял, что никакого серьезного заговора нет и по милости своей решил дать Сен-Пе возможность выйти из дела без «потери лица»?

* * *

Окончив на этом полемику с Беранже, отмечу его важное архивистское открытие, позволяющее получить более конкретное пред-

⁴⁷ Serrão J.V. História de Portugal. T. IV. Lisboa, 1979. P. 137.

⁴⁸ Bérenger J. Op. cit. P. 331.

ставление о втором из моих опубликованных документов, «инструкции неизвестному лицу», и даже подправить его датировку.

В свое время издатель писем Ришелье Д. Авенель заверял, что во французском Архиве иностранных дел в фонде «Сношения с Португалией» нет никаких писем, датированных до 1641 г. Беранже обнаружил, что такие письма есть, и именно в этом фонде, в папке, озаглавленной «Дополнение первое»⁴⁹. В ней на тридцати листах содержатся оригиналы писем, посланных кардиналу Ришелье его старым знакомым, банкиром и коммерческим агентом Аффонсу Лопишем, принадлежавшим к диаспоре осевших во Франции крещеных португальских евреев (марранов); понятно, что у него была обширная сеть корреспондентов среди марранов — как французских, так и оставшихся в Португалии — христиан по виду, но иудеев втайне.

Данная группа писем охватывает период от ноября 1637 г. до апреля 1638 г. Уже в первом письме от 13 ноября Лопиш передает полученное им накануне от одного руанского купца, маррана, вернувшегося из Испании, слухи о массовых восстаниях в Португалии: будто бы восставшие португальцы истребили испанский гарнизон в Лиссабоне, и во многих других городах произошли антиналоговые восстания, сопровождавшиеся убийствами губернаторов. Лопишу вся эта информация сразу же показалась крайне преувеличенной, но аналогичные известия продолжали приходить к нему и позднее. Он решил послать в Португалию своего надежного агента чтобы разобраться в истинном положении дел. В письме от 28 декабря 1637 г., сообщая Ришелье новые сведения о восстаниях в Португалии, Лопиш пишет, что он «с нетерпением ожидает точных сведений от той особы» («de la personne» с определённым артиклем — надо полагать, уже известной кардиналу).

Итак, есть все основания полагать, что наша «инструкция неизвестному лицу» была составлена Лопишем и, видимо, согласована с Ришелье; что она датируется ноябрем—декабром 1637 г., так что размещённая в хронологическом порядке она должна была бы занять первое место среди опубликованных мною документов. У посланца Лопиша нет ещё никаких точных сведений даже о центре восстания, он должен узнать это по пути или по прибытии в Португалию. Вместе с тем диапазон его полномочий чрезвычайно обширен. Все свои разговоры он должен вести край-

не осторожно, но уж если встретит полное понимание, вправе договариваться обо всех деталях, вплоть до места высадки французского морского десанта и характере сигналов для него с берега. Вполне понятным становится как будто нелогичное чередование общеполитических доводов в пользу восстановления независимости Португалии с частными доводами, рассчитанными только на португальских евреев: из соображений предусмотрительности французский агент (видимо, такой же марран, как и они) должен был, прежде всего, установить контакты со своими тайными единоверцами — и почему бы не попытаться убедить их в выгоды ориентации на Францию (хотя никаких сведений о фактах недовольства испанским господством со стороны именно марранов к Лопишу не поступало)?

⁴⁹ Archives des Affaires Etrangères. Correspondance politique. Portugal. Supplément 1. F. 186–216.

ПЕСНЯ О ПРОВЕРКЕ ДВОРЯНСТВА (1664 г.)*

Хорошо известна роль задорных сатирических песенок как анонимного рупора оппозиционных политических настроений во Франции. Они неоднократно копировались и соединялись вместе в сборниках, составлявшихся многими коллекционерами, образуя как бы историю Франции в стихах. Один из таких сборников хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (собрание Российского генерального штаба)¹. Это пять больших рукописных томов, исполненных аккуратным почерком XVIII в.; куплеты расположены в хронологическом порядке, в соответствии с их содержанием, охватывающая период 1600–1741 гг.

Остроумные — и не очень — выпады против министров и королевских любовниц, анекдоты и придворные сплетни... Поэты XVII века редко отклоняются от подобной тематики, и та песня, о которой пойдет речь ниже, является обращающим на себя внимание исключением. В ней говорится о том, как исполнялось важное правительственное мероприятие, начатое ещё при Фуке, продолженное и завершённое при Кольбере, — кампания проверки дворянства методом сдачи этой процедуры на откуп².

Песня мало известна — во всяком случае, она не включена в авторитетный восьмитомник П. Барбье и Ф. Вернийя³; мы должны иметь дело с этой единственной известной нам копией, ошибки которой, впрочем, легко исправить. Приведем текст песни с исправлениями.

* Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 495–500.

¹ Recueil des chansons choisies... pour servir l'histoire anecdote. — РГБ. Ф. 68. Д. 419а–419д. История комплектования этого фонда практически неизвестна.

² Там же. Д. 419а. С. 414–416.

³ *Barbier P., Vernillat F.* Histoire de France par les chansons. Paris, 1956–1961. 8 vols.

Песня о проверке дворянства (1664 г.)

Depuis six mois on ne voit que Noblesse
Le long de ces chemins,
Chargés de sacs ils remuent sans cesse
Tous leurs vieux parchemins,
Disans: «Voilà de quoy faire voir comme
Je suis gentilhomme, moy,
Je suis gentilhomme!»

Mais ils n'ont pas achevé de produire,
Qu'un commis de Bousseau
Dit aussitôt ne cherchant qu'à leur nuire :
«Je veux m'inscrire en faux!
Car des contracts la grosse je rebute,
Je veux la minute, moy,
Je veux la minute!»

«Vous demandés une chose incivile,
Dit le noble assigné;
Car si les rats d'un papier si fragile
Ont fait leur dejeuner,
Ou si le feu les a reduit en cendre,
Ou diable les prendre, moy,
Ou diable les prendre?»

«Ce n'est pas là, repond un de nos droles,
Les sacs qu'il faut à nous,
Aportés nous bon nombre de pistoles,
Nous aurons soin de vous,
Nous vous ferons moyennant bonnes sommes
Anciens gentilhommes, vous,
Anciens gentilhommes!»

«Si vous voulés me faire une remise,
Je vous satisferay,
Et je vendray tout jusqu'à ma chemise
Ou j'en apporteray,
Quoyque je n'aye commis de derogeance,
J'aime l'assurance, moy,
J'aime l'assurance!»

«Sire, eprouvés, s'il vous plait, notre zele
Par un arriereban,
Envoyés nous contre les infideles
Et les mahometans,
Nous craindrons moins deux mille janissaires
Que deux commissaires, nous,
Que deux commissaires!»

Lors le commis, entendant la promesse,
 D'un ton un peu plus doux:
 «Vous parroissés, dit-il, à la presse,
 Et j'auray soin de vous,
 Et fussiez-vous vilain de six cent races,
 Je vous feray grace à vous,
 Je vous feray grace!»

Составители нашего сборника датировали эту песню 1668 г., но это неверно. Главная же ошибка копииста состояла в неправильном прочтении фамилии Буссо (Bousseau), заменённой более известной фамилией Буало (Boileau).

Имя Тома Буссо появляется в тексте королевской декларации от 8 февраля 1661 г. о поисках «узурпаторов» дворянского статуса⁴. Там «мэтру Тома Буссо» поручается организация этого расследования на его первичной стадии, тогда как окончательное решение об исключении из дворянства уличённых узурпаторов будет принимать парижская Налоговая палата, *Conseil des Aides* (все расследование на первых порах ограничивалось её округом). Из более поздних документов видно, что речь шла о сдаче расследования на откуп (точные условия которого остаются нам неизвестными), и что Буссо был тем подставным лицом, на имя которого этот откуп был оформлен: у него был некий поручитель, и, очевидно, в деле приняла участие целая группа оставшихся в тени финансистов.

Роль подставного лица могла быть шагом к превращению в настоящего, солидного финансиста, но с Буссо этого не произошло. После аннулирования означенного его именем откупа он пропадает из истории.

Декларация 1661 г. была уже второй попыткой провести в централизованном порядке проверку дворянства. Ей предшествовала аналогичная королевская декларация от 30 декабря 1656 г.⁵, действие которой также ограничивалось рамками округа парижской Налоговой палаты, но руководство первичной проверкой возлагалось тогда на королевского прокурора в Налоговой палате Франсуа Бодена. После того как эта декларация была 11 сентября 1657 г. зарегистрирована в палате,

⁴ Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 (далее – RGALF) / Par MM. Isambert, Decrusy, Taillandier. T. XVII. Paris, 1829. P. 392–397.

⁵ Ibid. P. 339–341.

28 сентября была создана центральная комиссия из советников этой палаты во главе с её первым президентом и нескольких государственных советников⁶. Согласно составленной этой комиссией регламенту, королевский прокурор поручал своим заместителям на местах (*substituts*) высылать ему для проверки перечень тех лиц, которые в списках плательщиков тальи (такие списки составлялись в местных финансовых округах, элекциях) были отмечены как освобождённые от уплаты этого налога. Затем он истребовал от заподозренных в узурпации подтверждающие их дворянство грамоты, и далее центральной комиссии предстояло рассматривать дела по документам, полученным от королевского прокурора с учетом его замечаний.

Таким образом, главное отличие декларации 1661 г. от её предшествовавшей состояло в изъятии процедуры первичной проверки из ведения аппарата оффисье Налоговой палаты и передача её откупной компании.

Вначале предполагалось, что компания Буссо будет, в соответствии с актом 1661 г., действовать в пределах округа парижской Налоговой палаты. Но уже из постановления Государственного совета от 14 июня 1663 г.⁷ видно, что её активность распространялась на зоны компетенции других налоговых палат. Оно было принято в ответ на жалобу Буссо: нотариусы-девячески затягивают выдачу ему относящихся к установлению дворянства выписок из своих регистров. Государственный совет тогда предписал синдикам корпораций нотариусов в месячный срок лично доставить эти выписки в парижское бюро Буссо, если данный нотариат находится в округе парижской Налоговой палаты, а если в округах других палат – то «в бюро, учреждённые им в городах и резиденциях этих палат». На какие ещё налоговые округа распространили свою компетенцию эти откупщики, точно неизвестно (очевидно все же, что не на всю Францию, как полагают некоторые авторы⁸), саму же тенденцию можно связать с тем, что в руководстве финансами Фуке был сменён Кольбером, который был склонен поощрять нарушение королевскими агентами традиционных сфер компетенций между старыми палатами. Во всяком случае, ясно, что бюро компании Буссо находились в тех же городах, что и соответствующие налоговые

⁶ BN. F 23612 (322).

⁷ AN. E 1718. F. 71–72.

⁸ Meyer J. Colbert. Paris, 1981. P. 202.

палаты, — и туда должны были доставлять свои оправдательные документы лица, подозреваемые в узурпации дворянства. С этого момента и начинается действие нашей песни.

Итак, дороги Франции заполнены настоящими, подлинными дворянами; они везут с собой целые мешки с нотариально заверенными «гроссами» хранящихся в их замках старых грамот. Если это королевские грамоты об аноблировании, они должны быть не новее 1606 г.: за подтверждение более новых придется платить существенный побор в 1500 ливров. Ещё нужны грамоты об отце и деде: что они занимали подобающие дворянам почётные военные или гражданские должности и не совершали «дерогации» (*derogance*, т.е. не занимались торговлей). Дорога могла быть длинной — в округ парижской Налоговой палаты входила половина Франции.

Представ со своими «старыми пергаменатами» перед бюро откупной компании, наши дворяне сталкиваются с придиркой одного «служащего Буссо», который отвергает их гроссы и требует предъявления нотариального черновика, «минуты». Обычные придирки к гроссам: что-то неразборчиво, что-то как будто потёрто... Обойти откупщиков, пожаловавшись на них непосредственно в Налоговую палату, невозможно: палате запрещено принимать такие жалобы⁹. Но в руках у дворян не может быть «минут» — они вписаны в книги нотариальных регистров в том месте, откуда эти дворяне приехали. Возвращаться обратно, брать заверенные выписки? А вдруг старые нотариальные регистры пропали, сгорели, изъедены крысами?

Тут возникает почва для полюбовного соглашения, дворяне согласны выплатить откупщикам изрядную сумму денег, после чего подтверждение их статуса будет считаться состоявшимся, на проверку в Налоговую палату их грамоты отправлены не будут.

Недовольство компанией Буссо было тем сильнее, что её проверка подвергался широкий круг «подозреваемых». В ответ на просьбу Тома Буссо дать регламент о размерах штрафов, подлежащих взиманию с узурпаторов, Государственный совет дал 30 января 1664 г. разъяснение (за подписями Сегье, Кольбера и интенданта финансов Марена) весьма любопытного содержания¹⁰. В соответствии с декларациями 1656 и 1661 гг. незаконное присвоение титулов «шевалье» и «экуюе» каралось штрафом в 2000 ливров (кроме

того, эти узурпаторы должны были выплатить 10% от назначенного размера тальи, да и Налоговая палата имела право обложить их такой суммой штрафа, какой сочтет нужным, — это уже ожидало их на более высоком, чем откупная компания, уровне). Но кроме того, откупщики имели право взимать штраф и с тех лиц, кто в нарушение обычаев присвоил себе почетное именование «*noble homme*».

Эти люди не были настоящими дворянами и неуверенно присваивали дворянские иммунитеты, почему их группа делится на две категории: одни уже стали исподтишка уклоняться от платежа тальи (с таких брать 500 ливров), другие же, потешив свое самолюбие почетным именованием, талью платили все-таки продолжали и, казалось бы, вреда казне от них не было. Но нет! Карается само нарушение обычаев, регулировавших право именоваться «*noble homme*» в хартиях — с таких честолюбцев следует взимать 300 ливров. Интересно, как вообще могли попасть под расследование эти люди, чья узурпация была зафиксирована только в хранящихся у них нотариальных грамотах — разве что по доносам соседей или нотариусов. В исключительных случаях подобные проступки могли быть прощены: так, 27 сентября 1664 г. Государственный совет освободил от штрафа за узурпацию именованья «*noble homme*» тех жителей Руана, Дьеппа и других городов Нормандии, которые вступят в новосозданную Ост-Индскую компанию со взносом не менее чем на 2 тыс. ливров¹¹.

Особый случай — узурпация именованья «*noble homme*» оффисье элекций, с таковых взимать по 150 ливров. Для них это было большой обидой: до 1656 г., когда проверка дворянства осуществлялась только на локальном уровне, ею занимались именно элю¹², а теперь они сами оказались в положении проверяемых.

В обстановке широкого недовольства действиями откупщиков и появилась на свет наша песня о проверке дворянства, которую можно условно датировать 1664 г., когда правительство, ранее активно поддерживавшее компанию Буссо, прислушавшись к голосам оппозиции, начало умерять её чрезмерное рвение. 22 июня 1664 г. появилась королевская декларация, разъясняющая февральскую декларацию 1661 г.¹³ Согласно ей,

⁹ AN. E 1718. F. 73–74 (постановление 14 июня 1663 г.).

¹⁰ AN. E 1722. F. 24.

¹¹ AN. E 1723. № 172.

¹² См. регламент тальи 1634 г.: RGALF. T. XVI. P. 389–406.

¹³ BN. F 23612 (720).

у откупщиков было отнята возможность самостоятельно начинать расследование: Буссо должен был прислать заверенные им самим и его поручителем списки подозреваемых королевскому прокурору Налоговой палаты и лишь после его одобрения мог приступить к рассылке соответствующих повесток. При этом право потребовать у проверяемых представить в течение двух месяцев заверенные выписки из нотариальных «минут» имел только королевский прокурор. Вместе с тем был резко удревнен срок годности королевских грамот об аноблировании, с 1606 г. до 1560 г., и обладатели более поздних пожалований уже не отделялись платежом за их подтверждение, но безоговорочно переводились в разряд ротюрье.

Зарегистрировав эту декларацию, Налоговая палата попыталась ещё более усилить контроль за компанией Буссо, требуя от него ежеквартально представлять в палату регистры своих протоколов — но правительство отклонило эти претензии¹⁴.

В это время Кольбер уже склонялся к мысли отстранить от расследования и откупщиков, и верховных судей, передав его в руки интендантов. 30 апреля 1665 г. Государственный совет по докладу Кольбера запретил служащим откупной компании отправлять какие-либо повестки с вызовом для проверки дворянства иначе как по письменному приказу интенданта¹⁵.

После этого компания Буссо продержалась только месяц. 1 июня 1665 г. Государственный совет от имени короля выразил недовольство всем ходом проверки дворянства, отменил откуп Буссо и повсеместно приостановил до особого распоряжения это расследование¹⁶.

Перерыв оказался недолгим. Уже 22 сентября 1665 г. была возобновлена проверка дворянства в генеральствах Пуатье и Лимож, затем в Бургундии, Нормандии, Гиени — и повсюду расследование взяли в свои руки интенданты; а 22 марта 1666 г. оно было возобновлено везде, где его приостановили¹⁷.

Так песня 1664 г. о проверке дворянства вписывается в историю утверждения административных, интендантских методов управления во Франции.

¹⁴ AN. E 1723. N 149 (постановление Государственного совета от 2 октября 1664 г.).

¹⁵ AN. E 1728. N 79.

¹⁶ AN. E 1726. P. 193–194.

¹⁷ AN. E 1727. F. 266–267; E 1728. N 235, 270; E 1731. N 46; E 1730. F. 103–105.

ПИСЬМА КОЛЬБЕРА К СЕГЬЕ из коллекции Дубровского*

Среди корреспонденции французского канцлера Сегье (1588–1672), хранящейся в составе знаменитой коллекции Дубровского в петербургской Государственной публичной библиотеке (ГПБ; совр. Российская национальная библиотека, РНБ) имеется и десять писем, полученных им в 1664–1665 гг. от его великого современника Жана-Батиста Кольбера, государственного министра, в близком будущем — генерального контролера финансов. Они практически неизвестны исследователям; только одно из них (см. док. 3) было полностью опубликовано в XIX веке работавшим в Петербурге французским публикатором Г. де Лаферьером — под неверной датой и с грубыми ошибками в чтении, оправдывающими вторичную публикацию. Учитывая небольшое число и краткость этих писем, мы решили опубликовать их все полностью.

Возможно, невнимание исследователей к корреспонденции Сегье 1660-х годов во многом объяснялось стереотипным представлением о незначительности его политической роли в последние годы жизни. Глава всей королевской юстиции, он отличался сервиллизмом по отношению сначала к Ришелье, потом к Мазарини, а в эти годы в особенности показал свое беспрекословное послушание воле Кольбера, получая от него за это все подобающие знаки почтительности. В то время как один из инспирированных Кольбером памфлетов величал престарелого канцлера «Сенеккой нашего времени»¹, негласное мнение о нем людей с чувством собственного достоинства было крайне нелестным — «человеком бесчестным и протититуированным» называл его прямодушный маршал Тюренн². Дважды

* Средние века. 1993. Вып. 56. С. 191–205.

¹ Relation de la conduite présente de la cour de France... Leyde, 1665. P. 84.

² Ormesson O. d'. Journal. T. 2. Paris, 1861. P. 105.

отставленный от дел во время Фронды, едва не растерзанный народом в день парижских баррикад 27 августа 1648 г., старик просто хотел умереть в почете.

И все же письма к нему Кольбера, как мы постараемся показать, отнюдь не лишены исторического интереса.

Первое по времени письмо от 22 февраля 1664 г. (док. 1) сообщает о факте, важном для решения одной конкретной проблемы административной истории. Во французской историографии достаточно распространилось понятие «административной революции 1661 года», одним из важнейших звеньев которой, по мнению Р. Мунье, было фактическое отстранение канцлера Сегье от руководства вновь созданным (в сентябре 1661 г.) Королевским советом финансов, что означало «освобождение финансовой администрации от судейского контроля канцлера»³. Значение этого факта подчеркивает и М. Антуан: «Канцлера Франции лишили всякого участия в управлении финансами, за которое он, ещё в средние века, разделял ответственность с сюринтендантом»⁴. Престиж канцлера как пожизненного несменяемого сановника (у него можно было отнять печати, но не сан) подлежал умалению во имя утверждения нового, административно-бюрократического принципа в управлении государством, подобно тому, как в том же 1661 г. высшие аристократы и тот же канцлер лишились участия в Узком совете. Употребление термина «революция» в данном случае отражает не только известную, но непривычную для русского читателя «девальвацию» этого слова в западном понятийном аппарате, но и давно уже высказанный Мунье взгляд на Людовика XIV как на «великого революционера Франции»⁵.

Не подлежит сомнению, что Сегье в 1660-х гг., действительно, не играл никакой роли в управлении финансами. Но было ли это следствием сознательной воли «короля-революционера» или просто личной слабости канцлера, его неосведомленности в финансовых делах? На наш взгляд, текст регламента Королевского совета финансов от 15 сентября 1661 г. не

³ Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. T. II. Paris, 1980. P. 198.

⁴ Antoine M. Colbert et la révolution de 1661 // Un nouveau Colbert. Actes du colloque pour le tricentenaire de la mort de Colbert / Organisé par le Ministre délégué à la Culture représenté par M. le Professeur J. Favier... ; sous la dir. de R. Mousnier. Paris, 1985. P. 106.

⁵ Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1945. P. 624.

дает доказательств стремления непременно отстранить от дела канцлера. Правда там действительно сказано: «Его величество будет приглашать в совет месье канцлера, когда сочтет это нужным» — зато ниже перечисляются весьма важные вопросы, требующие обязательного присутствия канцлера: раскладка тали, утверждение откупов и т.п.⁶ Судя по подписям на постановлениях Королевского совета финансов в парижском Национальном архиве, Сегье курировал работу нового совета постоянно. И вот перед нами письмо Кольбера, написанное, очевидно, в ответ на просьбу престарелого канцлера о сокращении его нагрузки в Государственном совете. Какой бы это был удобный случай для короля освободить Сегье вообще от всякой причастности к финансовому управлению, если бы это только входило в монаршие намерения! Тем более что 76-летний старик и без того выполнял такую ответственную функцию, как председательствование в Палате правосудия, где как раз в 1664 г. предстояло развернуться основной борьбе вокруг процесса Фуке. Но нет — министр передает канцлеру непереносимое желание монарха, чтобы Сегье хотя бы раз в неделю присутствовал (а значит, и председательствовал) в Королевском совете финансов. В том самом Королевском совете финансов.

А с какой предупредительностью в двух других документах (док. 4, 5) объясняется необходимость для короля утвердить один из финансовых отчетов, не дожидаясь приезда ко двору Сегье, занятого на заседаниях Палаты правосудия! Действительно, по строгому смыслу регламента 1661 г. такого рода документы подлежали рассмотрению в Королевском совете финансов в присутствии канцлера. Утверждённый отчет все же посылается на подпись навстречу едущему из Парижа в Фонтенбло Сегье. Нет нужды, что поставленный перед необходимостью срочного подписания канцлер, очевидно, не сможет вникнуть в суть сложных финансовых вопросов — форма будет соблюдена. Как бы ни расценивать объективные последствия правления Людовика XIV, стиль его личного поведения, как видим, был бесконечно далек от методов революционера и ниспровергателя традиций.

Письмо от 16 марта 1664 г. (док. 2) можно назвать даже уникальным историческим свидетельством, ранее неизвестным западным исследователям. Лаферрьер, процитировавший из этого документа только одну фразу общего характера, явно

⁶ RGALF. T. XVIII. P. 10–11.

не понял его значимости. А она определяется тем, что данное письмо было препроводительным по отношению к широко известной «Записке для интендантов»⁷, которую Кольбер послал на ознакомление канцлеру, и что в нем мы находим прямые указания на то, каков был смысл составления записки и для кого она предназначалась.

Эта записка представляет детальный перечень самых разнообразных сведений, которые должны были собирать и сообщать правительству интенданты. Кольбера интересовали данные об административной географии по всем четырем ведомствам (церковное, военное, юстиция, финансы), характеристики местных деятелей, имущественное положение разных сословий, характер хозяйственной деятельности дворян (по тому, хозяйничают ли они на своей земле сами или сдают её в аренду, можно было судить, насколько они склонны к военной службе), размеры и характер раскладки налогов, общее состояние экономики. Он все время требует точных цифр: число монахов сейчас и 30–40 лет назад, численность дворян, размеры тальи за последние 10 лет, число торговых кораблей. Вместе с тем интенданты должны не только собирать сведения, но и действовать — следить за пропорциональностью обложения, за погашением городских долгов, помогать мануфактурам. Развернув перед ними эту обширную программу, Кольбер неожиданно заключает, что они будут пребывать на одном месте лишь 4–5 месяцев, после чего король переведет их в другую провинцию, и, таким образом, они за 7–8 лет объедут все королевство, после чего станут пригодными к занятию самых высоких должностей.

До сих пор историки слишком расширительно понимали цели этой записки, считая само собой разумеющимся, что мы имеем дело с циркуляром, разосланным всем интендантам. Так, Ж. Мейер полагает, что Кольбер надеялся таким образом получить полный перечень (*inventaire*) экономических и социальных возможностей Франции, что и позволяет ему считать знаменитую записку настоящей «программой экономического планирования»⁸; министр должен был испытать жестокое разочарование, когда оказалось, что большинство интендантов не представило никаких записок с интересующими его сведениями, а другие ограничились поверхностными отписками. Что

же касается объявленного в записке намерения постоянно перемещать интендантов из одной провинции в другую, то Р. Мунье видит здесь отражение первоначальных взглядов Кольбера на задачи интендантов: учитывая, очевидно, уроки Фронды, министр хотел, по мнению Мунье, чтобы представители центра впредь не подменяли собою местный судейский и налоговый аппарат, но ограничивались контролем и поставлением информации правительству, откуда и стремление не давать им засиживаться на одном месте. Только переход Франции к активной военной политике во второй половине 1660-х гг. силою вещей привел к тому, что интенданты вновь стали теми хозяевами на местах, какими они были при Ришелье⁹.

Письмо Кольбера к Сегье дает, наконец, четкий ответ на вопрос, на кого была рассчитана «Записка для интендантов», — совсем не на всех интендантов, а на небольшую группу лиц, близких к Кольберу. «Я составил её для моего брата и некоторых моих близких друзей», — пишет министр. Следовательно, по ней нельзя судить о том, каким должен был стать, по Кольберу, статус провинциального интенданта вообще. Он имел в виду более практическую цель, чем составление в сжатые сроки полного статистического описания всей Франции, — хотя, конечно, нельзя отрицать, что записка является ярким свидетельством того, как важен был для министра сбор точной статистической информации. Но прежде всего Кольбер хотел подготовить и сплотить вокруг себя «штаб» квалифицированных помощников во главе со своим младшим братом Шарлем, только что занявшим должность докладчика Государственного совета. Это их, своих учеников и клиентов, он стремился в будущем продвинуть на «самые высокие должности».

Письма от 8 и 11 июня 1664 г. (док. 3 и 4) вводят нас в ситуацию обострения политической напряженности в Париже после того, как 4 июня было опубликовано принятое 24 мая постановление Государственного совета о принудительном выкупе всех старых (учрежденных до 1656 г.) рент, гарантированных Парижской ратушей, на общую сумму более чем 11 млн ливров в год. Это постановление имело целью ускорить погашение государственного долга и разгрузку бюджетных фондов от обременявших их постоянных выплат в пользу рантье; против-

⁷ Colbert J.-B. Lettres, instructions et mémoires. T. IV. Paris, 1867. P. 27–43.

⁸ Meyer J. Colbert. Paris, 1981. P. 224, 230.

⁹ Mousnier R. Les institutions de la France... T. II. P. 501–506; Un nouveau Colbert. P. 145.

ники Кольбера считали его слишком широким и рискованным. Многочисленные парижские рантье, имевшие основания опасаться, что условия выкупа будут для них очень невыгодными, сразу же стали устраивать шумные сходки в зданиях ратуши и парламента. Сочувствие парламентариев, многие из которых сами владели старыми рентами, было на стороне недовольных, и можно было ожидать общего собрания палат для рассмотрения жалоб рантье. Создалась ситуация, внешне напоминавшая времена Фронды. Королевское правительство, от имени которого перед канцлером и парламентом действовал в эти дни, прежде всего, соперник Кольбера военный министр Летелье, решило пресечь опасность в зародыше: парламенту запрещено было обсуждать вопрос (чему он 9 июня дисциплинированно подчинился) и в то же время были сделаны уступки, зафиксированные в одновременных письмах к Сегье от Кольбера и Летелье 8 июня. Рантье было гарантировано, что при выкупе не будет каких-либо вычетов, до того производившихся правительством при погашении более поздних, «новых рент», если выяснялось, что данные ренты были приобретены рантье по заниженному курсу (для военных лет это было правилом). Отказ от принципа вычета всего, что было получено рантье сверх законной нормы процента был большой уступкой Кольбера, с самого начала ставшегося применять именно этот принцип.

Неправильную датировку Лаферьером обоих наших документов, описывавших столь динамично развивавшиеся события, следует расценить как очень грубую ошибку; обращение к первоисточнику позволяет её исправить.

Для прочих публикуемых документов, видимо, будет достаточно тех пояснений, которые даются в соответствующих комментариях.

1. *22 февраля 1664 г. Автограф*

Ce 22 feb[vri]er 1664.

Je doibs advertir monseigneur le chancelier que le roy sera bien ayse qu'il menage en sorte sa santé et ses affaires qu'il puisse assister l'un des jours de la semaine au conseil des lundis ou vendredis et pareillement une fois la semaine au conseil royal des finances. Le service et la satisfaction du roy le requerant ainsy, je ne doute point qu'il n'y donne les mains et ne dispose en sorte son temps que cela ne prejudicie point aux autres affaires qu'il conduit pour le service de Sa Ma[jes]té.

Je doibs aussy l'advertir que le roy me dit hier qu'il avoit fait grande reflection sur la priere que je luy avois faicte de la part de mondict seigneur pour madame la comtesse de Guiche.

Je supplie tres humblement mond[ict] seigneur de prendre la peine de signer le reglement cy joint pour la ferme des gabelles de Provence et Dauphiné et les trois autres expeditions aussy cy jointes.

Je suis comme je doibs son tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

Перевод:

Сего 22 февраля 1664 г.

Должен уведомить монсеньора канцлера, что король был бы весьма доволен, если бы он, заботясь о своём здоровье и частных делах, всё же мог бы один раз в неделю присутствовать на том совете, который собирается по понедельникам и пятницам, а равным образом раз в неделю на заседании Королевского совета финансов¹⁰. Не сомневаюсь, что, поскольку того требует королевская служба, монсеньор постарается исполнить это пожелание, распределив своё время таким образом, чтобы это отнюдь не мешало другим делам службы Его Величества, которыми он занимается.

Должен также сообщить ему, что король, как он сам сказал мне вчера, благосклонно рассмотрел переданную мною ему просьбу монсеньора относительно мадам графини де Гиш¹¹.

Покорнейше прошу монсеньора взять на себя труд подписать прилагаемый к сему регламент откупа габелей Прованса и Дофине¹², равно как и три других, также прилагаемых бумаги.

Пребываю, как и подобает, его смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

РНБ. Авт. 107/3. Л. 78.

2. *Сен-Жермен-ан-Лэ, 17 марта 1664 г. Автограф*

Monseigneur,

¹⁰ Прямое свидетельство важности, придававшейся королём личному участию канцлера в Королевском совете финансов (см. введение). Согласно реляции венецианского посла во Франции в 1660 – 1663 гг. Гримани, по понедельникам и пятницам король рассматривал тогда вопросы внешней политики и внутренней администрации; Королевский совет финансов собирался трижды в неделю (вторник, четверг, суббота). См.: *Le relazioni degli Stati europei lette al Senato nello secolo decimosettimo / Raccolte ed annotate da N. Barozzi e G. Berchet. Ser. II (Francia). Vol. III. Venezia, 1863. P. 86.*

¹¹ Маргарита-Луиза де Бетюн, жена графа Армана де Гиша – внучка Сегье.

¹² Регламент, датированный «Париж, февраль 1664 г.» (См.: *Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale. Actes royaux. T. II. Louis XIII, Louis XIV: 1610–1665. Paris, 1938. № 12440.*)

J'ay mis entre vos mains avant mon depart pour ce lieu trois memoires differends sur lesquelz j'ay creu que l'on pourroit former l'instruction qui est a donner aux m[ai]str[es] des requestes s'en allant dans les provinces.

Le p[re]mier qui est fort ample et qui contient beaucoup de choses qui sont plustost de curiosité que du devoir de leurs charges a este fait pour estre donné a mon frere et a quelquesuns de mes amis par[ticuli]ers pour leur donner l'envie de ces curiositez qui peuvent toujours estre utiles et pour leur par[ticuli]er et pour le service du roy et du public; joint a cela que le roy a souvent désiré de scavoir toutes ces choses, qui est un assez puissant motif pour obliger ces messieurs a avoir la mesme curiosité et recevoir le plaisir et la satisfaction de la pouvoir donner a leur roy et a leur maistre. Neantmoins, monseigneur, si vous estimez qu'il y doibve estre retranché quelque chose ou mesme que l'instruction entiere doibve estre tourné d'une au[tr]e façon, vous n'avez qu'a ordonner et vous serez obey.

Le second qui concerne la reformation des forests, comme il a esté fait expressément pour ce travail et que tous les m[ai]str[es] des requestes qui y ont travaillé jusqu'a present l'ont trouvé assez juste, peut estre trouverrez vous qu'il pourra estre donné en cette forme. Il recevra neantmoins, comme le precedent, tous les changemens que vous ordonnerez.

Et pour le trois[iesm]e, comme il n'a este fait que pour donner aux interessez en la ferme des gabelles s'en allant dans les generallitez de cette ferme et qu'il est conceu en termes fort concis, peut estre estimeres vous qu'il debvra estre plus estendu. En ce cas je le reformeray de mesme suivant qu'il vous plaira l'ordonner.

Il ne me reste qu'a vous dire, monseigneur, qu'il est tres important pour le service du roy et pour le bien des peuples de faire partir promptement ces messieurs.

Le roy m'a ordonne d'expedier promptement l'arrest du Conseil cy joint lequel je vous supplie de signer.

Je suis toujours avec le respect que je doibs vostre tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

A St Germain ce 17^e mars 1664.

Перевод:

Монсеньор,

Перед моим отъездом сюда я передал вам три записки, на основании которых, полагаю, можно было бы составить инструкцию для отъезжающих в провинцию докладчиков.

Первая из них весьма обширна и содержит много вещей, скорее удовлетворяющих любознательность, чем входящих в круг их обязан-

ностей¹³; я составил её для моего брата и некоторых моих близких друзей, дабы вызвать у них¹⁴ интерес к этим достойным внимания вещам, что могло бы быть полезным для них самих, для королевской службы и общества, тем более что король часто выражал желание знать обо всем этом, — вполне достаточное основание, чтобы и эти господа прониклись такой же любознательностью, обрадованные возможностью исполнить желания их короля и государя. Тем не менее, монсеньор, если вы найдете, что здесь нужно что-либо сократить или даже что вся инструкция должна быть написана по-иному, вам стоит лишь приказать, и я готов повиноваться.

Вторая записка посвящена реформе лесного дела, и так как она была составлена специально для проведения этой реформы, и все участвовавшие в этом деле докладчики до сих пор находили её достаточно обоснованной¹⁵, то и вы, возможно, найдете, что её можно утвердить как она есть. Впрочем, я готов внести в нее, как и в предыдущую, все изменения, о которых вы распорядитесь.

Что касается третьей, то поскольку она была написана в расчете на лиц, заинтересованных в откупе габелей, перед их отъездом в соответствующие генеральства, и составлена в очень сжатой манере — может быть, вы сочтете, что её следует расширить. В этом случае я переделаю её согласно с вашими распоряжениями.

Мне остается лишь сказать вам, монсеньор, что для службы короля и блага народа весьма важно, чтобы эти господа смогли быстро выехать.

Король повелел мне срочно экспедировать прилагаемое к сему постановление Совета, которое я покорнейше прошу вас подписать.

Постоянно пребывая с должным почтением, остаюсь вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

В Сен-Жермене, сего 17 марта 1664 г.

РНБ. Авт. 107/3. Л. 82–83.

3. *Фонтенбло, 8 июня 1664 г. Автограф*

A Font[aine]ble[au] ce 8e juin 1664.

Monseigneur,

¹³ Речь идет, несомненно, об известной «Записке для интендантов» (см. введение).

¹⁴ Далее окончание фразы (от слова «l'envie») процитировано Лаферьером. См.: *La Ferrière H. de. Deux années de mission à Saint-Petersbourg. Paris, 1867. P. 198.*

¹⁵ Очевидно, эта записка была составлена на основе обширной инструкции по реформе лесного хозяйства, написанной год назад, 10 марта 1663 г. См.: *Devèze M. La grande réformation des forêts royales sous Colbert (1661–1680). Nancy, 1962. P. 96–100.*

J'ay leu au roy les deux lettres que vous avez pris la peine de m'escrire, et Sa Ma[jes]té en mesme temps m'a ordonné de vous faire scavoir qu'elle sera bien ayse que l'affaire qui vous retient soit bientost terminée pour vous voir aupres d'elle non seulement pour toutes les affaires dans lesquelles elle a besoin de vostre presence, mais mesme pour commencer a tenir un nouveau conseil qu'elle a resolu de donner tous les samedis de 15 en 15 jours pour les seules affaires qui regardent le commerce du royaume.

Sur le sujet de l'arrest pour le remboursement et admortissement des rentes sur l'hostel de ville de Paris, M. Letellier a eu ordre de Sa Ma[jes]té de vous faire scavoir ses intentions. En un mot, monseigneur, le roy se sert d'un droict dont le dernier debiteur de son royaume jouist tous les jours, qui est de s'acquitter, son intention n'est point de faire aucune imputation ny sursoir le payement des arrerages jusques a l'actuel remboursement. C'est une resolution que Sa Ma[jes]té a prise et qu'elle veut soustenir, estant juste et raisonnable.

Je suis toujours avec le respect que je doibs vostre tres humble et tres obeissant serviteur.

Colbert

Перевод: В Фонтенбло, сего 8 июня 1664 г.¹⁶

Монсеньор,

Я прочел королю два письма, которые вы соблагволили мне написать, и Его Величество тогда же повелел мне сообщить вам, что он очень хотел бы, чтобы удерживающее вас дело было вскоре завершено¹⁷, дабы он мог видеть вас близ себя, и не только для решения всяких дел, где ему требуется ваше присутствие, но и для начала работы нового совета, который он решил проводить раз в две недели по субботам, чтобы рассматривать в нем специально вопросы торговли его королевства¹⁸.

Что касается постановления о выкупе и погашении рент Парижской ратуши¹⁹, то месье Летелье имеет повеление Его Величества

¹⁶ Письмо опубликовано Лаферрьером под ошибочной датой «3 июня 1664 г.» (*La Ferrière H. de. Op. cit. P. 197*).

¹⁷ Имеется в виду начавшееся 5 июня 1664 г. в Палате правосудия, заседавшей под председательством Сегье, рассмотрение дела сборщика тальи в Крепи Дюмона. Обвиняемый 16 июня был приговорен к смерти и в тот же день повешен перед Бастилией. Двор придавал этому делу особое значение, поскольку факт смертной казни за казнокрадство создавал прецедент для решения судьбы бывшего сюринтенданта Фуке. Лаферрьер вместо «*terminée*» («завершено») ошибочно прочел «*commencée*» («начато»). См.: *Ormesson O. d'. Journal. T. 2. Paris, 1861. P. 147 sq.*

¹⁸ Первое заседание Совета по торговле состоялось 3 августа 1664 г.

¹⁹ Это постановление Государственного совета было датировано 24 мая и обнаружено 4 июня 1664 г. (см. введение).

сообщить вам о его монарших намерениях²⁰. Вообще же, монсеньор, король пользуется правом, которое имеет любой должник в его королевстве, то есть правом погашения своего долга; при этом он отнюдь не намерен ни производить каких-либо вычетов из суммы долга, ни приостанавливать²¹ выплату процентов вплоть до его реального погашения. Таково решение, принятое Его Величеством, и он желает его придерживаться, ибо оно справедливо и разумно.

Постоянно пребывая с должным почтением, остаюсь вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

РНБ. Авт. 107/3. Л. 86–87.

4. Фонтенбло, 11 июня 1664 г. Автограф²²

Monseigneur,

J'ay leu au roy la lettre qu'il vous a pleu m'escrire sur la matiere des rentes, sur laquelle Sa Ma[jes]té a esté bien ayse d'apprendre vos sentimens, et m'ordonne en mesme temps de vous dire que comme il y a beaucoup de seditieux qui entrent dans l'hostel de ville sans avoir aucun interest aux rentes, il seroit bien necess[ai]re de voir s'il n'y auroit point d'expedient d'en reconnoistre quelqu'un, le faire prendre et punir, affin d'oster par ce moyen cette semence de seditions.

Sa Ma[jes]té m'ordonne aussy de vous dire, monseigneur, que comme elle veut que le compte de l'Espargne de l'année 1662 soit rendu avant la fin de ce mois, elle a fait presser M. de Bartillat d'apporter icy son dernier roolle, estat de comptant et mesme l'estat au vray affin d'arrester le tout. Et comme il faut espargner les momens pour le travail qui est a faire pour establir cet ordre, Sa Ma[jes]té sera obligé d'arrester ces roolles en v[ost]re absence et vous les envoyer ensuite pour les voir et les signer, sur quoy elle m'ordonne de vous dire qu'il n'y a que la raison de la necessité et de l'importance de cette affaire qui l'oblige de faire cette fonction en vostre absence.

Je suis toujours comme je doibs vostre tres humble et tres obeissant serviteur.

Colbert

A Font[aineble]au ce 11 juin 1664.

²⁰ Письмо Летелье к Сегье от 8 июня 1664 г. опубликовано Равессоном (*Archives de la Bastille. Documents inédits / Recueillis et publ. par F. Ravaisson. Vol. III. Règne de Louis XIV (1661–1664). Paris, 1866. 459–460*); оригинал также хранится в РНБ (Авт. 112. Л. 122–123). В нем говорилось о запрете короля обсуждать жалобы рантье в Парижском парламенте.

²¹ Вместо «*sursoir*» («приостанавливать») Лаферрьер прочел «*surtout*» («в особенности [производить]»), после чего фраза приобрела обратный смысл.

²² Первый абзац письма перепечатан Лаферрьером (*La Ferrière H. de. Op. cit. P. 197*) и затем Клеманом (*Colbert J.-B. Op. cit. T. VII. Paris, 1870. P. 225*) под ошибочной датой «1 июня 1664 г.».

Перевод:

Монсеньор,

Я прочел королю письмо, которое вы соблагородили написать мне по вопросу о рентах²³. Его Величество с удовольствием ознакомился с вашими суждениями и тогда же повелел мне передать вам, что поскольку в ратуше сейчас бывает немало лиц, склонных к мятежу и не имеющих никакого отношения к рентам, то было бы совершенно необходимо рассмотреть, нет ли средства кого-либо из них распознать, задержать и наказать, дабы тем искоренить эти ростки мятежа.

Его Величество также повелел мне сообщить вам, монсеньор, что поскольку ему угодно, чтобы счета по казначейству за 1662 г. были представлены до конца этого месяца, то он распорядился, чтобы месье де Бартийя доставил сюда его последнюю ведомость, счет по выплатам наличными и окончательный счёт, дабы всё это рассмотреть. А так как нужно пользоваться любой возможностью для наведения порядка в этом деле, Его Величество вынужден будет заверить эти ведомости в ваше отсутствие и затем выслать их вам для рассмотрения и подписания; и к этому он повелел мне присовокупить, что лишь необходимость и важность дела заставляет его заниматься им в ваше отсутствие.

Постоянно пребываю, как и подобает, вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой.

Кольбер

В Фонтенбло, сего 11 июня 1664 г.

РНБ. Авт. 107/3. Л. 90–91.

5. *Фонтенбло, 22 июня 1664 г. Автограф*

Monseigneur,

Le roy ayant resolu depuis longtemps de faire presenter le compte de l'Espargne de l'année 1662 a la Chambre avant la fin de ce semestre, il a este impossible de retarder davantage l'arresté du dernier rolle et de l'estat au vray, ne restant plus que huit jours de temps pour mettre le compte en estat, c'est ce qui a obligé Sa Ma[jes]té de travailler hier et aujourd'huy sans discontinuation. Et en mesme temps elle m'a ordonne de vous escrire de sa part affin que vous preniez s'il vous plaist

²³ Письмо Сегье к Кольберу от 9 июня 1664 г., составленное в успокоительном духе, опубликовано Деппеном (Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV... / Recueillié et mise en ordre par G.B. Depping. Т. II. Paris, 1851. P. 551–552) и Клеманом (*Colbert J.-B.* Op. cit. Т. VII. P. 399). Однако очень обеспокоенный тон высказываний Сегье в Палате правосудия о сложившейся ситуации на другой день, 10 июня, разительно противоречит тону этого письма (*Ormesson O. d'.* Op. cit. Т. 2. P. 152). Канцлера, в частности, тревожило именно то, что в сходках рантье участвуют посторонние подстрекатели. Не следует ли из этого, что было другое письмо Сегье к Кольберу, помимо опубликованного (правильность датировки которого также следовало бы проверить)?

la peine d'en signer et sceller toutes les expeditions qui vous seront presentées par M. de Bartillat qui s'en va vous trouver au lieu ou vous devez coucher aujourd'huy, affin de pouvoir espargner les momens pour executer l'ordre de Sa Ma[jes]té.

Il ne me reste qu'a vous asseurer que je seray toujours avec le respect que je doibs, monseigneur, vostre tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

А Font[aineble]au ce 22 juin 1664.

Перевод:

Монсеньор,

Король давно уже решил, что счета по Казначейству за 1662 г. должны быть представлены в Палату²⁴ до конца этого семестра. Поэтому нельзя было долее медлить с утверждением последней ведомости и окончательного счета – ведь остается всего восемь дней на все оформление, что и побудило Его Величество работать непрерывно вчера и сегодня. В то же время он повелел мне написать вам от его имени, чтобы вы соблагородили взять на себя труд подписать и скрепить печатью все исходящие документы, которые будут вам представлены месье де Бартийя, отправляющимся навстречу вам в то место, где вы будете сегодня ночевать²⁵, дабы повеление Его Величества было исполнено как можно скорее.

Мне остается лишь заверить вас, что я всегда буду пребывать с должным почтением, монсеньор, вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

В Фонтенбло, сего 22 июня 1664 г.

РНБ. Авт. 107/3. Л. 94–95.

6. *Венсенн, 22 августа 1664 г. Оригинал*

Monseigneur,

Le roy ayant esté informé que divers par[ticulie]rs contre lesquels il a esté rendu des jugemens souverains par les comm[issai]res de la reformation des eaux et forestz pour les delits qu'ils ont commis dans les bois de Sa Ma[jes]té se veulent pourvoir au Conseil pour les éluder, elle m'a commandé de vous advertir, monseigneur, de faire prendre garde qu'il n'y soit surpris aucun arrest qui les puisse affoiblir, ou en suspendre l'execution, cette precaution estant fort necess[ai]re pour la suite de cette grande affaire qui doit produire beaucoup d'avantage au roy et au public.

²⁴ Имеется в виду Счетная палата.

²⁵ Сегье вместе с другими членами Палаты правосудия находился в пути из Парижа в Фонтенбло, где 25 июня и возобновились заседания этой палаты.

Je suis comme je dois, monseigneur, vostre tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

A Vincennes le 22 aoust 1664.

Перевод:

Монсеньор,

Поскольку король осведомлён, что некоторые частные лица, осуждённые в последней инстанции приговорами комиссаров по реформе вод и лесов за совершённые ими нарушения в лесах Его Величества, намерены обратиться в Совет, дабы избежать наказания, — он повелел мне предупредить вас, монсеньор, остерегаться, чтобы там не были застигнуты врасплох и не издали каких-либо постановлений, могущих ослабить силу или отложить исполнение этих приговоров. Такая предосторожность весьма необходима для успеха этого великого дела, обещающего принести много выгод королю и обществу.

Пребываю, как и подобает, монсеньор, вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

В Венсенне, 22 августа 1664 г.

РНБ. Авт. 107/3. Л. 99.

7. *29 августа 1664 г. Оригинал*

Се 29e aoust 1664.

Je supplie tres humblement monseigneur le chancelier de vouloir sceller des lettres patentes qui luy seront presentées par ce porteur pour l'establissement d'une manufacture de tapisseries façon de Flandres en la ville de Beauvais.

Je suis tousjours son tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

Перевод:

Сего 29 августа 1664 г.

Покорнейше прошу монсеньора канцлера соблаговолить скрепить печатью патент, который будет доставлен ему подателем сего, относительно учреждения ковровой мануфактуры фландрского фасона в городе Бове²⁶.

Постоянно пребываю его смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

РНБ. Авт. 107/3. Л. 104–105.

²⁶ Привилегия на учреждение ковровой мануфактуры в Бове была выдана парижскому купцу Луи Инару согласно эдикту, датированному августом 1664 г. См.: RGALF. T. XVIII. P. 39–40.

8. *Венсенн, 26 сентября 1664 г. Автограф*

Monseigneur,

Le roy m'ordonne de vous escrire que le procès contre le s[ieu]r de Castelvieux qui a esté jugé depuis un jour ou deux aux Requestes de l'hostel et sur lequel il n'y a point encores d'arrest estant tres important pour le bien de son service, Sa Ma[jes]té m'ordonne de vous dire qu'elle desire que vous fussiez informer par le procureur du roy des Requestes de l'hostel de l'estat auquel est cette affaire et des difficultez qui ont empesché la signature de l'arrest, affin que vous interposiez v[ost]re autorité pour les faire lever en conservant ce que peut estre du bien de la justice et du service de Sa Ma[jes]té.

Je suis avec le respect que je doibs, monseigneur, vostre tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

A Vincennes ce 26e septembre 1664.

Перевод:

Монсеньор,

Король повелевает мне написать вам, что процесс против съёра де Кастельвье, рассматривавшийся день или два назад в Суде королевских докладчиков, где по нему ещё не вынесено приговора, весьма важен для интересов его королевской службы. Посему Его Величество уведомляет вас о своем желании, чтобы вы запросили у королевского прокурора в Суде королевских докладчиков информацию о том, в каком состоянии находится это дело и что помешало подписанию судебного постановления, дабы вы могли силою вашего авторитета устранить эти препятствия, сохранив все, что может быть полезным для правосудия и интересов службы Его Величества.

Пребываю с должным почтением, монсеньор, вашим смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

В Венсенне, сего 26 сентября 1664 г.

РНБ. Авт. 107/3. Л. 108–109.

9. *Сен-Жермен-ан-Лэ, 29 мая 1665 г. Оригинал*

Monseigneur,

Le roy m'a ordonné de vous faire sçavoir que son intention est que vous preniez garde s'il vous plaist de ne sceller aucunes lettres de provisions de la charge de prevost de Vendosme qui est a la nomination de M. de Vendosme, parce que le dernier titulaire de cette charge qui n'avoit point payé l'annuel a esté tué en executant des ordres qui luy avoient esté donnez par M. de La Gallissonniere pour se saisir dans le Perche du nommé Des Aunois qui est accusé de beaucoup de crimes atroces, Sa Ma[jes]té voulant en cette consideration conserver cette charge a sa vefve.

Permettez moy, monseigneur, de me servir de cette occasion pour vous protester que personne n'est avec plus de respect que je suis, monseigneur, vostre tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

A St Germain en Laye le 29e may 1665

Перевод:

Монсеньор,

Король повелел мне сообщить вам его волю, чтобы вы соблаговолили поостеречься и не выдавать никаких грамот о вводе в обладание должностью прево Вандома, на которую назначает месье де Вандом²⁷, потому что последний обладатель этой должности, не выплативший за нее ежегодного сбора, был убит при исполнении отданного ему месье де Ла Галиссоньером приказа захватить в Перше некоего Дез Онуа, обвиняемого во многих ужасных преступлениях²⁸. По этой причине Его Величество желает сохранить эту должность за его вдовой.

Позвольте мне, монсеньор, воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас, что никто не питает к вам большего почтения, чем я, монсеньор. ваш смиреннейший и покорнейший слуга

Кольбер

В Сен-Жермен-ан-Лэ, 29 мая 1665 г.

РНБ. Авт. 107/3. Л. 122–123.

10. *Сен-Жермен-ан-Лэ, 30 июля 1665 г. Оригинал*

A St. Germain en Laye le 30e juillet 1665.

Le roy m'a commandé de faire sçavoir de sa part a monseigneur le chancelier de se rendre s'il luy plaist en ce lieu dimanche prochain a dix heures du matin pour y regler tout ce qui concerne les affaires de la religion en Poictou, et pour cet effet d'ordonner a mon frere de s'y trouver pour faire rapport en abregé des sentimens de tous les comm[issai]res qui ont donné leurs advis sur cette matiere, afin que Sa Ma[jes]té puisse prononcer.

Je suis tousjours son tres humble et tres obeissant serviteur

Colbert

Перевод:

В Сен-Жермен-ан-Лэ, 30 июля 1665 г.

Король поручил мне передать от его имени монсеньору канцлеру, чтобы тот соблаговолил прибыть сюда в ближайшее воскресенье²⁹

²⁷ Сезар герцог де Вандом (1594–1665), побочный сын Генриха IV.

²⁸ Жак Барен де Ла Галиссоньер в 1663–1665 гг. был интендантом в Орлеанском генеральстве. 29 августа 1664 г. Государственный совет решил дать ему особые полномочия по задержанию уголовных преступников, укрываемых местными дворянами в их замках (AN. Sér. E. 1722. F. 161v).

²⁹ 2 августа 1665 г.

в 10 часов утра для обсуждения всех вопросов о положении протестантов в Пуату и чтобы он в связи с этим приказал моему брату³⁰ быть здесь же с докладом и вкратце сообщить о мнениях всех комиссаров, представивших свои соображения по этому делу, дабы Его Величество мог принять свое решение.

Постоянно пребываю его смиреннейшим и покорнейшим слугой

Кольбер

РНБ. Авт. 107/3. Л. 132 – 133.

³⁰ Шарль Кольбер (1629–1696), брат министра, докладчик Государственного совета с мая 1663 г., в этом качестве подчинялся Сегье как канцлеру. Был с миссией в Пуату в начале 1665 г. С 1679 г. – государственный секретарь иностранных дел с титулом маркиза де Круасси.

МЕСЬЕ КОЛЬБЕР СЕРДИТСЯ... (его новый автограф)

Опубликованные выше письма Кольбера к Сегье, сохранившиеся в архиве адресата, естественно, не подлежат сомнению в том, что касается их подлинности. Иначе обстоит дело с единичными автографами, встречающимися в составе частных коллекций. Здесь надо иметь в виду, что при общей известности Кольбера его поддельные письма могли иметь хороший спрос у несведущих коллекционеров.

Именно с такой подделкой я встретился при обследовании большой коллекции автографов Г.В. Орлова (племянник фаворита Екатерины II), хранящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Данный документ обозначен как собственноручное письмо Кольбера первому королевскому художнику Шарлю Леброну (1619–1690), помеченное «Версаль, 24 июня 1679 г.»¹. Его содержание: Кольбер по поручению короля сообщает Леброну, что высоко ценящий его творчество монарх намерен завтра посетить строящийся близ Версаля дворец Кланьи и поговорить с художником о сюжетах фресок, которые король хотел бы там видеть. Все просто, ясно и эффектно. Великий министр... великий монарх... великий художник... А если ещё разъяснить покупателю, что Кланьи строился для фаворитки Людовика XIV маркизы де Монтеспан, то вот уже и четыре великих имени в одной коротенькой записке, — достойный предмет гордости коллекционера. «Имитатор» (назову его так) выдал себя такой, казалось бы, естественной пометой о Версале, не зная, что в июне 1679 г. двор находился в Сен-Жермен-ан-Лэ, где и был 30 июня подписан Сен-Жерменский мир Франции и Швеции с Бранденбургом. В Версале же велись тогда большие строительные работы по расширению дворца, и постоянной рези-

денцией двора он стал только в 1682 г. Глаз специалиста палеографа режет также назойливое употребление в середине слов понравившейся «имитатору» архаичной графемы «прямостоящего г», популярной в XVI веке, но сто лет спустя вышедшей из употребления и не употреблявшейся в подлинных автографах Кольбера.

А теперь перейду к другому автографу, помеченному как письмо Кольбера к интенданту Лангедока в 1673–1685 гг. Анри д'Агессо (1638–1716) под датой «Париж, 9 апреля 1677 г.». Этот автограф хранится в составе коллекции иностранных документов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве, — коллекции, не привязанной ни к одному частному фонду архива². Привожу текст документа.

*Кольбер — Анри д'Агессо.
Париж, 9 апреля 1677 г. Автограф*

A Paris, ce 9e avril 1677.

Je vous avoue, Monsieur, que j'ai este fort surpris d'apprendre par la lettre que vous m'aves escrit de v[ost]re main les differentes fripponneries du s[ieu]r de La Fueille et les prodigieuses facilites du s[ieu]r Ricquet. Ces deux vices sont si considerables et si mauvais en soy que si nous n'y remedions promptement il arrivera certainement que les facilites du s[ieu]r Ricquet le ruineront sans doubte, mais que toutes les fripponneries, qui se font se sont faites et se feront sur le fondement de ces facilites, retomberont sur le roy et sur le public. Et il est bien a souhaitter que le mal qui en peut provenir ne soit pas entierement fait et qu'il soit encores temps d'y apporter quelque remede. Pour cela, comme une affaire de cette nature, estan (*Sic!*) venue jusques a vous et a moy, ne peut pas estre tirée en abandonnée, je vous prie de declarer au s[ieu]r Ricquet qu'il ne peut pas demeurer dans le silence dans une affaire de cette consequence.

² РГАЛИ. Ф. 1347. Оп. 1. Док. 120. Некоторые из документов французского происхождения, в частности и письмо Кольбера, объединены карандашной архивистской пометой ПДМ=33 с близкими по значению четырёхзначными номерами. Таковы документы, связанные с именами Карла IX (5990), Генриха IV (5991), Ришелье (5993), Мазарини (5994), Кольбера (6022) и Людовика XIV (6031). На одном из них есть также помета «Collection P. Dablin». [ПДМ — Павловский дворец-музей. Многие рукописи из его библиотеки в середине 1930-х годов были переданы в Государственный литературный музей, созданный в Москве в 1931 г., а оттуда — в 1941 г. в Центральный государственный литературный архив НКВД — ныне РГАЛИ. Поль Виктор Даблен (1844–1905), французский археолог, нумизмат и коллекционер. Принадлежащее ему собрание автографов и прочих исторических документов было продано через аукционы в 1903–1906 гг. — *Прим. ред.*]

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 166. Д. 4. Док. 104.

Et mesmes faites lui connoistre clairement que ses affaires n'iroient pas bien s'il, persistant a y vouloir demeurer, en dit le mesme. Et chercher a establir la preuve de ce qu'il vous a dit, soit par escrit, soit par tesmoins, soit en faisant parler le s[ieu]r de La Feuille sur toutes ces grat[ificati]ons. En cas que vous en aves asses pour estre persuadé de la verité, je vous envoi tous les ordres necessaires pour l'arrester et le mettre dans la citadelle de Montpellier ou ailleurs, ainsi que vous l'estimeres pour le mieux. Je vous prie de donner une application suffisante a cette affaire pour en descouvrir et bien establir la verité.

Je suis, Monsieur, vostre tres humble et tres aff[ection]ne serviteur
Colbert

M. d'Aguesseau

Перевод: В Париже, сего 9 апреля 1677 г.

Признаюсь вам, месье, что я был очень удивлен тем, что вы мне написали в собственноручном письме о различных случаях плутовства съера де Лафёя³ и чрезмерных послаблениях со стороны съера Рике⁴. Два этих порока столь существенны и дурны сами по себе, что если мы немедленно не положим им конец, то послабления съера Рике наверняка его разорят, а всякое плутовство, которое было, есть и будет основано на подобных послаблениях, повредит интересам короля и общества. Надо надеяться, что зло, которое отсюда может произойти, проявилось ещё не полностью и есть ещё время чем-то исправить дело. А потому, раз уж известия о таких злоупотреблениях дошли до меня и до вас, их нельзя оставить без внимания. Прошу вас объявить съеру Рике, что он не может более умалчивать о столь важном деле; более того, дайте ему ясно понять, что дела его самого не пойдут хорошо, если он будет стоять на своем, повторяя одно и то же. Постарайтесь проверить истинность того, что он вам сказал, раздобыв письменные или устные свидетельства; заставьте разговариваться съера де Лафёя обо всех оказанных милостях. В случае если вы найдете достаточно свидетельств для установления истины, я пришлю вам все необходимые приказы, дабы арестовать его и поместить в цитадели Монпелье или в другом месте, где вы сочтете более удобным. Прошу вас приложить все необходимые старания к этому делу, дабы открыть и утвердить истину.

Пребываю, месье, вашим смиреннейшим и преданнейшим слугой
Кольбер

Месье д'Агессо.

РГАЛИ. Ф. 1347. Оп. 1. № 120.

Итак, документ вводит нас в ситуацию строительства знаменитого Канала Двух Морей (совр. Южный Канал) в Лангедоке. Дело началось с того, что в ноябре 1662 г. богатый лангедокский финансист Пьер-Поль Рике (он был директором откупа габели Лангедока) прислал Кольберу обстоятельное письмо о возможности и необходимости для развития торговли проведения канала от Тулузы до берега Средиземного моря и предложил свои услуги в этом деле. После завершения строительства был бы установлен прямой водный путь между Атлантикой и Средиземноморьем (по Гаронне до Тулузы и далее по каналу). Идея была не нова, и методика строительства (шлюзование) была давно опробована (с XV в. в Ломбардии), но было ясно, что работы потребуют больших расходов. Кольбера это не остановило: он был очень чуток ко всем возможностям развития торговли, да и сам факт привлечения финансистского капитала к экономически полезному делу соответствовал замыслам его реформаторской политики. После объективной проверки на месте, специальной комиссией, технической возможности осуществления проекта, в октябре 1666 г. с Рике был заключен контракт: он получил генеральный подряд на строительство канала, официально получившего помпезное имя Канала Двух Морей; вся прилегающая к нему территория передавалась за соответствующий сбор Рике в качестве наследственного феода со всеми сеньориальными правами. В тот же год Рике получил дворянство.

Предполагалось, что строительство будет закончено к концу 1674 г., — но этот план не был выполнен, и расходы оказались почти вдвое выше намеченных. Рике не был специалистом, инженером, но как увлечённый своей идеей энтузиаст-дилетант он был готов разориться сам ради её осуществления; и действительно, требовались все новые затраты, и он активно брал в долг под ипотечные ренты, наложенные на его будущие сеньориальные доходы с канала. Кольбер с самого начала пристально следил за исполнением широко разрекламированного проекта; в 1669 г. в помощь Рике и для надзора за ним был направлен в качестве главного инспектора инженер де Лафёй, и с ним Кольбер также вел прямую переписку. Тема строительства канала постоянно звучала и в письмах Кольбера к интендантам Лангедока.

Моя попытка установить связь между найденным документом и материалами многотомного издания писем Кольбера ока-

³ Алексис де Лафёй (La Feuille), инженер, генеральный инспектор строительства Лангедокского канала («Канал Двух Морей») с 1669 г.

⁴ Пьер-Поль Рике (1609–1680), лангедокский финансист, инициатор строительства Лангедокского канала, главный подрядчик строительства.

залась безуспешной: издатель писем П. Клеман с сожалением отметил: «Несмотря на все наши поиски, мы не могли найти ни одного письма Кольбера на тему строительства Лангедокского канала между 18 февраля 1677 г. и 15 июня 1678 г.»⁵. Наш документ как раз «ложится» в эту лакуну.

Последнее перед лакуной, письмо Кольбера к д'Агессо (Сен-Жермен-ан-Лэ, 18 февраля 1677 г.) содержит удивившие Клемана резкие выпады против Рике: министр называет его преувеличивающим свои заслуги лжецом, который, правда, и сам верит в свою ложь⁶. Кольбер грозит даже прислать на канал специальную инспекционную комиссию, однако никаких упреков в адрес генерального инспектора де Лафёя («первого обвиняемого» нашего документа) это письмо не содержит. Клеман не может объяснить гнев Кольбера ничем, кроме его плохого настроения. Скопились все претензии по расходам и срокам, а кроме того Кольберу не нравились затраты Рике на своих детей (как раз в начале 1677 г. он купил для старшего сына должность королевского докладчика, а младший уже был капитаном одной из рот Французской гвардии и стал даже графом) — не потому ли не хватает денег на канал? Можно найти и общие основания для вспышек плохого настроения: при дворе велись приготовления к отъезду короля в действующую армию, и особую роль при этом, естественно, играл главный противник Кольбера, оттиравший его от власти военный министр Лувау. 28 февраля Людовик XIV с пышной придворной свитой выехал во Фландрскую армию; Кольберу при армии было нечего делать, и он переехал из Сен-Жермена в свой парижский дом. Кстати, точное обозначение места написания нашего документа («Париж») говорит в пользу его подлинности: такая степень осведомлённости не характерна для изготовителей подделок.

Как бы то ни было, никаких серьезных последствий этот припадок раздражённости не имел, поскольку 2 апреля 1677 г. был возобновлен контракт с Рике на продолжение им работ по каналу. И всего через неделю после этого Кольбер снова дает волю гневу: какой-то полученный через д'Агессо донос привел к появлению на свет нашего документа.

Выделенный из постоянной текущей переписки Кольбера с интендантом (к сожалению, полностью не сохранившейся), он

полон неясностей (довод в пользу его подлинности): мы не знаем, в чём конкретно состояли обвинения. Ясна лишь общая схема ситуации. Главное обвинение предъявляется де Лафёю: он подозревается в «плутовстве» (т.е. в коррупции?) и рискует быть арестованным. Рике же обвиняется в «ослаблениях», в неуместной щедрости, от которой может пострадать и он сам, и государство. И было ещё третье лицо (или лица?), воспользовавшееся щедростью Рике и де Лафёя и получившее какие-то «милости» (*gratifications*); кто это, мы не знаем. Может быть, имеются в виду уступки землевладельцам, по отчуждённым землям которых должна была пройти трасса канала. Им, конечно, полагались компенсации и, возможно, был спор об их размерах и характере. Не пошел ли Рике, по согласованию с де Лафёем (или по его купленному за взятку указанию?) на такие уступки, которые были сочтены чрезмерными?

Далее, видно, что проработавшие вместе восемь лет Рике и де Лафёй хорошо сработались друг с другом: показания Рике полностью «покрывают» де Лафёя, и нужно, полагает Кольбер, передпросить его, побуждая открыть правду под угрозой каких-то неприятностей. Реакция министра, безусловно, неадекватна: понимая, что донос нуждается в тщательной проверке, и требуя этого от д'Агессо, он ориентирует интенданта на пристрастное ведение следствия, заранее уверен в его результате и даже подбирает место заключения для имеющего быть уличённым де Лафёя.

Что было дальше, неизвестно, но похоже, что дело кончилось ничем, и очередная вспышка гнева Кольбера так и осталась вспышкой — может быть, несколько затянувшейся. Факт тот, что де Лафёй, в апреле находившийся в Лангедоке «под рукой» у д'Агессо, летом оказывается в Париже и там задерживается, но не в качестве заключённого. 26 октября 1677 г. Рике в письме к своему доверенному лицу в Париже Бернару Алиесу, передавая привет де Лафёю в ожидании его скорого возвращения, пишет: «Я огорчен неприятностями и задержкой месье де Лафёя; если бы он был здесь, я поведал бы ему о таких же точно неприятностях, и для меня было бы облегчением пофилософствовать с ним о жалкой человеческой жизни...»⁷ Может быть, именно в этой

⁷ «Je suis fâché des chagrins et du retardement de Monsieur de La Feuille; s'il estoit icy je lui dirois les mesmes, et ce me seroit un soulagement de philosopher ensemble au sujet de miserable vie des hommes...» (*Oblin-Brière M. Riquet, le génie des eaux: portait intime. Toulouse, 2013. P. 404*).

⁵ *Colbert J.-B. Lettres, instructions et mémoires. T. IV. Paris, 1867. P. 382, note 1.*

⁶ *Ibid. P. 379–381.*

загадочной фразе следует усмотреть намек на расследование, предписанное нашим документом?

Плохое настроение постоянно посещало Кольбера в последние годы жизни, когда он, по свидетельству его верного помощника Шарля Перро, часто «садился работать удручённым и даже со вздохом»⁸.

Де Лафёй вернулся в Лангедок под начало д'Агессо. После смерти Рике они вместе, по приказу Кольбера, объехали трассу канала, проверяя его готовность к открытию⁹.

Долго болевший Рике скончался 1 октября 1680 г., не дожив полгода до торжественного открытия Канала Двух Морей 15 мая 1681 г. Добротнo построенный канал оказался очень полезным для лангедокской торговли и обогатил потомков его строителя, владевших им до 1898 г., когда он был выкуплен государством и стал называться Южным Каналом. В наши дни он является популярным маршрутом лодочного туризма.

КАЗАНСКИЙ СБОРНИК*

В перечне рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета по состоянию на 1 декабря 1903 г. под шифром 61987 А/1 очень лаконично упомянут некий «Сборник документов» («Recueil de pièces») с конца XV по XVII в.¹ Судя по записи на первом листе, этот сборник был передан в библиотеку 23 августа 1896 г. Дмитрием Илариевичем Образцовым, гласным Казанской городской думы. Он был врачом по профессии и известным казанским коллекционером, собиравшим печатные книги и рукописи как на русском, так и на западных (французском, немецком и латинском) и на восточных языках². Ныне рукопись хранится под № 4607, в ней 781 с. in-folio; опубликованный в 1961 г. библиотечный инвентарь определяет её как сборник копий документов XIV–XVII вв. из архивов французских парламентов³ — как мы увидим, определение неполное и неточное.

Прежде всего нужно отметить, что речь идет о сборнике копий, исполненных одним и тем же парадным почерком, который по палеографическим характеристикам датируется началом XVIII в. О том же свидетельствуют две характерные описки

* Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 342–344. Фрагмент помещенной там же (с. 340–347) статьи «Западные рукописи в провинциальных хранилищах России», где говорится также о находках в хранилищах Ростова, Ярославля и Иваново (итальянские, польские и испанские рукописи).

¹ Список рукописей и редких книг, хранящихся при библиотеке императорского Казанского университета в особом помещении. На 1 декабря 1903 г. — Ученые записки императорского Казанского университета. 1904. Кн. 9. С. 3–29.

² Качанов Н.Ф. Несколько слов о казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. 1920. № 7/8. С. 43. Выражаю признательность за эту информацию зав. отделом рукописей и редких книг библиотеки В.И. Шишкину.

³ Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. VIII. Казань, 1961. С. 44–46.

⁸ Perrault Ch. Mémoires de ma vie. Paris, 1909. P. 118.

⁹ Oblin-Brière M. Op. cit. P. 474.

в датах (с. 427): вместо «1311 г.» стоит «1711 г.», а вместо «1312 г.» – «1712 г.». Копиист, безусловно, не занимался самостоятельной подборкой материалов, но переписывал тексты из некоего протографа, причем делал это довольно механически: в целом ряде случаев простые пометы технического характера на полях он воспроизвел самым крупным шрифтом как заголовки.

В сборнике, действительно, имеется немало копий судебных постановлений французских парламентов, но ещё больше выписок из различных печатных изданий, исторических сочинений и собраний законодательных актов как Франции, так и других стран: Англии, Шотландии, Испании, Португалии, Швеции, Польши, Венгрии. В тематическом отношении все эти материалы объединяет интерес составителя к нескольким темам, прежде всего к теме уголовных процессов по делам о государственной измене (об «оскорблении величества»), а также к вопросам церемониала, в связи с церемониальными привилегиями канцлеров, президентов парламента и т.п.

Деятельность составителя того собрания-протографа, с которого делал свои выписки копиист XVIII в., прервалась в 1640-х гг. В списке первых президентов Парижского парламента (с. 377–380) последним назван Матьё Моле, занимавший этот пост с 1641 по 1653 г., тогда как на с. 700 назван «ныне живущим» принц Анри Конде, скончавшийся 26 декабря 1646 г.

Кем был этот человек? К счастью, копиист XVIII в. на с. 374–376 переписал составленную им краткую тематическую опись всего его архива, где были отмечены и его семейные бумаги («19. Письма моей сестры Галлер и её мужа, моего брата и моей сестры Камерариус»; «22. Письма отца и матери»), а на с. 236 имеется отсылка на принадлежащие ему сочинения по вопросам церемониала. Все эти указания с несомненностью приводят нас к Теодору Годфруа (1580–1649 гг.), знаменитому французскому историку-архивисту, имевшему с 1617 г. должность историографа Франции, автору капитального труда «Французский церемониал» (1619 г.), публикатору ряда исторических сочинений.

Теодор Годфруа был сыном очень известного ученого-правоведа Дени Годфруа (1549–1622), который в 1579 г., перейдя в кальвинизм, эмигрировал в Женеву, а затем преподавал в Гейдельберге и Страсбурге, где и умер. Теодор проделал обратный путь: родившийся в Женеве, он в 1602 г. переехал в Париж и перешел в католичество, стал адвокатом при Парижском пар-

ламенте. Это дало ему возможность заняться архивистскими штудиями: Парижский парламент ведал главным государственным архивом («Сокровищница Хартий»), и Годфруа совместно с Пьером Дюпой в 1615–1626 гг. составлял его инвентарь. В октябре 1643 г. он был отправлен в Мюнстер в качестве эксперта при французской делегации на мирных переговорах, положивших конец Тридцатилетней войне, и умер там 5 октября 1649 г., не успев вернуться из этой командировки.

Коллекция Теодора Годфруа состояла почти исключительно из копий архивных документов и выписок из печатных книг. Уже его сын Дени (1615–1681) пополнил её очень многими оригинальными документами, и ныне коллекция Годфруа является необходимым дополнением к бумагам, хранящимся в Национальных библиотеках как Парижа, так и Санкт-Петербурга.

Коллекция Годфруа хранилась в их семействе до 1746 г., когда правнук Теодора продал её королевскому прокурору при Парижской ратуше Антуану Морию, который в 1759 г. завещал её Библиотеке ратуши. Вместе со всей этой библиотекой она была передана в 1797 г. в библиотеку Института (Академии) Франции, где и хранится ныне, имея в своем составе более 550 томов рукописных материалов. Итак, казанский манускрипт был составлен ещё в то время, когда коллекция Годфруа была их частным собранием.

Составлявший его копиист имел дело прежде всего с теми 14 томами из собрания копий Теодора Годфруа, которые были посвящены специально преступлениям «оскорбления величества» (Collection Godefroy, t. 109–122). Об их содержании можно судить по достаточно подробному каталогу коллекции, опубликованному в 1914 г. Ф. Жебленом⁴. После сличения нашей рукописи с этим каталогом можно с уверенностью заключить, что в ней с. 1–69 списаны с материалов т. 118; с. 123–201 и 214–367 – с т. 119; с. 451–502 и 582–597 – с т. 116 коллекции Годфруа: во всех этих случаях мы имеем дело с одинаковым подбором копий, расположенных в одинаковом порядке.

К сожалению, нельзя сказать ничего о том, кто мог быть заказчиком копирования. Ещё будучи частной, коллекция Годфруа была широко известна и популярна, так что заказать копии с её материалов, посвященных такому увлекательному сюжету как история политических заговоров, мог из чистой

⁴ Gebelin F. Collection Godefroy. Catalogue. Paris, 1914. 949 p.

любопытности кто угодно. Не обладая ценностью уникального источника, казанская рукопись является наглядным свидетельством этой популярности.

Добавлю в порядке *post scriptum*, что скромное собрание западных рукописей библиотеки Казанского университета после революции практически не пополнилось. Из него лишь исчез отмеченный в дореволюционных описаниях сборник копий актов шведских королей, относящихся к Прибалтике, в основном второй половины XVII в. («*Königliche Schwedische Revisions-Verordnungen*», 130 р.), зато появились шведскоязычные оригиналы двух небольших писем шведских монархов: Карла XI полковнику Ремберту фон Функену от 21 февраля 1684 г. и Карла XII коменданту Нарвы генерал-майору Горну от 25 мая 1701 г.; последнее письмо может представить интерес для истории Северной войны.

ВСТРЕЧА С ЗАБЛУДИВШЕЙСЯ КНИГОЙ:

«Трактат о порохе»

Ж.-Б. Дешьена де Рессона.

Авторская рукопись 1719–1720 гг.*

Ещё в 1980-х годах мой друг, ныне покойный И.Н. Осинковский, увлечённый коллекционер старых рукописей, подарил мне большой французский фолиант, на корешке которого имеется наклейка с тиснёной золотом надписью «*Recueil de M. de Turenne*» («Сборник [работ] месье де Тюренна». Никаких библиотечных или частновладельческих помет рукопись не имеет, так что история её странствий была и остаётся неизвестной.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что этот фолиант является конволютом, объединившим под одним переплётком две совершенно разные работы. Из них на первом месте действительно стоит исполненная парадным курсивом второй половины XVIII в. копия «Записок о войне» прославленного французского полководца главного маршала Анри де Тюренна (1611–1675); здесь им дано заглавие «*Instructions militaires*» («Военные наставления»). После сличения выяснилось, что эта копия была снята, при небольшой редакторской правке, с первого издания работы 1738 г., напечатанного по рукописи из личного архива Тюренна¹.

Гораздо больший интерес вызывал второй трактат, который, как стало ясно при беглом просмотре, судя по упоминаемым в нем датам, никак не мог принадлежать Тюренну, чего явно не знал составитель конволюта. Исходя из содержания, можно было бы назвать его «Трактат о селитре, порохе и огнестрельном оружии». Он содержит 150 листов *in-folio*, но титульный лист и указание на имя автора отсутствуют. Между тем

* Découvert à Moscou: Le traité inédit d'un académicien des sciences de Paris sur les poudres (1720) // *Revue d'histoire des sciences*. 1998. Vol. 51. N 1. P. 145–149. (Краткая версия.)

¹ *Memoires sur la guerre tirés des originaux de M. de Turenne... Partie 1re*. A La Haye, chez Pierre Gosse, 1738.

текст наполнен авторской правкой, из которой видно, что он предназначался к печатанию: отмечены даже места для многочисленных иллюстраций, от помещения которых автору вскоре пришлось отказаться. Легко определяется дата написания текста: между 28 апреля 1719 г. (упомянутая в нем дата проведения одного эксперимента) и 7 июня 1720 г. (дата отставки хранителя печатей Франции Марка-Рене д'Аржансона, которого наш автор именует этим титулом).

Оставалось узнать имя автора и установить, был ли его труд напечатан. К счастью, он сам оставил свой след, упомянув о том, что в 1716 г. он подал в парижскую Академию Наук статью о «методах успешного бомбометания», предназначавшуюся для публикации в «Записках» Академии; он дословно включил этот текст в свою книгу, полагая, что она будет дешевле академического издания и тем доступнее для простых артиллеристов. Оказалось, что статья о бомбометании, действительно, была опубликована²; найдя её, я узнал имя: Дешьен де Рессон.

Небольшая заметка о нем во «Французском биографическом словаре»³ дает основные вехи его жизни. Жан-Батист Дешьен де Рессон (1660–1735) родился 24 июня 1660 г. в Шалоне-на-Марне, с молодых лет служил в армии, но в 1683 г. перешел во флот, был капитаном корабля; в 1704 г. перешел в сухопутную армию в чине генерал-лейтенанта артиллерии. В 1716 г. был избран в Академию Наук в качестве «свободно ассоциированного члена» («*associé libre*») – т.е. он не был приписан ни к одному из шести отделений Академии (геометрия, астрономия, механика, анатомия, химия, ботаника), что соответствовало широте его интересов: кроме артиллерии, он активно занимался, как ни странно, садоводством и печатал в академических изданиях статьи на эту тему. Скончался 31 января 1735 г.

Как член Академии Наук Дешьен де Рессон имел право на официальный некролог в академическом издании. Он и был написан прославившим этот жанр постоянным секретарем академии знаменитым Бернаром Фонтенелем (1657–1757), который лично знал нашего героя в последние годы его жизни, но

² *Deschiens de Ressons. Méthode pour tirer les bombes avec succes // Mémoires de l'Académie royale des sciences 1716. Paris, 1718. P. 79–86*). Статья помечена датой 24 марта 1716 г. и соответствует тексту в нашей рукописи (л. 58–64). В 1846 г. она была переиздана под тем же заглавием (Paris, Corrèard, 1846; in-8°, III-9 p.).

³ *Dictionnaire de biographie française. Fasc. 60. Paris, 1965. Col. 1288.*

был плохо осведомлен о его ранней биографии⁴. Поэтому его некролог зачастую весьма неточен; между тем именно он был единственным источником для автора статьи во «Французском биографическом словаре».

Особенно романтизированным выглядит рассказ о юности Жана-Батиста. Он был, – пишет Фонтенель, – сыном очень богатого человека Пьера Дешьена, имевшего должность королевского секретаря (иными словами, он был финансистом, – именно они охотно скупали эти должности, дававшие потомственное дворянство). Дешьен-отец будто бы хотел, чтобы сын занялся каким-либо доходным делом, но Жан-Батист в семнадцать лет ушел из дома и поступил в роту «черных мушкетеров»⁵ (?! – совершенно невероятно, чтобы юнец незнатного происхождения легко и сразу пробился в ряды королевских мушкетеров). Оттуда он был насильно возвращен в родительский дом, вскоре бежал вторично, вступил в Шампанский полк (один из шести старых, привилегированных королевских пехотных полков) и стал там лейтенантом. Заметим, что наш герой был шампанцем по рождению и что должность лейтенанта была продажной, так что явно не обошлось без отцовских денег: Пьер Дешьен вряд ли был так уж враждебен к военной карьере сына, понимая, что она укрепляет дворянский статус его рода. В 1683 г. Жан-Батист перешел из сухопутной армии во флот (по Фонтенелю, это был его третий побег подальше от семьи, после того как отец вернул его домой из Шампанского полка). Рациональным зерном в этих рассказах может быть общее представление о порывистом, деятельном характере молодого Дешьена.

Мне удалось найти в одном из парижских нотариальных регистров копию акта о крещении Жана-Батиста⁶, состоявшемся 11 сентября 1662 г. уже не в Шалоне, где он родился, а в Париже, в большой церкви Сент-Эсташ, приходской церкви его матери. Отец младенца именуется там «мэтр Пьер Дешьен,

⁴ *Fontenelle B. Éloge de M. de Ressons // Histoire de l'Académie royale des sciences 1735. Paris, 1738. P. 105–108; Idem. Œuvres complètes. T. I. Paris, 1818. P. 481–484.*

⁵ Вторая рота конных королевских мушкетеров, созданная в 1660 г. (первая рота, которой ранее командовал д'Артаньян, именовалась «серыми мушкетерами», по цвету попон лошадей).

⁶ AN. Minutier central. Etude XX. N 416. Эта копия прилагается к акту от 17 февраля 1702 г. о покупке Пьером Дешьеном пожизненной ренты для своего сына Жана-Батиста.

королевский советник, контролер финансов в Шампани». Итак, он начинал как финансист провинциального уровня, обладатель должности одного из контролеров при финансовом бюро Шампанского генеральства (центром генеральства был как раз Шалон-на-Марне). Он ещё не королевский секретарь (т.е. не дворянин) и не имеет сеньорий, но уже получил несообразный с его должностью почётный ранг королевского советника, а это значит, что у него был влиятельный покровитель. Есть сведения, что им был сам сюринтендант финансов Никола Фуке, но после его ареста Пьер Дешьен дал следственной комиссии желательные показания против бывшего патрона и тем заслужил милость нового главы финансового ведомства Кольбера, войдя в его «команду». Его женой, матерью нашего героя была «дамуазель Мари Морисе» (или Моризе) из семьи крупных финансистов, жившая в Париже на rue de Mail; этот дом стал семейной резиденцией Дешьенов. Оба крестных также принадлежали к миру финансизма: королевский секретарь и жена контролера рент Парижской ратуши.

В октябре 1668 г. служащий (*commis*) Кольбера Пьер Дешьен стал фигурантом возбужденного против него как взяточника судебного процесса, начатого после получения королём анонимного доноса⁷. Кольбер очень чувствительно относился к обвинениям его служащих в коррупции – обвинениям, которые могли распространиться и на него самого. Он демонстративно громко возмущался, устроил громкий процесс в подконтрольном ему Суде королевских докладчиков, изъяв дело из ведения парламента, но приговор оказался смягченным. Уличенный в тайном получении от откупщиков генерального откупа эда (акциза) в течение пяти лет ежегодной ренты в 12 тыс. ливров, Пьер Дешьен был приговорен к штрафу и возврату всего незаконно полученного; после выплаты им этой суммы он был освобожден из тюрьмы. Разумеется, он не разорился: не в обычае Кольбера было оставлять провинившихся клиентов своим попечением. В нотариальном акте 1702 г. он именуется дворянским титулом шевалье де Валькур – и, конечно, королевским секретарем.

Фонтенель сообщает имя жены нашего героя, Анн-Катрин Беррье, но, к сожалению, без указания даты брака. Она была

внучкой ближайшего подручного Кольбера Луи Беррье (1616–1686), ставшего графом де Лаферрьер, в свое время также публично ошельмованного за фальсификацию документов на процессе Фуке. Члены обширной кольберовской клиентелы старались держаться вместе.

Поэтому совершенно естественным выглядит переход Жана-Батиста во флот в 1683 г. Госсекретариат, ведавший военноморским флотом, возглавлялся Кольбером, а после его смерти старшим сыном министра маркизом де Сеньелэ (1651–1690), умелым организатором, унаследовавшим отцовскую работоспособность. Похоже, что госсекретарь сразу же взял под особую опеку талантливого молодого человека; факты этой опеки упоминаются в нашей рукописи. Так, уже в 1683 г. Сеньелэ поручает ему участвовать под началом опытного моряка Ж.-Б. де Пуэн-ти в проверке практической пригодности одного сомнительного новшества в области артиллерии (наша рукопись, л. 82–83). Затем Дешьен был отправлен на постоянное место службы в Прованс в Прованс, там он на опытах изучает различные свойства пороха с помощью поставщика пороха съера Боккони; вскоре он получает должность ординарного комиссара артиллерии, организует поставки пороха, следя за его качеством, и сам начинает проявлять свои таланты изобретателя: его проект усовершенствования мортир на предназначенных для бомбометания галиотах был признан удачным (рукопись, л. 97).

Его непосредственным начальником был Пьер Ландуйет де Ложивьер, недавно одворянившийся потомственный литейщик пушек. После его трагической гибели в апреле 1690 г. при одном из испытаний орудий Дешьен (свидетель этого события, описанного в нашей рукописи) получил исполняющую Ложивьером должность главного комиссара артиллерии Средиземноморского флота; эту влиятельную должность ему предстояло исполнять в течение почти пятнадцати лет, – факт не отмеченный Фонтенелем, который воспринимал Дешьена как капитана отдельного корабля, каковым он якобы стал в 1693 г. На самом деле эта дата была, видимо, проставлена в патенте на получение звания «капитана королевских кораблей» (так он именуется и в нотариальном акте 1702 г.), которое примерно соответствует нашему званию капитана первого ранга. Самостоятельно на подчиненном ему корабле Дешьен выходил в море только один раз, в кампанию 1702 г., о чем будет сказано ниже. Но в общих походах тулонской эскадры он в качестве комиссара артилле-

⁷ О деле Пьера Дешьена см.: Archives de la Bastille. Т. III. Genève, 1975. P. 64–65; Ormesson O. d'. Journal. Т II. Paris, 1861. P. 557, 560; Saint-Maurice Th.Fr. Lettres sur la cour de Louis XIV, 1667–1670. Paris, 1910. P. 241–242, 250–251.

рии участвовал постоянно; сам он пишет о своей роли в организации бомбардировок Алжира, Триполи, Генуи, Ниццы, Аликанте, Барселоны...

В делах старого архива Министерства флота (ныне в Национальном архиве) неоднократно упоминается о рационализаторских предложениях и изобретениях Дешьена. Он полон воодушевления, и Сеньелэ подчас приходится его сдерживать: в сентябре 1690 г., когда в обстановке начавшейся большой войны Дешьен запросил разрешения на поездку ко двору дабы информировать министра о своих новых предложениях по части артиллерии, он получил отказ со строгим напоминанием: «Нынешняя ситуация не позволяет думать ни о чем, кроме быстрого исполнения распоряжений о снаряжении флота к предстоящей кампании, и именно этим вы должны заниматься»⁸.

После смерти Сеньелэ (3 ноября 1690 г.) Дешьен находится под покровительством сменивших его госсекретарей флота отца и сына Поншартренов. В 1694 г. он становится кавалером только что учрежденного королевского военного ордена Святого Людовика (уже в старости, в 1730 г. он получит более высокий ранг командора этого ордена). И все же он начинает тяготиться положением подчиненного и завистью сослуживцев, ему хочется почувствовать себя независимым командиром, и в конце 1701 г., когда началась Война за испанское наследство, кавалер де Рессон испрашивает передачу себе отдельного фрегата для самостоятельного крейсирования⁹.

Занявшись вольным каперством в Адриатическом море, наш герой обстреливает принадлежащий имперцам Триест и захватывает один венецианский торговый корабль с грузом зерна, по бумагам предназначавшегося для венецианской Далмации, но фактически — для имперских владений. В большой войне Венеция формально соблюдала нейтралитет, хотя и явно симпатизировала противникам Франции. Нарушение её нейтрального статуса было налицо, и венецианский посол заявил протест. Министр флота Жером де Поншартрен пытался заступиться за подчиненного перед министром иностранных дел де Торси¹⁰, да и король вначале думал оставить жалобу без внимания, но венецианец был настойчив. В конце концов Людовик XIV решил, что

⁸ AN. A. Mar. B/2, 75. F. 284v (письмо Сеньелэ от 18 сентября 1690 г.).

⁹ Ibid. B/3, 114. F. 34–37 (благодарственное письмо Дешьена Поншартрену от 2 октября 1701 г.).

¹⁰ Ibid. B/2, 171. F. 199–200 (письмо от 21 февраля 1703 г.).

надо дать какое-то удовлетворение Венеции, и 18 июля 1703 г. был отправлен приказ монарха арестовать съёра де Рессона и содержать его под стражей в течение двух недель в цитадели Тулона¹¹. Вместо славного подвига — двухнедельная гауптвахта... Самостоятельное плавание ему больше не разрешают, и в конце 1704 г. Дешьен оставляет флот и должность главного комиссара артиллерии, перейдя в сухопутную армию, где его принимает под свое покровительство имевший сан главного начальника артиллерии любимый побочный сын короля герцог дю Мэн. Наш герой становится тогда генералом: специально для него создается новая, десятая должность генерал-лейтенанта артиллерии.

Вполне вероятно, что его переход в сухопутную армию объяснялся не только личной обидой и карьерными соображениями, но и патриотическим долгом: 13 августа 1704 г. французская армия была разгромлена при Бленхейме в Баварии, в войне наступил перелом, французам пришлось перейти к тяжелой обороне. В том же августе 1704 г. англичане захватили Гибралтар и прочно в нем обосновались, попытки французов выбить их оттуда оказались безуспешными, после чего действия французской средиземноморской эскадры стали весьма осторожными и пассивными.

В действующей армии Дешьен находился до окончания войны в 1713 г. Уйдя в мирную жизнь, он стал в 1716 г. членом Академии наук и активно работал в ней примерно до 1720 г., когда он перестал посещать академические заседания.

Даже в некрологе Дешьена Фонтенель не мог не упомянуть об острой критике, которой тот подвергся со стороны академиков. «У него были причудливые идеи насчет селитры. Он извлекал её из различных растений и предполагал, что сможет таким образом получить селитру лучшего состава и более дешевую, чем обычная... Академия, привычная к острым дискуссиям, высказала ему возражения, которым она сумела придать всю возможную силу». После этого «он перестал участвовать в сражениях такого рода, к которым был недостаточно подготовлен», и его главный труд остался неизданным. «После него остался большой рукописный труд о селитре и порохе», — пишет Фонтенель¹², — и очевидно, что речь идет именно о нашей рукописи.

¹¹ Ibid. B/2, 172. F. 47.

¹² Fontenelle B. Éloge de M. de Ressons. P. 107. Это важнейшее свидетельство о неизданной рукописи Дешьена не было замечено автором статьи о нем в «Dictionnaire de bibliographie française».

Неизданная при жизни автора, она так и осталась неопубликованной: алфавитные каталоги французской Национальной библиотеки и американской Библиотеки Конгресса отмечают наличие только одного труда Дешьена – перепечатки академической статьи в 1846 г. (см. выше прим. 2).

После смерти Дешьена, по словам Фонтенеля, осталось двое детей, но ни имена, ни пол их им не указаны. Во всяком случае, уже ко времени составления конволюта замаскированная именем Тюренна рукопись находилась в чужих руках: внук уж, наверное, удостоил бы работу деда отдельного переплета.

После знакомства с ней приходится придти к выводу, что Фонтенель плохо понимал научную позицию героя некролога. Он воспринимал Дешьена как прожектера – но это совсем не так, весь трактат проникнут духом практицизма и скептицизма. Что касается проекта получения селитры из растений, сам Дешьен отрицает его практическую ценность. В 1714 г. именно такое предложение было выдвинуто Боккони, а наш автор проводил его официальную экспертизу, и экспертное заключение было отрицательным. «Мое заключение, – пишет он, – состояло в том, что новое открытие относится скорее к физике или к химии, что оно скорее любопытно, чем полезно; что в травах действительно содержится так много селитры, что это меня удивило; но расходы настолько превосходили бы выгоду, что все дело представляется мне не стоящим внимания» (рукопись, л. 3). Итак, истинные причины академической критики, видимо, были иными.

CONFESSION*

Доклад Хрущёва на XX съезде – это уже не «оттепель», а «весенний первый гром». Мне тогда ещё не было восемнадцати лет, я был всего лишь первокурсником, очень наивным юношей – и такой подарок к совершеннолетию! Олимп рухнул, восседавшие на нем боги оказались простыми людьми с несимпатичными слабостями. Мы были «потрясенным поколением» в самом точном смысле слова – и в таком возрасте юношеского идеализма, когда можно было все передумать «до основания» и не поздно было принять девиз «береги честь смолоду». У нас, первокурсников, не было желаний обсуждать услышанное большой компанией: как-то чувствовалось, что это потрясение каждый должен пережить самостоятельно. Сказано: думайте сами, ну и будем думать сами. Кто-то вообще не поверил Хрущёву (кто он такой по сравнению со Сталиным?), кто-то, наоборот, мысля старыми категориями, спрашивал, не нужно ли объявить Сталина врагом народа; были индивидуальные акции политического характера, сразу же караемые (развешивание листовок, призыв заступиться за их арестованного автора); кто-то, может быть, получил прививку полезного в жизни цинизма. Но трагического восприятия не было: мы были молоды, жизнь впереди была такая длинная, началась с такого чуда – и что-то ещё будет (и ведь, действительно, случилось непредставимое).

* Текст из архива В.Н. Малова. Последнее изменение в него было внесено 20 февраля 2017 г. Как выяснилось, он содержит ответы на вопросы, направленные С.И. Лучицкой 8 февраля 2017 г.: их публикацией альманах «Одиссей» готовился отметить 80-летие В.Н. В обнаруженном нами варианте некоторые вопросы отсутствуют, а остальные записаны в сокращенном виде и выглядят как вопросы, заданные самому себе. – *Прим. ред.*

А в характере учебного процесса изменений не было (только что сталинские цитаты сразу исчезли) — преподаватели были ошарашены, политическая ситуация была неустойчива и все время колебалась, так что слишком велика оказалась сила инерции. Мне запомнилась одна факультетская дискуссия (кажется, на третьем курсе, когда я приписался к кафедре новой истории) о роли «средних слоев» в современном капиталистическом обществе, — но это была уже контратака консерваторов. Дискуссия вылилась в противостояние «новистов» и членов кафедры истории партии, которые узрели опасную ересь (нас ведь до конца убеждали в непоколебимости марксова тезиса об абсолютном обнищании пролетариата). Помню, как один из «партийцев» сказал оппонентам: «Вы тут языки знаете, иностранных авторов читаете — вот и дочитались». Тогда «мы» ушли с заседания, а «они» уже без нас приняли какую-то резолюцию.

Своим главным учителем я считаю Александру Дмитриевну Люблинскую. Она познакомила меня с ленинградскими западными рукописями, дала очень удачную тему диссертации (она и для нее была новой) — и она же обратила мое внимание на труды французских историков школы «Анналов». Она «благословила» мое намерение выбрать для докторской тему Кольбера, и моя книга о Кольбере посвящена её памяти. А.Д. умела, соглашаясь со мной, отказываться от своих построений (как было с моей первой статьей о происхождении коллекции Ламуаньона), но могла и удержать меня от поспешного выхода в обобщения, когда чувствовала, что я ещё «не хозяин» темы. Сама она стремилась, насколько возможно, уходить от абстракций к конкретным, дифференцированным суждениям; в этом смысле я считаю её лучшей книгой появившуюся за два года до смерти монографию о французских крестьянах. У меня никогда не было с ней особых разногласий (хотя я, вообще говоря, склонен искать ошибки у учителей, опасаясь попасть в эпигоны, — ушел же я от первого учителя, Б.Ф. Поршнева).

Выбор латинской палеографии был определен не только мной. Была заявка от Института истории на место очного аспиранта для сектора истории Средних веков именно по этой специальности: была потребность в палеографе-латинисте именно для Москвы, где достаточно западных рукописей (и среди них введенная в оборот А.Д. Люблинской коллекция Ламуаньона), которыми никто не занимался. Это место активно пробиwала Н.А. Сидорова, которая обратила на меня внимание ещё

в университете после моей курсовой работы о государствах крестоносцев. Но представившаяся вдруг возможность стать специалистом по палеографии совпала с моим сложившимся ещё в студенческие годы стремлением приобрести некие специальные знания — а палеография была ключом к работе с рукописными источниками и давала, вместе с престижем, защиту от критики профанов. Переход в медиевисты был для меня «большим скачком»: после университета я больше года работал в секторе рабочего движения ИМЭМО, и меня там ценили, я чуть было не стал специалистом по Бельгии и даже успел опубликовать статью о, кстати, случившейся бельгийской забастовке 1961 г. Там была очень хорошая библиотека, — но, конечно, действовал принцип: «читай что хочешь — пиши что надо». В общем, в конце 1961 г. я прошел, как сейчас говорят, «точку бифуркации».

К этому нужно добавить: я по характеру не мог бы, наподобие Сильвестра Боннара¹, сидеть всю жизнь на узкой теме — наоборот, изначально меня тянуло к построению широких исторических схем (недаром же я сначала пошел к Поршневу). Так что, становясь палеографом, я выбирал для себя ещё и «дрессуру», прививку от верхоглядства. К счастью, тема диссертации, посвященной письму французских документов XV—XVIII вв., давала хорошие возможности совместить точность с широкой обобщений.

Палеография считалась — и сейчас считается — одной из вспомогательных (или, деликатнее, специальных) исторических дисциплин. Те, кто так считают, полагают, что главное для палеографа — накопить в памяти как можно больше значков-графем для отдельных букв, сокращений и т.п. Столкнувшись с непонятным написанием, такой палеограф бросается на чердак своей памяти, лихорадочно там роется и если сразу не находит что нужно, может растеряться: он не привык думать, представлять возможную эволюцию форм, отделять главное от второстепенного. Ленинградская «школа А.Д. Люблинской»

¹ Герой романа А. Франса «Преступление Сильвестра Боннара» (1881), эрудит, занимающийся изучением средневековых рукописей, проводящий жизнь за письменным столом, в замкнутом мире, обособленном от «вульгарной» повседневности. М. Блок упоминает о нем во введении к «Апологии истории»: «он... достоин занять место патрона, цехового святого целой группы историков, бывших примерно духовными современниками его биографа: добросовестных тружеников, но с несколько коротким дыханием». — *Прим. ред.*

смотрела шире: она видела в палеографии историю письма — науку со своими законами развития, многообразными связями с историей культуры и общества (как, например, искусствоведение — ведь и сама каллиграфия считалась престижным видом искусства). Мне было тем легче стать на эту точку зрения, что с XVI в. получили массовое распространение печатные учебники письма с наставлениями и гравированные прописи — появилась надежная возможность сопоставлять теорию с практикой. Во Франции теоретическое изучение палеографии по традиции кончается с XV веком, для более позднего времени издаются альбомы с транскрипциями — у меня же получился именно набросок истории письма, и было ощущение простора при полной свободе от предшественников.

О герцоге Сен-Симоне: я не выбирал его как предмет исследования, скорее он меня выбрал. Просто издательство «Ладомир», горя желанием полностью издать перевод «Мемуаров», просило меня взять на себя научное редактирование, и я согласился, не представляя себе всей сложности дела — а когда понял, отказаться было уже нельзя: переводчиком была проделана большая работа, а редактировать её и писать комментарии никто кроме меня бы не взялся. А неожиданные стороны его личности действительно раскрылись: у нас его напрасно изображали безнадежным реакционером и даже каким-то политическим динозавром из эпохи феодальной раздробленности. Он был гораздо сложнее, понимал необходимость реформ, «обратной связи» власти и общества, важность свободы слова и мысли — но современники запомнили только его «зацикленность» на привилегиях герцогов-пэров: для него было очень важно сохранение сословной чести и личного достоинства. Не будучи противником абсолютной монархии ни справа, ни тем более слева, он мысленно создавал абсолютистскую утопию реформы государственного строя, желая покончить с бюрократией и хозяйничаньем финансистов, но был достаточно умен чтобы понять рискованность этих утопических планов. Так что я стараюсь относиться к нему доброжелательно, как и ко всем героям моих сочинений, у которых была своя правда.

«Что значит история Франции в Вашей жизни?» — Если совсем просто — основную специализацию. Но если в вопросе есть нечто метафизическое, на него трудно ответить рационально. Гоголевский герой, находясь в иррациональном состоянии, открыл, что Испания значит то же, что Китай; столь же ирра-

ционально можно сказать, что если написать «Франция», то и выйдет «Россия». Очень много общего в исторических судьбах, прямо зеркальное отражение, только в других масштабах. Франция дала миру не только слово «баррикады», но и слово «бюрократия» — мы переняли и то, и другое.

«Какой из своих трудов Вы считаете самым лучшим?» — Не хотелось бы обижать ни один, я учредил бы несколько премий. Например: 1) за необычность — книга по истории письма; 2) за трудность и важность — книга о Кольбере; 3) за полноту удовлетворения — книга о Фронде; 4) «бонус-сюрприз» — книга об Орлеане; 5) за увлеченность темой — статья о корреляции хлебных цен; 6) и, наконец, «премия имени Сильвестра Боннара» — за статьи по истории коллекции Ламуаньона и её полный каталог.

«Как бы Вы сами оценили свой вклад в изучение истории этой страны?» — Минимум на французский орден «Академические Пальмы» — но его у меня нет. Вопрос провоцирует на выход за рамки скромности.

«Перспективы дальнейших исследований?» — Возвращаюсь к серьезному тону и отвечаю только за «мой» XVII век. Здесь была бы очень важна книга о католической реформе и янсенизме, но эту тему у нас не поднять из-за полного отсутствия литературы: никто из наших историков ни до, ни после революции не интересовался специально историей французской Церкви. Тут нужно, чтобы кто-нибудь засел во Франции на год и погрузился в чтение богословских трудов хотя бы основных авторов.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В.Н. МАЛОВА

Книги

1. Происхождение современного письма (Палеография французских документов конца XV–XVIII вв.). М.: Наука, 1975. 200 с.
2. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991. 240 с.
3. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.). Описание документов. Выпуск I. М.: Археографический центр, 1997, 224 с. (Вып. совм. с И.С. Шарковой).
4. Парламентская Фронда. Франция 1643–1653. М.: Наука, 2009, 497 с.
5. Орлеан и его окрестности в XVI–XVIII вв. (по коллекции орлеанских грамот в ОПИ ГИМ). М.; ИВИ РАН, 2015. 127 с.

Ответственное редактирование, научное редактирование переводов

6. Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. М., 1985. 675 с. (депонировано в ИНИОН АН СССР. № 20448) (совм. с А.Д. Люблинской).
7. Блюш Ф. Людовик XIV / Пер. с франц. Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова. М., 1998. 815 с.
8. Беляев М.П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира. Из истории Вестфальского мирного конгресса (1644–1648). М.: [б. и.], 2000. 110 с.
9. Сен-Симон. Мемуары. 1691–1701 / Изд. подг. В.Н. Малов, М.В. Добродеева, Л.А. Сифурова. М.: Ладомир, 2007. 992 с., илл. (Литературные памятники).
10. Сен-Симон. Мемуары. 1701–1707: в 3 кн. / Изд. подг. М.В. Добродеева, В.Н. Малов, Л.А. Сифурова, Е.Э. Юрчик. М.: Ладомир, 2016. 472 с., илл.; 656 с., илл.; 592 с. (Литературные памятники).

Статьи и другие публикации

11. Развитие французского письма XVI–XVIII вв. по каллиграфическим источникам // Средние века. 1965. Вып. 27. С. 158–181.

12. Французские государственные секретари в XVI–XVII вв. (К вопросу о значении данных палеографии для административной истории) // Средние века. 1966. Вып. 29. С. 267–275.
13. Франция и Португалия перед португальской революцией 1640 г. (Документы из архива Ришелье в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина) // Средние века. 1971. Вып. 33. С. 324–339.
14. А.Д. Люблинская – историк-медиевист // Средние века. 1972. Вып. 35. С. 3–14 (совм. с Ю.Л. Бессмертным).
15. Исследования по латинской палеографии в СССР в 1940-х – 1970-х гг. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР / Отв. ред. А.Д. Люблинская. М.: Наука, 1974. С. 273–281.
16. Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1975 год. М.: Наука, 1976. С. 55–69.
17. Les archives d'un secrétaire d'État de Henri II retrouvées à Moscou // ВЕС. 1977. Т. 135. Livraison 2. P. 313–339.
18. Каллиграфия и ренессансное сознание // Типология и периодизация культуры Возрождения / Под ред. В.И. Рутенбурга. М.: Наука, 1978. С. 169–174.
19. Documenti per la storia delle guerre italiane del XVI secolo in un Archivio di Mosca // Rassegna sovietica. 1979. N 5. P. 85–95.
20. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) // Французский ежегодник 1978. М.: Наука, 1980. С. 277–278.
21. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII–XIX веках (Опыт корреляционного анализа) // Французский ежегодник 1979. М.: Наука, 1981. С. 188–212.
22. Gli studi di paleografia latina in Russia dal 1940 agli anni settanta // Archivi e cultura: rassegna dell'Associazione nazionale archivistica italiana. T. XIV (1980). Roma, 1981. P. 17–31.
23. Проект монастырской реформы Кольбера // Французский ежегодник 1982. М.: Наука, 1984. С. 101–119.
24. Le projet colbertiste de la réforme monastique // Un nouveau Colbert. Actes du colloque pour le tricentenaire de la mort de Colbert / Organisé par le Ministre délégué à la Culture représenté par M. le Professeur J. Favier...; sous la dir. de R. Mousnier. Paris: SEDES, 1985. P. 167–176.
25. Был ли «кризис XVII века»? // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 72–78.
26. Итальянская школа латинской палеографии и теория Маллона – Маришала // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Вып. XVII. С. 321–342.
27. Фронда // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 76–87.
28. Lettres inédites du cardinal François de Tournon (juin – décembre 1552) // ВЕС. 1987. Т. 145. Livraison 1. P. 129–161.
29. 5 Кольбер в историографии. М., 1989. 50 с. (депонировано в ИНИОН АН СССР. № 37201).
30. Торгово-промышленная политика Кольбера. М., 1989. 111 с. (депонировано в ИНИОН АН СССР. № 37200).
31. Прошлые и нынешние взгляды на деятельность Ж.-Б. Кольбера // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 204–221.

32. Московский архив монсеньера Буажелена // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 132–154.
33. Письма Кольбера к Сегье из коллекции Дубровского в ГПБ // Средние века. 1993. Вып. 56. 1993. С. 191–205.
34. Введение к части пятой «Международные отношения» // История Европы в восьми томах. Т. 3. М.: Наука, 1993. С. 385–388 (совм. с Б.Н. Флорей).
35. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV–XVI в. в Западной Европе // Там же. С. 388–410.
36. Фронда // История Европы в восьми томах. Т. 4. М.: Наука, 1994. С. 42–54.
37. Европа в системе мировой торговли XVII века // Там же. С. 90–95.
38. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века // Там же. С. 138–179.
39. Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 152–169.
40. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона // Средние века. 1997. Вып. 59. С. 169–195.
41. Регистры кольберовского госсекретариата флота в Национальной Российской библиотеке // Европа: XVII век. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 184–191.
42. Западноевропейские рукописи в провинции: грамоты Ростовского музея // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени. М., 1997. № 8. С. 36–37.
43. Découvert à Moscou: Le traité inédit d'un académicien des sciences de Paris sur les poudres (1720) // Revue d'histoire des sciences. 1998. Vol. 51. N 1. P. 145–149.
44. Латинские грамоты Ростовского музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. IX. С. 166–169.
45. Представительные собрания и парламенты во Франции Старого порядка // Из истории европейского парламентаризма: Франция / Отв. ред. С.П. Пожарская. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 15–22.
46. Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века (1619–1683) // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 97–109.
47. Западноевропейские рукописи в провинции: казанский сборник // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 2000. № 10–11. С. 3–4.
48. Западные рукописи в провинции: книга ламанчского идалго из Иваново // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 2000. № 12. С. 28–29.
49. Западные рукописи в провинции: польские судебные книги Ярославского архива // Там же. С. 30–31.
50. Du nouveau sur l'histoire de la collection Lamoignon // ВЕС. 2000. Т. 158. Livraison 2. P. 557–563.
51. Новое о коллекции Ламуаньона: итоги каталогизации // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. Памяти А.Д. и В.С. Люблинских. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 267–274.

52. Новый источник: регистры дарений Карла IX // Французский ежегодник 2001. М.: УРСС, 2001. С. 89–96.
53. Западные рукописи в провинциальных хранилищах России // Археографический ежегодник 2000. М.: Наука, 2001. С. 340–347.
54. Алжир и Франция в XVI веке: новый документ о янычарском мятеже 1557 года // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 72–81.
55. С тоской и благодарностью [Памяти Г.С. Чертковой] – Французский ежегодник 2002. М.: УРСС, 2002. С. 3–6.
56. Дютье – Рибье – Ламуаньон: новое о коллекции Ламуаньона – Археографический ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 329–335.
57. Les registres moscovites des dons de Charles IX // Études sur l'ancienne France offertes en hommage à Michel Antoine / Textes réunis par V. Barbiche et Y.-M. Bercé. Paris, 2003. P. 235–242.
58. Текст латинских записей на бумажных макулатурных листах, подклеенных к оборотным сторонам крышек переплета // Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н. и др. Материалы и техника византийской рукописной книги (По реставрационной документации Государственного научно-исследовательского института реставрации). М.: Индрик, 2003. С. 192–193.
59. Герцог Сен-Симон: человек и писатель // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 196–215.
60. XVII век: время профессионализации // Человек XVII столетия. Сборник статей / Отв. ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкин. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 11–15.
61. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма – Французский ежегодник 2005. М.: УРСС, 2005. С. 86–128.
62. Герцог де Сен-Симон: человек и писатель // Сен-Симон. Мемуары 1691–1701 / Отв. ред. В.Н. Малов. М.: Ладомир, 2007. С. 707–729.
63. Papiers de Monseigneur de Boisgelin dans la Bibliothèque d'État de Russie // Annuaire-bulletin de la Société de l'Histoire de France. Année 2006. Paris, 2008. P. 81–108.
64. Польско-итальянские документы Рязанского архива // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 388–390.
65. Крах героического индивидуализма: «Софонисба» Пьера Корнеля // Одиссей. Человек в истории. Школа и образование в Средние века и Новое время. 2010/2011. М.: Наука, 2012. С. 242–267.
66. Западные рукописи в провинциальных хранилищах России: польско-итальянские документы Рязанского архива // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М.: Наука, 2012. С. 296–303.
67. Бумаги Флоримона Роберте в коллекции Ламуаньона // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2012. Вып. 73. № 3–4. С. 341–364.
68. Орлеанские грамоты в ОПИ ГИМ // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. II. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 392–395; То же // Палеография, кодикология и дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы

- Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва. 27–28 февраля 2013 г. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 199–201.
69. Международные отношения в Европе в конце XV–XVI веке // Всемирная история в шести томах. Т. 3 (Мир в раннее Новое время). М.: Наука, 2013. С. 308–325 (совм. с Б.Н. Флорей).
70. Тенденции развития государственности: абсолютизм // Там же. С. 482–492.
71. Европа и мир: экономическая конъюнктура // Там же. С. 493–500.
72. Международные отношения в XVII веке // Там же. С. 517–533.
73. Франция в XVII веке // Там же. С. 565–580.
74. Ипотечная рента и проблема устойчивости крестьянской собственности в области Орлеанэ (XVI – XVIII вв.) // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 86–96.
75. Песня о проверке дворянства (1664 год) // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 495–500.
76. Абсолютистская утопия Луи-Жеро де Кордемуа (1668) // Исторический опыт унификации: цели, идеи, воплощение. Материалы конференции. Москва, 18–19 июня 2018 / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 78–80.
77. Унификация воспитания – здоровое общество (абсолютистская утопия Луи-Жеро де Кордемуа) // Феномен унификации в истории / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 79–86.
78. Абсолютистская утопия Луи-Жеро де Кордемуа (1668) // Одиссей. Человек в истории. Святой и общество: конструирование святости в агиографии и социальной памяти. СПб.: Алетейя, 2019 (в печати).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ADL	Archives départementales du Loiret, Orléans
AN	Archives nationales, Paris
BEC	Bibliothèque de l'École des chartes: revue d'érudition, 1839–
BN	Bibliothèque nationale de France, Paris
CL	Коллекция Ламуаньона
RGALF	Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert... Paris: Belin–Leprieur; Plon, 1821–1833. 29 vol.
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
РГАДА (б. ЦГАДА)	Российский (б. Центральный) государственный архив древних актов, Москва
РГАЛИ (б. ЦГАЛИ)	Российский (б. Центральный) государственный архив литературы и искусства, Москва
РГБ (б. ГБЛ)	Российская государственная библиотека (бывшая Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), Москва
РНБ (б. ГПБ)	Российская национальная библиотека (бывшая Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), Санкт-Петербург

Научное издание

Владимир Николаевич Малов

ФРАНЦИЯ В РОССИИ:

Судьбы старых документов XVI–XVIII веков

Художник Е.А. Ильин
Верстка С.А. Голодко
Корректор Н.А. Самсонова

Подписано в печать 00.00.2019
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 19,0
Тираж XXX экз. Заказ

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>